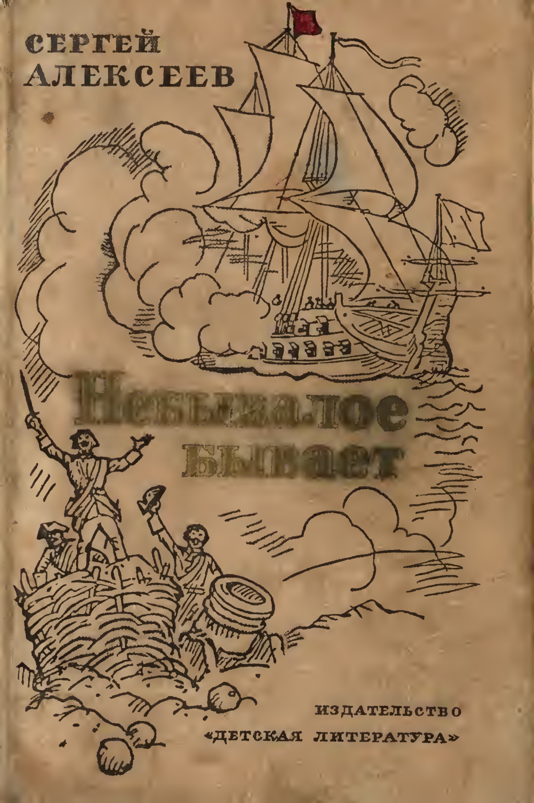

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ
Небывалое
бывает
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

Небывалое бывает

Избранные произведения

Москва
„Детская литература"
1 9 7 3

Р 2
А-47

А $\frac{0762-020}{101(03)73}$ 435—72

СОВРЕМЕННО!

(О книгах Сергея Алексеева)

Дети любят исторические повести и рассказы, как и школьные уроки истории. Это таит в себе некоторую опасность для педагога и писателя: очень легко пойти на поводу у «широкого спроса». Авторы, подбадриваемые успехом, подчас забывают, что история по-настоящему интересна и в высоком смысле полезна лишь тогда, когда «работает» на наше Сегодня и даже помогает заглянуть в завтрашний день, когда она воспитывает, обогащает нравственным и политическим опытом.

Сергей Алексеев пишет исторические повести и рассказы, заботясь о том, чтобы они рождали у юного читателя мысли и чувства, которые нужны ему сейчас, сегодня, и потому произведения эти поистине современны. В самом деле, в сотнях писем ребята сообщают о том, как они равняют свои сегодняшние поступки на неподкупность, одержимость в борьбе за правду, на мужество героев книг Сергея Алексеева, живших десятки лет тому назад.

Занимательность — обязательное требование той самой «специфики детской литературы», которую иные критики напрасно склонны считать «пресловутой». Пренебрежение к этому подчас жестоко мстит за себя: даже очень интересная и ценная, с точки зрения взрослых людей, книга подчас лежит нетронутым грузом на полках детских библиотек. С. Алексеев всегда учитывает обострённый интерес ребят к сюжету, к яркости и необычайности событий. Но он в то же время не позволяет себе беззастенчиво «эксплуатировать» этот особый ребячий интерес. Повести его не только привлекательны по форме, но прежде всего они весомы по содержанию.

Тонко и умно живописует автор образ Петра в повести «Небывалое бывает». Пётр на страницах его повести действительно Великий: он «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник». Но он ещё и царь-крепостник и царь-деспот, считающий, что для достижения поставленной цели все средства хороши. Историческая закономерность всех этих противоречий личности Петра не «объясняется» автором, а

раскрывается образно, и потому она доступна для читателей, которым всего-то от роду девять—одиннадцать лет (все исторические повести С. Алексеева доступны детям младшего возраста).

Это для них, для тех, кто ходит пока ещё в третий или четвёртый класс, нарисовал С. Алексеев в повести «История крепостного мальчика» трагическую и глубоко правдивую картину мученического положения крестьян в крепостнической России XVIII века. И вот поразительно: крепостной мальчик Митя Мышкин стал... получать письма от ребят-читателей. Они не только сочувствуют Мите, но и предлагают руку помощи! Так на отношении к событиям прошлого поверяются мысли и сердца наших сегодняшних мальчишек и девчонок.

За довольно непродолжительный срок литературного труда (первая повесть С. Алексеева была издана в 1958 году) писатель создал немало произведений для детей. В этой книге мы встретимся лишь с некоторыми из них, теми, которые относятся к более дальним событиям отечественной истории. О великом народном походе — крестьянской войне под руководством Степана Разина — узнают читатели из повести «Грозный всадник», с маленьким пугачёвцем Гришаткой Соколовым познакомятся в повести «Жизнь и смерть Гришатки Соколова», о мужестве русских солдат, о суворовских чудо-богатырях прочитают в «Рассказах о Суворове и русских солдатах». Картины великого народного подвига — события Отечественной войны 1812 года пройдут перед читателями в повести «Птица-слава».

Мастер исторической прозы Алексей Югов как-то воскликнул со страниц «Литературной газеты»: «Смелый автор, смелое издательство! — подумалось мне, когда я раскрыл книжку Сергея Алексеева «Небывалое бывает». — Пётр!.. Исполинская личность русской истории. И вдруг — для ребят, да ещё «младшего школьного»! Посмотрим, посмотрим!.. И — зачитался...»

Я тоже зачитался историческими повестями Сергея Алексеева. Зачитался, как мальчишка. И спасибо за это автору.

Приятно поздравить Сергея Алексеева с присуждением ему Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской за его рассказы из русской истории.

Сергей Михалков

Грозный всадник

Рассказы о Степане Разине, казаках и восставшем народе

— Разин, Разин, идёт!

— Степан Тимофеевич!

1670 год. Неспокойно в государстве Российском. В огромной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встрепенулся подневольный, угнетаемый люд. Крестьяне, казаки, башкиры, татары, мордва. Сотни их, великие тысячи.

Ведёт крестьянское войско лихой атаман, донской казак Степан Тимофеевич Разин.

— Слава Разину, слава!

О Степане Тимофеевиче Разине — народном полководце и вожде и написаны эти рассказы.

Читатель узнает о великом народном походе, о тех реформах, которые проводили разинцы в освобождённых городах и селениях, об организации войск восставших, об их планах будущего преобразования России.

Глава первая

КАК ГОРОДА БЕРУТ

КНЯЖЕСКИЙ КОНЬ

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись они на пригорок. Смотрят всадники — что за диво! Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха да сын-малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю.

Главный из них глянул суровым взглядом:

— Ты что же, твоя душа, людишек заместо скотины!

Смотрит крестьянин — перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зелёные сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Нагайка в руках кручёная.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода», — соображает мужик. Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

— Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекосилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину.

Мужик попятился, вскочил — и бежать с испуга.

— Да стой ты, леший, стой ты! Куда?! — раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

— На, забирай коня, — протянул человек мужику поводья.

Опешил крестьянин. Застыла жена и старуха мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин», — решает мужик. Стоит. Не шелохнётся.

— Бери же. Смотри, передумаю! — пригрозил человек. И пошёл себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался: обронил он случайно кисет с табаком.

— Всевышний, всевышний послал! — зашептал обалдело крестьянин.

Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался: да не колдовство ли всё это? Потянулся он к лошади. Конь и дёрнул его копытом.

Схватился мужик за побитое место.

— Настоящий! — взвыл от великого счастья. — Кто вы, откуда?! — бросился мужик к молодому парню.

— Люди залётные. Соколы вольные. Ветры весенние, — загадочно подмигнул молодец.

— Да за кого мне молиться? Кто же тот, в шапке, такой?!

— Разин. Степан Тимофеевич Разин! — уже с ходу прокричал верховой.

СТРАНА ИШПАГАНЬ

Степан Тимофеевич Разин родился на Дону в станице Зимовейской. Отец Степана, Тимофей Разя, воспитывал сына в казацких строгостях: будь честен, будь прям, друга не брось в беде, шапку не гни перед сильным. Вырос Разин статным, красивым, широкоплечим, широкогрудым. С малолетства сидел на коне как влитой. Кудри у Степана густы, как степные травы. Глаза чёрные. Словно чёрным огнём горят.

— Казак, казак, — говорил старый Разя, поглядывая на сына. — Кровью — казак, видом — казак. Береги, сынок, честь казацкую смолоду...

В 1667 году, собрав до тысячи таких же молодцев, как и он сам, Степан Тимофеевич Разин перешёл с Дона на Волгу, потом на Яик и отсюда Каспийским морем двинул в заморские страны. Часто тогда казаки уходили на поиск далёких, свободных земель. Там, за морями, искали счастье. Ходили походами в Турцию, в Персию. Персию называли «страна Ишпагань». В гости к персидским ханам и повёл своих казаков Разин.

Распустили паруса казацкие струги. С волны на волну, с волны на волну плывут они выводком лебединым. Всё дальше и дальше уходит родная земля. За каспийской волной скрывается.

Казаки — удалой народ. Не занимать им у смелых храбрости. Однако морской поход не прогулка в леса за ягодой.

— Что же ждёт нас в далёком краю?

— Как нас встретит страна Ишпагань?

— Суждено ли домой вернуться?

«Ишпагань, Ишпагань, — сам с собой рассуждает Разин. Стоит он на атаманском переднем струге. Смотрит на воду, на небо, в синюю даль.—«Ишпагань» — слово какое мудрёное».

Прошли казаки по Каспийскому морю. Побывали в Дербенте, в Ширване, в Баку. Есть в Персии город Решт, есть Фарабад, есть Астрабад. И здесь лихих донцов повидали. Сотни вёрст прошли казаки. Вступали с персами в жаркие схватки. Чуть не погибли, зимуя в чужом краю. С эскадрой персидской бились. Проявили и ум и геройство. Однако свободной земли не нашли. Правда, вернулись назад с добычей.

Качает Каспий стрелецкие струги. Гонит к дому попутный ветер.

«Ишпагань, Ишпагань,— сам с собой рассуждает Разин, — нет свободной земли на свете. Да и сто́ит ли счастье искать за тысячу вёрст от дома. Эх, скрутить бы боярство в своём краю! Людям бы хлеб и волю».

Дерзкие думы у Разина.

«Ишпагань, Ишпагань, — нет свободной земли на свете».

Вот и берег родной вдали. Чайки криком людей встречают.

ЧАЛМА

Вернулись казаки из похода. Стали на отдых в Астрахани. Уходили в персидские земли — жалко было на них смотреть. Обносились совсем казаки.

Рубахи и те не у каждого были. На одежонках дырка к дырке тогда лепилась.

Ну, а теперь глянешь на казаков — зарябит в глазах. Кто в кафтане суконном, кто в бархатном. Кто в лисьей шубе, кто в соболиной. Халаты почти у каждого — алые, жёлтые, вишнёвые, в малиновый цвет.

Август. Солнце палит пожаром. Пот ручьями льётся. Однако терпят лихие донцы. Ходят в кафтанах, халатах и шубах. Нарядом своим красуются.

При разделе персидской добычи Кривому Симошке досталась чалма. Чалма дорогая, шёлковая. Золотом, жемчугом шитая. И размером как раз на Симошку. Напялил на чуб свой казак чалму. Глянешь теперь на Симошку, словно это идёт не казак, а шествует важный турок.

Нравится Симошка себе в чалме. Народ на Симошку поразинувши рты глазеет. Следом мальчишки толпой бегут. Идёт Симошка, глазом кривым на людей косит, по-глупому как-то, по-заячьи улыбается.

Встретил дружка Гаврилу Большого — похвастал своей чалмой.

Встретил Любимку Непейвода — этому тоже чалмой похвастал.

— Золотом, жемчугом шитая, — объясняет любому Симошка. — Такая чалма стоит двести казацких шапок. Её до меня сам турецкий паша носил.

Гулял, расхаживал казак по улицам Астрахани и вдруг нос к носу столкнулся с Разиным.

Остановился Разин, посмотрел на необычный вид казака, на чалму, на кривой глаз, на глупую улыбку Симошки, ткнул пальцем, проговорил:

— Турок?

Опешил Симошка.

— Батюшка атаман, я же казак. Я же Симошка Кривой, — поспешно добавил.

— Что кривой — это вижу, — ответил Разин. — Кривой есть, казака же не вижу.

— Я же с Дону, батюшка Степан Тимофеевич. Мы же разом с тобой в Ишпагань ходили. Я же казак, казак, — уверяет Симошка.

— Не вижу, не вижу, — повторил Разин. Голос стал у него суровым.

Сообразил Симошка, в чём дело, не таким уж был глупым, скинул поспешно чалму.

Посмотрел Степан Тимофеевич на казака и снова сказал:

— Нет казака. Не вижу.

Ёкнуло тут у Кривого Симошки сердце. Показалось ему, что Разин потянулся к острой казацкой сабле.

«Ну как возьмёт зарубит!»

— Один минут! — закричал Симошка.

Рванулся он в сторону, к торговым рядам. Прошла минута — и впрямь вернулся. Нет у Симошки в руках чалмы. Смушковая шапка на голове.

Посмотрел Разин на шапку, усмехнулся:

— Ну, теперь вижу, что ты казак.

Расплылся в улыбке Симошка.

Сокрушался потом казак:

— Суров атаман, суров. И как я ему на глаза попался? Вдругорядь я бы за ту чалму выменял двести казацких шапок.

История с чалмой и другим послужила наукой. Скинули разинцы лисьи, собольи шубы. Вновь надели зипуны и казацкие свитки.

Передохнув после морского похода в Астрахани, Разин вместе с казаками вернулся к себе на Дон.

«РАВЕН ОДИН ОДНОМУ»

Радостно встретили разинцев на Дону. Многие и веру уже потеряли, что вернутся домой казаки. Разные слухи о них ходили. То шептались люди о том, что потонули донцы в неспокойном Каспийском мо-

ре. То новые вести пришли на смену: положили где-то в каких-то боях казаки свои буйные головы.

И вдруг — целы, невредимы вернулись они домой.

— Эх, удалой народ!

— Ну как там, в краю чужом?

— Хороша ли страна Ишпагань?

— А верно, что нет там ни солнца, ни месяца?

Смотрят станичники на добычу заморскую. Лезут, как мухи, к Разину:

— Может, снова пойдёшь походом? Мы бы тоже с тобой заодно. И нам бы сгодились халаты твои и шубы, не помешало бы золото и серебро.

Но дума другая у Разина:

«Да разве счастье в персидских халатах! Если даже каждый десятый мошну набьёт, богаче не станут люди».

Немало исходил по белому свету Степан Тимофеевич. Даже старый Разя как-то сказал:

— Шатун!

Ходил и на юг к крымчакам и ногайцам, в военном походе к польской границе шагал на запад. Дважды бывал в Москве. Добирался и дальше — на самый Север, к студёному Белому морю.

Насмотрелся Степан, навиделся. Прижали всюду бояре Русь. Несладко везде человеку.

— Нет, не в халатах радость. Счастье, станичники, надо искать в другом. Птица имеет волю, — рассуждал Степан Тимофеевич. — Рыба имеет волю. Букашка степная, зверь ли лесной — и эти сами себе господа. Чем же люди на свете хуже? Э-эх, оседлало боярство Русь! Нет бы стать н[illegible]ю да тех, кто залез на шею, махом единым [illegible]ут.

Дивились казаки необычным речам. Конечно, кто подороднее был, побогаче, не очень торопился кричать: «Согласен!»

Зато большинство:

— Правда твоя, правда, Степан! Пора бы людишкам вздыбиться.

Вскоре после возвращения на Дон Разин побывал в Черкасске, в столице донского войска. Здесь и произошёл у него крутой разговор с войсковым атаманом Корнилой Ходневым.

— Что-то ты, Стенька, мутишь народ! — строго сказал атаман.

— Я ли мучу, Корнила? Может, бояре тому виной? Вот бы кого к ответу.

— Не балуй, казак, не балуй!

Корнила — старший здесь на Дону. Перед царём он за всё в ответе.

— Ты, Стенька, язык припрячь. Добром говорю, по-свойски.

— Эх, Корнила, Корнила Яковлевич! — Разин с усмешкой глянул на атамана. — Высоко ты, видать, взлетел. Прибился к боярской стае. Да как бы с небес не рухнуть.

Насупился Ходнев. Уж больно дерзкие речи ведёт казак. Да за такие слова... Однако осторожен войсковой атаман. Знает: на Дону Разин в большом почёте. Сила стоит за Разиным. Решил Корнила пока не ссориться.

— Ну-ну, так ты за какую Русь?

— Нет ни бедных тебе, ни богатых. Равен один одному. Вот за какую Русь, — ответил Корниле Разин.

ГОЛОВА

1670 год. Как и три года тому назад, Разин снова пришёл на Волгу. Но не за поживой собрался теперь атам[illegible] в землях далёких разыскивать счастье. За счастье на русской родной земле решил Степан Тимофеевич биться. Объявил он войну боярству.

Первый город на пути у восставших — Царицын. Чуть выше города на крутом берегу устроили разинцы лагерь.

— Нам бы, не мешкав, Царицын брать, — пошли среди казаков разговоры.

Сюда же к Разину явились и царицынские горожане:

— Приходи, батюшка, властвуй. Ждут людишки тебя в Царицыне. Дело-то наше общее. Откроем тебе ворота.

— Бери, бери, атаман, Царицын, — наседают советчики.

Однако Разин не торопился. Знал он, что сверху по Волге движется на стругах к Царицыну большое стрелецкое войско. У стрельцов пушки, мушкеты, пищали. Ратному делу стрельцы обучены. Ведёт их знатный командир голова Лопатин. «Как же с меньшими силами побить нам такую рать? — думает Разин. — В городе тут не схоронишься. Разве что дольше продержишься. А нам бы под корень. В полный казацкий взмах».

Всё ближе и ближе подплывает Лопатин к Царицыну.

— Бери, атаман, твердыню! — кричат казаки.

Не торопится, мешкает Разин.

Каждый день посылает Лопатин вперёд лазутчиков. Доносят они начальнику, как ведут себя казаки:

— Стоят на кручах. Город не трогают.

— Дурни, — посмеивается голова Лопатин. — Нет среди них доброго командира!

— Батюшка, батька, отец, Царицын бери, Царицын! — вновь умоляют казаки атамана.

Молчит, словно не слышит призывов Разин. И вдруг Разин куда-то исчез.

Тем делом лопатинский караван поравнялся с казацкими кручами. Открылась оттуда стрельба.

«Стреляйте, стреляйте! — язвит Лопатин. — То-то важно, кто победное стрельнёт».

Держится он подальше от опасного берега. Вот и Царицын вдали. Вот уже рядом. Вот и пушка салют-привет ударила с крепости.

Доволен Лопатин. Потирает начальник руки.

И вдруг... Что такое?! С царицынских стен посыпались ядра. Одно, второе... десятое... сотое... Летят они в царские струги. Наклоняются, тонут струги, как бумажные корабли.

На высокой городской стене кто-то заметил широкоплечего казака в атаманском кафтане.

— Разин, Разин в Царицыне!

— Разбойники в городе!

— Стой, повертай назад!

Но в это время, как по команде, и с левого и с правого берега Волги устремились к каравану челны с казаками. Словно пчёлы на мёд, полезли разинцы на стрелецкие струги.

— Бей их! Круши!

— Голову руби голове!

Сдались стрелецкие струги.

— Хитёр, хитёр атаман! — восхищались после победы восставшие.— Ты смотри — обманул голову! До последней минуты не брал Царицына.

— У головы — голова, у Разина — две, — шутили разинцы.

РАЗИНСКИЙ ГОРОДОК

— Хитёр атаман, хитёр! — ещё долго говорили разинцы, после того как побили они Лопатина.

— Хитёр, — соглашались и те, кто был вместе с Разиным три года назад в Персидском походе.

И тут же начали вспоминать, как Разин взял Яицкий городок.

А брал он его потому, что нужно было перед морским походом казакам где-то перезимовать. Воеводы же добром пустить казаков не хотели.

Вот как это было.

Река Яик. Каспийское море. Яицкий каменный городок.

Высокие яицкие башни, стены метровы, ворота дубовы. Не городок, а твердынь.

«Тут отдыхать моим казакам, — раздумывал Разин. — Да только пойди возьми городок! Полвойска у стен уложишь».

И вот однажды Разину доложили — в степи схвачены люди. Человек тридцать. Идут в Яицкую крепость. Богомольцы. Монахи.

Хотел Разин сказать: «Людишки святые, мирные. Отпустите, пусть-ка идут». Да вдруг спохватился:

— Эн постойте. Ведите сюда.

Явились монахи.

— Раздевайся! — Позвал он казаков: — Одевайся!

Поменялись они нарядами.

Неспокойно в Яицкой крепости. Знают стрельцы, знает начальник, что где-то Разин рядом в степи. Того и гляди, под стены пожалует.

Усилил начальник охрану крепости. Строго наказал никого не выпускать и не впускать без доклада. К ночи ворота на все засовы.

Солнце клонилось к закату. Стоят дозорные в караулах. Смотрят внимательно в степь. Вдруг видят — движется к городу группа людей. Присмотрелись — монахи.

Подошли богомольцы к воротам:

— Откройте.

Смутились охранники:

— Куда вы?

— В соборы яицкие. К иконам святым на поклон.

— Ночуйте в степи. Не велено, странники.

— Ах вы безбожники! — зароптали монахи. — Ужо попомнит господь...

Караульные посовещались. Пошли доложили начальнику.

— Сколько их?

— Душ тридцать.

— Впустите. Да смотрите, чтобы лишку не оказалось.

Тем делом стало совсем темно. Вернулись посыльные. Открыли засовы. Бородатый стрелец, впуская по одному, стал пересчитывать богомольцев.

— Один, второй... двадцатый... тридцатый. Стойте!

— Ты что, борода, считать не умеешь? — послышался чей-то голос. — Ещё и двадцати не прошло.

«Что такое? — растерялся стрелец. — Вот уже сорок. Вот уже пятьдесят. Вот уже и мужики попёрли. Вот и лошадиная морда сунулась. Один верховой, за ним — второй, за вторым — третий».

— Стойте! Стойте! — кричит охранник.

Да где тут! Подбежал к нему здоровенный детина. Зажал рот приготовленным кляпом.

Пока поняли в крепости, в чём дело, пока подняли крик, было уже поздно.

Так и достался Яицкий городок Разину без всякого боя. Правда, на улицах постреляли. Да это уже не в счёт.

Был городок боярский. Стал разинский городок.

«СПАСИ-И-ТЕ!»

Разин сидел на берегу Волги. Ночь. Опёрся Разин на саблю, задумался:

«Куда повернуть походом? То ли на юг — вниз по матушке-Волге, к Астрахани, к Каспийскому морю. То ли идти на север — на Саратов, Самару, Казань, а там — и на Москву.

Москва, Москва! Город всем городам. Вот бы куда податься! Прийти, разогнать бояр. Да рано. Силы пока не те. Пушек, пороху маловато, пищалей, мушкетов. Мужики к войне не привычны. Одежонка у многих — рвань. Стало, идти на юг, — рассуждает Степан Тимофеевич. — Откормиться. Одеться. Войско отладить. А там... — У Разина дух захватило. — А там — всю боярскую Русь по хребту да за горло!»

Сидит атаман у берега Волги, думает думы свои. Вдруг раздался крик от реки. Вначале тихий — Разин решил, что ослышался. Потом всё громче и громче:

— Спаси-и-те!

Темень кругом. Чернота. Ничего не видно. Но ясно, что кто-то тонет, кто-то бьётся на быстрине.

Рванулся Разин к реке. Как был в одежонке, так и бухнулся в воду.

Плывёт атаман на голос. Взмах, ещё взмах:

— Кто там — держись!

Никто не ответил.

«Опоздал, опоздал, — сокрушается Разин. — Погиб ни за что человек». Проплыл ещё с десяток саженей. Решил возвращаться назад. Да только в это самое время метнулась перед ним косматая борода и дёрнулись чьи-то руки.

— Спаси-и-те! — прохрипел бородач. И сразу опять под воду.

«Эн, теперь не уйдёшь!» — повеселел атаман. Нырнул он и выволок человека. Вынес на берег. Положил на песок. На грудь принажал коленкой. Хлынула вода изо рта у спасённого.

— Напился, — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Вскоре спасённый открыл глаза, глянул на атамана:

— Спасибо тебе, казак.

Смотрит Разин на незнакомца. Хилый, иссохшийся мужичонка. В лаптях, в рваных портках, в холщовой, разлезшейся по бокам рубахе.

— Кто ты?

— Беглый я. К Разину пробираюсь.

Мужик застонал и забылся.

В это время на берегу послышались голоса:

— Ба-а-тюшка! Атаман! Степа-ан Тимофеевич!

Видать, приближённые ходили, искали Разина. Разин ступил в темноту.

Поравнялись казаки с мужиком. Наклонились, прислушались.

— Дышит!

Потащили двое спасённого в лагерь, а другие пошли дальше берегом Волги.

— Ба-а-тюшка! Атаман!

Утром сотники доложили Разину, что ночью кто-то из казаков спас беглого человека. Только кто — неизвестно. Не признаются в казачьих сотнях.

— Видать, не всех опросили? — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Пробыв несколько дней в Царицыне, Разин дал команду идти на Астрахань.

НЕ ОСУДИТ

Идёт вниз по Волге Разин.

— Разин идёт, Разин!

— Степан Тимофеевич Разин!

Неспокойно в государстве Российском. В страшной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встрепенулся подневольный, угнетаемый люд.

— Слава Разину, слава!

Боярин Труба-Нащокин истязал своего крепостного. Скрутили несчастному руки и ноги, привязали вожжами к лавке. Стоит рядом боярин с кнутом в руке, бьёт по оголённой спине крестьянина.

— Так тебе, так тебе, племя сермяжное! Получай, холоп! Научу тебя шапку снимать перед барином!

Ударит Труба-Нащокин кнутом, поведёт ремень на себя, чтобы кожу вспороть до крови. Отдышится, брызнет солёной водой на рану. И снова за кнут.

— Батюшка Ливонтий Минаич, — молит мужик, — пожалей! Не губи. Не было злого умысла. Не видел тебя при встрече.

Не слушает боярин мольбы и стоны, продолжает страшное дело. Теряет крестьянин последние силы. Собрался он с духом и молвил:

— Ужо тебе, барин! Вот Разин придёт...

И вдруг: «Разин, Разин идёт!» — разнеслось по боярскому дому.

Перекосилось у Трубы-Нащокина лицо от испуга. Бросил он кнут. Оставил крестьянина. Подхватил полы кафтана, в дверь — и бежать.

Ворвались разинские казаки в боярскую вотчину, перебили боярских слуг. Однако сам хозяин куда-то скрылся.

Собрал Разин крестьян на открытом месте. Объявляет им волю. Затем предложил избрать старшину над крестьянами.

— Косого Гурьяна! Гурку, Гурку! — закричали собравшиеся. — Он самый умный. Он справедливее всех.

— Гурку так Гурку,— произнёс Разин. — Где он? Выходи-ка сюда.

— Дома он, дома. Он боярином люто побит.

Оставил Разин круг, пошёл к дому Косого Гурьяна. Вошёл. Лежит на лавке побитый страдалец. Лежит не шевелится. Спина приоткрыта. Не спина — кровавое месиво.

— Гурьян, — позвал атаман крестьянина.

Шевельнулся тот. Чуть приоткрыл глаза.

— Дождались. Пришёл,— прошептал несчастный. Появилась на лице у него улыбка. Появилась и тут же исчезла. Умер Гурьян.

Вернулся Разин к казацко-крестьянскому кругу.

— Где боярин? — взревел.

— Не нашли, отец атаман.

— Где боярин? — словно не слыша ответа, повторил Степан Тимофеевич.

Казаки бросились снова на поиск. Вскоре боярин нашёлся. Забился он в печку, в парильне, в баньке. Там и сидел.

Притащили Трубу-Нащокина к Разину.

— Вздёрнуть, вздёрнуть его! — понеслись голоса.

— Тащи на берёзу,— скомандовал Разин.

— Пожалей! Не губи! — взмолился Труба-Нащо-

кин. — Пожалей, — заплакал он тонко, пронзительно, по-бабьи.

Разин зло усмехнулся.

— Кончай, атаман, кончай! Не тяни, — зашумели крестьяне.

И вдруг подошла девочка. Маленькая-маленькая. Посмотрела она на Разина:

— Пожалей его, дяденька.

Притихли крестьяне. Смотрят на девочку: откуда такая?

— Может, безбожное дело затеяли? — вдруг вымолвил кто-то.

— К добру ли, если несмышлёныш-дитё осуждает?

Все выжидающе уставились на атамана.

Глянул Разин на девочку, посмотрел на мужиков, потом вдаль, на высокое небо.

— Вырастет — поймёт, не осудит. Вешай! — прикрикнул на казаков.

ЦВЕТИКИ-ЯГОДКИ

Идёт Разин вниз по Волге из Царицына в Астрахань. А в это время из Астрахани вверх по Волге подымается навстречу Разину князь Семён Львов.

Движется Львов со стрельцами, солдатами.

— Ужо берегись, злодей!

На полпути между Царицыном и Астраханью находился небольшой городок Чёрный Яр. Разин первым пришёл к Чёрному Яру. Взял городок и подумал: «Место для боя как раз хорошее».

Место действительно было удачным. У самого города — волжский изгиб. За изгибом лодкам казацким укрыться можно. Берега Волги густо поросли камышом. Вот и второе прибежище. Решил Степан Тимофеевич у Чёрного Яра дождаться Львова. Выслал вперёд дозорных. А узнав от дозорных, что

стрелецкие струги приближаются к городу, приказал немедля собрать к нему черноярских баб.

— Баб?! — поразились сотники.

— Их самых,— ответил Разин.

«К чему бы это? — гадали разинцы. — Интересно, что отец атаман задумал?»

Собрались бабы, и молодые и старые. Не ожидали подобной чести. Любопытство их берёт. Притихли. Ждут атаманского слова.

— Здравствуйте, цветики-ягодки! — обратился к ним Разин.

— Здоровья тебе, атаман! — поклонились черноярские женщины.

— Как детишки, как внуки, не бьют ли вас мужики с похмелья? — задаёт вопросы Степан Тимофеевич. И вдруг: — Почему бельишко на Волгу стирать не ходите?

— Так ведь боязно, отец атаман. Стрелецкое войско подходит к городу. Оно ведь, не ровён час...

— Да что вам войско — вы сами войско, — усмехнулся Степан Тимофеевич.— А ну, собирайтесь, бельишко в руки, ступайте к Волге. Позже пройдусь, проверю.

— Ну и ну,— поражались женщины, — вождь-то казацкий, никак, с причудами.

Отпустив черноярских баб, Разин приказал вызвать рыбаков.

Собрались к нему рыбаки.

— Здравствуйте, народ рыбацкий!

— Здоровья тебе, атаман!

— Ну, как тут у вас улов?

— Да ловится рыбка, отец атаман. И большая приходит, и малая.

— Что ж вы сидите дома?

— Так ведь боязно, отец атаман. Стрелецкое войско подходит снизу. Оно ведь, не ровён час...

— А я-то думал — рыбацкий народ из смелых!— подзадорил Степан Тимофеевич. —Ошибся, выходит.

— Не ошибся. Нет, не ошибся! — шумят рыбаки.

— Что же, раз так, то ступайте с богом.

Ушли рыбаки от Разина. Шепчутся между собой:

— Вождь-то казацкий, никак, с причудами. Ушицы небось атаман захотел.

Князь Львов, как и Разин, тоже выслал вперёд разведчиков. Ходили лазутчики к Чёрному Яру, вернулись, рассказали, что у города всё спокойно. Бабы бельё стирают. Рыбаки свои сети тянут.

— Не видно разбойников, князь Семён.

Подошли стрелецкие струги к Чёрному Яру. И вправду: бабы бельё стирают, рыбаки свои сети тянут. Стоят не шелохнутся по берегам камыши.

Зевнул князь Львов, посмотрел на палящее солнце, дал команду причаливать к берегу.

И вдруг — что такое? Не верит стрелецкий начальник своим глазам. Из-за поворота реки, на всём ходу, под парусами, на вёслах, с диким свистом и громким криком, навстречу стрелецким стругам вылетают челны с казаками. И в ту же минуту зашевелились кругом камыши, закачались они, расступились, и на широкую волжскую гладь, уже сзади стрелецкого войска, метнулись десятки казацких лодок.

— Сарынь на кичку! — взорвало воздух.

— Са-ары-ынь на ки-ичку-у-у!

Через час всё было закончено. Князь Львов с петлей на шее был притащен на разинский струг.

Казаки тут же хотели повесить Львова. Однако Разин его пощадил.

— Да он и стрельнуть, поди, ни в кого не успел! — усмехался Степан Тимофеевич. — Пусть поживёт, раз он мирный такой по натуре.

АСТРАХАНЬ

Астрахань. Разбушевалась в ту ночь непогода. Тучи со всех сторон обложили небо. Где-то вдали полыхали зарницы. Долгим раскатом катился гром.

Астраханский воевода Иван Прозоровский стоял у Вознесенских ворот на стене, при каждом раскате бледнел, крестился. Не любил Прозоровский грозу, с детства боялся грома. Три дня как Разин стоит у города. Три дня и три ночи воевода, стрельцы и солдаты атаки на город ждут.

Астрахань — сильная крепость. Тут и ров. Тут и вал. Стены не то что царицынские, там — деревянные, здесь они каменные. Там высота их в десяток локтей, здесь без малого в двадцать метров. Там ширина их от силы в сажень, тут хоть скачи ты по ним на тройках. Не каждое войско крепость такую возьмёт. Да и стрельцов и солдат в ней двенадцать тысяч.

Надёжны стены, солдат достаточно, и всё же Прозоровский живёт в тревоге. Нет на душе у него покоя. Уж больно шепчутся люди в городе. Эх, ненадёжный пошёл народ! Как бы не быть измене!

Вот и сегодня стоит воевода у Вознесенских ворот на стене, в темноту непроглядную смотрит.

«И чего он, разбойник, ждёт? — теряется в догадках Иван Прозоровский. — Снова хитрость, видать, задумал. Может, роют под стены сейчас подкоп? Или подмога спешит к злодею? То ли будут крепость измором брать. Или просто на жилах моих играют».

Все эти дни и казаки не могут понять атамана. Приставали они не раз:

— Отец атаман, что же стоим без дела? Нам бы грудью пойти на стены.

— Можно и грудью, а лучше умом,— отвечал недовольным Разин.

И вот только сегодня, на четвёртую ночь, не днём, а именно в ночь, в грозовую, в ненастную, подал Разин команду к штурму.

Подивились опять казаки:

— Оно же темно, как у зайца в ухе! Да тут ненароком в такой темноте заместо астраханских стрельцов саблей брата родного хватишь.

— А вы саблей — того, потише. Не каждому ставьте знак, — загадочно бросил Разин.

Стоит Прозоровский у Вознесенских ворот на стене. Чтобы укрыться от непогоды, воротник кафтана поднял. Стряхнул с бороды дождевую капель. Принялся думать опять о Разине.

«Спит небось, вурдалак, в шатре. Или хмельное, разбойник, хлещет. А ты тут, как мерин, мокни».

Вновь полыхнула молния. Осветила она округу. Вздрогнул воевода, хотел закреститься, но глянул на степь и ахнул — разинцы шли на штурм.

— К бою, к бою! — взревел Прозоровский. — Ну и разбойник — дня ему мало!

Ждал тёмной ночи Степан Тимофеевич вовсе не зря. Был уверен, что во время штурма астраханцы ему помогут. Помогать же лучше, когда темно. Не сразу стрельцы заметят.

— Вы тише саблями, тише, — ещё раз говорил казакам атаман. — Не каждый враг, кто сидит на стене. Там и друзей найдёте.

Так и случилось. Как только начали разинцы штурм, так сразу и тут, и там, и в месте одном, и в другом, и в пятом, и среди горожан, и даже среди стрельцов появились сотни у них помощников. Кто лестницу разинцам сбросит, кто стрельнёт поверх голов, кто просто руку подаст штурмующим.

А какой-то молодец кричал на стене до хрипа:

— Бей супостата! Злодея бей!

А сам в это время опускал со стены верёвку и очередного «злодея» тянул на стену.

Правда, кое-где и стояли насмерть стрельцы. Бились, живота не жалея. Но не эти брали в ту ночь числом. И не за ними была победа. Ворвались разинцы в Астрахань. Покорилась Астрахань.

Астраханские мальчишки Лукашка Нагой и Мокапка Раков крутились на площади возле Приказной палаты. Видят: казаки на площадь поленья и хворост сносят, разжигают большой костёр.

К одному из казаков и полезли мальчишки с вопросом:

— Дяденька, для чего же такое огниво?

Казак озорной. Шрам на щеке. Шапка чудом на ухе держится. Подумал казак, посмотрел на ребят, подмигнул им задиристо, весело:

— Дьявола будем, ребята, казнить. Сожжём и пепел по ветру пустим!

Усмехнулся Лукашка Нагой. Понимает, что разинец шутит. А Мокапка принял слова всерьёз. Побежал он по улицам и каждому встречному:

— Казаки дьявола будут казнить!

— Казаки дьявола будут казнить!

— Сожгут и пепел по ветру пустят!

Кричал Мокапка с такой силой, что голос себе сорвал. Впрочем, и без Мокапки много народу к костру собралось. Лица у всех оживлённые, что-то, видимо, знают люди. Вернулся мальчишка на площадь, просунулся в первый ряд.

Вскоре из Приказной палаты четверо казаков вынесли огромный сундук.

«Ага, — соображает Мокапка, — вон он, дьявол, куда запрятан!»

— Там дьявол сидит, — зашептал Мокапка своим соседям. — Казнить его будут сейчас казаки. Сожгут и пепел по ветру пустят.

Усмехнулся какой-то парень:

— Верно, Мокапка, верно. Дьявол сидит в сундуке. Даже то, что страшнее дьявола.

Поднял Мокапка глаза на парня. Хотел спросить: что же страшнее дьявола?! Но тут вышел на площадь Разин.

— Здравствуй, отец атаман! — закричали восторженно люди.

— Слава, батька, слава!

По донскому обычаю Разин снял шапку, поклонился народу.

Кто-то крикнул:

— Ура!

— Ура-а-а! — подхватила площадь.

Мокапка тоже крикнул «ура». Но сорванный голос звучал пискливо.

Обведя взглядом людей и площадь, Разин шагнул к сундуку. Казаки тут же отбросили крышку.

Все стихли. Мокапка от страха закрыл глаза. Схватился за чью-то рубаху.

Когда через минуту мальчик снова глянул на площадь, то поначалу так ничего и не понял. Ищет Мокапка чудища. Нет никакого чудища. Разин стоит, держит в руках бумаги.

— Вот она, наша неволя, — поднял над головой и потряс бумагами Разин. — Кабала ваша, муки ваши — всё тут.

Сообразил Мокапка, что́ в сундуке. Так это ж бумаги из Приказной палаты! Однако почему бумаги страшнее дьявола, мальчик сразу понять не мог. Мал был Мокапка. Не знал он, что за каждой такой бумагой чьё-то горе и чья-то жизнь: кто приписан к боярину, кто в должниках записан, кто по доносу расправы ждёт.

— А ну, астраханцы, — обратился Разин к тем, кто стоял к нему ближе, — начинай-ка святое дело!

Степан Тимофеевич первым бросил бумаги в огонь. Лизнуло их пламя. Секунда — и от грозных всесильных бумаг лишь пепел поднялся к небу.

— Батька, родной, спасибо! — кричал исступлённо народ.

По лицу Разина забегали отблики пламени. Перекрывая шум площади, Разин бросал слова:

— Всем вам воля, народ астраханский. Ступайте

куда хотите. Живите по высшей совести. Нет больше бояр и богатых господ над вами. Стойте за волю, за великое наше дело. Отныне вы сами себе голова.

— Ура! — не смолкало на площади.

И даже у Мокапки снова прорезался голос.

— Ура! — голосил Мокапка.

ТРЕТЬ АРШИНА

При взятии городов Разин строго наказывал никому из купцов не чинить обиды.

— Мы их не тронем, отец атаман, — отвечали восставшие. — Они бы нас не обидели.

— Обидишь вас! — усмехнулся Степан Тимофеевич. — А обидят: обмерят, обвесят — так взыск. Моим атаманским именем.

Вступили разинцы в Астрахань. Открыли купцы свои лавки, разложили товары. Разин сам прошёл по рядам. Даже купил сапожки. Красные, маленькие — гостинец для дочки своей, Параши.

Вернулся Степан Тимофеевич в свой атаманский шатёр. Доволен. Бойко, мирно идёт торговля.

Толпится народ у лавки купца Окоёмова. Торгует купец атласом и шёлком. Покупают казаки красные, зелёные, жёлтые штуки себе на выходные рубахи. Отмеряет купец. Отмеряет и думает: «Или я уже не купец, или я человек не торговый, чтобы при такой-то удаче и не обмерить?» Перекрестился купец и стал каждому по трети аршина недорезать.

Прошло полдня, как вдруг кто-то из казаков заметил обман. Стали казаки проверять свои шелковистые штуки. И у одного, и у второго, и у пятого, и у десятого по трети аршина в куске не хватает.

— Держи его, нечестивца!

— К ответу злодея!

Схватили купца покупатели. Вытащили из лавки, тут же устроили суд.

Через час дежурный есаул докладывал Разину:

— Дюже обозлился народ. Укоротили купца.

— Как — укоротили? — не понял Разин.

— На треть аршина.

— Как — на треть аршина?!

— Голову с плеч.

— Тьфу ты! — ругнулся Разин. — Ну-ка зови обидчиков.

Явились казаки к атаману.

В страшном гневе кричит на них Разин:

— За треть аршина — жизни купца лишили! Кровью за тряпки брызнули?

— Не гневись, не гневись, атаман, подумай, — отвечают ему казаки. — Да разве в аршинах дело. Воровскую голову с плеч — лишь польза народу. Тут бы и нам, и внукам, и правнукам дело такое попомнить. Не гневись, атаман.

Остыл Разин:

— Ладно, ступайте.

«Нужен, нужен купец народу, — рассуждал про себя Степан Тимофеевич. — Нельзя без торгового люда. Да ведь и беда от него немалая, когда окоёмовы такие заводятся. Может, и правду решили люди».

ДВЕ РУКИ

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу к Разину. Шли ночами. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц.

Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй поучал:

— Он, атаман Степан Тимофеевич, — грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: «Владеете саблей?» — говорите: «Владеем». — «Колете пикой?» — «Колем».

Явились крестьяне к Разину:

— Принимай, отец атаман, в войско своё казацкое.

— Саблей владеете?

— Владеем.

— Пикой колете?

— Колем.

— Да ну? — подивился Разин. Приказал привести коня.— Залезай, борода,— показал на дядю Митяя.— Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал! Казнит за враньё атаман». Стал он выкручиваться:

— Да мы больше пеше.

— В казаках да и пеше?! А ну-ка залазь!

— Да я с дороги, отец, устал.

— Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю.

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул он саблей, да тут же и выронил.

— Сабля с норовом, с норовом. Не даётся саблюка! — гогочут вокруг казаки.

— Зачем ему сабля? Он лаптем по ворогу! — пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

— Зря, атаман, смеёшься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

— Возьму да и стану!

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, отроду не пахивал поле. Думал — дело простое. Начал — не ладится.

— Куда, куда скривил борозду! — покрикивает дядя Митяй.

— Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже давай землицу, — подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее — лопнул сошник.

— Соха с норовом, с норовом. Не даётся, упрямая! — засмеялись крестьяне.

— Да зачем казаку соха? Он саблей землицу вспашет! — похихикивает дядя Митяй.

Посмотрел Разин на мужиков. Насупился.

Крестьяне в момент притихли. Дядя Митяй ухватился за бороду: «Эх, осерчает сейчас атаман!»

Однако Степан Тимофеевич вдруг рассмеялся.

— Молодец, борода! — похлопал по плечу дядю Митяя. — Благодарю за науку. Эй! — закричал казакам. — Не забижать хлебопашный народ. Выдать коней, приклад. Равнять с казаками. — Потом задумался и добавил: — И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

Глава вторая

ВЫШЕ ДЕРЕВЬЕВ ВЗЛЕТЕЛИ КАЧЕЛИ

ЦАРСКОЕ ЛОЖЕ

Простояв месяц в Астрахани, Разин начал поход вверх по Волге: на взятый уже Царицын и дальше — на Саратов, Самару, Симбирск, Казань.

Часть армии на стругах и лодках поплыла Волгой. Растянулись отряды на несколько вёрст. Двести судов и лодок в отрядах Разина. Другая часть войска двинулась берегом.

До Царицына шли знакомой дорогой, то есть той же, которой шли от Царицына к Астрахани. Разница только в том — раньше спускались по Волге вниз, теперь подымались навстречу течению. Двигались раньше с боями. Теперь по вольной земле ступали.

Через несколько дней показался вдали Царицын.

Приготовили в городе Разину для отдыха целый боярский дом. Дом каменный, крыша железная, ступени из мрамора, дубовая дверь.

— Отец, для тебя, для твоей особы.

Ведут горожане Разина из горницы в горницу:

— Тут вот боярин ел.

— Тут вот боярин пил.

— Это ещё не всё!

Идёт Степан Тимофеевич по барским хоромам, налево, направо глянет.

— Тут вот боярин господу богу поклоны бил, — продолжают объяснять горожане.

— Тут вот порол дворовых.

— Это ещё не всё!

Сменяет горница горницу. Довольны царицынцы. Каждый про себя рассуждает:

«Ну, будет батюшка Степан Тимофеевич доволен».

«Палаты самим палатам».

«Попомнит отец Царицын!»

Привели они Разина в боярскую опочивальню.

— Царское, батюшка, ложе, — показали ему на кровать.

Кровать необычная. Ножки высокие. Полог со всех сторон. На перине лежит перина. А сверху ещё перина. На подушке лежит подушка. А сверху ещё подушка. Ляжешь в такую мягкость, как в глубокой реке утонешь.

Поклонились, ушли горожане. Остался Разин один. Глянул на стены — метровые стены. Хоть из пушек по ним пали. Глянул на окна — окна всего с ладонь. Ни неба, ни звёзд не видно. Поднял Разин

голову кверху. Повис над ним каменный потолок, словно плита могильная. Посмотрел Степан Тимофеевич себе под ноги — пол под ногами каменный. Камень сверху, камень снизу, камень со всех сторон.

Снял Разин пояс, снял сапоги и саблю, сунул пистолеты к себе в изголовье, разделся, лёг.

Лежит, утонувши в перинах, Разин. Непривычно лежать, как боярину, казаку. Смотрит на каменный потолок, на оконца в ладонь, на метровые стены. Душно в хоромах Разину. Устал Степан Тимофеевич за день. Сон клонил атамана, в глаза просился. А тут вдруг пропал.

К тому же блохи его одолели. Злее этих боярских блох разве что только голодные волки. Кусали они атамана, забыв о любом почтении.

Прокрутился Степан Тимофеевич целый час. В подушках, в перинах запутался. Исцарапал ногтями тело.

— Да будь ты проклято! — не сдержался Разин.

Встал он с боярской постели. Снова саблю надел и ремень, сапоги натянул казацкие. Пистолеты засунул за пояс.

Прошёл Степан Тимофеевич из горницы в горницу и вышел наружу.

Обступила Разина ночная прохлада. Вольный ветер в лицо ударил. Моргнули на небе звёзды. Расправил Степан Тимофеевич грудь. Вобрал в себя свежий воздух.

Осмотрелся Разин вокруг. Заметил в углу двора сеновал. К нему и направился. Лёг на душистое сено. И тут же богатырски уснул.

Возвращаются горожане к себе домой.

— Ну, будет батюшка Степан Тимофеевич доволен.

— Да куда уж — палаты самим палатам.

— Попомнит отец Царицын!

И правда, запомнил Царицын Разин. На хоромы боярские смотреть с той поры не мог.

Обветшали в Царицыне крепостные стены. Брёвна местами подгнили, местами и вовсе выпали. Вал земляной обсыпался.

Решил Разин царицынский кремль чинить.

— Без крепостей нам пока нельзя. Они и для нас защита.

Приказал Степан Тимофеевич, чтобы на работу явились все.

— Всем на стенах работы хватит. Эх, за такие-то стены давно б воеводу пора на виселицу! Чтобы явились все, — повторил атаман. — А ежели кто заупрямится: казак ли, мужик, горожанин — быть за это тому в ответе, сечь нещадно при всех кнутами.

Дружно пошла работа.

Разин и сам подхватил топор. Скинул кафтан Степан Тимофеевич, сплюнул себе на руки. Начал тесать бревно. Размахнулся. Ударил. Крякнул. Опять размахнулся. Крякнул. Играет топор в умелых руках. Лишь щепки летят во все стороны.

Смотрят на Разина разинцы. Поспешают за Разиным разинцы.

Хотя и строг был приказ атамана, но всё же нашлись ослушники. Возможно, их было больше, однако попались двое: царицынский житель Кузьма Соловей и свой же казак Остапка.

Был Остапка у Кузьмы на постое. Утром они поднялись. Умылись. Съели по краюхе душистого хлеба. Запили его молоком. Собрались идти на работу. Кузьма вытащил два топора. Себе и Остапке. Остаток хлеба завернули в тряпицу, приготовили взять с собой, так как знали: работа у стен до вечера.

Короче, собрались честно. Оба поднялись рано. Время было ещё в запасе. Оно и подвело. Решили Кузьма и Остапка перед работой сразиться в кости. Увлекались в то время такой игрой. Была она очень азартной, хотя и совсем несложной, нечто вроде

«орла и решки». Только не монеты были в руках у играющих, а небольшие костяшки. Две стороны их имели различный цвет. На цвет и играли. Бросали поочерёдно. Чьей стороной выпадали кости, тот и выигрывал.

Бросил кости Кузьма.

Бросил кости Остап.

Бросил кости Кузьма.

Бросил кости Остап.

Так и пошло. То удача идёт к одному, то к другому. То не везёт Кузьме, то не везёт Остапке.

Играли они на одежду: на шапку, рубаху, штаны, сапоги. То проиграет всё до штанов Кузьма, сидит, словно в бане, голый. То в натуральной своей красивости сидит на скамье Остапка.

Вошли игроки в азарт. Солнце поднялось давно к зениту. Да где им смотреть на солнце! Кости глазами ловят.

Так и не смогли оторваться они от игры до самого вечера. Сражались бы дольше. Да тут возвращались с работы разинцы. Уличили они ослушников.

Приволокли провинившихся к Разину.

Что им сказать в ответ атаману? Признались во всём сердечно.

Вина у обоих была одинакова. Все ждали, что таким и наказание тоже будет.

Однако Разин сказал:

— Кузьме всыпать двенадцать палок. Остапке — двенадцать дважды!

Кое-кто зароптал на Разина:

— Как же так, отец атаман?! Выходит, жильца ты милуешь, а раз свой, то готов — до смерти.

— Оттого что свой, потому и больше,— ответил Степан Тимофеевич.— Велика ли для нас потеря, если какой-то жилец ослушался. Если же свой — это беда для войска. Отсюда и высший спрос.

Заботился Разин о строгих порядках в армии. Был нетерпим и строг.

Привязался в Царицыне к Разину мальчик. Варфоломейкой звали. Весь нос в веснушках, словно тмином обсыпан. Глаза как две голубые бусины.

Ходил он за Разиным и день, и второй. На третий Разин приметил мальчика:

— Ну, как тебя звать?

— Варфоломейка.

— Что же ты ходишь, Варфоломейка, за мной?

— Дай из пистолета стрельнуть!

Посмотрел на мальчишку Разин:

— Сколько ж тебе годов?

— Будет без двух двенадцать.

— Ишь ты какой подсчёт! — рассмеялся Степан Тимофеевич. — Значит, выходит — десять.

— Нет, двенадцать, — твердит мальчишка. — Двенадцать без двух годов.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласился Степан Тимофеевич. — Ты что же, считать умеешь?

— До двух дюжин, — ответил мальчик.

— А цифры слагать научен?

— Научен.

— Сколько же два и два?

— Четыре, — важно ответил Варфоломейка.

— А три и четыре?

Задумался мальчик. Незаметно для Разина пальцы на левой и правой руках загнул, секунду спустя ответил:

— Три и четыре — выходит семь.

— Мастак ты, мастак, — опять усмехнулся Разин.

Понравился Разину мальчик. Дал он ему из пистолета стрельнуть.

Расхвастал Варфоломейка дружкам и приятелям, что сам Степан Тимофеевич Разин дал ему из пистоля стрельнуть.

Стали мальчишки ходить за Разиным:

— Дай из пистоля стрельнуть!

— Дай из пистоля стрельнуть! Чем же мы хуже Варфоломейки?

Каждый старается Разина чем-нибудь поразить.

— А я ногой за ухом чесать умею! — кричит один.

Сел на землю и правда ногой дотянулся до уха.

— А я ходить на руках умею! — кричит второй.

Встал на руки, идёт рядом с Разиным:

— Дай из пистоля стрельнуть! Дай из пистоля стрельнуть!

Третий бежит перед атаманом и птичьим голосам подражает. То крикнет сойкой, то каркнет галкой, то щёлкнет точь-в-точь на манер щегла.

Остановился Степан Тимофеевич, посмотрел на мальчишек:

— Умельцы, умельцы! Только прок от умельства вашего, как от тулупа в палящий день. Марш по домам! Отстаньте!

Отстали мальчишки. Сидят, гадают: чем же хуже они Варфоломейки? Пусть бы Варфоломейка до уха ногой достал!

ЕГОР И ЯКОВ

Недолго пробыл в Царицыне Разин. Дальше — на Саратов пошёл походом.

Присоединились к разинцам где-то в пути крестьянские парни Егор и Яков. Оба статные, оба крепкие. Богатырское что-то у них в сложении. Гнёт подковы Егор, как гвозди. Вырывает с корнем берёзки Яков. Дунет Яков — шапка с любого летит долой. Притопнет Егор — земля, как живая, дрогнет.

Рвутся парни в бой. Отличиться хотят в сражении. Вместе со всеми идут на Саратов.

Пристали приятели к старому разинцу:

— Как города берут?

— Как? Штурмом их, боем,— ответил разинец.

Мечтают парни о геройских делах.

— Я ворота бревном пробью,— так заявляет Егор.

Не отстаёт от приятеля Яков:

— Я первым на стены влезу.

Тренируются парни во время похода. Ходит Егор с бревном на плече. Яков в попутных сёлах на колокольни, как кошка, лазит.

Рвутся приятели в бой.

— Скорей бы уж этот Саратов.

— А вот и Саратов.

— Дождались! — сказал Егор.

— Ну, готовься! — поддакнул Яков.

Приготовились парни. Ждут. Вот-вот будет к штурму дана команда.

И вдруг — распахнулись городские ворота сами. Праздничным гулом ударили колокола. Из города навстречу Разину валом пошёл народ. Впереди старик с бородой. Важно ступает, держит хлеб-соль в руках. Следом за старцем толпой горожане. Тут же стрельцы, тут же разный приволжский люд: бурлаки, рыбаки, перевозчики. Женщины. Дети. Старухи. И даже попы, и даже монахи.

Обомлели Егор и Яков. Егор отбросил своё бревно. Почесал в затылке рукою Яков.

Сдался Саратов без штурма, без боя.

Огорчились, конечно, Егор и Яков. Мечтали они о геройстве. А тут...

— Ну, видели, как города берут? — спросил приятелей вечером старый разинец.

— Что же это за взятие? Раз без приступа,— с обидой сказал Егор.

— Раз без боя,— добавил Яков.

— Какое? Разинское — вот вам какое,— ответил бывалый воин.

Решили саратовские купцы устроить Разину в город торжественный въезд. Между собой шептались:

— Оценит донской атаман такое к нему внимание. Будет с этого дня к любому из нас его атаманское расположение.

Довольны именитые граждане — хитрецы саратовские. Попробуй придумать удачнее!

Долго подбирали они коня. Гадали, какой же лучше. Аргамак ли, калмыцкий конь, донских ли кровей, арабских? А может, заволжский степной скакун?

— Арабский, — сказал один.

— Заволжский, — сказал второй.

— Купим донского коня, донского! — кричит третий купец. — Разбойник же с Дона. Донской для него приятнее.

Потом обсуждали вопрос о масти. То ли быть вороным коню, то ли гнедым, то ли, как лебедь, белым.

— Вороным, — заявил один.

— Гнедым, — заявил второй.

— Нет, белым, белым! — самый шустрый опять кричит. — На белом сам царь на охоту ездит.

Наконец, решали, чем покрывать коня. Ковром — малиновым, жёлтым, красным?

После долгих споров сошлись на красном. Самый громкий и тут кричал:

— Красным злодея скорее купишь! Стенька любит кровавый цвет.

Купили купцы коня. Положили на спину ему ковёр. Оседлали.

Вышли вместе со всеми купцы за город навстречу Разину. Ведут под уздцы подарок.

Понравился Разину конь. Сел Степан Тимофеевич на скакуна. По холке его потрепал. По шее его погладил. Потянулся рукой к уздечке. Но тут случилась заминка. Заспорили вдруг лабазники, кому коня под уздцы вести. Каждому хочется, чтобы Разин его

приметил. Один другого от коня оттеснить пытается. Каждый к уздечке тянется.

— Моё право! — кричит один. — Я первым коня придумал.

— Моё право! — кричит второй. — Я указал породу.

— Я денег больше других платил! — кричит, возмущаясь, третий.

Четвёртый твердит про лошадиную масть. Пятый же лезет вообще потому, что другим уступить не хочет.

Не может Разин понять заминки.

— Да что там у вас? Что за крикливый народ? Какого рода, какого племени?!

Притихли тут спорщики, а потом вперебой:

— Купцы мы саратовские.

И тут же:

— По хлебной я части!

— По рыбной!

— Мясной!

— По суконному делу — Семён Скотинин. Попомни, отец атаман.

А тот, голосистый, кричит всех громче:

— Солью, отец, торгую, солью! Это я про коня придумал. Я и денег больше других платил...

— Ах, вот тут какой народ! — рассмеялся Степан Тимофеевич. — А ну, расступись!

Дёрнул Разин коня за уздечку. Каблуками в живот пришпорил. Взвился с места красавец конь. И сразу в карьер, галопом.

Побежали за ним купцы.

— Тише, тише. Ах ты разбойник, тише!

Но тут же они отстали.

Влетел Разин в город. Осадил скакуна.

— Здравствуй, народ саратовский!

— Здравствуй, отец атаман! — многоголосо ответил Саратов.

РАФ ГАЛУШКА

Раф Галушка был саратовским бондарем. И фамилия у него забавная. И имя не очень частое. А главное, был у Галушки удивительный чих. Чихнёт — глухой за версту услышит.

Бежал Галушка к восставшим ещё тогда, когда Разин только начал поход на Астрахань. Догнал он восставших у Чёрного Яра. В черноярском бою отличился. Затем вместе со всеми лазил на астраханские стены. Отличился и здесь. Был примечен за смелость Разиным. Оценили Галушку разинцы. Избрали его десятником, то есть старшим над десятью. Дал слово Галушка биться насмерть с боярами, нигде не отстать в походе, не бросить новых своих товарищей.

Из Астрахани Галушка вместе со всеми пришёл в Царицын и вот теперь явился в родной Саратов.

Беря города, Разин устанавливал в них порядки по казацкому образцу. Горожане делились на сотни. Каждая сотня избирала себе атамана. Таких атаманов — старших над сотнями — называли сотниками.

В Саратове тоже стали избирать своих атаманов. Собрались на выборы и жители той части города, в которой родился Галушка. Да и сам Галушка пришёл на выборы. Любопытно ему посмотреть.

Когда дело подошло к тому, кого называть в атаманы, как-то поначалу смутились люди. Никогда ещё не избирали они себе начальников. Смотрят жители один на другого, кого бы в начальники крикнуть.

И вот тут-то Галушка чихнул. Чихнул и тем обратил на себя внимание.

И сразу все закричали:

— Галушку, Галушку давай в атаманы!

Нужно сказать, что любили Галушку саратовцы. Был он смелым не только в бою. По натуре был он прямым и честным.

Понял Галушка, если изберут его атаманом — значит, конец похода. Надо будет остаться в городе, бросить своих товарищей.

— Братцы, увольте! — кричит Галушка. — Братцы, давай другого! Я и так уже избран десятником.

Однако не слушают люди разинца.

— Галушку давай, Галушку! Он отличился при Чёрном Яре. Он на астраханские стены лазил. Сам Степан Тимофеевич его приметил. Давай Галушку! Пусть старшим над нами будет.

Проголосовали саратовцы. Избрали Галушку саратовским сотником.

Бросился бедняга сразу же к Разину. Обо всём рассказал. Рассказал и просит:

— Уволь, отец атаман! Христом-богом прошу — уволь. Как же я брошу своих товарищей?

— Не могу, — отвечает Разин. — Не я же тебя избирал. Люди тебя назвали. Как же я против воли людской пойду?

— Так я же, отец атаман, за правду, за волю желаю биться. Я ж у тебя в десятниках.

Посмотрел на Галушку Разин:

— За правду и волю не только пищалью бьются. Нужны атаманы на поле боя. Нужны атаманы и в жизни мирной. Избран народом — служи народу. Да вот что: ступай спасибо скажи саратовцам.

КТО ПОМОГАЕТ

Недолго пробыл в Саратове Разин. Установил здесь порядки вольные. Дальше — на Самару пошёл.

В Самаре на берегу Волги заспорили как-то стрелец и ярыжка: откуда у Разина сила, кто помогает Разину?

— Дьявол ему помогает, дьявол, — твердил стрелец. — Нечистое дело, раз без боя вся Волга ему даётся.

— Эх ты, голова, — бог помогает Разину.

— Тьфу, непутёвый! Какой же бог?

— Нет, бог, — стоял на своём ярыжка. — Видит всевышний, что правое дело за Разиным. Вот поэтому и помогает.

До спора русский народ охочий. Не уступает стрелец ярыжке, не уступает стрельцу ярыжка. Чуть не побил ярыжка стрельца веслом. Чуть не хватанул ярыжку стрелец бердышом.

Собрались вокруг крикунов новые люди. И эти затеяли спор. Одни, как ярыжка, за то, что господь помогает Разину. Другие стрелецкого держатся мнения.

— Нет, всё же дьявол ему помогает.

А в это время Степан Тимофеевич как раз подходил к Самаре. Решили стрелец и ярыжка выйти навстречу Разину, пристать к головному отряду и всё, как есть, своими глазами увидеть. Сели в лодку, двинулись в путь.

— Дьявол! — кричит стрелец.

— Господь! — ещё сильнее кричит ярыжка.

— Дьявол! — рвёт глотку свою стрелец.

— Господь! — не жалеет глотку свою ярыжка.

Плывут и снова о том же спорят.

Не уступает стрелец ярыжке, не уступает стрельцу ярыжка. Чуть не выбросил ярыжка стрельца за борт, чуть не прикончил в лодке стрелец ярыжку.

Заночевали они в пути. Улеглись под развесистым дубом. Спать бы пора. Однако до спора русский народ охочий. Крики стоят под дубом:

— Дьявол!

— Господь!

— Дьявол!

— Господь!

Чуть не придушил ярыжка стрельца под дубом. Чуть не вздёрнул на дубе стрелец ярыжку.

Заснули они только к рассвету. А в это время Разин прошёл теми местами. Пришлось возвращаться

спорщикам снова к Самаре. Приплыли к Самаре. Город в руках у Разина. Сдалась Самара восставшим без боя. Распахнулись и здесь ворота.

— Вот видишь — дьявол ему помог.

— Не дьявол, а господь бог!

И снова сцепились стрелец и ярыжка. Схватили друг друга за плечи, за бороды. Каждый другого на части рвёт.

Качнулась под ними лодка. Не устояла, перевернулась. Бухнулись оба в воду. Нет бы скорее к берегу. Но не выпускает стрелец ярыжку. Мёртвой хваткой вцепился в стрельца ярыжка.

Крикнул ярыжка:

— Господь!

— Дьявол! — стрелец ответил.

И оба пошли на дно. Сомкнулась вода над ними. Лишь — буль-буль — захлопали пузыри.

Так и остался неясным спор.

Откуда у Разина сила? Кто помогает Разину? Любопытно, кто же из вас ответит.

ПРОМОРГАЛИ

В шатёр Разина ворвался сторожевой казак:

— Отец атаман! Батька! Степан Тимофеевич!

Раннее, раннее утро. Спит, отдыхает Разин. Метрах в ста от шатра вода. Волга плещет волной о берег. Солнце ещё не взошло. Вот-вот с востока лучами брызнет.

— Батька! Степан Тимофеевич!

Разин открыл глаза.

— Отец атаман, беда! Боярское войско подходит к Самаре.

Вскочил, как пружиной подброшенный, Разин. Саблю схватил на ходу. Пистолеты за пояс сунул. Рванул атаман полог шатра. Чуть шатёр от рывка не рухнул.

Выбежал Разин наружу, а кругом уже собирались и строились в сотни отряды.

— К бою! К бою! — неслись команды старшин и сотников.

Вскочил Разин верхом на коня, глянул в заволжские дали. Видит: над полем, над степью пыль. По тому, как стелилась пыль, понял Разин, конное движется войско.

Откуда оно взялось?!

— Эх, проморгали разведчики!

Окружили Разина атаманы:

— Батька, какие давать команды?

— На конное войско ответим конным.

Застучали копыта казацких коней. Построились сотни к бою.

Разрастается над заволжским простором пыль, всё ближе и ближе подходит к городу. Внимательно смотрит Разин. Вот уже через пыль видны и отдельные всадники.

«Смело идут, — подумал Степан Тимофеевич. — Ну что же, давай, давай, спеши под казацкие взмахи!»

Разин представил, как врубится в строй дворян, как вскинет привычно саблей. Близкую битву почуял и конь. В нетерпении землю рванул копытом.

— Ну что же, пора начинать, — прикинул Разин.

Снова глянул на вражеских всадников. Хотел подавать команду. Глянул да так и застыл. Не видит Степан Тимофеевич всадников. Коней видит, а воинов нет. Несутся к Самаре кони без всадников. С трудом насчитал атаман пятерых наездников. Правда, возможно, других укрывала пыль. Может, в такой атаке хитрость была дворянская?! Только не дворянские что-то на людях одежды. Не в кафтанах они, не в доспехах рейтарских. В высоких башкирских шапках.

Присмотрелся Разин ещё внимательней. И вдруг признал одного из всадников:

— Да это, никак, Гумерка!

Машет Гумерка рукой, что-то кричит, улыбается.

Вот тут-то всё вспомнил и понял Степан Тимофеевич.

Плохо было с конями у разинцев. Войско росло. Коней не хватало. Разин даже посылал казаков в прикаспийские степи. Денег дал для покупки коней. Однако вернулись ни с чем посланцы.

Башкирец Гумерка появился в разинской армии возле Саратова. Пробыл недолго. Вскоре исчез. А уходя, сказал одному из приближённых к Разину казаков:

— Передай отцу атаману: будет ему гостинец.

Долго тогда гадали, какой же гостинец будет. И вот Гумерка слово своё сдержал. Шестьсот коней пригнал из родной Башкирии.

Расцеловал Разин Гумерку, пригласил в атаманский шатёр, угостил и вином и брагой.

— Хороши кони, хороши, — говорили разинцы, разглядывая степных скакунов. — Вот так тебе гостинец! Ай да башкирец — степной народ! Свой, не чужой, выходит.

БАШИРКА

Вместе с Гумеркой, пригнавшим разинцам шестьсот лошадей, прискакал к Самаре и сын Гумерки — Баширка. Ростом он был отцу едва по колено. Четыре года всего Баширке. Однако сидел на коне мальчонка, словно в седле родился.

На Дону мальчишки тоже не лыком шиты. Тоже в седле с пелёнок. Пожалуй, легче выпить Каспийское море, чем поразить казака ездой. И всё же Баширка сразил станичников.

Залезал на коня он без всякой помощи. Хватался рукой за стремя, потом за гриву. Момент — и на лошадиной холке уже мальчишка. Скакал на коне и

сидя и стоя. В седле. Без седла. Лицом вперёд. Лицом назад. Держался на лошадиной спине, на шее, на конском крупе.

Не менее ловко Баширка бросал аркан.

— Тебе бы зайцев ловить арканом, — шутили над ним казаки.

Но главное — Баширка отличился у разинцев тем, что выиграл у пушкаря Ивана Заброды пушку.

Не поверил Заброда в умельство Баширки.

— Чтобы такой кутёнок стоя скакал на коне? Не может такого быть. Не может, — твердил Заброда. — Согласен с каждым на спор. Продержится он на коне дольше, чем любой из вас стянет с меня сапоги, отдам сапоги, да что сапоги! — пусть забирает пушку.

Заброда вообще любил по любому поводу с каждым идти на спор.

Залез на коня Баширка. Рванулся вперёд скакун. Поднялся мальчишка в рост. Ручонки раскинул крыльями, прокричал по-башкирски что-то, понёсся по полю ветром.

Стянули с Заброды давно сапоги. Стоит босиком пушкарь. А Баширка всё скачет и скачет. Даже для озорства чуть ли на лошадиной спине не пляшет.

— Может, заодно рубаху с тебя стянуть? Может, содрать штаны? — хохочут казаки над Забродой.

Пронёсся скакун по полю, вернулся к исходному месту. Слез на землю с коня Баширка.

Зачесал Заброда рукой в затылке. Стоит, в удивлении раскрывши рот.

— Кати пушку! — кричат казаки. — Пушку кати. Не жалей-ка её, голубушку. Ай да Баширка!

Разин услышал казацкие крики. Подошёл атаман на шум.

— Что тут такое? — спросил сурово.

— Проиграл Заброда мальчишке пушку!

Объяснили разинцы Разину, с чего началось и чем всё закончилось.

Опустил пушкарь голову. Боится взглянуть на Разина. Ой и всыплет сейчас атаман!

— Что же стоишь? Кати,— произнёс Степан Тимофеевич. — Был смел в словах, будь смел в ответе.

Впряг в пушку Заброда коней. Прикатил её к месту спора.

— Ну что же, бери, Баширка, — сказал Разин.

Только пушку Баширка не взял. Возможно, и взял бы её мальчишка. Уж больно глаза блестели. Однако Гумерка что-то ему шепнул. Вернул мальчик Заброде и пушки и сапоги.

— Спас бесёнок тебя, уберёг,— говорили Заброде разинцы. — Срубил бы за пушку отец атаман твою неразумную голову.

Заброда и сам понимал, что вряд ли б живым остался. Не было в разинской армии ничего, что бы ценилось превыше пушек. Мало их очень было.

Три дня пробыл у разинцев мальчик. Затем отец отправил его домой. Двое табунных погонщиков возвращались назад в Башкирию. Простились с мальчиком разинцы. Простился с Баширкой и Разин. На память серьгу дорогую дал.

— Прощай, Баширка, дороги тебе удачной.

Долго хранилась у разинцев память о мальчике. Пушку Ивана Заброды теперь называли «Баширкина пушка».

РАЙСКАЯ ЯГОДА

Недолго пробыл в Самаре Разин. Дальше — на север, к Симбирску пошёл походом.

Идёт вверх по Волге Разин. А в это время следом за ним поднимается струг с виноградом. Это астраханцы решили послать атаману гостинец.

— Пусть отведает отец атаман. Пусть и казаки ягодой этой побалуются.

Виноград отборный — райская ягода. Грозди одна к одной.

Добрался струг до Царицына. В Царицыне Разина нет. Ушли отряды уже к Саратову.

Филат Василёнок — старший на струге — подал команду трогаться дальше в путь.

Добрался струг до Саратова. В Саратове Разина нет. Ушли отряды уже к Самаре.

Призадумался Филат Василёнок. Лето жаркое. Дорога дальняя. Портиться стал виноград. Половина всего осталась.

— Ну и прытко идёт атаман!

Подумал Филат, всё же решил догнать Разина.

— Налегай, налегай! — покрикивает на гребцов.

Налегают гребцы на вёсла.

Прибыли астраханцы в Самару. В Самаре Разина нет.

— О господи! — взмолился Филат Василёнок.— За какие такие грехи наказал ты меня, несчастного?

От винограда и десятой доли теперь не осталось. Гребцы за дорогу к тому же устали. В струге возникла течь.

Думал, думал Филат Василёнок, крутил свою бороду. В затылке и правой и левой рукой чесал. Прикидывал так и этак. Ясно Филату, не довезёт он Разину гостинец в сохранности.

Решил Василёнок дальше не плыть. «Эх, была не была — раздам виноград я самарцам! Детям,— подумал Филат.— Вот кому будет радость».

Так и поступил.

Для самарцев виноград — ягода невиданная. Собрались к берегу Волги и мал и стар.

Раздавал Василёнок виноград ребятишкам, приговаривал:

— Отец атаман Разин Степан Тимофеевич жалует.

То-то был праздник в тот день в Самаре! Виноград сочный, вкусный. Каждая ягода величиною с грецкий орех. Набивают ребята рты. Сок по губам, по щекам течёт. Даже уши в соку виноградном.

Вернулся Василёнок в Астрахань. Рассказал всё, как было. Не довёз, мол, виноград Разину. Раздал его в Самаре ребятам.

— Как! Почему? — возмутились астраханцы.

Обидно им, что их гостинец не попал к Степану Тимофеевичу. Наказали они Филата. А к Разину послали гонца с письмом.

Написали астраханцы про струг с виноградом, про Филата, про самарских ребят. В конце же письма сообщили: «Бит Филат Василёнок нещадно кнутами. А будет воля твоя, отец атаман, так мы посадим его и в воду [1]. Отпиши».

Ответ от Разина прибыл.

Благодарил Степан Тимофеевич астраханцев за память, за струг. Написал и о Филате Василёнке. Это место астраханцы читали раз десять. Вот что писал Разин:

«А Филатке Василёнку моя атаманская милость». Далее шло о том, что жалует Разин Филата пятью соболями, то есть пятью соболиными шкурками, казацкой саблей и шапкой с малиновым верхом. «Дети, — значилось в разинском письме, — мне паче себя дороже. Ради оных и бьёмся мы с барами. Ради оных мне жизни своей не жалко».

ДЕЛО БЫЛО В КРУТЫХ ЖИГУЛЯХ

Дело было в крутых Жигулях. Избили товарища разинцы.

Началось всё с того, что собрались они на высокой круче. Смотрели оттуда на даль и ширь. Простором речным любовались. Потом незаметно завязался у них разговор. Слово за словом. Шутка за шуткой. Где на серьёзе, где просто с ухмылкой. Кончилось

---

[1] Посадить в воду — вид казни: человека сажали в мешок и бросали в реку.

тем, что заспорили разинцы вдруг, что бы сделал каждый из них, если бы стал царём. Вот до чего додумались.

— Я бы досыта ел, — заявил один.

— Я бы досыта спал, — заявил второй.

— Я бы вёдрами брагу пил, — прозвучал и такой ответ.

Кто-то сказал:

— Я бы в кафтане ходил малиновом.

Пятый тоже мыслишку под хохот вставил:

— Ой, братцы! Если бы только я стал царём, я бы на персидской княжне женился.

Потом ответы пошли посерьёзнее.

— Я бы всё поменял местами. Простых людишек боярами сделал, бояр превратил в холопов.

— А я бы, как батька наш Степан Тимофеич, волю любому и землю дал.

— Я бы дворянство извёл под корень.

Увлеклись, размечтались не в шутку разинцы. Начинают уже говорить и о том, что не под силу царю любому, будь ты хоть первым из первых царь. В голову лезут любые фантазии.

— Я бы скатерть завёл самобранку. Бросил её на землю: «Эй, набегай, людишки!» — любого рода, любого племени — турок, башкир, казак. В обиде никто не будет.

— Я бы дивный построил город. Чтобы стены его — до неба, крыши — из хрусталя. Живите на славу, люди!

— А я бы такое сделал, чтобы люди не знали смерти.

— Я бы придумал живую воду, чтобы поднять из могил погибших в боях казаков.

— Дал бы я людям крылья, чтобы люди выше орлов летали.

Шумно ведётся спор. О красивой жизни народ мечтает. Каждый всесильным себя считает.

И только парень один молча стоял, прислонив-

шись к сосне, смотрел на других удивлённо и глупо глазами хлопал.

— Ну, а ты бы, — полезли к нему казаки, — что ты сделал, если бы стал царём?

— Я-то? — переспросил парень.

— Ты-то.

— Я бы купил корову.

Сбил он ответом разинцев. Хоть и понятны его слова. В жизни парень, видать, намучился. Да не к месту его ответ. Зачем же в такую минуту он с дурацкой коровой сунулся. Сбил у людей фантазии.

Обозлились на парня разинцы.

Дело было в крутых Жигулях. Побили товарища разинцы.

КАЧЕЛИ

Быстро шёл вверх по Волге Разин. Истомились войска в походе. И вот в каком-то приволжском большом селе стали они на отдых.

В первый же день казаки соорудили качели. Врыли в землю столбы — в каждом по пять саженей. Выше деревьев взлетали качели.

Сбежались к берегу Волги и парни, и девки, и всё село. Визга здесь было столько, смеха здесь было столько, что даже Волга сама дивилась, привставала волной на цыпочки, смотрела на шумный берег.

В полном разгаре отдых. Три дня как кругом веселье.

— Эх, простоять бы нам тут неделю! — поговаривают казаки.

К Волге, к качелям, вышел и Разин.

— А ну-ка, батька!

— Степан Тимофеевич!

— Место давай атаману! Место! — кричат казаки.

Потащили его к качелям:

— Прелесть кругом увидишь!

Усмехнулся Степан Тимофеевич:

— А вдруг как не то с высоты увижу?

— То самое, то, — не унимаются разинцы. — И Волгу, и плёс, и приволжские кручи. Над лесом взлетишь, атаман. Как сокол расправишь крылья.

Залез на качели Разин. Вместе с девушкой местной — Дуняшей. Замерло сердце у юной Дуняши. Вцепилась она в верёвки.

Набрали качели силу: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Разгорячился Степан Тимофеевич. Разметались под ветром кудри. Полы кафтана, как крылья, дыбятся. Глаза чёрным огнём горят. Всё выше и выше взлетают качели. Режут небесную синь.

— Вот это да! По-атамански, по-атамански! — кричат казаки.

Побелела совсем Дуняша.

— Ух, боязно! Ух, боязно!

— Девка, держись за небо! — какой-то остряк смеётся.

Состязаются весельчаки:

— Отец атаман, бабку мою не видишь?

— Может, ангелов в небе видишь?

— Как там Илья-пророк?

— И ангелов вижу, и бабку вижу. А вона едет в карете Илья-пророк, — отвечает на шутки Разин. А сам всё время на север смотрит — туда, куда дальше идти походом. Даже ладошку к глазам подводит.

Заприметили это разинцы.

— Что там, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

— Что видишь, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

Недоумевают внизу казаки. Может, пожар атаман увидел? Может, боярские струги идут по Волге? Или вовсе какая невидаль? Прекратилось вокруг веселье. Обступили качели разинцы.

— Что видишь, отец атаман?

Выждал Разин, когда всё утихло:

— Горе людское вижу. Слёзы сиротские вижу. Стоны народные слышу. Ждут нас людишки. На нас надеются.

Кольнули слова атамана казацкие души.

Замедлили мах качели. Спрыгнул на землю Разин. Подошёл к нему сотник Веригин:

— Правда твоя, атаман. Не ко времени отдых выбран.

— Верно, верно,— загудели кругом казаки.— Дальше пошли походом.

Поднялось крестьянское войско. Сотня за сотней. Отряд за отрядом. Вздыбилась дорожная пыль.

Остались в селе качели. Долго ещё на них мальчишки взлетали в небо. И, замирая на высоте, вслед ушедшим войскам смотрели.

Глава третья

СНЯТСЯ БОЯРАМ СТРАШНЫЕ СНЫ

ЕПИФАН КУЗЬМА-ЖЕЛУДОК

Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник — Разин верхом на коне.

В тревоге живут бояре. И в Твери, и в Рязани, и в Орле, и в Москве, и в других городах и сёлах.

Послышится цокот копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги.

Ветер ударит в окна — боярское сердце замрёт и ёкнет.

Боярин Епифан Кузьма-Желудок боялся Разина не меньше других. А тут ещё барский холоп Дунайка рассказывал ему что ни день, то всё новые и новые страсти. И, как назло, всегда к ночи.

Много про Разина разных слухов тогда ходило. И с боярами лют, и с царскими слугами крут. И даже попов не жалеет. А сам он рождён сатаной и какой-то морской царицей. В общем, нечистое это дело.

— Пули его не берут, — говорил Дунайка.

— Пушки, завидя его, умолкают.

— Перед ним городские ворота сами с петель слетают.

— Ох-ох, пронеси господи! — крестился боярин Кузьма-Желудок.

— А ещё он летает птицей, ныряет рыбой, — шепчет Дунайка. — Конь у него заколдованный — через реки и горы носит. Саблю имеет волшебную. Махом одним сто голов сбивает.

— Ох, ох, сохрани господи!

— А ещё, — не умолкает Дунайка, — свистом своим, мой боярин, он на Волге суда привораживает. Свистнет, и станут на месте струги. Люди от погляда его каменеют.

— Ох, ох, не доведи свидеться!

Живёт боярин, как заяц, в страхе. Потерял за месяц в весе два пуда. Постарел сразу на десять лет. На голове последних волос лишился.

Молился боярин Кузьма-Желудок, чтобы беда прошла стороной. Не услышал господь молитвы.

И вот однажды ночью случилось страшное. Открыл бедняга глаза — Разин стоит у постели.

Захотел закричать боярин. Но понимает — не может.

И Разин молчит, лишь взглядом суровым смотрит. Глаза чёрным огнём горят.

Чувствует боярин, что под этим взглядом он каменеет. Вспомнил слова Дунайки. Двинул рукой — не движется. Двинул ногой — не движется.

— О-о!..— простонал несчастный. Но крик из души не вышел.

Утром слуги нашли хозяина мёртвым.

— С чего бы?

— Да как-то случилось!

Не понимают в боярском доме, что с барином их стряслось.

— Что-то рано господь прибрал.

— Жить бы ему и жить.

— Может, выпил боярин лишку?

— Может, что-то дурное съел?

— Сон ему, может, недобрый привиделся? Уж больно всю ночь стонал.

...Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник.

ВЕРХНИЙ ЛОМОВ, НИЖНИЙ ЛОМОВ

Стояли они по соседству. Два небольших городка — Верхний Ломов, Нижний Ломов.

Когда разинцы брали города, они поступали так.

Собирали на площадь народ. Приводили сюда воеводу. Люди и решали его судьбу.

Разинский сотник спрашивал:

— Карать или миловать?

Если люди кричали: «Карать!» — воеводу тут же при всех казнили.

Если кричали: «Миловать!» — отпускали его, не тронув.

Так было в Саратове, в Самаре, в Чёрном Яру, в Царицыне. Так поступали восставшие и в других городах.

Оба Ломова взял разинский атаман Михаил Харитонов.

Ворвались разинцы в Нижний Ломов. Собрали народ. Привели воеводу.

Вышел вперёд Михаил Харитонов:

— Карать или миловать?

Кто-то крикнул:

— Карать!

Но тут же десятки других голосов:

— Миловать!

— Миловать!

— Миловать!

Отпустил атаман воеводу.

Видать, не все воеводы звери. У иных и что-то людское есть. Если люди кричат помиловать — тут уж верховный суд.

Ворвались разинцы в Верхний Ломов. Да что-то замешкались — дело было к исходу дня, не сразу людей собрали. Сидел воевода пока под запором, ждал своей участи.

Вспомнил Харитонов утром про арестанта, дал команду собрать народ. Собрались горожане на площади.

Пришёл Харитонов. Ждёт, когда казаки приведут воеводу. И вдруг прибегают, докладывают разинцы:

— Атаман, нет воеводы. Сидел под запором, а ноне пусто.

— Как — пусто? Бежал?!

— Нет, не бежал, атаман.

— Может, от страха помер?

— Нет, страх его, чёрта, не взял. Однако в живых его тоже нет.

— Как — нет?!

— Людишки без нас сами подняли его на вилы. Выходит, слово своё сказали уже людишки.

ПРИЮТ И ПОКОЙ

Охватило крестьянское возмущение всю Волгу, от понизовых до самых северных её городов. Разин идёт по центру, а слева и справа и забегая вперёд, словно реки в разлив по весне, растеклись и поднялись сотни других отрядов. Восстали крестьяне и на Ветлуге, и на Хопре. Бьют тревогу бояре в Тамбове и Пензе. У Тулы и даже под самой Москвой загоны восставших бродят. Владимир и Суздаль не знают покоя. Украина вот-вот за бояр возьмётся.

Бегут бояре из насиженных дедовых мест. Страшатся народного гнева.

Бежал из своей вотчины и боярин Феофан Круторогов. Бежал из-под Пензы как раз к Тамбову. Был под Тамбовом у Круторогова друг. Тоже боярин. Семён Рогокрутов. Решил у него укрыться.

Бежал Круторогов к Тамбову, а в это же время из-под Тамбова навстречу к нему бежал спасаться Семён Рогокрутов. Думал под Пензой найти спасение.

Повстречались друзья в пути.

— Свет мой Семён Васильевич!

— Душа моя Феофан!

— Куда ты?

— К тебе. Куда ты?

— К тебе.

— Ох ты!

— Ух ты!

Плохи дела под Пензой, плохи дела под Тамбовом.

Постояли друзья, подумали. Решили бежать к Воронежу. Жил под Воронежем у Круторогова и Рогокрутова друг. Тоже боярин, Сисой Водохлюпов. Надеялись бояре — уж там-то спасение.

Пробираются друзья под город Воронеж. А в это время из-под Воронежа к Тамбову и Пензе идёт Водохлюпов.

Повстречались они в пути.

— Свет наш Сисой Гаврилович!

— Душа Феофан, душа ты моя, Семён!

— Куда ты?

— К вам пробираюсь.

— Вот те и раз! А мы-то как раз к тебе.

— Ух ты!

— Ох ты!

Узнали друзья, что плохи дела и под Воронежем. Постояли, подумали. Решили бежать к городу Шацку. Под городом Шацком жил у приятелей друг. Тоже боярин. Захар Хлюповодов.

Меряют вёрсты приятели к городу Шацку. А в это время из города Шацка идёт им навстречу Захар Хлюповодов.

Повстречались друзья у древних больших ракит.

— Свет наш Захар Захарыч!

— Душа Феофан! Душа Семён! Душа ты моя, Сисой! Вот так встреча!

— Куда ты?

— К вам ведь, любезные!

— Ну и ну. А мы-то как раз к тебе.

— Ох ты!

— Ух ты!

Плохи дела и под городом Шацком. Опустились бояре на землю. Сели в тени ракит. Что же боярам делать? Куда же друзьям бежать?

— К северу? К югу?

— Пошли на восток.

— Нет, бояре, давай на запад. К литовской пойдём границе.

Сидят бояре в тени ракит. Спорят, куда им от гнева людского скрыться. Спорят бояре. Не видят бояре, как вышли из леса крестьяне. Тут и спору пришел конец.

Заболтались на ракитах бояре. Нашли свой приют и покой.

Бегут бояре из насиженных дедовых мест. А вот боярин Великий Гагин никуда не бежал. Остался.

— Да я им, холопам! — кричал боярин. — Пусть только посмеют. Я с ними в один момент.

Если правду сказать, Василий Гагин был человеком смелым. И, уж конечно, крутым на расправу. Гагинские мужики на своей шкуре это не раз испытали.

В ожидании разинцев Гагин без дела сидеть не стал. В молодости служил он в стрелецких войсках. Вот и вспомнил боярин молодость.

— Первым делом, — заявил Гагин, — нужно насыпать высокий вал.

Взялись мужики за работу, насыпали вокруг барского дома вал.

— Хорошо, — осмотрев, сказал Гагин. — А теперь нужно вырыть глубокий ров.

Крестьяне опять за лопаты. Вот и ров готов.

— А на валу, — продолжает Гагин, — нужно построить стены.

Вооружились мужики топорами. Опять старались. Появились на валу стены.

— Хорошо, — одобрил Великий Гагин. — Ну, а теперь нужна нам дозорная вышка.

Появилась и вышка.

Сам Гагин лазил на эту вышку. Посмотрел на все на четыре стороны и опять заявил:

— Хорошо.

Когда крепость была построена, завёз Гагин в неё пищали и мушкеты. Неделю крестьян обучал стрельбе. Оказались они способными. Пожалуй, лучше стрельцов стреляли.

А так как крепость без пушки не крепость, то раздобыл Великий Гагин и пушку. И снова учил мужиков стрелять. Стали они заправскими пушкарями и опять заслужили доброе слово Гагина.

Выдал боярин каждому по кружке хмельного. Выпили мужики за крепость, за Гагина.

По приказанию хозяина пушку поставили дулом к востоку, к Волге, туда, откуда и ожидали Разина.

— Ну, приходи, — потирал руки Великий Гагин.

И Разин пришёл. Только ещё до этого, не дожидаясь появления Разина, как только крепость была готова, крестьяне сами схватили Гагина. Но не убили. За науку, за крепость, за пушку простили боярину прошлые свои обиды. А когда разинцы появились, вывели крестьяне своего барина к пушке и заставили стрельнуть. Но не в людей, а в небо. Как привет-салют Разину.

Великий Гагин ругнулся, сплюнул, но стрельнул.

Узнав от крестьян, откуда у них пищали, мушкеты и пушки, Разин тоже пощадил Гагина.

— Значит, и бояре нам помогают, — говорил с улыбкой Степан Тимофеевич. — Ну что же, спасибо, помощничек, — подмигнул он Великому Гагину.

МОНАШЕНКИ

Княгиня Лыкова, как и Великий Гагин, тоже осталась в своём имении. Только вал насыпáть княгиня не стала. Ров вокруг дома не рыла. Мушкетов не покупала. Пушку тем более.

Просто пустила она на постой монашенок.

— Святую обитель злодей не тронет!

Поселились монашенки в имении Лыкиной. Стали земные поклоны бить, читать без конца молитвы.

Прошла неделя, прошла вторая, присмотрелись монашенки, освоились.

Жить в монастыре за высокими стенами — это тоска тоской. Другое дело вот здесь, в имении. Речка бежит за откосом. Колышется рядом лес. В лесу и грибы и ягоды. Птицы поют на рассвете.

Живут монашенки в доме у Лыкиной, отбивают земные поклоны, а сами о речке, о лесе думают.

Как-то одна из них украдкой искупалась в реке. А потом по секрету другим рассказала.

Вторая украдкой ходила в лес. И тоже о том проболталась. Принялись и другие на речку бегать. Начали в лес ходить.

Проклинают монашенки свою неволю. Заразились мечтой о воле. То соберутся они на лугу — песни поют мирские. Ночь наступит. Спать монашенкам давно пора. Не спится монашенкам что-то. Смотрят на звёзды, сидят, вздыхают. То рассказы начнут о доме.

Стыдит их княгиня Лыкова:

— Ах вы такие, ах вы сякие! Так-то вы господу богу служите? Так-то земные поклоны бьёте?

Не помогает.

Кричит на них Лыкова:

— Ах вы бесстыдницы! Ах вы безбожницы! Так-то вы святость свою бережёте? Так-то службу несёте царю небесному? Вот вам кары пошлёт господь!

Не помогает.

Летят на монашенок, как град, угрозы:

— Не бывать вам в хоромах райских. Не слыхать вам пения ангелов. Гореть вам, грешницы, в пламени адовом. Вечные веки в кипящих котлах страдать.

Не помогает.

— Смиритесь, смиритесь! — кричит княгиня.

До того довела она бедных монашенок, что жизнь им теперь не в жизнь. Обозлились монашенки, сожгли имение и разошлись по домам.

Долго потом говорили люди:

— Разин спалил имение, Разин. Он и в наших местах побывал.

А Разин поблизости вовсе и не был. Прошёл он где-то дальней совсем стороной.

Почему же так говорили люди?

В великом страхе живут бояре. Прячут своё добро. Кто в колодце его утопит, кто в погребах укроет, кто специальные ямы роет.

Боярин Квашня Квашнин спрятал свои богатства в навозной куче.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к куче навозной сунется?

Легко на душе у боярина. Охраняет навозная куча барское золото и серебро.

Однако прошла неделя, и забеспокоился вдруг Квашнин. Чудится всё боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Перепрятал боярин богатства в другое место. Зарыл на опушке леса у старого дуба под самым осиным гнездом.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к осам посмеет сунуться?

Легко на душе у боярина. Гудят возле дуба осы. Охраняют барское золото и серебро.

Однако прошла неделя, и забеспокоился вдруг Квашнин. Чудится всё боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Снова вырыл богатства Квашня Квашнин. Вновь перепрятал. Закопал у гнилых коряг, там, где водились змеи.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к гадючьему месту сунется?

Легко на душе у боярина. Шипят, копошатся змеи. Охраняют барское золото и серебро.

Снова прошла неделя, и опять у бедняги покоя нет. Чудится всё боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Вновь решил перепрятать добро Квашнин. Теперь

уже наверняка. Теперь уже в самое верное место. Поволок серебро и золото в дремучий-дремучий лес.

— В медвежьей берлоге добро укрою. Вот я какой смекалистый! Кто же к берлоге сунется?

Только неласково встретил медведь боярина. Хватанул его лапой косматый. Тут и пришёл Квашне Квашнину конец.

Лежит в дремучем лесу смекалистый. Прощай барское золото и серебро!

ЧУДЕСА

Боярин Кирилл Морозов был страшнее самого лютого зверя. Даже рычал по-звериному:

— Быдло! Холопья! Р-р-р-ры!

Бил он дворовых всем, что попадало ему под руки: палка — так палкой, оглобля — оглоблей, прут из железа — ударит железом.

А тут... Впрочем, судите сами.

Изменился совсем боярин. Пальцем людей не тронет. Косо не взглянет. Басом не крикнет. Не рыкнет, не плюнет и даже не дунет в их сторону. Кого ни увидит, кого ни встретит — первым же шапку скинет.

Вот чудеса какие!

Звал он раньше дворовых: Тришка, Епишка, Ермошка, Антошка, Серёжка, а чаще всего — дурак.

Теперь же Тришка у боярина — Трифон, к тому же по батюшке — Трифон Евсеич, Епишка — Епифан Алексеич, Ермошка — Ермолай Спиридоныч, Антошка — Антон Капитоныч, Серёжка — Сергей Сергеич. И, уж конечно, совсем позабыл боярин про слово своё «дурак».

Вот чудеса какие!

Раньше боярин был сущий боярин. В лености жил он и в праздности. Охоту любил Морозов. Вёдрами брагу пил. Слуги его одевали. Слуги его раздевали.

Чуть ли не с ложки его кормили. Пешком не ходил боярин. Важно в карете ездил.

Теперь же — ну просто диву даётся народ. Одевается барин сам. Раздевается барин сам. Забыл про охоту. Забыл про брагу. Карету спалил, не ездит.

Другие заботы у барина. То колет дрова Морозов. То машет косой на лугу. То землю, согнувшись, пашет. Полюбил он крестьянский труд. Жить без труда не может.

Вот чудеса какие!

— Научил его Разин, — смеялись люди.

И правда, чем ближе подходило разинское войско к этим местам, тем становился боярин всё более нежным, всё более добрым, становился во всём примерным.

И только одно лишь смущало крестьян.

Уж больно старательно землю боярин пашет. Раз пропахал он поле, начинает снова его пахать. Два пропахал, берётся за третий. И вот уже пашет всё то же поле в четвёртый и в пятый раз.

«Что такое?!» — дивятся люди.

Присмотрелись они повнимательней, и тут-то секрет открылся: от великого страха боярин ума лишился.

НИЗГУРЕЦКИЙ И СВИСТЕЦКИЙ

Дворянин Низгурецкий побывал по казённым делам в Москве. Ездил в какой-то приказ, от воеводы привёз бумаги. Говорилось в этих бумагах, что у них в Переяславском уезде покой, тишина, боярам народ послушен, бунтовства нет и, видать, не будет.

Повстречал Низгурецкий в Москве дворянина Свистецкого. Свистецкий приехал в Москву из Саратова.

— Ох, ох, страх, что в наших краях творится! — стал причитать Свистецкий. — Ошалел, побесился

народ. Вор Стенька словно с цепи сорвался. – Принялся Свистецкий рассказывать, как саратовцы сдали город, как казнили они воеводу, как кричали «ура!» злодею. – Я-то чудом великим спасся. В холопьем платье от них бежал.

– А в нашем уезде спокой, тишина, – заявил Низгурецкий. – Мы от вора надёжно Москвой прикрыты.

Выпили дворяне по чарке хмельного вина. Долго о смуте народной ещё говорили. Кончилось тем, что пригласил Низгурецкий в гости к себе Свистецкого. Согласился Свистецкий, сказал: приедет.

Объяснил Низгурецкий ему дорогу:

– Как проедешь мосток через речку Нерль, свернёт дорога одна налево, другая пойдёт направо. Так вот, чтобы попасть ко мне, надо свернуть направо и ехать лесной чащобой. Проедешь лесной чащобой, увидишь – стоят три сосны. Тут снова пойдут дороги: одна направо, другая налево. Так вот, чтобы попасть ко мне, надо свернуть налево. Проедешь полверсты по этой дороге, будут стоять две берёзы. Тут снова пойдут дороги – одна налево, другая направо. Так вот: езжай хоть налево, езжай хоть направо, прямо ко мне приедешь. Усадьба моя, – объяснял Низгурецкий, – как окончится лес, тут и стоит над рекою. Дом мой высокий. Крыльцо резное. Ворота железом стянуты. Да оно просто совсем найти. А собьёшься – любой покажет.

Через несколько дней Свистецкий направился к Низгурецкому. Едет Свистецкий, кругом тишина, покой. Сердце дворянское радуется.

Доехал он до мостика через речку Нерль. Свернул направо. Свернул налево. Проехал мимо трёх сосен и двух берёз. Вот и открытое поле. Вон там впереди, над рекой, и усадьба стоит Низгурецкого. Только смотрит Свистецкий, а усадьбы как раз и нет. Ни дома высокого, ни крыльца, как обещано, ни обитых железом ворот.

Подивился Свистецкий: «Видать, не туда заехал. Где-то с дороги сбился».

Остановил он коня.

Вернулся опять к берёзам, к соснам затем вернулся. Ездил налево, ездил направо. Час колесил по лесным дорогам. Устал. Истомился. Ободрался в лесных чащобах. Однако усадьбу нигде не нашёл. Вернулся Свистецкий к мосту через Нерль. Тут и попался ему мужик.

— Эй! — закричал Свистецкий. — Где здесь живёт Низгурецкий?

Объясняет ему мужик:

— Как поедешь, барин, лесной чащобой, так, проехав версту, увидишь ты три сосны. От сосен пойдут дороги: одна налево, другая направо. Так ты повертай налево. Проедешь ещё с полверсты, увидишь — стоят две берёзы. Тут снова пойдут дороги: одна налево, другая направо. Так вот езжай хоть направо, езжай хоть налево, приедешь к открытому месту...

— Так я уже там бывал, — перебил мужика Свистецкий. — Там поле кругом, да и только.

— Не сбивай, не сбивай, — осерчал мужик. — Как бы тут самому не спутать. Так вот, когда доедешь до поля, бери направо и краем леса держись ещё четверть версты. И вот тут-то... Да ты, боярин, и сам увидишь. Там осина ещё стоит.

«Ах, вот оно в чём! — догадался Свистецкий. — Про осину, видать, я забыл. Ну и хмельное вино попалось».

Поскакал Свистецкий опять к соснам, опять к берёзам, выехал к полю, свернул налево. И правда, увидел вдали осину. Пришпорил Свистецкий коня, подъехал к осине и от страха едва не помер. На осине висел Низгурецкий.

Заголосил Свистецкий ужасным криком. Вспомнил Саратов, бросился прочь. Только побоялся он ехать лесом. Помчался полем к реке. Тут и наткнул-

ся Свистецкий на пепелище, на сожжённый крестьянами барский дом. Лишь печь от него осталась.

Ширится. Ширится. Ширится. Разрастается пламя войны народной. Полой водой по стране идёт. За вековые и тяжкие муки платит сполна народ.

«ТИШАЙШИЙ»

— Эх, эх, — вздыхал боярин Яков Одоевский, — послал нам господь тишайшего.

«Тишайшим» называли царя. Царь Алексей Михайлович был грузен, мясист, однако характер и вправду имел спокойный.

Любил он охоту. Больше всего соколиную. Леса под Москвой завидные. Дружки у царя весёлые. Зверьё на охотника так и прёт.

Да пропади ты пропадом все дела в государстве, если вздумалось поехать царю на охоту.

Мог он гоняться за зверем и день, и второй, и неделю, и месяц. В Кремле бояре лишь сидели гадали, когда лесной загул у царя окончится.

Весть о восстании Разина застала царя как раз на охоте. Привёз её Яков Одоевский.

Доложил обо всём Одоевский.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — ответил боярину царь.

Недолюбливал царь Одоевского. Нет царю от него покоя. Всё время Яков Одоевский с делами различными лезет. И голос у боярина тихий, вкрадчивый, словно глотка салом гусиным смазана. И видом своим уродлив. Скула лошадиная. Бельмо на глазу. И ходит кошачьим шагом. Нет бы ступать по-мужски, с достоинством.

Отправил боярина царь в Москву, сказал: через день приедет.

Однако приехал не скоро.

К этому времени разинцы взяли Астрахань.

— Вор Стенька смуту поднял великую, — доложил государю Одоевский. — Астрахань взята боем.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — ответил боярину царь.

Ответил — и тут же опять на охоту.

«Эх, эх, — вздохнул про себя Одоевский. — Послал нам господь зайчатника».

Когда царь снова вернулся в Москву, разинцы взяли Саратов.

— Царь-государь, — зашептал Одоевский, — вор Стенька вошёл в Саратов. Люди валят к разбойнику, аки на сладость мухи.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — снова ответил царь.

И снова с дружками в леса уехал.

В третий раз вернулся с охоты царь. Новые вести несёт Одоевский:

— Цадь-государь, вор Стенька прошёл Самару. Вся Волга в разбой ударилась. Татарва, черемисы, мордва, башкирцы — и эти к злодею кинулись. Зашаталась Русь, государь, зашаталась. Погибель идёт дворянству. Брось, государь, потехи. — Боярин повысил голос. — Али не царь ты уже дворянский!

— Ну и пристал ты, боярин, как клещ! — обозлился царь Алексей Михайлович. Даже обиделся: — А чей же я царь — холопий?

Обиделся царь, однако за зайцами на сей раз не поехал. Остался. Дал приказ собирать дворянское войско. К Волге идти походом.

ПИКЕЙНЫЙ ШКВАДРОН

Зашевелилась боярская Русь. Для борьбы с Разиным в разных русских городах срочно набирались войска.

Созывались стрельцы, пушкари, воротники. Брали в войска и дворян, и детей боярских. К местам

сбора двигались копейщики, пикиреры, рейтары, драгуны, гусары, просто солдаты.

Орловский воевода Никифор Спесивцев собрал целый копейный шквадрон. Снаряжал долго. Следил, чтобы кони были хорошие. Сбруя крепкая, сёдла прочные. Чтобы каждый имел боевое копьё. Чтобы у каждого был шишак — железная шапка с наушниками. Чтобы шпага или сабля была у каждого.

Старых не брал.

— Тут нужен народ позлей, помоложе. У молодых и характер решительнее, и силы побольше у них в руках, — рассуждал Никифор Спесивцев.

Осмотрел молодцев воевода. Что ни всадник, то богатырь. Что ни конь, то огонь и ветер.

— Мы же орловские, — говорил воевода. — Мы и тульских, и костромских, и тверских, и тамбовских — любого за пояс всегда заткнём. Будет царь-государь доволен.

Отписал Спесивцев царю, что собрал он пикейный шквадрон. Мол, молодец к молодцу. Кони сытые, копья острые. Ребята надёжные. Лютости в каждом — на двух считай. Не будет пощады Разину.

Тронулись всадники в путь. Дорога через Тулу и Серпухов шла на Москву — там собиралось войско.

Проходит неделя, приезжает гонец:

— Ну, как шквадрон, воевода?

— Отправил, отправил. Молодец к молодцу. Будет царь-государь доволен.

Вторая неделя проходит. Снова в Орёл прибывает гонец:

— Где же шквадрон, воевода?!

— Отправил, отправил. Будет царь-государь доволен. Народ у меня надёжный. Молодец к молодцу. Попомнит Разин шквадрон орловский.

За вторым гонцом и третий вскоре сюда явился:

— Где же шквадрон, воевода?!

«Что за чудо, где же шквадрон?» — подумал и сам Спесивцев.

— Где?

А шквадрон в это время был уже на Дону. А с Дона пошёл на Волгу. Но не против Разина — к Разину шли пикиреры.

Часто такое тогда случалось. Бежали люди из войск боярских. Приходили к Разину и стрельцы, и копейщики, и драгуны, и рейтары. Можно было встретить дворян и даже детей боярских.

НЕДОРОСЛИ

На службу в царёво войско ехало трое дворянских недорослей — Памфил, Боголеп и Топей.

Справа едет верхом на коне Топей.

Слева едет верхом на коне Памфил.

Боголеп между ними едет.

Самый рослый из них Памфил.

Самый низкий из них Топей.

Боголеп серединкой выдался.

Самый умный из них Топей.

Самый глупый из них Памфил.

Боголеп по умишку средний.

Снаряжали их дома на подвиг ратный. Лучших дали в дорогу коней.

По мушкету висит за спиной у каждого. У каждого сабля видна на боку. Мешочки болтаются с пулями, с порохом. Вместо шапок у них шишаки.

Едут дворянские дети. Мечтают о том, как побьют они Стеньку Разина, как вернутся домой с победой.

— Мы схватим в бою злодея и живого его привезём. Мы заслужим царёво слово.

Отъехали недоросли от дома двенадцать вёрст. Осталось без малого тысяча.

Тянулась стрелой дорога. Вдруг разошлась на три.

Остановились дворянские витязи у придорожного камня. Заспорили — какой же дорогой ехать.

— Едем направо, — сказал Памфил.

— Едем налево, — сказал Топей.

Боголеп же за то, чтобы ехать дорогой средней.

Час они громко спорили. Хорошо, что попался какой-то старик.

— Да езжайте любой дорогой. Какая кому милей. Не спорьте. Сойдутся они, сойдутся.

Поехал Памфил направо. Эта дорога свернула в лес.

Поехал Топей налево. Эта дорога пошла к реке.

Боголеп же вперёд поехал по открытому полю.

Едет Памфил по лесу. О геройстве Памфил мечтает. Колокольным звоном гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Размечтался Памфил о славе. Не видит Памфил того, как рядом в придорожных кустах, не отставая, крадётся людская тень.

Сравнялась дорога с ветвистым дубом. Потянулись навстречу Памфилу вилы, сразили Памфила в бок.

Едет Топей по дороге к реке. О геройстве Топей мечтает. Колокольным звоном гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Добрался Топей до реки. Вброд переехал реку. Стал на высокий взбираться берег. Занеслась над Топеем с откоса коса. Рухнул мечтатель в воду.

По открытому чистому полю едет верхом на коне Боголеп. О подвигах ратных и он мечтает. Это в честь Боголепа звоном церковным гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Кончилось чистое поле. Подошла дорога к крутому оврагу. Стал спускаться в овраг Боголеп.

Жаль, что глаз не устроен сзади. Не видит дворянский сынок того, как за спиной кто-то поднялся в рост. Взлетела, как меч, дубина. Ударила молотом по шишаку. Свалился с коня Боголеп. Остался на дне оврага.

Правду сказал старик — сошлись у дворян дороги.

Ефремовский воевода Аввакум Иевлев писал царю: «Его величеству государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу холоп твой Аввакумка челом бьёт».

Писал воевода о том, что городские стены у них в Ефремове подгнили, покосились, а кое-где и вовсе обрушились. Нет у города теперь надёжной защиты. «Ако же вор Стенька прийдёт к Ефремову, — писал Иевлев царю, — то быть великой беде». Для строительства новых стен просил воевода денег.

Отписал царь воеводе, чтобы стены строили. Отпустил денег. Завёз воевода в Ефремов дубовые брёвна. Нанял плотников. Начали строить стены.

Старший среди плотников Никита Зяблов воеводе понравился. Хоть и стар был годами Зяблов, но в плотницком деле оказался большим умельцем.

— Мы эти стены — враз, — говорил Никита. — Они и при правнуках будут ещё стоять. Будь спокоен, отец воевода, Разин на них не сунется.

Каждый день приходил воевода, смотрел, как идёт работа. Стучат топоры, без устали ходят пилы.

— Шибче, шибче! — покрикивает Зяблов.

Правду сказал Никита — стены растут, как в сказке. Похвалил старика Иевлев.

— Стараемся, отец воевода, — ответил Зяблов.

Похвалил воевода плотников.

— Стараемся! — гаркнули плотники.

Притомился в делах воевода. Взяла его хворь. Пролежал он несколько дней в постели.

Но работа шла, не стояла на месте. И вот Никита Зяблов пришёл к воеводе.

— Отец воевода, готовы стены!

Не удержался Иевлев, поднялся на ноги, пошёл посмотреть на крепость. Глянул — отличные стены. Высокие, крепкие. Даже выше старых на целый метр.

— Молодцы! — похвалил воевода.

Обошёл он крепость с одной стороны, обошёл со второй, с третьей, завернул на четвёртую. Смотрит, а там нет никакой стены.

— Как так! — взревел воевода.

— Не хватило брёвен, — объясняет Никита.

— Как — не хватило?!

— Промашка у нас получилась. Зазря метром выше поклали стены. Но ничего, ничего, — говорит Никита. — Зато три стороны неприступные. Никакая их сила теперь не возьмёт. Не страшен, отец воевода, Разин.

Взвыл воевода:

— Да что ты, дурак, несёшь! Что же это тебе за неприступная крепость, если в ней целой стены не хватает?

Разводит Никита руками, еле улыбку скрывает:

— Промашка, батюшка, промашка. И как это только у нас получилось? А ведь старались, старались, батюшка...

— Старались?! — кричал воевода. — Не царю, супостаты, служите! Стеньку, проклятые, ждёте!

Приказал воевода плотников избить батогами. Однако писать обо всём царю и просить новых денег не стал. Не хватило для этого смелости.

Так и остался Ефремов с тремя стенами. Хорошо, что Разин не брал Ефремов.

Глава четвёртая

КАЗАЦКОЕ СЛОВО

ГУСЬ И ПРИСЕВКА

Два молодых казака Гусь и Присевка заспорили, кто больше народному делу предан.

— Я! — кричит Гусь.

— Нет, я! — уверяет Присевка.

— Я жизни не пожалею! — бьёт себя Гусь в грудь кулаком.

— Я пытки любые снесу и не пикну! — клянётся Присевка.

— Хочешь, я палец в доказ отрежу?

— Что палец. Я руку себе оттяпну!

Расшумелись казаки, не уступают один другому.

Разин в это время проходил по лагерю и услышал казацкий спор. Остановился он. Усмехнулся.

Заметили спорщики атамана. Притихли.

Посмотрел Степан Тимофеевич на молодцев.

— Ну и крикуны: жизнь, пытки, палец, рука. Хотите себя проверить?

— Приказывай, атаман! Слово даём казацкое.

— Грамоте учены?

— Нет, Степан Тимофеевич.

— Так вот: кто первым осилит сию премудрость — тому настоящая вера.

Смутились казаки. Не ожидали такого. Ну и задал отец атаман задачу. Однако что же тут делать? Назад не пойдёшь. Слово казацкое брошено.

Не зря говорил про грамоту Разин. Нужны ему люди, умеющие писать и читать. Мало таких. Трудно крестьянскому войску.

Пошли казаки в церковь, разыскали дьячка.

— Обучай, длинногривый.

Сели они за буквы. Пыхтят, стараются казаки.

Только трудно даётся наука. Неделя проходит, вторая.

— Сил моих больше нет, силушек! — плачет по-детски Гусь.

— Уж лучше бы смерть от стрелецкой пули! — стонет Присевка.

Проходит ещё неделя.

— Голова ты моя, бедная ты головушка! Помру я при этом деле! — убивается Гусь.

— За что же муки такие адовы? Господи праведный, за что покарал? — причитает Присевка.

Стонут, проклинают судьбу свою казаки. Стонут, а всё же стараются. Слово казацкое дадено.

Прошло целых два месяца.

— Ну, ступайте, — произнёс наконец дьячок.

Словно ветром дунуло в казаков — помчались быстрее к Разину.

— Осилили, отец атаман, премудрость!

— Да ну! — не поверил Степан Тимофеевич.

— Проверяй!

Протянул Разин Гусю писаный лист бумаги:

— Читай-ка.

Читает Гусь. Правда, не так чтобы очень гладко. Однако всё верно, всё разбирает.

— Молодец, казак! — похвалил Разин.

Достал он лист чистой бумаги, протянул бумагу Присевке:

— Пиши-ка.

Пишет Присевка. Правда, не так чтобы очень быстро. Однако всё верно. Буквы не путает.

— Молодец, казак! — подивился Разин. — Оба вы молодцы! Порадовали. Не ожидал.

Засмущались Гусь и Присевка:

— Старались, отец атаман. Ведь слово казацкое было дадено.

«КРАСАВЕЦ» ЛЁВКА

«Красавец» Лёвка заснул в дозоре. Полагалась за это у разинцев смерть.

Однажды отправился Разин проверять, как службу несут караулы.

Ночь была тёмная-тёмная. Звёзд не видно. Луны не видно. Небо стояло в тучах. Выбрал Степан Тимофеевич время перед рассветом, когда дозорных особенно клонит сон.

Идёт Разин от поста к посту. То тут, то там вырываются из темноты голоса:

— Стой! Отзовись!

Отзывается Степан Тимофеевич. Узнают разинский голос дозорные:

— Здравья желаем, отец атаман!

Надёжно службу несут караулы. Доволен Разин.

Прошёл он шесть дозорных постов. Остался седьмой, последний. Тут и дежурил Лёвка. «Красавец» он потому, что кончик носа был у него обрублен. Так в шутку окрестили его казаки. Когда-то ходил он походом в Ногайские степи. В каком-то бою и лишился носа.

Стоял Лёвка в дозоре у самой реки, на волжской круче у старых сосен.

Вышел Разин к речному откосу. Никто не крикнул на звонкий шаг. «Что такое?» — подумал Разин. Остановился. Тихонько свистнул. Минуту прождал ответа. Свистнул погромче. Опять тишина.

Прошёл Разин вдоль откоса шагов пятнадцать и тут услышал какой-то звук. Застыл атаман. Прислушался. Да это же просто казацкий храп.

Подошёл Степан Тимофеевич к спящему. Лёвку признал в нерадивом. Казак сидел на земле. Прислонился к сосне спиною. Что-то приятное снилось Лёвке. Он улыбался и даже ртом пузыри пускал. Голова чуть склонилась на дуло пищали. Шапка сползла на лоб.

Стал заниматься рассвет. Спит беззаботно «красавец» Лёвка. Храпит на весь берег. Не чует нависшей над ним беды.

— Эка же чёрт безносый! — обозлился Степан Тимофеевич. Хотел разбудить казака. Затем передумал. Взяло озорство атамана. Решил он вынуть из Лёвкиных рук пищаль. «Ну интересно, что Лёвка, проснувшись, скажет!»

Подошёл Степан Тимофеевич вплотную к спящему. Легонько притронулся к дулу. Только потянул на себя пищаль, как тут же казак очнулся. Мигом вскочил на ноги. Разин и слова сказать не успел, как размахнулся казак пищалью. Оглоушил прикладом Разина. Свалился Степан Тимофеевич с ног.

Пришиб казак человека и только после этого стал смотреть, кто же под руку ему попался.

Глянул — батюшки светы! Потемнело в глазах у Лёвки. Бросился Лёвка к Разину.

— Отец атаман! — тормошит. — Отец атаман! Боже, да как же оно случилось?

Не приходит в себя Степан Тимофеевич. Удар у Лёвки в руках пудовый.

Помчался Лёвка с откоса к Волге, шапкой воды зачерпнул. Вернулся. Бежит спотыкаясь. Склонился над Разиным. Протирает виски и лоб.

Очнулся Степан Тимофеевич. Шатаясь, с земли поднялся.

В тот же день атаманы решали судьбу казака. По всем статьям за сон в дозоре полагалась ему перекладина. Однако Разин взял казака под защиту.

— Для первого раза довольно с него плетей.

— Почему же, отец атаман?!

— За то, что пищаль удержал в руках, достоин казак смягчения.

— Да он ведь чуть не порушил твою атаманскую жизнь.

— Так не порушил. Помиловал,— усмехнулся Степан Тимофеевич, рукой проведя по темени: там шишка была с кулак.

Однако неделю спустя, когда заснул в дозоре другой казак, Разин первым сказал:

— На виселицу!

Строг был Степан Тимофеевич. Ой как строг! Умел он карать. Но умел и помиловать.

ДЕСЯТЬ И СОРОК

Не был Разин святым. Мог и сам выпить. Однако приходил в страшный гнев, когда люди перепивались.

А такое случалось.

Особенно падок к вину был казак Гавриил Копейка.

Встретил Степан Тимофеевич однажды Копейку. Разило спиртным от казака, словно из винной бочки.

Почуял Степан Тимофеевич запах:

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! — нагло ответил Копейка.

А вранья Разин и вовсе терпеть не мог.

Встретил Степан Тимофеевич второй раз казака. Еле стоит на ногах Копейка. Глаза мутные-мутные. Осоловело на Разина смотрит.

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! И не нюхал.

Не тронул Разин и на этот раз казака. Но пригрозил расправой.

Не помогло.

И вот как-то казак до того напился, что уже и идти не мог. Полз Копейка на четвереньках. Полз и наткнулся на Разина.

— Ирод! Ты снова пьян?!

— Ни-ни-как нет, о-о-тец ата-та-ман. — Язык у казака заплетался. — Я-я ки-ки-сет обронил в тра-тра-ве.

— Ах ирод! Ах тараруй![1] — Обозлился Степан Тимофеевич страшно. — Эй, казаки, — плетей!

При слове «плетей» хмель из Копейки выдуло ветром. Повалился он Разину в ноги.

— Прости, атаман.

— Умеешь пить, умей и похмель принять, — сурово ответил Разин.

Когда притащили лавку и плети, Степан Тимофеевич скомандовал:

— Десять ударов!

Всыпали.

— А теперь и ещё сорок!

— За что же, отец атаман?

— За враньё, за тараруйство, — ответил Разин.

Не любил Степан Тимофеевич врунов. Ложь — самым великим грехом считал.

[1] Тараруй — враль, лжец, болтун.

Казак Ксенофонт Горшок втёрся в доверие к Разину. Началось всё незаметно, по мелочам. То прочистит трубку Горшок атаману, то пыль из кафтана выбьет, то подведёт под уздцы коня. Понадобится что-то Разину, Горшок тут как тут. Даже в баню ходил со Степаном Тимофеевичем, тёр атаманскую спину.

— Средство моё надёжное, — говорил казакам Горшок. — Я своего добьюсь. Я первой особой при отце атамане стану.

И правда. Не заметил Разин и сам того, как стал при нём Горшок человеком незаменимым, во всех делах чуть ли не первым советчиком. Но самое страшное — стал Горшок шептуном. Трёт он в бане атаманскую спину, а сам:

— Отец атаман, а сотник Тарах Незлобин выпил лишку вчера вина и словом недобрым тебя помянул.

Наговорил на Тараха Горшок. Вот что сказал Незлобин: «Зазря отец атаман дал Ксенофонту большую волю».

Прочищает Горшок атаманскую трубку, а сам:

— Отец атаман, а башкирец Амирка тоже дурное о твоей атаманской особе молвил.

А на самом деле вот что сказал Амирка: «Я бы быстро Горшка отвадил».

Подводит Горшок атаману коня, а сам и тут незаметно про кого-то Разину что-то шепчет.

Вспыльчив Степан Тимофеевич. Крут на расправу. Попали в немилость к нему и сотник Тарах Незлобин, и башкирец Амирка. Пострадали без особой вины и другие.

Приобрёл Горшок небывалую силу. Робели перед ним казаки. Боялись его доносов. Знали, если невзлюбит кого Горшок, несладко тому придётся.

Правда, лихой казак Епифан Гроза пригрозил Ксенофонту расправой. Однако угроза Епифана бе-

дой для него же самого обернулась. Исчез куда-то Гроза, словно в воду, как камень, канул.

Притихли и вовсе теперь казаки. Шептуна за версту обходят.

И вдруг однажды пропал Горшок. Искали его, искали. Разин был в страшном гневе, шкуру грозился спустить с любого. Не помогло. Не нашёлся Горшок, словно и вовсе на свете не жил.

Лишь через неделю, когда стих атаманский гнев, признались разинцы Разину: утопили они доносчика.

Но теперь уже Степан Тимофеевич не ругал казаков, не спустил, как грозился, шкуру. Разобрался за эту неделю Разин во всём, сам тому подивился, как так могло случиться, что при нём, при боевом атамане, и вдруг скорпион прижился.

Мало того, через несколько дней, когда новый казак решил занять при Разине то же самое место и, как Горшок, зашептал атаману на ухо: «Отец атаман, а десятник Фома Ефимов про тебя недоброе слово молвил...» — то Разин кликнул к себе казаков и тут же при всех приказал отрезать язык доносчику.

РАЗИН И КАЛЯЗИН

— Батюшка Степан Тимофеевич!

— Ну что?

Сотник Титов запнулся.

— Что же молчишь?

— Боязно говорить, отец атаман. Гневаться очень будешь.

— Ну и ступай прочь, если боязно.

Однако Титов не уходил. Уходить не уходил, но и сказать о том, ради чего пришёл, тоже никак не решался.

Посмотрел удивлённо на сотника Разин. Титов — казак отважный. Что же такого могло случиться, чтобы казак оробел с ответом?

Наконец сотник отважился.

Выслушал Разин, минуту молчал. И вот тут-то гадай: то ли взорвётся сейчас атаман, то ли шутку какую бросит. Неожиданно Разин расхохотался.

— Не врёшь?

— Провалиться на месте, Степан Тимофеич.

— Так всё и было? Назвался Разиным?

— Так всё и было. Атаманское имя твоё использовал.

— А ну, волоки сюда.

Через минуту в шатёр к Разину ввели человека.

Глянул Разин — вот это да! Атаман настоящий стоит перед Разиным. И даже внешне чем-то похож на Разина. Шапка с красным верхом на голове. Зелёные сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Глаза чёрные-чёрные. Чёрным огнём горят.

— Чудеса! — произнёс Степан Тимофеевич.— Так ты, выходит, Разин и есть?

Вошедший зарозовел, смутился. Даже глаза потупил.

— По правде, Степан Тимофеич, имя моё — Калязин.

— Казак?

— Нет. Из мужицкого рода.

— Чудеса! — опять повторил Разин. Переглянулся с Титовым, вспомнил недавний его рассказ.

Ходил Титов с группой казаков куда-то под Шацк. Заночевал однажды в какой-то деревне. От мужиков и узнал, что объявился где-то под Шацком Степан Тимофеевич Разин.

«Какой ещё Разин? — подумал сотник. — Откуда тут Разин?!»

— Разин, Разин, казак, с Дона он, — уверяли крестьяне.

Разыскал Титов того, кто был назван крестьянами Разиным.

— Ты Разин? — спросил.

— Разин, Степан Тимофеевич.

Понял Титов, что тут самозванство. Потянулся было за саблей. Хотел вгорячах рубануть. Однако на самосуд не решился.

Схватил Титов с казаками шацкого Разина и привёз его к Разину настоящему.

Смотрит Разин на «Разина»:

— Волю людишкам дал?

— Дал.

— Работящих людей не трогал?

— Не трогал, отец атаман.

— Народу служил с охотой?

— Ради него на господ и шёл.

— Нужны атаманы, нужны, — проговорил Разин. Повернулся к Калязину: — Молодец! Ну что же — ступай. Стал атаманом — ходи в атаманах. Желаешь — будь Разиным. Желаешь — Калязиным. Зовись хоть горшком, хоть ухватом. Не дело на имени держится. Имя на деле держится.

ОТКУПИЛИСЬ

Сотник Матвей Веригин с отрядом казаков вёз Разину захваченную в одном из уездов казну. Хранились деньги в ларцах. Медные — в одном. Из серебра — в другом.

Проехали казаки самые опасные места, миновали стрелецкие заставы, заслоны. Казалось, что все преграды уже позади. Как вдруг в лесу наткнулись они на засаду.

Завязался между стрельцами и казаками ружейный бой.

Стрельцов и числом больше, и в пулях нет недостатка. У казаков же свинец на исходе. Понимает Веригин: плохи дела.

Лежат разинцы за дубами, берёзами, отбиваются.

Стрельнули раз, стрельнули два. А в третий и стрельнуть у многих нечем.

Подполз к сотнику тот, что залёг от него правее:

— Батька, свинца более нет.

Подполз тот, кто лежал по левую руку:

— Батька, пришла погибель.

Хотел подняться Веригин в рост, дать команду к ручному бою. «Эх, была не была, погибать, так с достоинством». Да только в это время подполз к Веригину третий из казаков. Подполз, ругнулся недобрым словом и вдруг зашептал:

— Батька, а ежели нам откупиться? — Шепчет, а сам глазами косит на ларцы с казной.

— Откупиться?! Ах ты собака! — взревел Веригин. На минуту задумался. Потом улыбнулся: — А ну волоки ларцы.

Бросился к ним советчик, придвинул поспешно к сотнику. Сбил Веригин прикладом замки, откинул крышки.

— Вот так, атаман! Вот так! — опять зашептал советчик. — Дозволь стрельцам прокричать о деле.

Не отвечает Веригин. Подхватил он горсть монет, бросил правому из казаков. Вновь подхватил, бросил левому. Бросил другим:

— А ну заряжай!

Сообразили разинцы, набили монеты в дула.

— Ну, а теперь голоси, — приказал Веригин советчику.

Догадался, в чём дело, теперь и советчик. Поднялся казак с земли, закричал стрельцам:

— Откупного даём, откупного! Жалует вас атаман серебром и медью. Жалует вас серебром и медью! — кричит казак и пересыпает в руках монеты.

Заслышав денежный звон, стрельцы и высунулись из-за укрытий.

— Пуляй! — закричал Веригин.

Стрельнули казаки. Дым туманом схватил де-

ревья. А когда он рассеялся — нет стрельцов уже рядом. Трое лежат убитыми. Другие снова ушли в засаду.

Приободрились казаки и такую подняли стрельбу, что стрельцы отходили всё дальше и дальше. А потом и вовсе оставили их в покое. Видать, и у стрельцов ружейный припас окончился.

Прибыл Веригин к Разину, вручает ему казну.

— Не гневись, батюшка атаман, — говорит. — Будет в ларцах недостача.

— Как — недостача? — насупился Разин.

Рассказал Веригин о стрелецкой засаде.

Слетела суровость с лица у Разина. Рассмеялся Степан Тимофеевич.

— Говоришь, откупились?

— Откупились, батюшка атаман.

РЕЧНАЯ ЦАРИЦА

Оскарка Чертёнок пристал к разинцам возле Самары. Чертёнок — это прозвище. Так казаки его окрестили. Был он то ли из-под Саранска, то ли из-под Алатыря. Родом мордвин. Немало было в войсках у Разина и мордовцев, и чувашей, и черемисов, и татар. Впрочем, Чертёнок утверждал, что он русский.

— В России живу, потому и русский.

— Ну, а веры же ты какой?

— Веры я разинской. Оттого к вам и пришёл.

Острым он был на язык.

Сражался Чертёнок вилами. Другого оружия не признавал.

— Они острые, — объяснял Оскарка. — С ними в бою лучше. Это тебе не пищаль. Их заряжать не надо.

А заряжать ружья в те времена было целым делом. И порох и пули заталкивали через дуло.

Чертёнок сразу же всем понравился. Был он весёлым и добрым. К тому же умел рассказывать байки. Плёл небылицы пуще одна другой. И всегда про одно: про царицу речную. И как выглядит царица речная, и что ест, и что пьёт. Даже придумал, что в гостях у неё бывал.

— Аж под водой?! — поражались те, кто принимал любой вымысел за чистую правду.

— Под водой, — отвечал Чертёнок.

Послушать Чертёнка сбегались с различных мест. Разин тоже однажды слушал.

А как-то сотник Веригин, повстречав Оскарку и посмотрев на его вилы, в шутку сказал:

— Ты бы хоть пистоль или пищаль попросил у своей царицы.

— Да зачем мне пищаль, — начал Чертёнок. И снова пошёл про то, что вилами биться лучше. Их заряжать не надо.

— Ну так для других попросил, — подзадорил Веригин.

Плохо было с оружием в разинском войске. Пищаль или пистоль считались богатством.

— Для других попрошу, — согласился Оскарка.

И попросил.

Куда-то исчез. Три дня пропадал. Вернулся — в руках пищаль.

Все так и разинули рты. Сотник Веригин и тот поразился.

— Значит, не врал. Значит, царица имеется, — пошли голоса.

— А ну, ещё принеси пищаль.

— Две принеси пищали.

— Можно и две, — ответил Чертёнок.

Снова где-то он пропадал. А когда вернулся, глянули все и видят: как и обещано, несёт две пищали.

Секрет оказался в простом. Знал Чертёнок лесные округи. Уходил он в сторону от главных дорог,

Подкарауливал одиночных стрельцов. Колол вилами. Забирал оружие.

Узнал о Чертёнке Разин.

— Молодец! — похвалил Оскарку.

Приказал Степан Тимофеевич отрядить несколько партий смелых людей. Чтобы и эти ходили лесными дорогами и тоже оружие добывали. Называли таких смельчаков добытчиками. Чертёнок с ними тоже ходил. Многие из них отличились. И Чертёнок был всегда в первых, самым удачливым.

— Помогает ему царица, помогает,— шутили разинцы.

ОТЧЕГО И ПОЧЕМУ?

Мужичонка Фрол Скобеев надоел казакам до крайности. Не давал никому покоя. Приставал постоянно с вопросами: почему, отчего, отчего, почему?

— Почему казаки землю не пашут?

Объяснили ему казаки. Мол, не землю пахать, а страну охранять — для того казаки и созданы.

— Отчего слово пошло «дуван»?

Объяснили ему казаки. Давнее это слово. Когда делят они добычу, это и есть дуван.

И дальше таких «отчего», «почему» посыпалась сотня за сотней.

Поначалу с охотой объясняли ему казаки. А потом им так надоел Скобеев, что при виде его казаки бежали, как от самого лютого зверя.

Тогда принялся Фрол Скобеев донимать пушкарей:

— Что такое наряд?

Объяснили ему пушкари. Мол, наряд — это и есть сами пушки. Так называются пушки.

— А что такое раскат?

И про это объяснили ему пушкари. Мол, раскат —

помост у крепостного вала или стены, на котором ставятся пушки.

Поначалу с охотой объясняли ему пушкари, а потом, когда вопросы посыпались градом, «Ах ты мучитель, аспид несчастный!» — взвыли, не выдержав, пушкари.

Оставив пушкарей в покое, взялся Фрол за стрельцов. Вслед за стрельцами терзал гребцов. Затем — драгун, пикиреров, гусар, мушкетёров. Даже приставшего к разинцам батюшку, словно палач, пытал. Этого, правда, про бога. Есть ли бог на земле? А если есть, почему не видно? Есть ли на свете ангелы? А если есть, почему не слышно? Существует ли ад и рай? И если да, то в ад или в рай попадёт после смерти сам батюшка?

Не выдержал батюшка, послал его к чёрту.

Прошло какое-то время, и вот уже не Скобеев лезет к любому с вопросами, а сам на вопросы других отвечает. Пополняется армия Разина. Приходят в неё новички. Всё интересно новеньким.

Одному объяснит Скобеев про верховой и подошвенный бой. Верховой, мол, происходит от слова «верх». Это тот бой, который ведётся на стенах. А подошвенный — тот, который идёт внизу, то есть у стен, под стенами. Другому расскажет, что такое дуван. Про ломовую пушку расскажет третьему. Мол, ломовая она потому, что от слова «ломоть» происходит. Из этой пушки по стенам бьют. Про морские, речные суда расскажет. Объяснит, почему одни лодки называются «бусы», другие — «насады». А есть ещё салы. Мол, бусы — это большие морские лодки. А насады — речные. Насады они потому, что борта у них как бы нашиты, насажены. Салы же вовсе не лодки, а всего лишь плоты, и сделаны вовсе они не из брёвен, а из пучков камыша. Человека держат они с трудом. А вот одежду свою, сбрую, сабли, пистоли и пики на них казаки перевозят.

Многое знал Скобеев. Рассказывал он интересно.

Слушать его интересно. Лезут к нему с вопросами. Нет никому отказа. Подумал Разин и вдруг назначил Скобеева сотником.

Однако нашлись здесь такие, которые к Разину вдруг с обидой:

— Как! Почему?! Мы тоже не меньше знаем. Нам тоже пора бы быть в сотниках.

— Возможно, вы тоже не меньше знаете,— ответил Разин.— Только дорог не тот, кто в себе таит. Почёт наш тому, кто поделиться с другим умеет.

ПРИТЯГАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Длинный путь прошёл с разинским войском Ермил Крупицын. Астрахань, Царицын, Саратов, Самара — всё позади. А сколько других городов, сколько сёл, деревень. То плыли в лодках, то меряли вёрсты пеши, реже в телегах по-барски ехали.

Приметили разинцы: куда ни придёт Крупицын — всюду он свой человек. Люди вокруг него сразу толпой собираются. А провожают в дальнейший поход, как самого близкого друга.

Вначале гадали разинцы:

— Может, в каждом селе у него родня?

— Видать, Ермил из ямщицкого роду и в сёлах приволжских не раз бывал.

— Да нет, он струги тягал по Волге и всюду завёл знакомство.

Спросили о том Крупицына.

Оказалось, отродясь не бурлачил Ермил. В ямщиках не ходил ни разу. И вообще не бывал никогда на Волге. Родом — елецкий, из неблизких от Волги мест.

И вот тут-то кто-то сказал:

— Притягательный он человек.

Присмотрелись к Крупицыну разинцы и разобрались, почему же он притягательный.

Началось всё с того, что приотстал однажды Крупицын от войска. После ночёвки в каком-то селе недосчитались его в отряде.

— Ну,— решили,— видать, сбежал. Не вынес, должно быть, Ермил похода.

Однако прошло три дня, и вот догнал Крупицын своих товарищей.

— Где же ты был?

— Где пропадал?

— Мы уже думали, леший тебя прибрал.

Отмолчаться хотел Крупицын. Не удалось. Пришлось рассказать Ермилу.

Оказывается, заночевал он в селе у какой-то одинокой старухи. А изба у старухи не изба — развалюха. Брёвна подгнили, скособочились стены. Крыша совсем провалилась. Вот и остался Крупицын в селе. Три дня крышу чинил старухе.

— Может, старуха твоя — молодуха? — кто-то полез к Ермилу.

Но шутника оборвали.

С этого дня стали разинцы наблюдать за Крупицыным. И что же?

Станет отряд на днёвку или короткий отдых. Бухнутся все на траву. Ноги гудят от усталости. Лежат отдыхают разинцы. А где же Ермил?

А Крупицын в это время то крылечко резное кому-то ладит, то вдовой стрельчихе дрова колет, то, надрываясь, брёвна с телег сгружает.

Где-то роют колодец — Ермил на подмогу. Через ручей обвалился мосток — Крупицын и тут как тут. Тянут людишки невод. Глянешь, и разинец в общем ряду. В одном месте станет Ермил у кузнечного горна. В другом соберёт детей и сказкой весёлой ребят потешит. В третьем, на лугу, косарям поможет.

— Да что ты, Ермил! — говорят товарищи.— Пожалел бы себя. Да разве ты всем поможешь!

— Что правда, то правда,— согласится Крупицын.

Однако в новом селе начинается всё сначала.

И кончается тем же самым: провожают крестьяне разинца, как самого лучшего друга. Сотни и сотни вёрст прошёл вдоль Волги Ермил Крупицын. Прошёл и всюду память в сердцах у людей оставил.

Неизвестно, где кончил свой век Крупицын. Погиб ли в бою, казнён ли на плахе. А может, он долго жил и умер естественной смертью. Только память о нём долго на Волге ещё хранилась. Во многих местах фамилию люди уже забыли. А чаще просто её не знали.

Говорили на Волге так:

— Проходил тут однажды разинец — доброй души человек, притягательный.

КРИКУН И КРАСАВЧИК

На одной из стоянок казак Мишка Бычок раздобыл петуха.

— Стянул?! — полезли к нему казаки.

— Нет,— озорно отвечает Мишка.— Мне бабка одна дала.

Однако все видят, что врёт, шельмец, что стянул петуха, конечно.

Петух оказался особенный. Правда, внешне был он не очень казист. Скорее, наоборот. В какой-то драке лишился пера на шее. На одной из лап не хватало пальца. Зато...

Петушиное племя вообще непривязчиво. А этот сразу привык к казаку. Ходил за Мишкой словно телок за маткой. И если, бывало, с Бычком кто-нибудь заговорит, сразу на тех сердился. Расправит крылья. Идёт как воин. Спеши отойти, а то немедля клюнет.

Куры воду не очень любят. Сторонятся прудов и рек. А этот словно из утиного яйца народился. Даже, представьте, плавал. Мишка в воду, и он за ним. Мишка на струг, и тенью петух за Мишкой.

А главное, голос у петуха оказался на редкость

звонким. Своим пронзительным криком будил он всех ни свет ни заря на струге. Сердились вначале разинцы. Хотели крикуна придушить. Однако привыкли скоро. А привыкнув, его полюбили. Напоминал им крик петушиный родные донские станицы, далёкие хаты, детей и баб.

Петух погиб неожиданно, но очень геройской смертью. Запомнился разинцам этот день. Сидел петух на борту. День был жаркий. Палило солнце. Петька, прикрывши глаза, дремал. И вдруг привстал он на ноги, раскинул крылья и разразился особым каким-то криком. Глянули люди. Не поняли сразу. Потом разобрались. Вдоль борта проползла змея. Кто несмелый — тут же отпрянул. Другие схватились за сабли. Однако Петька опередил. Налетел на гадюку. Клювом — по черепу. Пришиб он ползучую тварь. Однако, видать, не до самой смерти. Ухитрилась гадюка кольнуть его в шею жалом. Успела смертью ответить на смерть.

Откуда на струге взялась змея? Сама заползла ли во время стоянки? Кто-то случайно с грузом её занёс? А может, был тут недобрый умысел, кто-то нарочно её подбросил? Струг атаманский. Всякое может быть.

Грустили в тот день казаки. Словно что-то ушло родное.

Вскоре разинцы завели нового петуха. Но этот оказался неголосист. Воды как огня боялся. Всюду, паршивец, гадил. И хотя с виду красавцем был, однако только на суп годился.

Съели его казаки.

ОСТАЛСЯ

Лазутка Дятлов роптал на Разина. Что бы Разин ни сделал, как бы ни поступил, выходило, со слов Лазутки, что сделал Степан Тимофеевич неверно, что как раз по-другому тут стоило поступить.

Когда в начале похода дал Разин команду идти на Астрахань, Дятлов сразу начал мутить людей:

— Зазря мы идём на Астрахань. Не туда атаман ведёт. Тратим напрасно время. Нам бы сразу идти на Москву, на север. Там царь и главные силы сидят дворянства.

— Нет, верно, что раньше идём на юг, — отвечали Лазутке разинцы. — Прав Степан Тимофеевич. Астрахань сильная крепость. Нельзя, чтобы у похода осталась она за спиной. Боярским ножом торчала. Если Астрахань будет нашей, вся Волга у нас в руках.

Когда в Царицыне Разин приказал чинить кремль, Дятлов и здесь, как петух, шумел:

— Да чего же его чинить! Город мы взяли. Зачем нам стены? Нет бы брёвна раздать на дрова людишкам.

— Эх, Лазутка, Лазутка, местом сидячим думаешь, — отвечали Дятлову разинцы. — Пока на Руси боярство, стены и нам нужны. Рано рушить валы и крепости. Правильно сделал Разин.

Тем, что Степан Тимофеевич дал команду равнять крестьян с казаками, Дятлов и вовсе был недоволен. Ходил среди казаков, кричал:

— Да как же так можно равнять казака с мужиком? Мужик отродясь — холоп, казак с малолетства — вольный. Как же так, меня и холопа в одну телегу!

— Нет твоей правды, нет, — отвечают Лазутке разинцы. — В том и великая сила похода, что равняет Разин людей. Оттого и прут к нему новые тысячи. Мужик ли, казак, каждый для воли и счастья рождён на свете. Вот и выходит, что Разин прав.

Не унимался Дятлов:

— Не так, не так поступает Разин.

По любому поводу с осуждающим словом Лазутка лезет. Ругал он Разина и за то, что очень крут атаман с теми, кто засыпа́л в дозорах:

— Не жалеет людишек Разин, не ценит казацкую кровь!

И за то, что, заметив склонность к спиртному, приказал Степан Тимофеевич всыпать кнутов Гавриилу Копейке:

— Что же, выпить нельзя казаку!

И даже за то, что заставил Разин Гуся и Присевку сидеть заниматься грамотой.

— Зачем же мучить зазря казаков? Что мы — поповского роду-племени! Да я бы...

— Ты бы...— смеялись в ответ казаки.

Все знали, что Дятлов завидовал Разину. Лазутка и сам норовил в атаманы. Мечтал стать хотя бы сотником, хотя бы десятником.

Только не избирали люди почему-то его в атаманы. Даже в сотники, даже хотя бы в десятники. Был он Лазуткой да так и остался.

ТРУБКА

Была у Разина трубка. Любимая. Из ясеня.

И вот обронил Степан Тимофеевич трубку. Стоял у борта на струге. Шлёпнулась трубка в воду. Буль — и пошла на дно.

— Эка напасть! — ругнулся Степан Тимофеевич. — Примета к тому же недобрая.

Трубка досталась ему от отца. А отцу, говорят, от деда.

— Да мы её враз! — тут же вызвались казаки.

Остановили разинцы струг. Разделись. И в воду. Ныряли, ныряли. Доставали до самого дна. А Волга — река не мелкая. Запыхались. Измучились. Нет трубки.

— Вёсла в воду,— скомандовал Разин.

Так и осталась трубка на дне речном.

Погрустил, конечно, Степан Тимофеевич. Да что же делать. «Что с воза упало, то пропало» — не зря в народе так говорят. Однако прошла неделя. И вот явились к Разину три казака:

— Получай, батюшка атаман!

Глянул Разин — трубка. Та самая: отцовская, дедова. Не поверил вначале Степан Тимофеевич. Покрутил в руках, посмотрел. Вот и зарубка, вот и щербинка. Вот и кольцо из меди — на месте разъёма.

— Она. Та самая. Ну и лешие! — произнёс Разин. Посмотрел на казаков: — Да как вы её? Откуда?!

Переступают с ноги на ногу казаки. Пожимают плечами. Мол, гадай, атаман, как желаешь. Как достали — дело второе. Главное — трубка есть.

— Спасибо, — сказал Степан Тимофеевич. Отпустил казаков с поклоном.

Отпустил, а сам снова за трубку. Получше её рассмотрел, понял, что трубка не та. Та и не та. Схожа — тут спору нет. Две капли воды так не схожи. И всё же не та.

Усмехнулся Степан Тимофеевич.

Хотел разыскать казаков. Однако того не сделал. Решил не смущать умельцев.

Курит Степан Тимофеевич трубку. Струится над ней дымок. Струится, уходит в небо. Тает в бездонном небе.

Глава пятая

СИМБИРСКИЕ СТЕНЫ

РАЗВЕРНУЛСЯ

4 сентября 1670 года разинская армия подошла к Симбирску. Остановил Степан Тимофеевич свои войска в трёх верстах ниже города. А потом, когда опустилась ночь, переправил их на челнах вверх по течению Волги и обошёл Симбирск с северной стороны.

Симбирский воевода Иван Милославский уже давно готовился к встрече Разина. Гарнизон у Милославского сильный – целых четыре стрелецких

полка. К тому же собралось в Симбирске немало дворян из округи. Бежали они из своих имений. Искали защиты у стен симбирских.

Из бежавших сюда дворян Милославский тут же создал отряды.

Но главное, на помощь симбирскому воеводе пришёл из Саранска с войсками князь Юрий Барятинский. Дороден князь Юрий Барятинский. Многоопытен он в боях. Ходил на поляков, на шведов. Иноземным владеет боем, то есть сражаться умеет так, как учат тому за границей — совсем по последней моде.

Когда царь Алексей Михайлович отправлял князя Юрия на Волгу, в поход против разинцев, говорил государю Барятинский:

— Стыдно мне с ними биться. Рук негоже, царь-государь, марать. Да разве там войско! Шайка разбойников. Нет тут размаха для знатного воина. Тут развернуться негде.

Ошибся князь Юрий Барятинский. Развернулся он всё же. Правда, не так, как думал.

Вывели воеводы свои войска. Приготовились к бою.

— Ты слева ударишь, князь Иван, — говорил Барятинский Милославскому. — Я же ударю справа. В клещи возьмём злодея. Потом по частям изрубим. Тесни его к Волге, чтоб скинуть в воду. Вот тут-то и будет военная мудрость.

Всё было бы хорошо, да спутал Разин боярские планы.

Ждут воеводы восставших с юга. Разин ударил с севера. Врезались разинцы в дворянское войско, прошли, как ножом по маслу.

Побежали войска боярские. Бросились воеводы в разные стороны. Милославский скорее к кремлю, под защиту дубовых стен. Барятинский тоже туда бы кинулся, да за речку Свиягу бежали его полки. Бежал за ними и князь Барятинский.

— Развернулся князь Юрий, развернулся, — смеялись разинцы. — Стоял к нам грудью, спину теперь показал.

ХИТРЫЙ НЕМЕЦ

Бросились казаки догонять уцелевших, заработали саблями, пиками.

Группа разинцев, вскочив на пригорок, увидела воина. По виду не дворянин, не стрелец. Одежда на нём необычная. Ни усов, ни бороды нет. Человек вытянул кверху руки и истошно кричал:

— Их бин[1] не русский! Их бин не русский!

Хотели казаки проткнуть его пиками. А затем схватили и доставили Разину.

— Их бин не русский, — снова твердил человек и трясся, как осиновый лист, от страха.

И верно, по-русски говорил он с трудом. Но всё же понять удалось: солдат оказался немцем. Из его слов узнали и то, что в полках у Барятинского были также датчане и шведы.

— Да ну? — поразился Разин. — И датчане, и шведы!

А потом разобрали, что были не только немцы, датчане и шведы, но и голландцы были.

— Ты смотри, и голландцы, — покачал головой Разин. — Выходит, своих не хватает!

Иноземные солдаты служили в те годы в русских войсках — нанимались за деньги. Однако не думал Разин, что повстречает их в боях под Симбирском.

— Худо боярам, худо, — усмехнулся Разин. — А ты, я смотрю, хитрый — раз руки к небу задрал.

Казаки рассмеялись.

— Вас? Вас?[2] — залепетал немец.

— Хитрый, — повторил Разин.

---

[1] Их бин *(нем.)* — я есть.
[2] Вас? *(нем.)* — Что?

— Вас? Вас?

Из-за этого «вас» и прозвали казаки немца Васькой. Хотя имя его было совсем не Василий и даже не Вильгельм, а Карл.

Смотреть на немца сходились толпами.

— Неужто немец?

— Вот это да!

— Ишь ты, кого побили! Значит, сила у нас в руках.

Смотрели разинцы на платье, на бритое лицо немца, поражались:

— Кафтан до пупа! Лицо — без волос, как локоть!

В первый же вечер казаки напоили Ваську вином. Он пел песни и даже плясал.

На следующий день немец заявил, что готов служить Разину. Стал выпытывать, сколько платят.

— Гельд, гельд[1],— пояснял Васька.

Казаки вначале не поняли. А когда поняли, долго, в свою очередь, не могли растолковать немцу, что денег тут никаких не платят. Бьются люди по доброй охоте. И награда им будет тогда, когда всех бояр изничтожат. И наградой будут не деньги, а жизнь для всех равная, то есть каждому счастье и воля.

Немец хлопал глазами, не верил.

— Гельд, гельд, — опять твердил о своём.

Через несколько дней немец бежал.

Сообщили об этом Разину.

— Атаман, прикажи отрядить погоню.

— Бог с ним, — ответил Разин. — Пусть в живых остаётся. Может, немец вернётся к себе домой. О том, что видел и слышал у нас, расскажет.

---

[1] Гельд *(нем.)* — деньги.

Много в войсках у Разина прославленных атаманов: Михаил Харитонов, Максим Осипов, мариец Мирон Мумарин, чуваш Алгилда Атимов, татарин Алмакай, мордвин Павел Елашев, атаман Прокофий Иванов, которого прозвали Шумливый, прославленный Василий Ус, Михаил Чирок, атаманы Иван и Сергей Васильевы, Фёдор Шелудяк и другие.

Под началом у некоторых из них было по десять, по двадцать тысяч восставших.

Уходили разинские отряды от Волги на сотни и сотни вёрст. Отправлял их Разин и из Саратова, и из Самары, посылал и отсюда, из-под Симбирска.

Брали они города: Пензу, Саранск, Алатырь, Космодемьянск. Не счесть всех городов, взятых разинцами.

Вдали от движения главного войска возникали и собственные отряды. Появлялись и новые командиры.

А тут вдруг Разин узнал, что атаманом большого отряда, действовавшего под Арзамасом в Кандомском и ближайших к нему уездах,— женщина. Зовут, мол, её Алёна.

— Баба? — не поверил Разин. А потом осерчал: — Уже и мужиков не хватает на белом свете! Что же, у неё под началом, выходит, бабы?

— Да нет, в штанах, кажись, люди, — ответили Разину.

Ещё больше осерчал Степан Тимофеевич:

— Мужики – и чтобы ходили под бабой! Не верю. Не может быть!

Отправил Разин под Арзамас сотника Филата Гаркушу разузнать: всё ли так, как люди о том говорят.

Приехал сотник под Арзамас, остановился в каком-то селе.

— А правду о том говорят, что атаманом над вами баба?

— Какая же баба! — обиделись местные мужики на Гаркушу. — Сам ты баба, — ещё добавили.

«Видать, сбрехали людишки отцу атаману», — подумал Гаркуша. Однако решил к Разину пока не возвращаться, а самому всё до конца проверить.

Разыскал он в лесах кандомский отряд. Увидел и атамана. Был тот статен, в кафтане, в шапке. В седле, как казак, держался.

«Мужик, как есть мужик, — подумал Гаркуша. — Да разве баба в седле удержится?»

Однако счёл нужным убедиться в этом доподлинно, чтобы Разину точный ответ привезти. Гаркуша исполнительным был казаком.

Решил сотник проверить арзамасского атамана на щип.

«Любая баба от этого взвизгнет, — рассуждал Гаркуша. — Щип её сразу выявит».

В тот же день, улучив минуту, разинский сотник и выполнил этот несложный план.

Возвращался назад к своим под Симбирск Гаркуша с подбитым глазом и с огромной ссадиной на голове.

— Баба, истая баба, — доложил казак Разину. — Будь ты проклята! — сплюнул Гаркуша.

— Да что ты, откуда таким красавцем? — не смог удержаться Разин.

Признался сотник, как выполнял он атаманское поручение.

Давно не смеялся так Разин. Плечи тряслись, ходили.

— Ну, раз у бабы такая рука, раз побила самого казацкого сотника, видать, по заслугам она в атаманах!

Почему-то все называли Алёну «старицей» — «старица Алёна». Хотя она женщина вовсе была не старая, даже меньше чем средних лет. Видать, выделяли люди её за ум. Командиром была она очень отважным. Руководила отрядом умело. Когда же

попала к боярам в плен, и тут проявила геройство: перед казнью над палачами своими смеялась.

Казнили Алёну страшно, заживо бросив в огонь.

Не верили даже бояре, что это обычная женщина. Считали её колдуньей.

«НАША ВАШИМ НЕ УСТУПИТ!»

Кремль в Симбирске был деревянный. Называли его «Рубленый городок». Стоял он в центре города на «венце» Симбирской горы, то есть на самом высоком месте. Ров, вал вокруг городка. По углам боевые башни.

За стенами кремля и укрылся воевода Иван Милославский. С ним были верные ему стрельцы и дворяне.

Взяв Симбирск, Разин тут же начал и штурм кремля. Понимал Степан Тимофеевич, что не будет в Симбирске полной победы, не двинуть походом дальше, пока Милославский сидит в кремле.

— Эх с ходу бы, единым махом!

Пошли на стены разинцы ещё в темноте.

— На приступ! На слом! — прокричал Разин. И словно открыл плотину.

Потекли отряды и слева и справа. Земля загудела от топота ног.

— Не трусь! Поспешай! — неслись команды разинских сотников.

И вдруг рядом с Разиным, у самого правого уха, да так, что Степан Тимофеевич вздрогнул, прогремел молодецкий голос:

— Наша вашим не уступит!

И тут же, но уже с другой стороны, с левого уха, те же слова, но ещё зычней:

— Наша вашим не уступит!

Две ватаги обтекли Разина, чуть не сбив атамана с ног.

— Ну и лешие! — ругнулся Разин. Затем улыбнулся. Темнота укрывала бегущих. Но удальцов он признал.

Было это ещё в Царицыне. Во время ремонта царицынских стен.

— Не ленись! Поспешай! — неслись команды разинских сотников.

Степан Тимофеевич ходил, наблюдал за работой. Вдруг рядом с Разиным, прямо у правого уха, гаркнуло:

— Наша вашим не уступит!

И в тот же момент, но уже с левого уха, словно эхо, в ответ:

— Наша вашим не уступит!

А потом и справа и слева:

— Берегись, атаман!

Разин мотнул головой налево, направо. Видит, бегут две ватажки. В каждой человек по двадцать. Тащат огромные брёвна. Состязаются, кто первым с брёвнами к стене добежит. Несутся, и каждый кричит:

— Наша вашим не уступит!

— Сама пойдёт, сама пойдёт...

— Наша вашим не уступит!

— Сама пойдёт, сама пойдёт...

Залюбовался Степан Тимофеевич. Парни статные. Красивые, один к одному. Богатыри русские.

Вторая встреча произошла у них под Самарой: переправлялись разинцы с одного берега Волги на другой. На той стороне горели костры, варились для разинцев щи и каша.

Плыл Разин в челне, вдруг слышит с правого борта:

— Наша вашим не уступит!

Только повернул Степан Тимофеевич голову направо, как тут же ударило слева:

— Наша вашим не уступит!

Состязаясь между собой, разинский чёлн обходи-

ли две лодки. Признал Степан Тимофеевич молодцев. И те опознали:

— Привет атаману!

И снова своё:

— Наша вашим не уступит! — Лишь вёсла крылом взлетели.

Посмотрел на парней Степан Тимофеевич, не сдержался и сам.

— А ну, не отстать! — бросил своим гребцам.

Рванули гребцы что есть силы. Присоединился атаманский чёлн к гонке.

Пришли к берегу все разом. Лица у всех возбуждённые. Азартом глаза горят.

— Молодцы! — бросил парням Степан Тимофеевич. А сам подумал: «Ради чего же гнались? Прыть-то, поди, из-за каши. Тьфу!»

И вот встреча теперь в Симбирске. Слева и справа от Разина море людей. Мелькают армяки и рубахи, свитки и казацкие шапки, сабли, пищали, вилы, пики, рогатины и топоры. Тысяча жмётся к тысяче, сотня бежит за сотней. И всё это колышется, всё это движется, несокрушимо несётся туда — к самой вершине Симбирской горы. И где-то уже оттуда, издалека, прорывают предрассветную темноту знакомые голоса:

— Наша вашим не уступит!

— Наша вашим не уступит!

Вместе со всеми парни идут на штурм.

— Удалой народ, удалой! Эка лихости сколько! — восторгается Разин.— Им что каша, что труд, что бой — лишь бы не быть в последних. Вот ведь натура русская!

РОЗГИ

При взятии Симбирска попал к разинцам огромный обоз. Были в нём и хлеб, и соль, и ядра для пушек, и порох. Была и всякая обозная рухлядь: подко-

вы, уздечки, колёсные спицы, дёготь, верёвки, гвозди. Были и... розги. Целых три воза. Ведал обозным хозяйством дворянин Ягужинский. Он и придумал розги.

— Для злодея везу, для злодея, — говорил Ягужинский. — Как побьём воровской народ, так и устроим великую сечу. Насмерть их, розгами. Для того и везу.

Отличался Ягужинский лютостью редкой. Вёз он не только розги. Были на обозных телегах и кнуты, и плети, и колоды с цепями, был и палаческий инструмент: топоры, пруты из железа, петли для виселиц, пыточные щипцы для раздирания тела. Находился при обозе и свой палач.

— Я человек запасливый, — говорил Ягужинский. И похихикивал: — Каждый третий пойдёт на виселицу, каждый пятый сядет на кол. Ну, а розги, эти, конечно, всякому.

Однако получилось всё вовсе не так, как мечталось о том Ягужинскому. Приехали розги с обозом в Симбирск. Тут и достались восставшим. Достались не только розги, но и сам Ягужинский.

— Розги? — переспросил Разин, когда донесли ему об обозном хозяйстве.

— Розги, батюшка атаман. Целых три воза. А есть ещё и кнуты, и плети, и палаческий и пыточный инструмент.

— Ах ты! — вскипел Степан Тимофеевич. — Целых три воза. И плети, и розги! Кто лютость сию придумал?

— Дворянин Ягужинский, — сообщили Разину. — Дозволь, батюшка, его самого его же гостинцем попотчевать.

Усмехнулся Разин:

— Ну раз так... Раз он до этих вещей охочий, раз он розог, плетей любитель — быть по тому, всыпать ему для пробы.

Схватили разинцы Ягужинского, содрали в мо-

мент штаны и рубаху, разложили пластом на лавке. Разобрали с возов плети и розги, построились в длиннющий, длиннющий ряд. Без малого на целую версту растянулись.

Вечером Разину доложили:

— Кончился Ягужинский. Засекли, атаман. Не дышит.

— Как — не дышит?! — осерчал Разин.

— Не выдюжил, батюшка.

— Эх, меры людишки не знают, — вздохнул Степан Тимофеевич. — Лютость пошла на лютость.

Обиделись разинцы:

— Не мы начинали!

— А нас бы помиловал?

— Да он же сам виноват. При его-то дворянской хлипкости и сотни розог, поди, хватило. Зачем же три воза брал?

ДВА КАЗАКА

Сдружились они в походах. Два казака, два разинца. Запорожский казак и казак донской. Иван Сорока и Фрол Телегин.

Вместе бились, вместе сражались. Под одной кошмой ночевали. В персидские земли ходили вместе. Астрахань штурмом брали. Голодая, делили краюху. Каплю воды на двоих делили. Вместе кубки хмельные пили.

На привалах вспоминали своих девчат. Сорока — свою Марийку, Телегин — свою Дуняшу. Вспоминали родные земли. Сорока — своё Запорожье, бурный широкий Днепр. Телегин — равнины вокруг Черкасска, тихий и плавный Дон.

Жили два казака, словно родные братья. И радость и горе у них пополам. Всё тут на равные доли. И смерть им выпала — одна на двоих.

Не взяли разинцы при первом штурме симбир-

ский кремль. Люто сражались стрельцы и дворяне. Знали: не будет им от восставших пощады. Били картечью. Ядра горохом из пушек сыпали. Лили сверху, со стен, смолу.

Отвёл Разин бойцов на отдых.

При новой атаке Разин дал команду кремль запалить. Натаскали ночью разинцы хворосту, дров. Прикатили телеги с сеном. Обложили в нескольких местах кремлёвские стены.

— По-о-шёл! — скомандовал Разин.

Взметнулось по стенам пламя. Поползло языками вверх. Лизнуло ночное небо. Рассыпалось на сотни и тысячи искр.

Принялись стрельцы и дворяне огонь тушить.

— Сбивай его! Солью дави! Песком! — надрывал глотку воевода Иван Милославский. — Воду — безрукие! Во-о-ду!

В это время и начался новый штурм.

Иван Сорока и Фрол Телегин бежали вместе со всеми. Припасли они длинную лестницу. По этой лестнице и хотели подняться на стены.

Добежали друзья удачно.

— Доброе дело, доброе, — приговаривал Разин, наблюдая за огнём и атакой. — Вот так-то, воевода Иван Милославский. Вот так-то тебя — за горло двумя клещами.

Однако, подпустив разинцев к стене, осаждённые как бы спохватились.

— Пищали к бою! Смолу на стены! — гудел Милославский.

Когда Телегин и Сорока прислонили к крепостным брёвнам свою лестницу, сверху началась такая пальба, что лишь чудом они уцелели.

Глянули казаки налево, направо — в живых только их двое.

Приостановилась атака и тех, кто шёл за первыми следом. Не решаются люди под пули двинуться.

Стоят у стены казаки. Стоит Телегин и не видит

того, как сверху в него стрелец из пищали целит. Не видит Телегин, но видит зато Сорока. Проворен в бою Сорока. Выхватил из-за пояса пистолет. Спас друга от верной гибели.

Не заметил Телегин стрельца, который в него из пищали целил, зато заметил другого. Другой же в Сороку целил. Проворен в бою Телегин. Выхватил из-за пояса пистолет. Спас друга от верной гибели.

Улыбнулись друзья друг другу. Прокричали своим:

— Братцы, не трусь!

— Братцы, вперёд!

Бросились казаки вверх по лестнице и увлекли своим примером других.

Они уже были у самого верха. Вот уже рядом обрез стены. Но тут над Иваном Сорокой нависла стрелецкая секира. Смотрит железным жалом. Миг, и быть бы Сороке в беде. Но рядом Телегин. Ловок в бою Телегин. Выкинул саблю навстречу удару. Выбил секиру из рук стрельца. Выбил одну секиру, но рядом уже другая. Нависла она над самим Телегиным. Смотрит железным жалом. Миг, и быть бы в беде Телегину. Но рядом Иван Сорока. Ловок в бою Сорока. Выкинул саблю навстречу удару. Выбил секиру из рук стрельца.

Улыбнулись друзья друг другу.

Ещё шаг, и быть бы казакам на стене.

И в эту секунду...

У Милославского был отряд лучников. Их стрелы и при первой атаке положили немало казацких голов. Били они и сейчас без промаха.

Выскочил лучник на стену кремля. Простилась стрела с тетивой. Пробила Сороке грудь, достала грудь и Телегина.

Рухнули вниз казаки.

На волжском обрыве, в общей могиле, спят они вечным сном. Два казака, два разинца. Запорожский казак и казак донской. Иван Сорока и Фрол Телегин.

Ходит над ними солнце. Ходит над ними месяц. Звёзды им с неба светят. Плещет о берег Волга. Ветры бегут над обрывом. Песни о дружбе казацкой поют.

БАБКА

Явилась к Разину бабка. Старая-старая. Согнулась от возраста бабка. Без клюки шагу ступить не может.

— К тебе пришла, атаман. В войско твоё казацкое.

— Эка шутница ты, старая! — рассмеялся Степан Тимофеевич.

— К тебе, к тебе, принимай,— повторила старуха. И даже клюкой о землю пристукнула.

— Ну и ну, — покачал головой Степан Тимофеевич. — Ты что же, саблей казацкой владеть умеешь?

— Нет, не умею.

— Может, стрельбе из пищалей обучена?

— Не приведи господи, — закрестилась старуха.

— Так, может, в пушкарном деле ты мастерица великая? — усмехнулся Разин.

— Нет, — заявила бабка. — Я слово волшебное знаю.

— Волшебное слово?

— Его, его, отец атаман. То слово страх из людей изгоняет.

Глянул искоса на бабку Степан Тимофеевич, задумался. А дело всё в том, что в войсках у Разина много было таких, кто впервые ходил под пули. Вот и попадались порой людишки, на которых страх находил перед боем.

Запомнился Разину случай. При штурме Симбирска приметил он парня. Парень как парень. Молод и строен. Не хуже любого другого скроен. Только страх у него в глазах. Пристроился парень сзади всех прочих. Шепчет:

— Царица небесная, матерь божия... — то есть храбрости парень просит.

Не помогла царица небесная. Не послала храбрости парню. Не сдвинулся, бедный, с места. Мало того — весь бой просидел в кустах.

Посмотрел на бабку Степан Тимофеевич:

— Ладно, умельство твоё испробуем. — Показал он бабке на трусливого парня: — Начинай вот хотя бы с этого.

На следующий день при штурме кремля Разин стал наблюдать за парнем. Парень как парень, молод и строен. Не хуже любого другого скроен. Только новое что-то в парне. Где же страх у него в глазах?

Двинулся парень со всеми в атаку. На стены Симбирска геройски лазил. Цел-невредим вернулся.

— Вот это да! — не сдержался Разин.

Слух о том, что появилась в войсках ворожея, быстро прошёл между разинцами. Немало людишек ходило к бабке. И каждый потом — в героях. Поражался такому Разин. Сам в волшебную силу старухи уверовал. Вызвал Степан Тимофеевич бабку:

— Колдовство-то твоё откуда? Волшебное слово в чём?

Усмехнулась Разину бабка, потянулась к атаманскому уху:

— Колдовства-то, родимый, нет.

— Как — нет?! Своими глазами видел.

Вновь усмехнулась бабка:

— Доброе слово сказать перед боем — вот и будет волшебное слово.

ГОВОРИЛ МАКАР САЗОНОВ

— Ну, братцы, прощайте. Спасибо за хлеб, за соль, за дружбу, — говорил Макар Сазонов. — Путь вам удачный, дальний, а я пришёл. Деревенька моя рядом. Речка у нас Свияга. — Был Сазонов из этих

мест, из Симбирской округи. — Город я взял. А кремль и без меня осилите.

Случай ухода из разинской армии был не первым. Уходили люди и под Саратовом, и под Самарой, и во многих других местах. Покидали боевые отряды по одному, по два и даже целыми группами. Добирались, как Макар Сазонов, до родных мест и расходились.

— Мы своё сделали, — говорили они. — Спасибо отцу атаману. Наша земля свободна. Пусть за другие места повоюют теперь другие.

Тянуло крестьян к дому, к земле. А тут ко всему поход совершался летом. Созрели хлеба. К хлебам мужиков манило. Убирать, молотить, на зиму припасы делать.

Разин удерживал и не удерживал. Понимал он мужицкую душу. Да и ведь силой людей не возьмёшь.

— Не держу, — говорил Разин. — Однако торо́питесь. Рано бежите к стойлам. Рано. Тем, что пришли домой, дело ещё не кончилось.

Правда, войско всё время росло. Одни уходили, зато приходили другие. Но новый народ был необстрелянным. Без нужной военной выучки. В походах незакалённый. Ему и цена другая. Войско от этого слабло.

С Макаром Сазоновым Разин завёл более крутой разговор.

— Уходишь?

— Отпусти, отец атаман. Тутошний я, симбирский. Да я же своё сработал.

Разин вскипел:

— Работнички! А кому же Казань, Нижний, Владимир брать? Кому из Москвы выжигать боярство?!

— Да там же народ казанский, нижегородский... Каждому, стало, и брать своё. Найдутся и там людишки.

— «Своё»! — ругнулся Степан Тимофеевич. — Да

если все врозь, что же у нас получится! Сила, считай, не в пальцах, а в кулаке. – Потом сказал уже тише: – Тут надо один к одному. Побьют нас бояре порознь.

Однако Сазонов всё же ушёл. Барин из их деревеньки бежал. Прибыл Макар домой – благодать! Мирно журчит Свияга. Для тебя и земля, и воля. Солнце тебе на небе.

Только рано радовался Сазонов. На помощь засевшему в симбирском кремле воеводе Ивану Милославскому спешили царские войска. Вёл их снова князь Юрий Барятинский, тот самый, побитый Разиным в первом бою.

Один из дворянских отрядов и ворвался в деревню, в которой жил Макар Сазонов.

Схватили дворяне Макара. Люто его пытали. А потом для страха другим повесили.

Вспомнил, погибая, Макар Сазонов слова Разина, вспомнил, да поздно.

«ХОТЕЛОСЬ ЛЮДЯМ В ТАКОЕ ВЕРИТЬ»

Побился Оскарка Чертёнок с казаками об заклад, что первым ворвётся в Симбирск.

За первой атакой была вторая. Однако держался симбирский кремль.

— Эх пушек мало, пушек! – сокрушался Степан Тимофеевич.

Плохо было не только с пушками. Пищаль одна на десятерых. Пистолет один на целую сотню. Ходят разинцы в атаку с топорами, копьями, вилами.

Чтобы сберечь людей, дал Разин отбой к атакам.

Решил Разин рядом с одной из сторон кремля, поближе к стене, насыпать высокий вал. А потом от этого вала протянуть переходы к стене. И по переходам на стены кремля ворваться.

Две недели готовили восставшие вал. Насыпáли

его и ночами и днями. Вместе со всеми работал и Оскарка Чертёнок. Таскал мешком землю. Бегал проворно. Казалось, лапти земли не касались.

Началась осень. Низко над Волгой ползли облака. На улицах ветер бросался пылью. В один из таких непогожих дней примчался к Разину всадник:

— Отец атаман, боярское войско идёт к Симбирску.

Это к Симбирску подходил князь Юрий Барятинский.

Через день снова гонец:

— Отец атаман, боярское войско всё ближе и ближе.

За этим и третий гонец примчался:

— Отец атаман, Барятинский рядом.

Не достроив до конца переходов, Разин дал команду к третьему штурму кремля. Расчёт был таков: ворваться в кремль до прихода боярских войск.

Разинцы стали заваливать проёмы между валом и крепостной стеной поленьями, брёвнами, хворостом, создавая из них настил.

И хотя пули врагов косили людей нещадно, и хотя ударили пушки из крепости, не дрогнули разинцы. Настил рос, рос. И вот подошёл к стене. Всё выше он, выше. Ещё немного, и откроется путь на стены.

— Ну держись! Ну берегись! — посылали разинцы угрозы в сторону крепости. — Ну-ка, Оскарка, берись за вилы!

И вдруг непредвиденное. С крепостной стены полетела вниз горящая пакля. В одном месте, в другом, в третьем, четвёртом, пятом... Коснувшись сухого хвороста, она взметнула немедля пламя.

Все поняли: стрельцы поджигают настил.

— Вали больше! Больше вали! — закричал Разин, показывая на поленья. Он надеялся верхним слоем поленьев прибить огонь.

Но дерево было сухим. Гигантский костёр зверем метнулся к небу.

На минуту у Разина мелькнула мысль: может, пламя пойдёт на стены и получится то, с чем не справились в прошлый раз,— пожар, уничтожив настил, уничтожит и стены кремля.

Но ветер дул не с руки, гнал огонь не к стене, а к штурмующим, к валу. Попятились люди. Попятился Разин. У кого-то вырвался вздох:

— Эх, птицей на ту бы сторону!

И вдруг Оскарка Чертёнок сорвался с места. Подхватил свои вилы, ринулся разинец в пламя.

Замерли все. И тут же:

— Леший.

— Оскарка!

— Чертёнок!

Хотели люди вернуть смельчака. Но пламя укрыло героя. Прошла минута, вторая. И вот опять увидели все Чертёнка. Уже там, за огнём. У самой стены. Жив, невредим Чертёнок.

Как он взлетел на стену, никто не понял. Но он стоял на самом её верху. И только одежда его горела.

Чертёнок вдруг побежал по стене. Заработал, как пикой, вилами. Взлетали на вилах тела стрельцов. Взлетали и тут же снопами падали: направо — внутрь кремля, налево — по эту сторону.

Чертёнок исчез со стены, словно растаял. Закрыл на минуту героя дым, а когда расступился — нет на стене Чертёнка. Нет, словно людям всё это привиделось. А может, и вправду привиделось? Может, и не было вовсе Чертёнка там?

Перекрестились разинцы. Один — за добрую память героя. Другие, те, что в силы волшебные верили,— за вечную жизнь. Надеялись люди: а вдруг объявится вновь Чертёнок?

— Может, он птицей ушёл в поднебесье!

Хотелось людям в такое верить.

Князь Юрий Барятинский стоял у реки Свияги. Навстречу ему, стараясь удержать, не пропустить боярское войско к городу, Разин и вывел свои отряды.

Здесь, на холмах у Свияги, он и дал свой последний бой. Запели медные дудки. Сила пошла на силу.

Войска у князя были отборными. Почти каждый в полках дворянин, сын боярский, слуга государев. Были и иноземные ратники.

У дворян пушки, пищали, мушкеты. Кони добрые, сытые. Скакун к скакуну. В кольчугах всадники, в железных нагрудниках.

И всё же поначалу трудно было сказать, кому упадёт удача. С такой силой ударили разинцы, что Барятинский было дрогнул. Битва завязалась в разных местах. И если в одном побеждал Барятинский, то сразу и в другом, и в третьем верх доставался разинцам. Хотя и ходили они в атаку порой с топорами, с рогатинами. А многие просто с дубинами.

Однако сила есть сила, пушки есть пушки. Оправился вскоре Барятинский. Собрал дворян на одном из холмов. Расставил, устроил засады. И отсюда, с холма, начал атаку на разинцев.

На атаку Разин ответил атакой.

Повёл он на холм казаков. Врезались конники в дворянское войско.

— Руби-и! Секи-и! — кричал Разин.

Дворяне попятились. «Уж больно шибко», — подумал Разин. Но азарт сечи его увлёк.

— Коли-и! Работа-ай!

Рубится Разин. В седле приподымается. Удары налево, направо шлёт. Сабля обрушится молнией и снова взлетает к небу. Конь дрожит под наездником. Разин весь в битве. Шапка чуть сдвинута. Губа чуть

прикушена. Взгляд ястребиный. Глаза огнём горят.

Взлетели казацкие кони на холм. И тут — вот она, хитрость князя. На вершине холма за его укрытием, уставив чугунные дула, на разинцев смотрят пушки.

— Па-али!

Метнули пушки зарядом в лошадиные морды. Конское ржанье и конский хрип.

В ту же минуту за пушками выросли враз стрелки. Ударили громом пищали. За первым рядом стрелков — второй. Снова огонь и пули.

Всё смешалось в рядах казаков.

А слева и справа, выходя из овражных засад, звеня латами и мечами, уже летела на Разина дворянская конница.

Развернулся Степан Тимофеевич врагу навстречу. Снова взлетела сабля. Ястребиный метнулся взгляд.

— Ру-уби! — выпалил Разин.

И в это время пуля ударила атаману в ногу, в бедро.

— Эн не возьмёшь!

Хоть и скривился Разин от боли, но саблю из рук не выпустил. Послала сабля налево, направо смерть. А третий удар не вышел. Повис над Разиным дворянский палаш. В глазах атамана метнулись земля и небо.

— Братцы, спасай атамана! — услышал Разин, валясь с коня. — Батьку спасай. Без батьки всему погибель.

Через час всё было закончено. Князь Юрий Барятинский со стрелецким войском под трубные звуки вступил в Симбирск.

Верные казаки везли Разина домой, на родную донскую землю. Между Волгой и Доном заночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли раненого атамана в избу.

Лежит на сдвинутых лавках Разин. Смотрит на стены, на потолок. Напряжённо о чём-то думает. Прикроет глаза, откроет. Глянет куда-то сквозь стены вдаль. Снова закроет веки.

Вскоре к Разину подошёл мальчик, подросток, постоял около Разина не зная, как поступить, наконец протянул яблоко.

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

— Что?!

— Разинкой называется, — объяснил мальчик.

Брови атамана от удивления приподнялись. Он глянул по сторонам и припомнил.

Было это в 1667 году, при первом походе Разина с казаками на Волгу. И тогда он ночевал на этом же самом хуторе. Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблоньки. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

— Давай помогу.

— Доброе дело, — ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленькую, маленькую, без листочков. Хиленький, тоненький стебелёк.

— Приезжай, Стёпушка, через три года. Отведать разинку, — приглашал атамана старик.

Усмехнулся Разин:

— Ну что же — приеду.

И вот прошло не три, почти целых четыре года. «Привела всё же судьба, — подумал Разин. — К хорошим делам приводит».

— А где же дедусь? — спросил он у мальчика.

— Помер. Ещё по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, всё кликал тебя, Степан Тимофеевич.

Всё про яблоньку говорил. Беречь её и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное. Пустило крепкие ветви в стороны. И висели на нём яркие, крупные, в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка!» – произнёс про себя Степан Тимофеевич. Приказал он отнести себя на могилу дедову, поклонился и тронулся дальше в путь.

Всю дорогу Разин говорил о садах.

— Красота-то какая! По всему Дону, по всей Волге, по свету всему посадим такую прелесть. Скинем бояр — за сады возьмёмся. Чтобы полыхало по весне белым огнём вокруг. Чтобы к осени ветки до корня гнулись. Да что сады – жизнь перестроим. Перепашем, перевернём сошником. Травы дурные — вон. Колос — наружу. Чтобы в радость великую людям. Чтобы счастье всему народу.

ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК

Не дожил Степан Тимофеевич до счастливого времени. Вскоре после возвращения на Дон Разин был схвачен богатыми казаками.

Скрутили цепями Разина, повезли на расправу в Москву. Везли осторожно, под сильной стрелецкой охраной. Вперёд выезжали дозорные. Смотрели, чиста ли дорога. Нет ли в пути засад.

Неспокойно было ещё кругом. Ещё бурлило море войны народной. Било гневом в боярский берег. На Каме, Ветлуге, Оке и Хопре ещё бродили отряды восставших. По Волге гулял атаман Шелудяк, ближайший сподвижник Разина.

Сидел в телеге, не двигаясь, Разин. Идёт дорога то вниз, то вверх, то тонет в глуши низиной, то тянется к самому небу.

Смотрит на небо Степан Тимофеевич. Бескрайним простором оно зовёт. Волей, свободой дышит.

«Нет, не будет великому делу конца,— сам с собой рассуждает Разин. — Не стерпят боярских колодок люди. Может, и рано взлетел орёл. Крылом неокрепшим взмахнул до срока. Поспешили людишки к высям. Нет, не рано! — Разин тряхнул головой. Блеском глаза наполнились.— Пусть не закончили мы поход. Закончат его другие».

— Браты, Стенька, гляди, задвигался, — прошёл шёпот среди стрельцов.

— Глаза-то, глаза — чёрным огнём горят. К добру ли сия примета.

«Боятся! — злорадно подумал Степан Тимофеевич. — И стреноженный, значит, конь не лишился ещё копыта».

В Москве Разина долго допрашивали и пытали на дыбе.

Презрительной усмешкой отвечал Разин своим мучителям.

Казнили Разина в центре Москвы, на Лобном месте, на Красной площади.

Степан Тимофеевич стоял на плахе. Дьяк монотонно читал приговор. Но не следил за словами Разин. Смотрел он на площадь. Не туда, где толпились в первых рядах бояре. А дальше, за них, за боярские шапки, туда, где жался простой народ.

Смотрел на людей атаман. И вдруг он ясно себя увидел не здесь, не на плахе — верхом на коне, на волжской высокой круче. Даль перед ним и простор.

«На штурм! На слом!» — зазвучало в ушах у Разина.

И сразу поднялись ряды казаков. Словно волны, шли люди на приступ. Как только кончался ряд, за ним надвигался новый. Третий, четвёртый, пятый... Гудела кругом земля. Ветер стучался в лица.

«На штурм! На слом!»— неслись голоса.

И не было людям счёта.

Разин прикрыл глаза. Но не уходило, стояло, как явь, видение. Степан Тимофеевич сжал кулаки:

— Нет, не будет великому делу конца. Не жить на Руси боярству!

Через минуту свершилась казнь.

Взлетел в руках палача топор. Взлетел. Опустился. Не стало Степана Разина. Кончил свой век атаман. Но ещё долго в страхе жило боярство.

Послышится стук копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги. Ветер ударит в окна — сердце замрёт и ёкнет. Половицами в доме скрипнет — боярин проснётся и дико вскрикнет.

Долго ещё на Руси снились боярам страшные сны. Снился им грозный всадник.

Небывалое бывает

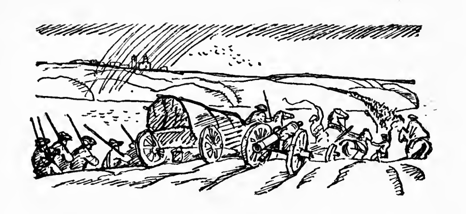
Издавна русские считались хорошими мореходами. Они совершали далёкие плавания и торговали с другими народами.

Но враги стремились отнять у России выходы к морю. Северными берегами Чёрного моря завладели турецкие захватчики. Берега Балтийского моря и прилегающие к ним земли латышей и эстонцев захватили шведы.

В то время Швеция была очень сильным государством. Её армия считалась одной из лучших в мире. Кроме того, Швеция имела большой, хорошо вооружённый флот.

В 1700 году умный и деятельный русский царь Пётр I объявил войну Швеции. Война со шведами длилась двадцать один год и закончилась полной победой русских. В истории она получила название Северной.

Для России Северная война началась неудачно. Под шведской крепостью Нарвой русские потерпели поражение. О том, как и почему это случилось, а также о том, что́ понадобилось предпринять для будущих побед и о самих первых победах, вы и узнаете из повести «Небывалое бывает».

Глава первая

НА РЕКЕ НАРОВЕ

ПОХОД

Русская армия шла к Нарве.

Тра-та-та, тра-та-та! — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождём дорогам, тонут по колени солдатские ноги в грязи.

Устанут, промокнут солдаты за день, а обогреться негде. Сёла попадались редко. Ночевали всё больше под открытым небом. Разведут солдаты костры, жмутся к огню, ложатся на мокрую землю.

Вместе со всеми шёл к Нарве и Иван Брыкин, тихий, неприметный солдат. Как и все, ме-

сил Брыкин непролазную грязь, нёс тяжёлое кремнёвое ружьё — фузею, тащил большую солдатскую сумку, как и все, ложился спать на сырую землю.

Только робок был Брыкин. Кто посмелее, тот ближе к костру пристроится, а Брыкин всё в стороне лежит, до самого утра от холода ворочается.

Найдётся добрый солдат, скажет:

— Ты что, Иван? Жизнь тебе недорога?

— Что жизнь! — ответит Брыкин. — Жизнь наша — копейка. Кому солдатская жизнь надобна!

Исхудали солдаты, оборвались в пути, болели, отставали от войска, помирали на дальних дорогах и в чужих сёлах.

Не вынес похода и Иван Брыкин. Дошёл до Новгорода и слёг. Начался у Брыкина жар, заломило в костях. Уложили солдаты товарища на обозную телегу. Так и добрался Иван до Ильмень-озера. Остановились телеги у самого берега. Распрягли солдаты лошадей, напоили водой, легли спать.

Дремал и Брыкин. Среди ночи больной очнулся. Почувствовал страшный холод, открыл глаза, подобрался к краю телеги, смотрит — кругом вода. Дует ветер, несёт волны. Слышит Брыкин далёкие солдатские голоса. А произошло вот что. Разыгралось ночью Ильмень-озеро. Вздулась от ветра вода, разбушевалась, хлынула на берег. Бросились солдаты к телегам, да поздно. Пришлось им оставить обоз на берегу.

— Спасите! — закричал Брыкин.

Но в это время набежала волна, телегу повалило набок.

— Спаси-ите! — вновь закричал Брыкин и захлебнулся.

Накрыла солдата вода с головой, подхватила, поволокла в озеро.

К утру вода схлынула. Собрали солдаты уцелевшее добро, пошли дальше.

А об Иване никто и не вспомнил. Не он первый, не он последний — много тогда по пути к Нарве солдат погибло.

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колёс гнилое бревно, провалилось по самую ступицу.

Кричат солдаты на лошадей, бьют сыромятными кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости.

Напрягаются лошадёнки изо всех сил, а пользы никакой — пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперёд! — кричит один.

— Назад! — команду подаёт другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперёд не движется. Бегает вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несётся по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, чёрные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы, — произнёс капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнёт.

Так и есть. Подошёл капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан, — проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бережёшь! — набросился капитан на сержанта. — Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— Да я... да мы... — заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее! Потом подошёл опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колёса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крякнули от удивления. Подбежали, поднавалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» — похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — произнёс сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые, — закричал генерал, — тут государев возок не проезжал?

— Нет, ваше высочество, — ответили солдаты, — тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — переспросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Пётр Алексеевич!

«БЕЗ НАРВЫ НЕ ВИДАТЬ МОРЯ»

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие вёрсты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом — как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Пётр знал с детства.

Служил в ту пору Алексашка Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

— Пироги подóвые, пироги подóвые! — кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков — идёт мальчик. По одежде догадался — молодой царь.

— Хочешь, фокус покажу? — обратился Алексашка к Петру.

— Хочу.

Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щёку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Пётр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», — почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

— Эй, эй! — кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь опор. Подбрасывают на выбоинах царский возок. Разлетается в стороны грязь.

Пётр сидит молча, смотрит на спину солдата, вспоминает детство своё, игры и потешное войско.

Жил тогда Пётр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберёт Пётр своё войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьего и вовсе на тот свет отправили.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведёт на них пушку — бух! — и летит пареная репа в толстые животы и бородатые лица. Подхватят бояре полы расшитых кафтанов — и наутёк. А Пётр выхватит шпагу и кричит:

— Виктория![1] Виктория! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка — Преображенский и Семёновский. Царь величает их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Както себя покажут старые дружки-приятели? — думает Пётр. — Это тебе не с боярами воевать».

— Государь! — выводит Меншиков царя из раздумья. — Государь, Нарва видна.

Смотрит Пётр. На левом крутом берегу реки Наро́вы стоит крепость. Кругом крепости — каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок — крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка — Длинный Герман.

А против Нарвы, на правом берегу Наро́вы, — другая крепость: Иван-город. И Иван-город обнесён неприступной стеной.

---

[1] **Виктория** *(франц.)* — победа.

— Нелегко, государь, такую крепость воевать, — говорит Меншиков.

— Нелегко, — отвечает Пётр. — А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«ПОГОВОРИ, ГОСУДАРЬ, С СОЛДАТАМИ»

Приехал Пётр к Нарве, собрал генералов, стал спрашивать о состоянии войска.

Неловко генералам говорить царю правду. Боятся царского гнева. Докладывают генералы, что всё хорошо, что войска дошли без потерь. И пушек достаточно, и ядра есть, и порох хороший.

— А как с провиантом? — спрашивает Пётр.

— И провиант есть, — отвечают генералы.

— Так, — говорит Пётр, а сам наклонился к Меншикову, шепчет на ухо: — Не верится мне что-то, Данилыч, иное в пути видел.

— Врут. Ей-богу, врут! — отвечает Меншиков. — Пойди поговори, государь, с солдатами.

Пошёл Пётр. Смотрит — солдаты стоят, ружья чистят.

— Как дела, служивые? — спрашивает Пётр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают солдаты.

— Ну, а народу в пути много полегло? — спрашивает Пётр.

— Полегли, государь. Так ведь на то и дорога дальняя; дожди, государь, непогода.

Взглянул на солдат Пётр, ничего не сказал, только дёрнулся тонкий, словно шило, петровский ус.

Пошёл Пётр дальше. Смотрит — бомбардиры возятся у пушек.

— Как дела, бомбардиры? — спрашивает Пётр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают бомбардиры.

— Ну, а как пушки, как порох?

Молчат пушкари, переминаются с ноги на ногу.

— Так как же порох? — переспрашивает Пётр.

— Оно ничего, государь, — отвечают бомбардиры.

И снова молчат, снова переминаются с ноги на ногу.

— Что — ничего? Где обозы, где порох? — не вытерпев, закричал Пётр.

— Поотстали, государь, обозы, — отвечают солдаты. — Так ведь дорога дальняя, грязь непролазная. А порох есть, государь. Как же без пороха на войну идти? Подвезут, чай, порох.

И снова дёрнулся петровский ус, сжались в кулаки огромные руки.

Пошёл царь дальше. Смотрит — драгуны коней чистят.

— Как дела, молодцы? — спрашивает Пётр.

— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают драгуны.

— А как с харчами?

— Вот с харчами разве что худо. Да оно ничего, государь, — отвечают драгуны, — народ терпит. Коней жалко.

Перекосилось от злобы петровское лицо. Понял царь, что генералы говорили неправду. Вернулся Пётр в генеральскую избу, снова собрал совет.

— Как же шведа воевать будем? — заговорил царь. — Где порох, где обозы? Чего солдат в пути загубили, чем живых кормить будем? Чего брехали, правду не сказывали?!

Молчат генералы, смотрят на царя исподлобья, заговорить боятся.

Наконец встал старший по чину, Автамон Головин:

— Пётр Алексеевич, не гневайся. Русский мужик вынослив. Бог милостив, уж как-нибудь.

— Дурак! — рявкнул Пётр. — На божьей милости далеко не уедешь! Пушки нужны, ядра, корм ло-

шадям и людям. Дело оно не шутейное. Шкуру спущу, коли порядка не будет! Поняли?

И вышел, да так хватил дверью, что у генералов мурашки по спине пробежали.

«КТО ТРУСИТ – СТУПАЙ В ОБОЗ»

Следить за осадой Нарвской крепости Пётр поручил генерал-инженеру барону Галларту. В России в то время было мало знающих людей, вот и приходилось приглашать иностранцев.

Однако, приехав под Нарву, барон неохотно занимался своим делом. Галларта всё раздражало: и пушек у русских мало, и кони тощи, и солдаты плохо обучены. Ходил Галларт всем недовольный и только злил Петра.

Несколько раз царь приглашал иностранного генерала пройтись вокруг крепости, осмотреть самому шведские укрепления, но Галларт всё отказывался.

Тогда Пётр взял лист бумаги, карандаш и пошёл сам.

Шведы увидели царя, стали стрелять. Ударяются рядом с Петром шведские пули, а он ходит, чертит что-то на бумаге, делает вид, что ничего не замечает. Стыдно стало Галларту. Нехотя пошёл догонять Петра.

Однако Пётр ходит у самой крепости, а подойти к крепости Галларт боится. Остановился барон в безопасном месте, кричит:

— Ваше величество!

Хочет Галларт, чтобы царь обратил на него внимание, машет Петру рукой.

Пётр молчит.

— Ваше величество! – ещё громче кричит Галларт.

И вновь никакого ответа.

Понял Галларт, что Пётр нарочно не отзывается: ждёт, когда барон подойдёт ближе. Набрался генерал храбрости, сделал несколько шагов вперёд. А в это время грянула с крепостной стены шведская пушка, просвистала в осеннем воздухе неприятельская бомба, шлёпнулась в лужу недалеко от Галларта. Бросился барон на землю ни жив ни мёртв. Лежит, ждёт, когда бомба разорвётся.

Однако бомба не разорвалась. Приоткрыл тогда Галларт глаза, приподнял голову, смотрит — рядом стоит Пётр. Улыбается Пётр, подаёт генерал-инженеру руку.

Покраснел Галларт, поднялся с грязной земли, говорит царю:

— Ваше величество, да царское ли это дело под пулями ходить!

— Царское не царское, — отвечает Пётр, — а приходится. Видать, помощники у меня плохи. Не те помощники. А дело — оно военное. Тут кто трусит — ступай в обоз.

Смутился генерал Галларт, обиделся на царя, поднял с земли свою шляпу и пошёл к русскому лагерю. А Пётр посмотрел ему вслед и только головой покачал.

О ДВУХ МУЖИКАХ

Осада Нарвы затянулась. Вначале ждали поотставшие в дороге полки. Потом, когда начали обстрел вражеской крепости, оказалось, что русские пушки плохи. При стрельбе отваливались у пушек лафеты, ломались колёса, разрывались некрепкие пушечные стволы.

В русском лагере поползли слухи, что шведов не одолеть, что на помощь крепости спешит сам шведский король.

Приближалась зима. Пошли длинные, холодные

ночи. Свистел колючий ветер. Почти над самой землёй двигались чёрные, зловещие тучи.

В одну из таких ночей Пётр шёл по лагерю, спустился к Нарóве. Вдоль берега реки, ёжась от холода, расхаживал часовой.

— Эй, служивый! — закричал Пётр.

Часовой вздрогнул. Обернулся. Узнал Петра. Вытянул руки по швам.

— Ну как, побьём шведов? — обратился Пётр к солдату.

— Бог, государь, он милостив. Может, и побьём, — ответил часовой.

— Что — бог! А ты как мыслишь?

— Что — я? Я как все, — произнёс солдат.

— А как все? — допытывает Пётр.

— Да разное говорят, государь. Побьют нас шведы, говорят.

— Дурак! — выругался Пётр, сплюнул с досады и пошёл дальше.

— Государь, — услышал он тихий оклик.

— Ну что? — спросил недовольно Пётр и вернулся к солдату.

— Государь, дозволь притчу рассказать.

— Притчу? — переспросил Пётр. Усмехнулся. — Рассказывай.

— В давние времена, — начал солдат, — жили на селе два мужика. Пахали мужики землю, рожь сеяли. Да только жили мужики по-разному. У одного к осени все закрома полны хлебом, а другой соберёт чуть более того, что посеял. Стало обидно второму мужику. В чём дело, какой такой секрет у товарища? Лежит мужик всю зиму на печи, думу свою думает. Наконец не вытерпел, пошёл к соседу.

«Почему это, — говорит, — у тебя такое везение?»

«А у меня на то особый секрет есть», — слышит в ответ.

«Какой секрет?» — спрашивает неудачливый мужик.

«А вот,— отвечает сосед и показывает ладони.— Вот тут, — говорит, — мой секрет и есть».

Обрадовался мужик, смотрит на ладони, а там пусто.

«Да тут ничего нет!»— говорит он с обидой.

«Как — нет? Есть,— отвечает сосед.— Смотри лучше»,— и показывает на мозоли.

«Да какой же это секрет? — ещё больше обиделся мужик. — Мозоли и у меня есть!» — и смотрит на свои руки.

Смотрит, а никаких мозолей на них и нет. Пролежал всю зиму мужик на печи, вот и сошли мозоли.

— Э-э,— проговорил Пётр,— да, я смотрю, ты неглуп!

— Так точно, господин бомбардир-капитан.

— Что — так точно?— переспросил Пётр.

Солдат смутился.

Пётр рассмеялся.

А через несколько дней, забрав Меншикова, Пётр уехал в Новгород. Помчался Пётр собирать новые полки да подгонять поотставшие в пути обозы.

Всю дорогу Пётр ехал молча, всё о солдатской притче думал.

«СТРАХ – ОН ХУЖЕ СМЕРТИ!»

Солдат Фёдор Грач сидел в окопе. Держал Грач в руке фузею, ждал, когда подойдут шведы. Отродясь ещё не приходилось Фёдору стрелять из ружья. Не обучив ружейным приёмам, так и послали на войну.

— Боязно? — спрашивает Фёдора сосед по окопу, усатый, уже немолодой солдат.

— Боязно, — отвечает, краснея, Грач.

— Оно и понятно, — говорит солдат. — А ты не думай о страхе. От него, от страха, немало зла на войне бывает. Страх он ещё хуже смерти.

В ночь перед приходом шведов выпал туман. К рассвету пошёл снег. Начался ветер, погнал в сторону русских снежные вихри. Холодный ветер леденил солдат. Вьюжило. В двадцати шагах нельзя было различить друг друга.

Усатый солдат то и дело прикладывал к земле ухо — слушал, не идут ли шведы.

Шведы появились неожиданно, словно из-под земли выросли. Обрушились шведские стрелки на русские окопы.

Поднял Грач ружьё, выстрелил. А что дальше произошло, уже и понять не мог. Перемешались в окопах русские и шведские мундиры. И рад бы стрелять Фёдор, а куда, не знает. Разыгралась вьюга, слепит глаза, где свой, где швед — разобрать трудно.

И вдруг прошёл слух: «Немцы предали». Оказывается, барон Галларт и другие иностранные офицеры перешли на сторону шведов. Оставшись без командиров, русские дрогнули, началась паника. Полки устремились к Нарóве. Солдаты бежали к единственному мосту через реку. Вместе со всеми бежал и Фёдор Грач. Бежал, не видя ничего, бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Мост был временный, лёгкий. Поравнялся Грач с мостом и вдруг вспомнил слова бывалого солдата. Остановился Фёдор, повернулся к товарищам.

— Стой! — кричит. — Стой, братцы! Страх — он хуже смерти!

Кричит Грач, но никто не обращает на него внимания. Хватает Грач товарищей за руки, хочет остановить, да где уж. Оттолкнули солдаты Фёдора в сторону, побежал по шатким, прогибающимся доскам моста. Мост прогнулся. Деревянный настил осел, коснулся воды. Забурлила вода, заклокотала. И вдруг мост не выдержал. Оборвались непрочные пеньковые канаты. Скрипнул мост, развалился. Смотрит Грач на Нарóву — несёт река свои воды, тащит в пучину русских солдат.

Отвернулся Фёдор, сел на камень, схватился за голову. Вдруг слышит — кто-то положил ему на плечо руку.

Поднял Грач голову, смотрит — перед ним бывалый солдат.

— Видишь, что страх делает? — обращается солдат к Фёдору.

— Вижу.

— То-то, — говорит солдат. — Знай. А сейчас бери фузею. Слышишь — справа пальба идёт. То царёвы гвардейские полки — Преображенский и Семёновский — бьются. Пошли на помощь. А что народ гибнет, на то и война. Тут кто страх поборол, тот и есть настоящий солдат.

«ПУСТЬ САМ ЧЕРТ ВОЮЕТ С ТАКИМИ СОЛДАТАМИ!»

Подходя к Нарве, шведский король Карл говорил: «Московские мужики разбегутся при одном виде моих солдат».

Однако вскоре королю пришлось изменить своё мнение. Не хотел, а всё же пришлось. Произошло это вот как.

Услышав сильную пальбу близ Наро́вы — а там бились преображенцы и семёновцы, — Карл бросился к своим войскам.

Король подоспел вовремя: гвардейцы оттеснили, отбили шведов. Того и гляди, обратятся шведы в позорное бегство.

— Шведы, шведы! — закричал Карл. — С вами бог и ваш король! За мной, шведы!

Солдаты воспрянули духом и с новой силой бросились в битву.

Слева, с невысокого холма, била русская пушка. С кипением врезались ядра в шведские ряды, валили по нескольку человек сразу.

— Пушки, подать сюда пушки! — закричал Карл.

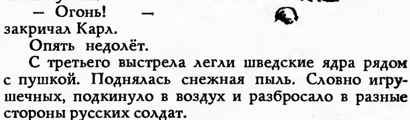
Несколько солдат бросились выполнять приказ. Вскоре появилась шведская батарея.

— Огонь!

Ядра легли с недолётом, метрах в тридцати от русской пушки.

— Огонь! — закричал Карл.

Опять недолёт.

С третьего выстрела легли шведские ядра рядом с пушкой. Поднялась снежная пыль. Словно игрушечных, подкинуло в воздух и разбросало в разные стороны русских солдат.

— Ура! — закричал Карл. — Ура! — и замахал шляпой.

Однако, когда улеглась пыль, король увидел: у пушки, словно вовсе и не было залпа, стоит солдат. Карл посмотрел — у солдата нет правой руки. Весь бок пушкаря залит кровью. Словно надломленный сук, торчит из плеча оголённая кость. Солдат держит в левой руке запал, что-то кричит, наводит пушку прямо на шведского короля.

— Безумец! — закричал король.

В это время грянул новый выстрел, и Карл упал с лошади.

Когда король вылез из-под убитого коня и осмотрелся, на прежнем месте солдата уже не было. Прихрамывая на ушибленную ногу, Карл поднялся на холм. Рядом с русской пушкой, истекая кровью, лежал солдат. Глаза героя были полузакрыты, губы произносили какие-то слова. Карл наклонился к

умирающему. «Русский шведа и одной левой бьёт», — повторял упрямо солдат.

Уже потом, когда кончился бой, Карл пытался узнать, как звали героя. Однако никто ответить королю на его вопрос не мог. Тогда Карл вызвал барона Галларта.

— Что за солдат, не знаю, — ответил Галларт, — однако, ваше величество, могу вас заверить, что таких у русских немало. Не люди — безумцы. Пусть сам чёрт воюет с такими солдатами!

Посмотрел Карл на Галларта, вспомнил свои слова, сказанные при подходе к Нарве, задумался, ничего не ответил.

КАК МАЙОР ПИЛЬ СМЕРТЬ ПРИНЯЛ

Ещё в Москве нагадала старая цыганка майору Пилю, что примет он смерть от руки русского солдата. (Немец майор Пиль состоял на службе у русских.)

Нрав у Пиля был весёлый, лёгкий. Посмеялся он над словами цыганки, рассказал товарищам да и забыл. Вспомнил о них уже под Нарвой, в самый разгар боя.

Узнав, что барон Галларт и другие иноземные офицеры изменили русским, майор Пиль тоже хотел перейти на сторону шведов. Однако майору не повезло. Перехватил Пиля русский солдат. Лицо у солдата здоровое, глаза злые. Майор едва ноги унёс. Хорошо, помогла вьюга.

— Фу ты, вредная! — помянул в эту минуту майор цыганку.

Отбежал Пиль в глубь лагеря, забился в офицерскую землянку, просидел там до самого вечера. Всё боялся майор, что вот-вот ворвётся в землянку солдат со злыми глазами. Потом успокоился. Мол, беда миновала, стал ждать, когда в русском лагере наконец появятся шведы.

Однако шведы не шли. Не одержав победы над преображенцами и семёновцами, шведы прекратили бой.

А вечером к землянке подбежал русский солдат, стукнул в дверь, закричал:

— Господ офицеров на военный совет!

Пришёл Пиль в генеральскую избу, а там всё решено. Договорились генералы послать к шведам своих послов просить о перемирии. Выделили князя Козловского и майора Пиля.

Вышли послы на улицу. Кругом солдаты. Собираются солдаты группами, о чём-то спорят, шумят, перебивают друг друга. Несутся в ночном воздухе солдатские голоса.

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдём!

Обошли князь Козловский и майор Пиль солдат стороной. На всякий случай обходили осторожно, крадучись. Двинулись к шведским позициям. Однако у границы русского лагеря послов окликнули часовые.

— Стой! Кто такие? Откуда? — раздались звонкие голоса.

И сразу к послам из темноты подступило несколько человек.

— Да, никак, свои, — заговорили солдаты. — Да чего их сюда понесло?

Послы растерялись. Захлопал выпученными глазами Пиль. Ради осторожности сделал шаг назад, стал за широкую спину князя Козловского.

Повысил князь голос, пытался прикрикнуть на солдат, да ничего не получилось. Пришлось рассказать, в чём дело.

— Ироды! — закричал кто-то. — Шкуру свою спасаете!

— Что вы, братцы, что вы! — вмешался Пиль. — Ради вас стараемся... — и осёкся: показалось Пилю,

что стоит перед ним тот самый солдат со злыми глазами.

— Предатели! Бей предателей! — понеслись солдатские возгласы.

— Стой, стой, братцы! — только и успел сказать князь Козловский.

Навалились солдаты, бросили послов на землю, стали бить сапогами и прикладами.

Вспомнил ещё раз Пиль старую цыганку, дёрнулся и замер. Охал и стонал, хватаясь за пробитую голову, князь Козловский.

А кругом разносилось:

— Не сдадимся шведам!

— Не отступим!

— Животы положим, а со стыдом не уйдём!

«УЧЕНИКИ ВЫУЧАТСЯ И ОТБЛАГОДАРЯТ СВОИХ УЧИТЕЛЕЙ»

Солдаты готовились к новому бою. Однако генералы решили по-своему. В новый бой русская армия не вступила. Генералы договорились с королём Карлом о почётном отступлении.

Ночью через Нарóву стали наводиться мосты. Затем рота за ротой русские войска принялись переходить на правый её берег. Переправу охраняли Преображенский и Семёновский полки. С барабанным боем, с распущенными знамёнами они последними перешли Нарóву.

Весть о поражении русских войск застала Петра в Новгороде. Загнав лошадь, к царю примчался всадник.

— Что там? — спросил Пётр.

— Конфузия, государь! — только и ответил прибывший.

Подошёл Меншиков. Узнав о поражении русской армии, побледнел, стал причитать:

— Что же теперь? Как же оно будет!

— Цыц! — огрызнулся Пётр.

— Святая богородица, да за что же ты нас,— не унимался Меншиков.

— Да умолкни ты, дурья башка! — закричал Пётр. — От битья железо крепнет, человек мужает. Радуйся, дурак, науке. Чай, не первый раз со шведами бьёмся. Дел-то посмотри сколько. Малому ли война научила? Эхма, только работай! Заводы строй, пушки лей, армия, поди, регулярная нужна, офицеры свои, генералы. Отстала Русь. Страна большая, а порядку мало. Попомни: ученики выучатся и отблагодарят своих учителей.

Глава вторая

РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЁТ

«ГОСУДАРЬ, ДОЗВОЛЬ МОЛВИТЬ»

Зима. Мороз. Ветер. По завьюженной дороге несётся резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепёшками снег. Пётр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Пётр знал давно, ещё с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдёт он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскалённого железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернётся Пётр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий!

Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло – оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж, — ответит Пётр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, — думает Демидов. — Ой, неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

— Никита Демидович, — говорит Пётр, — про Нарву слыхал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь ещё не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри, — говорит Пётр.

— Слыхал, — произносит Демидов.

— Вот так-то, — отвечает Пётр. — Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно, — говорит Пётр.

— Понятно, Пётр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слёзы, а не заводы.

Пётр и Демидов молчат. Пётр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках и стоптанных лаптях двое мужиков тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье, — говорит Демидов. — По брёвнышку, по брёвнышку, как нищие побираемся. — А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволь молвить.

Пётр встрепенулся, посмотрел на Демидова, произнёс:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки, — проговорил Демидов, — на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Пётр.

— Он самый, — ответил Демидов.

— Слыхал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдёт!

— Ничего, государь, ничего, — убеждённо заговорил Демидов. — Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живём. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — всё будет.

Смотрит Пётр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждёт царского слова.

— Ладно, Никита Демидович, — наконец произносит Пётр, — быть по-твоему, отпущу указ, по-

едешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведёшь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Пётр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Пётр наказал добывать железо и строить заводы.

КОЛОКОЛА

— Данилыч, — вскоре после Нарвы сказал Пётр Меншикову, — с церквей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Пётр. — Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно, — стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Пётр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошёл в дом к настоятелю. Узнав, в чём дело, настоятель насупился, сморщил лоб. Однако встретил солдат приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принёс вина.

— Пейте, служивые, ешьте, — приговаривает.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал. — Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один? — возмутился сержант. — Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками. — Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси, — ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, — говорят, — а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — всё норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант. — Найди, где попы колокола спрятали, — патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашёл.

— Да ну! — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашёл! Давай патрон.

— Нет, — говорит сержант, — это мы ещё посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Крутит позёмка, перекатывается по насту снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай,— подбадривает Федька,— уже скоро!

Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лёд.

— Вот тут, — говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — ещё одна, а чуть дальше — ещё и ещё. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примёрзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лёд, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашёл к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы ноне Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель.— В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало,— сказал он, — пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель. — Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по косогору.

«СЕНО, СОЛОМА!»

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Пётр завести регулярную, постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приёмами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Пётр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идёт молодой поручик, подаёт команды. Пётр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит поручик. — Сено, солома!

«Что такое?» — подумал Пётр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

— Господин бомбардир-капитан, рота поручика Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Пётр.

Поручик царю понравился. Хотел Пётр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает поручика Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан, — отвечает поручик.

— Как так — не дрянь! — возражает Пётр. — Солдат позоришь. Устав не знаешь.

А поручик всё своё.

— Никак нет, — говорит. — Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Пётр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Пётр у генерала.

— Поручик Вяземский, — ответил генерал.

ПРО БОЯРСКИЕ БОРОДЫ

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца

заводить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Бороды договорились не стричь, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными. Однако вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первым.

— Тебе идти, — говорит Буйносов.

— Нет, тебе, — отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришёл боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь, — просит, — не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Пётр. — Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и всё своё твердит:

— Не срами, государь.

Разозлился тогда Пётр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царём, — просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришёл, говорит:

— Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Пётр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил день-

ги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Ещё больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошёл год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так! — возмутился Курносов. — Деньги мной уже плачены! — и показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе, — говорят сборщики, — срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и ещё раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят — сидит Курносов свежевыбрит, злыми глазами на сборщиков смотрит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Пётр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и нужно, — сказал, — пусть к новым порядкам привыкают. А насчёт денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

ЧЕМУ МОЛОДЫЕ БОЯРЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ УЧИЛИСЬ

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Пётр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки, суетится дворня, словно и не проводы, а драка какая.

Расходилась буйносовская жена.

— Единого сына — и бог знает куда, в иноземщину, чёрту в зубы, немцу в пасть! Не пущу! — кричит. — Не отдам!

— Цыц! — закричал Буйносов на жену. — Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на дыбу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Дура! Плетью обуха не перешибёшь, от царя-супостата не уйдёшь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, — потребовал Пётр, — как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось, — отвечает Буйносов. — Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады друг другу в бороду вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» — «фатер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну, а ещё чему? — допытывался Пётр.

— Кланяться ещё, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да, — сказал Пётр, — многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

— Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил Пётр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно, — говорит Пётр. — А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь, — отвечает Курносов, — есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно

знать каждому военному начальнику, аки свои пять пальцев.

— Дельно,— говорит Пётр.— Дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь,— отвечает Курносов,— есть описание моря или реки, с указанием на оном отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно, дельно,— опять говорит Пётр.— А ещё чему научился?

— Да ко всему делу, государь, присматривался,— отвечает Курносов,— и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам своё, российское, хаять. Не хуже у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец! — сказал Пётр.— Оправдал, утешил.— И Пётр поцеловал молодого Курносова.— А ты,— сказал Пётр, обращаясь к Буйносову,— видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошёл прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в безызвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквах да иногда в богатых домах имели приглашённых учителей.

При Петре в городах и посадах стали открываться школы.

Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждёт учеников. Ждёт день, второй, третий — никто не идёт.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чём дело. Зашёл в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

— Почему, — спрашивает, — сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец. — Мы без грамоты жили, и он проживёт. Бесовское это занятие — школа.

Зашёл учитель в дом к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа! — отвечает мастер. — Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошёл тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чём дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделать? — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу учитель.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел, видит — идут солдаты, под ружьём ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорит учитель. (Это означает буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Буки, — повторяют в классе.

— Вéди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать. Узнали, где есть Каспийское, где Чёрное и где Балтийское море. Много чему научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Пётр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Пётр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Пётр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Пётр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал всё, как было.

— Вот здорово! — засмеялся Пётр. — Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

ПУСТЬ ВСЕ ЗНАЮТ

Пётр стоял около зеркала, примерял новый кафтан. Кафтан был красного цвета, а борта и полы обшиты золотой каймой. Одиннадцать блестящих пуговиц, словно жуки-светлячки, тянулись ровным ря-

дом сверху до самого низа. С боков отвисали два больших, как мешки, кармана и тоже с пуговицами — по три на каждом.

Около Петра крутился Меншиков.

— Ай да мундир! — приговаривал Александр Данилович. — Вот это мундир! А сукно-то, сукно-то, государь! Где ты видывал такое сукно?

Кафтан подарил Петру Меншиков. Вслед за оружейными заводами стали строить на Руси и другие — суконные, прядильные, кожевенные. Строить заводы было выгодно. Царь дал купцам и промышленникам всякие льготы. Вместе с одним из купцов построил суконный завод и Меншиков. И вот теперь, хвастая сшитым кафтаном, Меншиков надеялся получить заказ для всей армии.

— Где ты видывал такое сукно? — приговаривал Меншиков. — А ведь наше, российское, наше. Говорил я тебе — Меншиков всё может, всех солдат в такие кафтаны оденет.

— Не хвастай, не хвастай, — говорит Пётр.

А самому приятно. Добротный кафтан, ничего не скажешь. Напряг Пётр спину, согнул локти — крепкий кафтан, не рвётся. Отдал Пётр приказ закупить у Меншикова сукно для целой армии.

А вскоре Пётр был на ученье. Солдаты рыли рвы, ползали на брюхе, ходили в штыковую атаку. Ученье прошло хорошо. Однако, когда солдаты построились, Пётр посмотрел и ахнул. Оборвались совсем солдаты. У одного пола отвалилась, у другого дыра через всю спину, у третьего вместе с пуговицей клок выдран. Подбежал Пётр к солдатам, схватил первого попавшегося за мундир, дёрнул — сукно, словно вата, так и поползло. Подбежал к другому — то же самое. Сукно на мундирах оказалось гнилое.

Налились кровью Петровы глаза, забегали по рядам. Содрал Пётр с одного из солдат кафтан, подбежал к генералу, в нос тычет, кричит:

— Кто сукно поставлял?..

Растерялся генерал, захлопал глазами, еле проговорил:

— Александр Данилович Меншиков.

А в это время Меншиков принимал иностранных послов. Ходил Александр Данилович важный, как попугай наряженный: в кафтане жёлтого цвета, в белых чулках, в башмаках с золотыми пряжками, в парике, словно львиная грива.

Ходит Меншиков по залу, беседует с послами, а сам нет-нет да и в зеркало взглянет. Нравился себе Меншиков.

Послы интересовались хозяином дома, спрашивали, древнего ли рода Меншиков, кто его предки. Меншиков врал, что ещё при Александре Невском его род на всю Русь славился.

И вдруг слышит Меншиков на лестнице страшный грохот. Потом удар в дверь, словно ядром из пушки, и в комнату влетает Пётр. Посмотрел Меншиков — в руках у Петра солдатский мундир. Понял Александр Данилович — недоброе, прикусил губу.

— Такое твоё суконце? — ещё с порога комнаты закричал Пётр. — Гниль подсунул, обманул!

Подлетел Пётр к Меншикову — и со всего размаха по лицу кулаком. Раз, два — слева, справа.

— Заелся, — кричит, — зажирел! Вором у государства стал! Прогоню, сгною, пирогами вновь торговать заставлю!

Укрывается от увесистых ударов Меншиков рукой, размазывает шёлковым кафтаном кровь по лицу, а сам причитает:

— За что, государь, за что? Видит бог, вины моей тут нет!

— И бога ещё приплёл! — кричит Пётр. — Вины, говоришь, нет? Вот я те покажу «вины нет»! — и снова бьёт Меншикова наотмашь, во всю силу.

Выбрал Меншиков удобный момент, глазами Петру на послов показывает: мол, неудобно.

— Пусть смотрят, — говорит Пётр, — пусть знают, какой ты есть вор! — и продолжает бить.

— Прости, государь! — наконец взмолился Меншиков. — Видать, дьявол попутал, недоглядел.

Пётр бросил бить Меншикова, отошёл в угол, сел на лавку, тяжело дышит. Меншиков между тем поднялся и куда-то исчез. Выскользнули из комнаты потихоньку и послы. А через несколько минут Меншиков вернулся. Смотрит Пётр — на голове у Меншикова мужицкая шапка, в руках — лоток с пирогами.

— Пироги подóвые, пироги подóвые! — закричал Меншиков. — Кому подóвые, кому подóвые!

Посмотрел Пётр, рассмеялся. Прошёл царский гнев.

— Садись, ладно, — сказал Меншикову.

— Это ты зря, — стал опять оправдываться Александр Данилыч, — ни за что.

— Но, но! — повысил голос Пётр.

Меншиков замолчал.

— Государь, — наконец заговорил он, — а как же с послами быть? Теперь ведь по всему свету разнесут. Престижу моего не будет.

— Ну и пусть разнесут, — ответил Пётр. — Пусть и в других странах знают, что есть на Руси такой вор Алексашка Меншиков. Да за такие дела на дыбу тебя, на Лобное место! Коли прока бы от тебя государству в других делах не было, не сносить бы тебе головы. А сукно смотри поставь другое. Проверю.

«РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЁТ»

— Пора бы нам и свою газету иметь, — не раз говорил Пётр своим приближённым. — От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Пётр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царём чего дурного.

А Пётр был на Печатном дворе, вместе с печатным мастером Фёдором Поликарповым отбирал материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царём навытяжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши,— говорит Пётр,— пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаючи можно сделать.

— А ещё, государь, сообщают,— продолжал Поликарпов,— что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши,— говорит Пётр,— пусть знают, что Пётр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут,— сообщает Поликарпов,— что заводские мужики бунт учинили, убежали в леса и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А сие не пиши,— говорит Пётр.— Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

— А из Казани, государь, пишут,— продолжает Поликарпов,— что нашли там немало нефти и медной руды.

— А сие пиши,— говорит Пётр,— пусть знают, что на Руси богатств край непочатый, не считаны те богатства, не меряны.

Сидит Пётр, слушает. Потом берёт бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

А Поликарпов докладывает всё новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось три-

ста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А ещё, — говорит Пётр, — напиши, Фёдор, про школы, да здорово — так, чтобы все прок от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали её «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Пётр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри, — говорит, — газета, своя, российская, первая!

Встретил Пётр и графа Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, насупился.

— Эх, ты! — проговорил. — Не тем местом, граф, мыслишь. А ещё Головин! А ещё граф! Нашёл чем удивить — в немецком городе Гамбурге. Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу всё хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придёт.

МИТЬКА-ЛГУН

Митька никогда не говорил правду. Вот и прозвали его на селе «Митька-лгун». Быть бы Митьке часто битым, если б не дружил он с Варькой Глебовой. Характер у Варьки был задиристый, смелый. Все мальчишки от неё плакали. А Митька при Варьке вроде как адъютант. Вот и боялись ребята его трогать: знали, что Варька заступится. Зато от са-

мой Варьки Митьке попадало часто. Только начнёт врать — Варька на него с кулаками.

— Я тебя от вранья, — говорит, — отучу! И сам не ври и другим не давай.

И отучила. Да, видать, зря.

На всю деревню не было более бедного мужика, чем Варькин отец. Покосившаяся изба да безрогая коза — вот и всё богатство Кузьмы Глебова. Ждал Кузьма козлят, обещал Варьке купить пряник. Но и тут судьба обошла мужика. Козлята, правда, родились, но коза сдохла.

Забыла теперь Варька про ребячьи игры, про друзей и товарищей, целый день с козлятами возится. Козлят двое. Маленькие, как комки ваты, белые и пушистые.

Стало Митьке одному скучно. Забежит он за Варькой, играть зовёт, а она — не могу, делами, мол, занята. Злился Митька. Калачом Варьку заманивал, сдобные ватрушки приносил, да всё напрасно. Варька от козлят ни на шаг. Да и козлята к Варьке, как к матери, привязались. Пойдёт Варька в лес — козлята за ней. Сидит дома — и козлята тут, стучат по полу копытцами, жмутся, словно котята, к Варькиным ногам.

Однажды Варька выглянула в окно. Видит — идут солдаты. Блестят на солнце ружья. «Лева нога, права нога!» — подаёт команду сержант. Выбежала Варька на улицу, смотрит.

Солдаты в деревню пришли неспроста. Обложили после Нарвы крестьян большими налогами, а платить нечем. Вот и послал Пётр по деревням солдат, наказал отбирать у крестьян последнее.

Стали солдаты ходить по избам. Сержант зачитывает, кто сколько казне должен. Солдаты тут же отбирают у кого что: у одного лошадь, у другого корову, у третьего сбрую. Поднялся в деревне крик, шум. Замычали коровы, заблеяли овцы, заголосили девки и бабы.

Сообразила тут Варька, в чём дело. Схватила козлят и спряталась в огороде за банькой.

Вошли солдаты в Варькину избу, смотрят, а взять нечего: в избе всего стол да лавка. Осмотрели солдаты двор, в сарай зашли — всюду пусто. Сплюнул сержант от досады, двинул Варькиного отца по затылку и повёл солдат к соседнему дому. Да только пошли они не дорогой, а через огороды! Идут солдаты, слышат чей-то голос:

— Сидите, маленькие, сидите, не заберут вас вороги.

Подошли солдаты к баньке, видят — девчонка, а на руках у неё козлята.

— Ты чья? — спрашивает Варьку сержант.

Поняла Варька беду, говорит:

— А я старостина дочка.

Только сказала — смотрит, а рядом с солдатами Митька. Вышел Митька вперёд, говорит:

— А вот и неправда. Какая же ты старостина? Ты Глебова.

Повернулся сержант к Митьке, спрашивает:

— Это какого Глебова? Не того, у которого мы сейчас были?

— Того самого, — отвечает Митька.

Ну и отнял сержант у Варьки козлят.

Набросилась Варька на Митьку.

— Ты что, — говорит, — дурак, сделал!

И давай Митьку лупить. А Митька глазами хлопает, понять не может. Первый раз правду сказал — и опять бьют. Мал был Митька, глуп.

ПРО ДАНИЛУ

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел своё понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силён швед, силён, — говорили мужики, — не нам чета. И на кой ляд нам море нужно! Жили и проживём без моря.

— Вот и неправда, — говорил Данила. — Не швед силён, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит! — кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

— Так и надо, — говорил. — Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь бог за такие дела не осудит.

— Богоотступник! Богохульник! — назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Пётр ввёл новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затянули ещё туже ремни на штанах.

— Ну, как тебе, — спрашивали они Данилу, — новые царёвы порядки? Опять верно? Снова по-твоему?

— Нет, — отвечал Данила, — у меня с царём не во всём согласие общее.

— Ишь ты! — огрызнулись мужики. — У него с царём! Нашёл дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит, — отвечал Данила. — Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерёт — придёт время, быть ему в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головой. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу, — ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донёс — может, поп, а может, и кто другой — про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику Тайного приказа, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздёрнули на дыбу, стали пытать.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унёс, — отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский. — Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

— Сажай, — отвечает Данила. — Мужику всё едино, где быть. Может, на колу ещё лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскалённый в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошёл Пётр.

— За что человек на дыбе? — спросил царь у Ромодановского.

— Смутьян, — говорит князь. — Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошёл Пётр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит — перед ним царь. Набрался тогда Данила сил и произнёс:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили всё из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дёрнул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

— Вешай! — закричал словно ужаленный и пошёл из избы прочь.

Глава третья

НА РЕКЕ НЕВЕ

ЛОДКИ ИДУТ ПО СУШЕ

Русские подошли к Нотебургу осенью. Задули холодные северные ветры. Разыгралось неспокойное Ладожское озеро. Побежали высокие волны, забили о берег шумным прибоем.

По Ладожскому озеру пригнали русские более полусотни ладей — больших лодок, — стали готовиться к штурму. Штурмовать крепость лучше со стороны реки Невы: тут и берег ближе и волны не такие сильные. Но как провести лодки мимо крепости? Шведы начнут стрелять. Потопят меткие шведские стрелки русские лодки.

Как быть?

Весь день русские разбивали лагерь. Ставили большие солдатские палатки, разводили костры, чистили ружья.

Вечером, когда все легли спать, Пётр вышел к озеру. Тихо. Горят на берегу костры. Над озером поднимается луна. Засмотрелся Пётр на луну, задумался.

Вдруг до царя долетели громкие голоса. Пётр оглянулся, смотрит — на берегу у костра собрались солдаты. Солдаты о чём-то спорят. Пётр прислушался.

— Братцы, а я так думаю, что шведа обхитрить можно, — говорит чей-то голос.

Пётр подошёл ближе, рассмотрел говорившего. Был он щупл и мал ростом. Петра даже смех взял — тоже герой!

— Как же ты, куриная твоя душа,— обратился Пётр к солдату, — обхитришь шведа?

Солдат узнал царя и замер от страха.

— Ну-ка, сказывай, — потребовал Пётр.

— Да я так думаю, государь, — запинаясь, проговорил солдат,— стало быть, надо рубить просеку да просекой волоком, в обход крепости, и тащить лодки.

— «Просекой, волоком»! — усмехнулся Пётр. — Да как ты их тащить будешь? Вёдра тебе это, что ли?

— Да будь твоя воля, государь, — хором заговорили солдаты, — а мы их хоть голыми руками до Невы дотянем!

Солдатская выдумка царю понравилась. На следующий день Пётр приказал рубить просеку. Рубили просеку умно, так, чтобы верхушки деревьев падали к центру: по ветвям тащить легче. Впрягались в ладью человек по пятьдесят. Тащить тяжёлые лодки — работа трудная. Облепят солдаты лодку со всех сторон, подхватят руками, еле сдвигают.

— Раз — взяли, два — взяли! — раздаётся голос Петра.

— Ещё раз, ещё два! — вторят ему ротные командиры.

Устали солдаты. Выбились из сил. Надорвал свой богатырский голос Пётр. Разгневался царь, подозвал щуплого солдата.

— Что ж ты, куриная твоя душа! — закричал Пётр. — Видал, каково лодки тащить?

Молчит солдат. А Пётр ругается ещё шибче.

Обиделся тогда солдат, говорит:

— Так какое же дело без труда получается?

Подивился Пётр на солдата, промолчал. Потом подошёл, похлопал по плечу и сказал:

— Молодец, правду говоришь! Выиграем бата-

лию — не забуду. Быть тебе при государевой награде.

Только не дожил солдат до награды. Замешкался щуплый солдат, подвернулся под нос тяжёлой ладьи. Бросились товарищи на помощь, да поздно. Придавила ладья солдата. Прикусил от боли солдат губы, да так и умер без крика и стона.

И вновь подивился Пётр: откуда сила такая берётся? С таким солдатом не страшно и против шведа идти. Снял Пётр шляпу, поклонился, приказал похоронить погибшего с офицерскими почестями.

До позднего вечера русские рубили просеку. А утром в крепости началась тревога. Забегали на стенах караульные. Поднялся на высокую башню комендант. Шведы смотрели на Неву. Там, словно утиные выводки, на лёгкой волне качались русские лодки. Не сразу поняли шведы, в чём дело. А когда разобрались, было поздно: русские начали штурм.

«ГОСУДАРЬ ПЁТР АЛЕКСЕИЧ ОТСТУПЛЕНИЕ ПОВЕЛЕЛ!»

Две недели днём и ночью громыхали русские пушки. От частых команд охрипли артиллерийские офицеры. Усталые бомбардиры валились с ног. Нотебург горел.

Но шведы не сдавались.

— Эка орех каков! — говорил Пётр. — Не раскусишь.

Наконец, на четырнадцатый день, одна из стен треснула. С шумом повалились камни. А когда утихло и улеглась пыль, увидели русские: в стене широкий пролом.

Бросились солдаты к лодкам, поплыли к острову. Командовать штурмом Пётр поручил храброму пол-

ковнику князю Голицыну. Высадились солдаты на берег, кинулись к пролому.

— Сдавайтесь! — кричат русские.

Шведы молчат, бросают с крепостных стен камни и раскалённые ядра, льют на головы наступающим горячую воду. Трудно русским. Видно, рано начали штурм.

Понял Пётр, что войска поторопились, отдал приказ отступить.

С царским приказом послали к Голицыну молодого, необстрелянного солдата. Прибыл солдат на остров, стал разыскивать Голицына. Да разве найдёшь! Кругом дым, огонь, в двух шагах ничего не видно. Подбежит солдат к одному месту — говорят, Голицын в другом; бросится туда — его посылают в третье.

Измучился солдат, отошёл в сторону.

И вдруг напал на солдата страх. Страшно ему ослушаться и не передать Голицыну царский приказ. Но ещё страшнее вновь подойти к крепости. И рад бы пойти, да ноги сами несут в обратную сторону, к берегу, туда, где стоят лодки.

Подошёл солдат к берегу. Видит — у лодок кто-то толпится. Посмотрел на форму — преображенцы. «Ну, не один я струсил!» — обрадовался молодой солдат.

Смотрит новичок: преображенцы сталкивают лодки в воду. Лодки сталкивают, а сами не садятся. «Что такое? — не может понять молодой солдат. — В чём дело?» И вдруг понял: решили преображенцы биться до последнего. А раз так — не нужны им лодки. Нечего лодкам стоять у берега, незачем дразнить солдат.

— Стой, братцы, стой! Что вы, братцы! — закричал молодой солдат.

Посмотрели преображенцы на новичка, подивились, что за крикун такой, и стали продолжать своё дело.

— Стой, стой! — вновь закричал молодой солдат, подбежал к лодкам, вцепился в одну из них руками. — Не пущу! — кричит. — Государь Пётр Алексеич отступление повелел. На чём плыть будем?

«Ну и трус! — подумали преображенцы. — Самого царя приплёл!» Подошли к солдату, стали оттаскивать от лодки. А он упирается и всё твердит:

— Государь Пётр Алексеич отступление повелел!

Но никто ему не поверил. Какая же вера может быть трусу? Разозлились преображенцы, решили поступить с молодым солдатом, как с предателем. Схватили, раскачали и бросили в воду.

Однако солдат не утонул. Хоть и трус был, да, видать, силу имел немалую, выплыл. Вылез весь мокрый, вода ручьями стекает с кафтана. Посмотрел молодой солдат в сторону крепости. То ли страх у него прошёл, то ли стыдно перед товарищами стало, только скинул солдат кафтан и побежал к пролому.

А у самого пролома столкнулся солдат с князем Голицыным. Хотел солдат передать царский приказ, да понял — поздно. Смолчал.

Русские продолжали штурм.

ШВЕДЫ ВЫБРОСИЛИ БЕЛЫЙ ФЛАГ

Не раз Пётр бивал Меншикова, любую провинность не прощал. Изведал Меншиков и увесистый петровский кулак, и ловкую в руках Петра тяжёлую дубовую палку. Но зато и любил Пётр Меншикова больше всех на свете. Знал: скажи — пойдёт Меншиков в огонь и в воду.

Вот и сейчас не отступает Меншиков от царя ни на шаг. Стоят Пётр и Меншиков у русских батарей, смотрят на крепость. Плохи дела у русских. Отбили шведы штурм, приободрились. Того и гляди, сами начнут атаку.

— Государь, — обращается Меншиков к царю, — не устоят наши, пусти на подмогу. Пусти, а, государь! — умоляет Меншиков.

Пётр молчит. Дёргается тонкий петровский ус. Царь нервничает.

— Государь... — вновь начинает Меншиков.

А дела у пролома совсем плохи. Шведы вышли из крепости, теснят русских к реке. На рослого преображенца навалились сразу трое, схватили шпаги, прокололи, словно бабочку.

— Государь, — не отстаёт Меншиков, — пусти! А, государь!

— Ладно, ступай, — сдаётся наконец Пётр.

Собрав двенадцать лодок, Меншиков отплыл к крепости. Что есть силы солдаты налегли на вёсла. Против течения по быстрине плыть трудно. Взмахнут солдаты вёслами, нажмут, бурлит по сторонам вода, пенится, а лодки почти ни с места.

— Давай, братцы, нажмём, братцы! — подбадривает Меншиков солдат, а сам с тревогой смотрит на берег.

Не отводит глаз от крепости и Пётр. Совсем мало русских осталось на острове. Понимает царь: не подоспеет подмога. Отвернулся Пётр, безнадёжно махнул рукой.

А когда посмотрел вновь, не поверил своим глазам: лодки — у острова.

Первым выскочил Меншиков. Взмахнул шпагой, врезался в толпу шведов. Только теперь Пётр заметил: Меншиков без кафтана, в одной розовой шёлковой рубахе. Меншиков пробился к стене. Ловко, как кошка, полез по штурмовой лестнице, ухватился за край пролома, подтянулся, вскочил на ноги и радостно замахал шляпой.

— Хвастун, ой хвастун! — не сдержался Пётр.

Неожиданно в пролом повалил дым, злыми языками пробилось пламя. Озарённая огнём, метнулась розовая рубаха Меншикова. Что было дальше, Пётр

не видел, мешал дым. В судороге, словно кто-то дёргал его за нитку, зашевелился петровский ус.

Прошла минута, вторая, третья. И вдруг...

— Видишь? — закричал Пётр прямо в ухо стоящему рядом солдату.

— Никак нет, ничего не вижу, бомбардир-капитан! — ответил солдат.

— Дурак! Куда смотришь? Вон куда гляди! — И Пётр показал на стену.

Там, на самом верху, среди огня и дыма, меж острых зубцов стены, словно победное знамя, развевалась розовая, из шёлка шитая рубаха бомбардир-поручика Александра Меншикова. Обезумев от боя, со страшно перекосившимся лицом, Меншиков метался у самого обрыва. А рядом с ним, слева и справа, мелькали зелёные кафтаны русских солдат. Вот их всё больше и больше. Вот уже почти не видно шведов. Вот...

Пётр посмотрел в подзорную трубу. В стекле встрепенулось что-то белое. Флаг, белый флаг! Шведы выбросили белый флаг. Шведы сдаются!

Отбросив в сторону трубу, Пётр закричал:

— Виктория! Виктория! Орех-то разгрызли. Вон оно как!

Старой русской крепости Пётр дал новое название — Шлиссельбург. Сейчас в память о царе Петре Шлиссельбург называется Петрокрепостью.

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ

Измученный дальней дорогой, в столицу Швеции прибыл гонец. Принёс он тревожную весть: русские идут к Финскому заливу, к крепости Ниеншанц.

Крепость Ниеншанц стояла на берегу Невы, недалеко от впадения Невы в Финский залив. Потерять шведам Ниеншанц — значит, пустить русских к

морю. Заволновались шведы, снарядили военные корабли, послали помощь.

На всех парусах мчатся шведские корабли к Неве. Подгоняет попутный ветер шведские фрегаты. Носятся над палубами чайки, обещают недалёкий берег. А тем временем русские штурмуют крепость. Не выдержали шведы штурма, не понадеялись на помощь — пробили шведские барабаны сигнал к сдаче. Пришли корабли к Неве, а уже поздно: русские в крепости.

Однако на кораблях о падении Ниеншанца ничего не знали. Остановились шведские корабли в Финском заливе, а два фрегата, «Гедан» и «Астрильд», пошли к крепости. Хотели шведы засветло подойти к Ниеншанцу, но не успели. Пришлось им опустить паруса, заночевать на Неве. Поставили шведы на кораблях часовых, легли спать.

Ходят шведские часовые, не думают об опасности. Ночь наступила тёмная, небо беззвёздное. Кругом тихо. Стоят корабли, словно впаянные в Неву, не качнутся. Ходят часовые, перекликаются.

— Эй, на «Астрильде»! — кричит часовой с «Гедана».

— Эй, на «Гедане»! — отвечают ему с «Астрильда».

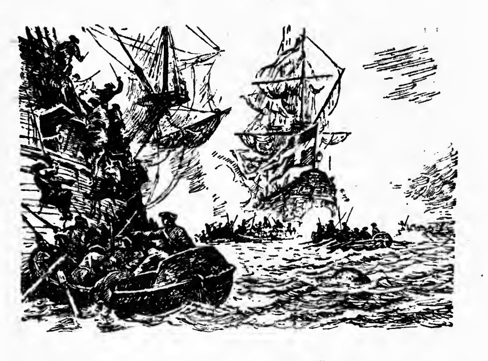
Вначале часовые перекликались часто, потом всё реже и реже. Вскоре на «Астрильде» часовой замолк. Усыпила шведа тихая ночь.

Походил, походил часовой на «Гедане». Скучно одному. Прислонился к мачте и тоже заснул.

К утру сквозь сон почудился часовому с «Гедана» скрип уключин. Швед вздрогнул, приоткрыл глаза. Кругом туман. Дует лёгкий утренний ветер. Трепещется на мачте шведский флаг. Прислушался швед, скрип повторился.

«Что бы это?» — подумал часовой, подошёл к борту.

И вдруг — швед даже не поверил своим глазам,

подумал, не сон ли, — увидел часовой вначале одну, потом вторую, потом сразу много лодок.

Швед кинулся к другому борту — и там лодки. В лодках солдаты. И тут швед понял.

— Русские! — надрывая голос, закричал шведский часовой.

— Русские! — эхом пронеслось над Невой.

— Русские! — тревожно отозвалось в трюме.

И сразу корабль ожил. Выбежали на палубу перепуганные офицеры. Заметались, не понимая, в чём дело, заспанные солдаты.

А русские лодки тем временем подошли к фрегату. Облепили лодки фрегат со всех сторон. Словно муравьи на сахарную голову, стали карабкаться по крутым бортам «Гедана» русские солдаты.

Первым на палубу ворвался Меншиков. Блеснул в руках Меншикова дымящийся пистолет, ловко заиграла острая шпага.

— Эка какой ты, швед, глупый! — приговаривал Меншиков и колол направо. — Не ходил бы ты, швед, в чужие земли! — и колол налево.

Между тем над Невой поднялось солнце. Туман рассеялся. Стал виден и второй шведский корабль, «Астрильд». И на «Астрильде» идёт бой. На «Астрильде» — сам Пётр. Хорошо заметна высокая фигура Петра. Пётр улыбается Меншикову: понимает, что шведам не отбиться.

Однако нелегко далась русским победа. Геройски сражались шведские корабли. Стыдно им было русским лодкам сдаваться в плен. А всё же пришлось.

В честь победы русские отлили медаль. «Небывалое бывает», — говорил Пётр про эту победу.

НА БЕРЕГУ НЕВЫ

Пустынны берега реки Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное — море.

Через несколько дней после взятия Ниеншанца Пётр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к устью Невы. При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Пётр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, плоский, словно ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь! — проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место, — ответил Пётр. — Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колени в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет. Остался в грязи ботфорт.

— Ай да Алексашка, ай да вид! — рассмеялся Пётр.

— Ну и места проклятущие! — с обидой проговорил Меншиков. — Государь, пошли назад. Нечего сеи топи мерить.

— Зачем же назад, иди вперёд, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, — ответил Пётр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплёлся сзади.

— А вот смотри, — обратился Пётр к Меншикову. — Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Пётр подошёл к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетала.

— Ишь ты, — проговорил Меншиков, — смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Пётр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюжьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Пётр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зелёной стороной, то внутренней — красной. Пётр смотрел вдаль.

Там, за сотни вёрст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч, — произнёс Пётр.

То ли Пётр произнёс тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч! — вновь проговорил Пётр.

Меншиков насторожился.

— Здесь, у моря, — Пётр обвёл рукой, — здесь, у моря, — повторил он, — будем строить город.

У Меншикова занесённый ботфорт сам собой выпал из рук.

— Город? — переспросил он. — Тут, на сих болотах, город?!

— Да, — ответил Пётр и зашагал по берегу.

А Меншиков продолжал сидеть на камне и смотрел удивлённым, восторженным взглядом на удаляющуюся фигуру Петра.

А по берегу носилась испуганная птица. Она то взмывала вверх, то падала вниз и оглашала своим криком нетронутые берега.

ГОРОД У МОРЯ

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встаёт и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжёлые брёвна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки вонючие портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валятся на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Всё интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмущая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», — попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колени. Скучно Никитке. Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьём.

Повеселел Никитка.

— Встать! — подаёт команду.

Солдат стоит, глазом не моргнёт.

— Ложись! — кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнёт воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнёт — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит.

Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошёл на работу. А днём нагрянул в землянку офицер с солдатами.

— Порядку не знаешь?! — закричал офицер.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка, — стал оправдываться Силантий.

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

— Никитка, Никитка! — тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнётся. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьём. Мёртв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

ЗОЛОТОЙ РУБЛЬ

Осень 1703 года выдалась ранняя. Словно из сита, лили холодные мелкие дожди. Задули ветры, погнали по Финскому заливу метровые волны.

В один из таких дней к Неве подошёл иностранный корабль. Корабль был датский, и приплыли на нём датские купцы.

У входа в Неву корабль бросил якорь. Идти дальше капитан не решался. Датчане послали в Петербург за лоцманом.

Вскоре лоцман прибыл. Из-под брезентового плаща-капюшона глянуло на капитана молодое улыбающееся лицо. Раскрытыми ножницами зашевелились тонкие, словно шило, усы.

— О гут, зер гут![1] — приветствовал лоцмана капитан.

Лоцман прошёлся по палубе, пощупал снасти, придирчиво осмотрел паруса и реи.

Всю дорогу лоцман молчал. Ловко перебирая рулевое колесо, он осторожно вводил корабль в Неву.

— Гут, зер гут! — говорил капитан.

Русский датчанам понравился. Прощаясь, капитан подарил лоцману золотой рубль.

Три дня судно разгружалось. Пока русские перетаскивали на берег пузатые бочки и тяжёлые ящи-

[1] Гут, зер гут! (*нем.*) — Хорошо, очень хорошо!

ки, датские моряки ходили по городу. С самого утра отправлялся на берег и датский капитан. Капитан знал, что на улицах Петербурга можно повстречать русского царя. А взглянуть на Петра капитану очень хотелось. Слава о царе Петре к тому времени уже обошла весь мир. Однако датчанам не везло.

И вот однажды капитан встретил лоцмана.

— О майн фрейнд![1] — радостно приветствовал датчанин старого знакомца.

«А что, если поделиться с ним своей неудачей?» — подумал капитан.

Узнав, в чём дело, лоцман оживился, обещал помочь.

Слово своё лоцман сдержал. Через несколько дней датских моряков пригласили в дом петербургского генерал-губернатора Александра Даниловича Меншикова. В просторном губернаторском доме собралось человек сто. Были здесь и знатные особы, и совсем неприметные люди — русские купцы и офицеры. Вскоре к гостям вышел и сам хозяин.

— Его величество царь Пётр Алексеевич, — произнёс Меншиков.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл Пётр.

Датский капитан взглянул на царя и ахнул. По комнате, прогибая половицы, шёл лоцман.

Заметив датчанина, Пётр улыбнулся. Лукаво заблестели большие глаза, приветливо зашевелились усы-ножницы.

Капитан растерялся, стал низко кланяться и что-то быстро-быстро заговорил на родном языке.

— О чём сказывает господин датский капитан? — обратился Пётр к переводчику.

— Ваше величество, — ответил переводчик, — капитан говорит о каком-то рубле. Капитан просит не гневаться и вернуть ему рубль.

Пётр рассмеялся.

[1] Майн фрейнд! *(нем.)* — Мой друг!

— Купцы и корабельщики,— обратился царь к датским морякам,— вы первые, что с миром пришли к нам, в древние русские земли. Слава вам, датские мореходы. Жалуйте к нам в моря. Купцы датские и немецкие, английские и шведские, жалуйте все, всем места хватит. За то мы и бились за море, за то и положили здесь русские головы.

Потом, наклонившись к переводчику, Пётр тихо сказал:

— А капитану передай — рубль я ему не отдам. Рубль — он не краденый. Скажи, царь за здоровье датских моряков тот рубль пропил.

Глава четвёртая

ОПЯТЬ НАРВА

СНОВА ПОХОД

— Государь! — Меншиков осторожно потряс Петра за плечи. — Проснись.

Пётр приподнял голову и, не открывая глаз, перевернулся на другой бок.

— Государь, проснись,— вновь повторил Меншиков.

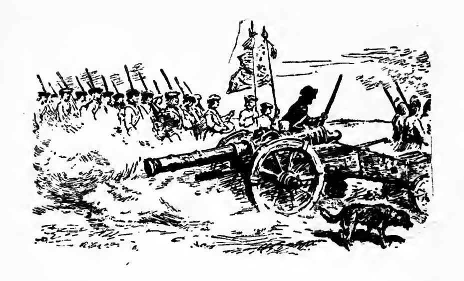
— Пошёл вон! — ругнулся Пётр и стал натягивать на голову одеяло.

— Проснись же, государь! — не отставал Меншиков. — У Нарвы неспокойно, к крепости идёт генерал Шлиппенбах.

— Что?! — Пётр вскочил с кровати, схватил Меншикова за отвороты кафтана, притянул к себе. — Что? Шведы — к Нарве?!

— Да, государь.

Пётр отпустил Меншикова, зашагал по комнате

из угла в угол. Потом остановился, вонзив взгляд в Меншикова, сказал:

— Данилыч, час пробил. Пока Нарва у шведов — жить нам в страхе. Ступай, кличь генералов, снова быть битве.

На следующий день русские войска спешно выступили в поход. И вот опять дорога. Как тогда, четыре года назад. Идут войска, движутся пушки, длинной вереницей тянутся обозные телеги.

И вновь по дороге несётся царский возок. Догоняет Пётр русские полки, останавливает лошадей, кричит:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, бомбардир-капитан! — отвечают солдаты.

Идут солдаты стройными рядами. Тра-та-та, тра-та-та! — выбивают походную дробь барабаны, развеваются пёстрые полковые знамёна.

А высоко в небе светит солнце. Носятся в тёплом воздухе стрижи. Где-то впереди раздаётся солдатская песня. Слышна команда:

— Лева нога вперёд! Права нога вперёд! Шире шаг!

Стоит Пётр в возке. Снял шляпу. Развевает ветер Петровы кудри. Смотрит Пётр на войска, говорит Меншикову:

— Данилыч, смотри: российская армия идёт наша, новая! Побьём шведа, а, Данилыч?

— Побьём, государь! Ей-ей, побьём! — отвечает Меншиков.

— То-то,— говорит Пётр. — Чай, на печи не лежали! — и весело, по-детски, смеётся. Потом вдруг меняется в лице. — Но, но, — говорит Меншикову, — не хвастай! — Садится и начинает смотреть в небо, в безбрежную синь, в неохватную даль.

Войска идут к Нарве.

МАШКАРАДНЫЙ БОЙ

Подошли русские к Нарве. Послали разведку. Оказывается, Шлиппенбах ещё далеко.

Остановились войска на правом берегу Наровы. Стали готовиться к штурму.

Однажды к Петру подошёл Меншиков.

— Государь,— обратился он, — разреши учинить машкарадный бой.

— Что? — переспросил Пётр.

— Машкарадный бой, говорю, — повторил Меншиков и зашептал царю что-то на ухо.

А на следующее утро к коменданту Нарвы генералу Горну прибежал корнет Попенншток.

— Генерал, генерал! — закричал Попенншток. — К Нарве идёт Шлиппенбах, русские готовятся к бою!

Схватил Горн подзорную трубу, бросился к крепостной стене, посмотрел: действительно, русские строятся. Носится по полю Меншиков, машет шпагой, куда-то показывает. Посмотрел Горн на запад — правильно, там, за лесом, поднимается пыль.

— О, слава тебе, святая Мария! — проговорил генерал. Потом повернулся к Попенштоку, сказал: — Жалую вас, господин корнет, капитаном.

В это время вдалеке раздались два выстрела, потом ещё два и ещё. Это был шведский условный сигнал. Горн приказал ответить. С крепостной стены гаркнули пушки.

А вскоре из-за леса стройной колонной появились и сами шведы.

Заколыхались жёлтые и белые шведские знамёна, заняли всю ширь дороги синие мундиры шведских солдат. Развернулись шведы во фронт, выкатили вперёд пушки и открыли огонь. Русские стояли спиной к крепости, лицом к войскам Шлиппенбаха.

И Горн подумал: «А что, если ударить русским в тыл? Шлиппенбах — спереди, войска из крепости — сзади, зажать русских в тиски, разгромить, как тогда, четыре года назад, удержать шведскую славу».

Горн отдал приказ. Распахнулись крепостные ворота, выскочила конница, за ней побежали пешие отряды. Русские заметили вылазку, дрогнули, подались в сторону.

— Ура! — закричал Попеншток и побежал вниз с крепостной стены.

Он вскочил на лошадь и вылетел пулей из крепости. Хотел Попеншток и тут оказаться первым. Горн видел, как его белая лошадь, вздымая пыль, галопом

мчалась по полю. Попеншток подскакал к русским, рубанул налево, направо, повернул коня и помчался к войскам Шлиппенбаха. Вот он подлетел к шведам, соскочил с коня и бросился обнимать какого-то офицера.

— Молодец! — шептал Горн. — Молодец, Попеншток! — И восторженно смотрел на корнета.

Но что такое? Потеряв шляпу, Попеншток несётся назад. Вслед ему раздаются выстрелы. Шведы стреляют в шведов! Схватил Горн трясущимися руками подзорную трубу, стал искать Шлиппенбаха. Вот и он на коне, в окружении шведских знамён. Но — о святая Мария! Горн смотрит и не верит своим глазам: на коне в костюме шведского генерала сидит царь Пётр. А те, кого Горн принимал за солдат Шлиппенбаха, схватив ружья наперевес, дружно бегут к открытым воротам крепости.

— О боже, о боже! — закричал Горн. — Ворота, скорее закрыть ворота!

Генерал побежал вниз. У самых ворот он столкнулся с Попенштоком. Подскочил Горн к Попенштоку, осадил его белую лошадь, сдёрнул седока на землю.

— Вы, вы!.. — кричал, задыхаясь, Горн. — Вы, Попеншток, мальчишка! О боже, о боже! Это всё вы! Ну, где же ваш Шлиппенбах?! Рядовым, в карцер, под суд! О святая Мария! О святая Мария!

Около трети нарвского гарнизона полегло в маскарадном бою.

По случаю удачной выдумки в русском лагере шло веселье.

Меншиков ходил важный, приговаривал:

— Бивали мы этих шведов запросто. Что нам шведы!

— Умолкни! — крикнул Пётр. — Хоть ты и герой, да похвальбе знай меру! Тьфу, тошно смотреть!

Бабат Барабыка был барабанщиком в бомбардирской роте. На всю армию не было второго такого умелого барабанщика. Выбивал Барабыка и маршевую дробь и все сигналы воинские знал исправно.

А ещё Барабыка был известен тем, что разговаривал с самим генералом Горном.

Было это так.

30 июля, в воскресенье, русские начали обстрел Нарвы. Стреляли по бастионам Виктория и Гонор. Отсюда, пробив в стене брешь, хотели штурмовать город. Семь дней не отходили от пушек бомбардиры. Не отходил и Барабыка. Отложив в сторону барабан, подтаскивал ядра, засыпал в пушки порох. На восьмой день бастион Гонор осел. Земляная насыпь вокруг него обвалилась в ров.

— Ну, — заговорили солдаты,— теперь готовься к штурму.

В это самое время Барабыку вызвали к царю. Посмотрел Пётр на раскосые глаза Бабата.

— Татарин? — спросил.

— Калмык,— ответил Барабыка.

— Ишь ты! — усмехнулся Пётр. — А тоже солдат.

— Барабанщик я,— ответил Барабыка.

— Вот ты мне и надобен, — сказал Пётр. — Пойдёшь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту. Да смотри иди осторожно, — напутствовал Пётр.— Бей в барабан шибче, говори, что ты есть российский парламентёр.

Пошёл Барабыка, бьёт в барабан что есть силы. Заметили шведы солдата, перестали стрелять.

— Кто такой? — закричали, когда Барабыка подошёл к крепости.

— Я есть парламентёр российской армии, — отвечает Барабыка.

Скрипнули железные засовы тяжёлых крепостных ворот, одна из створок их медленно приоткрылась. Барабыка вошёл в крепость.

Повели Барабыку кривыми маленькими улочками нового города мимо разбитых и горящих домов к нарвскому замку. Перед замком — глубокий ров. Через ров — мост. Мост поднят.

— Кто такой? — закричали с той стороны часовые.

— Я есть парламентёр российской армии, — вновь повторил Барабыка.

Громыхнули тяжёлые цепи, мост опустился. Барабыка вошёл в замок. Повели Барабыку по узким коридорам и крутым лестницам. Наконец вошли в большой зал. В глубине увидел Барабыка высокого, худого старика. «Генерал Горн», — узнал Барабыка.

Взял Горн письмо, стал читать. «Сам господь бог разрушил Гонор, — писал Пётр, — путь к приступу открыт...» Пётр предлагал Горну сдать крепость и кончить кровопролитие.

Прочёл Горн письмо, уставился на Бабата.

— Иди к царю Петру, — сказал, — передай: шведы не сдаются. Понял?

— Никак нет, — отвечает Барабыка.

— Иди к царю Петру, — повторил Горн, — скажи: нет такого правила, чтобы шведы сдавались.

— Как так — нет? — возражает Барабыка. — Есть. И при Орешке сдавались, и при Ниеншанце сдавались. Выходит, есть такое правило. А Нарва чем лучше? И при Нарве сдадутся.

— Что? — закричал Горн.

Налились кровью генеральские глаза. Схватил Горн шпагу, бросился к русскому солдату:

— Вон! — закричал. — Вон!.. О святая Мария!

Так и ушёл Барабыка ни с чем.

Доложил Барабыка царю всё, как было.

— Ишь ты! — сказал Пётр. — Так и сказал Горн: «Шведы не сдаются»?

— Так точно, бомбардир-капитан!

— А может, и прав генерал Горн? — спрашивает Пётр.

— Как так — прав? — возражает Барабыка. — Я же ему говорю: «При Орешке сдались — раз, при Ниеншанце сдались — два и при Нарве, выходит, сдаться должны». Как же так, бог троицу любит.

— Молодец! — говорит Пётр. — Мыслишь, как и пристало российскому солдату.

— Никак нет, государь, — говорит Барабыка.

— Что — никак нет? — не понимает Пётр.

— Какой же я солдат? Барабанщик я.

— Ну и что, барабанщик — не солдат, что ли? — удивился Пётр.

— Нет, бомбардир-капитан, — отвечает Бабат, — какой же он солдат, раз ружья не имеет.

— Ишь ты! — вновь усмехнулся Пётр. — Ружья, говоришь, не имеешь? Ладно, иди к ротному командиру, скажи: государь приказал ружьё выдать. А про шведов это ты правду сказал: и при Нарве сдадутся.

ШТУРМ

На следующий день русские начали штурм Нарвы. Шли на приступ тремя большими колоннами.

Солдаты тащили лестницы и багры, оставив для облегчения в лагере походные ранцы.

На штурм нарвской стены шёл и Бабат Барабыка.

Шведы открыли огонь. Стреляли пушки из крепости и через Нарову с высоких ивангородских стен. Ловко, страшно бились шведские солдаты. Там, где у высокой стены бастиона Гонор русские установили штурмовые лестницы, летели на голову

атакующих камни, янтарными брызгами рассыпалась горящая смола.

По крепости на взмыленном коне носился генерал Горн.

— Шведы, шведы, — кричал он, — не посрамим шведской славы! Вперёд, шведы!

Приступ русских был неудачный. Добираясь почти до самого верха стены, солдаты не могли закрепиться. Штурмующие отхлынули. Отбежал со всеми и Барабыка. Установилась тишина. Никто не решался первым повторить атаку. И вдруг недолгую тишину нарушил барабанный бой. Это в свой барабан ударил Барабыка. Медленно, в такт барабанной дроби, он стал подходить к крепостной стене, стал подниматься по лестнице. Шведы опешили. Они смотрели на смельчака, боясь стрелять. А Барабыка продолжал бить в барабан, продолжал подниматься по лестнице. И вдруг всё зашевелилось, задвигалось. Русские снова бросились на штурм. Снова раздались выстрелы, полетели камни, полилась смола.

Барабыка вскочил на крепостную стену. Кругом свистели пули, с Бабата сбило шляпу, от горящей смолы затлел кафтан. А он стоял на самом верху и бил в барабан.

Тра-та-та! Тра-та-та!

А оттуда, с той стороны стены, нёсся зычный голос генерала Горна:

— Шведы, за господа бога и короля вперёд!

Однако поздно. Русские овладели стеной. Вот их всё больше и больше.

А наверху по-прежнему стоит Барабыка и что есть силы бьёт в барабан. Потом забрасывает барабан за спину, суёт палочки за пояс, хватает ружьё и, задрав полы горящего кафтана, прыгает вниз.

Русские врываются в Нарву. А внизу гремит голос Горна:

— Шведы, шведы, позор вам, шведы!

Был у Бабата дружок из солдат. Странную имел фамилию – Перец. Молчит, молчит Перец, а потом возьмёт да такое скажет! Всё норовил про царя Петра дурное сказать.

А тут ещё Бабат его вконец разозлил. Как вернулся Бабат от царя, так и стал хвастать, что Пётр ему и ружьё выдать приказал, и награду пообещал.

– Чему радуешься? – перебил Перец Бабата. – Нашёл отца-благодетеля! Он тебе ружьё рад всунуть. Дура, царь – он и есть царь. Думаешь, ты ему нужен? Силушка твоя нужна. Чай, немало на его совести нашèго люду. Вон она, царская милость, – говорил Перец и задирал рубаху. Там поперёк волосатой спины ровными рядами шли красные рубцы. – А за что? – спрашивал Перец. – За то, что правду сказать не побоялся.

И уж какой раз за этот поход начинал рассказывать Перец о том, как взбунтовались в его родном селе мужики, а царь прислал солдат и приказал всем батогов всыпать. А кто виноват, что мужикам на деревне жрать нечего? Вестимо, он, царь.

– Так ведь то не царь, а бояре виноваты, – пытается возражать Бабат.

– Ишь ты, «бояре»! – передразнивает Перец. – А царь – он кто, мужик? Царь – он и есть первейший боярин. От него всё в государстве зависит.

– Так-то оно так... – соглашается Бабат.

А сам своё думает: «Как же так, чтобы царь – и был нехороший!»

Так бы и думал Бабат, да только произошла такая история.

Спрыгнув с крепостной стены, Бабат побежал к Нарвскому замку. Здесь, на валу, отделявшем старый город от нового, он повстречал генерала Горна. Подбежал Барабыка к генеральской лошади, схватил за уздцы, закричал Горну:

— Сдавайся!

Признал генерал раскосые глаза Барабыки, схватился за шпагу. Хорошо, отскочил Бабат в сторону. Потом выбрал удобный момент, прыгнул и ухватился за рукоятку генеральской шпаги. Ухватился, держит и снова кричит:

— Сдавайся!

Так и держатся они вдвоём за одну шпагу. В это время подскакал к ним русский полковник Чамберс.

— Брось! — закричал полковник на Барабыку. — Не пристало рядовому чину у генерала шпагу брать! Отдай сюда!

А Барабыка словно окаменел, пальцы разжать не может. Разозлился тогда Чамберс, ударил Бабата по лицу. Пошатнулся Бабат, упал. Так и досталась генеральская шпага полковнику Чамберсу.

А тут как раз проезжал Пётр с генералами.

— Что за шум? — спросил.

Чамберс и доложил ему: мол, рядовой чин, а у генерала шпагу отнять пытался, да и офицерского приказа не выполнил.

— Раз так, — сказал Пётр, — всыпать ему батогов за такое дело.

Уехали генералы. Остался Барабыка один. А в это время, откуда ни возьмись, Перец.

— Ну что, — говорит Перец, — видал, каково нашему брату? Вот она, царская милость.

А Бабату и сказать нечего. Стоит, моргает раскосыми глазами. Хоть и злой мужик Перец, а всё же и в его словах правда есть.

ЗА СЛАВУ РОССИЙСКУЮ

Бой кончился. Пётр и Меншиков верхом на конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы. Ссутулив плечи, Пётр грузно сидел в седле и устало смотрел на рыжую хол-

ку своей лошади. Меншиков, привстав на стременах, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону и приветственно махал шляпой встречным солдатам и офицерам.

Ехали молча.

— Государь,— вдруг проговорил Меншиков,— Пётр Алексеевич, гляди,— и показал рукой на берег Нарóвы.

Пётр посмотрел. На берегу реки, задрав кверху ствол, стояла пушка. Около пушки, обступив её со всех сторон, толпились солдаты. Взобравшись на лафет с ковшом в руке, стоял сержант. Он опускал ковш в ствол пушки, что-то зачерпывал им и раздавал солдатам.

— Государь,— проговорил Меншиков,— смотри, никак, пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои!

Пётр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

— За что пить будем? — спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

— За царя Петра! — несётся в ответ.

— За Нарву!

— За славный город Санкт-Питербурх!

Пётр и Меншиков поехали дальше, а вслед им неслось:

— За артиллерию!

— За товарищей, животы свои положивших!

— Данилыч,— проговорил Пётр,— поехали к морю.

Через час Пётр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфортов. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

— Данилыч,— позвал Пётр Меншикова,— а помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

— Помню.

— А Нарву?

— Помню.

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно. Верно, — поддакивает Меншиков.

— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить? Не грех, Данилыч?!

— Правильно, государь.

— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича!.. — выпалил Меншиков.

— Дурак! — оборвал Пётр. — За море пить надобно, за славу российскую.

История крепостного мальчика

«Сколько стоит мальчик?»—«Какой нелепый вопрос!— скажете вы.— Разве мальчики продаются?! Разве можно торговать людьми!»

А ведь это было.

Было это во времена крепостного права, когда помещики могли продавать и покупать людей, как вещи.

В этой повести рассказывается о том, как жили в России сто пятьдесят лет назад.

Давайте мысленно перенесёмся с вами в те времена.

Митя Мышкин — главный герой повести — мальчик, которого продали. Судьба его удивительна и необычайна.

Вместе с ним вы побываете у барыни Мавры Ермолаевны, попадёте к графу Гущину, познакомитесь с девочкой Дашей, поедете на войну... Впрочем, не будем забегать вперёд. Ведь обо всём вы узнаете, прочитав повесть.

Глава первая

БАРЫНЯ МАВРА ЕРМОЛАЕВНА

РОДНОЕ СЕЛО

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой — был парк и усадьба господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шёл лес. Тёмный-тёмный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случалось. И вдруг...

Как сейчас помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

— Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушёл. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чём-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только о чём говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как

заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недоброе.

— Тять, тять! — приставал Митька к отцу. — Скажи, что такое, а, тять?

Только отец стал какой-то недобрый, всё отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

— Митяй, а вас продают! — закричали ребята. — И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька сначала и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

ПРОДАЛИ

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики.

И всё разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и ещё один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие — те, кто ведёт торг.

Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот — зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков.

Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону — мать и отец, по другую — кривой Савва...

— Ты чуть что — реви, — поучает Савва Митьку. — Баре, они ох как слёз не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продаёт закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

— Сегодня покупателев нет, — сказал Савва. — Мужик, к осени он не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять: ждёт когда повезут назад в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шёл мужик. Борода нечёсаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, прошла два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожил.

— Добрая баба! — заговорил, показывая на Митькину мать. — И мужик при ней. Баба смирная, работящая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

— Добрая баба... — опять начинает Грыжа.

— Но, но! — прикрикнула барыня. — Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой мы интересуемся.

Замялся староста, умолк: неудобно как-то мальца одного продавать.

А барыня снова:

— Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждёт, что скажет Грыжа. А кри-

вой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слёзы. Взвыл Митька, как под ножом, — даже Грыжа вздрогнул. А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подёргала.

— Так сколько? — снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, — проговорил:

— Пять рублей.

— Что? Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

— Четыре, — скинул Грыжа.

— Три, — набавила барыня.

Однако Грыжа упёрся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слёзы и даже улыбнулся.

Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

— Ест много? — спросила Грыжу.

— Ест? — переспросил староста. — Да не, чего ему много есть. Мало ест, больше пьёт воду.

— Так какой он мужик, раз ест мало, — сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

— Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом — у-у, что птенец прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

— Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечёсаный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дёрнул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

— Дитятко моё! — запричитала. — Ох, люди добрые, сил моих нет... — Прижала к себе Митьку. — Не пущу, — кричит, — не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А боро-

датый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

— Ой, ой! — взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечёсаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

КАК ЖИЛИ

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у неё всего один дом, десятина земли да две души крепостных — кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С неё и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом барыни был малый — в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И ещё во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор берёзка, и висел на берёзке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльцо, кричала:

— Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила барыня по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на кухне возится. Затем Мавра Ермола-

евна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

— Гусеньки мои, гусеньки! — выводила она старческим голосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный.

После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе.

Вслед за баней начиналось главное — барыня порола своих крепостных. Летом — прямо на улице, зимой — в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара размачивала в солёной воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым били Архипа.

Он неуклюже спускал с себя портки, задирал рубаху и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, — отсчитывала Мавра Ермолаевна, — два, три...» Двадцать ударов получал Архип.

Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре как бабе полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поёрзывал распухшим задом по сиденью и всё норовил привстать!

— Садись! — прикрикивала на него барыня. — Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать.

Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме.

Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

— Дядя Архип, а зачем розги?

— Пороть.

— Кого пороть? — удивился Митька.

— Кого? Вестимо кого: нас пороть, — ответил Архип.

— Так за что, дядя Архип?!

— Как — за что? — Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: — Для порядку. Ну, чтоб помнили своё место, чтобы барыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

— И меня бить будут?

— Ну, а чего бы тебя не бить? — отвечает Архип. — И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало вдруг мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет.

Бросился туда, бросился сюда — нет, словно и не было.

Накинулась барыня на Архипа:

— За добром, ротозей, углядеть не можешь!

— Да тут они были, — оправдывается Архип и показывает на стену. — Они уже какой год тут висят, — и разводит руками.

Архип, Варвара, барыня — все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

— Брал розги? — спрашивает.

— Нет, — говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

— Врёшь! — говорит барыня. — Брал. По лицу вижу, что брал.

А Митька всё больше краснеет. Краснеет, но молчит. Решает: не отдам, и всё.

Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну, а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумаков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

ГУСИ

Страшно Митьке в гусятнике. Сидит, замер, не шелохнётся. И гуси спокойно лежат на своих местах, словно бы Митьку не замечают.

Но вдруг гуси ожили. Вытянул гусак шею, зашипел: «Ш-ш, ш-ш!» За ним зашипели и остальные. Испугался Митька, поднялся. Тогда и гусак поднялся. А за гусаком, как по команде, всё стадо. С испуга мальчик бросился к двери, забарабанил что было сил кулаком.

А в это время на улице как раз барыня была — уезжала в церковь.

Подошла барыня к двери, спрашивает:

— Одумался?

Не признаётся Митька, только колотит в дверь и кричит:

— Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

— А где розги спрятал? — спрашивает барыня.

Молчит Митька.

— Раз так, — сказала Мавра Ермолаевна, — пусть гуси тебя съедят.

Села барыня в телегу и уехала. Стучит Митька в дверь. Никто не отзывается. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке всё ближе и ближе...

— Кыш! — закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

— Кыш, кыш! Вот я вас! — отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы.

Схватил тогда Митька палку и ударил по вожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька ещё больше. Потом успокоился, прилёг и заснул.

И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо.

Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и

как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные». Подходит Митька к коту, хочет погладить. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и впрямь стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись всё же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет. Сунула руку под перину — розги!

Била Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мёртвым. И снова пороли Митьку. На этот раз долго и больно.

ВАЛЕНКИ

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в каморке при баньке. А потом взяла барыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у неё в услужении.

Целый день барыня Митьку то туда, то сюда...

Только и слышится:

— Митька, в погреб сбегай!

— Митька, половик стряхни!

— Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет барыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устанут, а Мавра Ермолаевна всё не засыпает.

Наконец заснёт. Свернётся и Митька, как щенок, калачиком. Только закроет глаза, слышит:

— Митька, воды подай!

— Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у барыни бессонница начнётся. И опять Митьке не спать. Требует барыня, чтобы Митька ей разные истории рассказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про серого волка, и про господ Воротынских, и про старосту Степана Грыжу. А барыня — давай ещё.

Днём-то барыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горох растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трёт горох, перебирает пшено.

А как-то легла барыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

— Да смотри, — говорит, — не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг заснул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верха остались. От горелого проснулась и барыня.

— Митька! — закричала. — Митька, чего горелым пахнет!

Прибежала Мавра Ермолаевна, смотрит — у Митьки в руках одни верха от валенок.

И снова Митьку били. Всыпáла ему барыня розог и приговаривала:

— Тебе что, ночи мало? Тебе ещё и днём спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

ДОРОГА

И стало Митьке невмочь. Забьётся куда-нибудь, плачет. Родную Закопанку, отца, мать, кота Ваську вспомнит.

Тяжело Митьке...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровник, под стойлом. Потом стал дорогу выспрашивать осторожно. Заговорил вначале с Архипом.

— Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далеко? — спросил Митька.

— Далеко, — ответил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и ещё раз сказал: — Далеко-о!

— А наше село Закопанка ещё дальше? — опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и ответил:

— Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

— Село Чудово? — переспросила она. — Есть такое село. Только далёко ли оно, не ведаю. Я дале трёх вёрст отсель не бывала. Ты спросил бы у Архипа — он человек знающий.

Понял Митька, что и от Варвары проку не будет, решил выведать про дорогу у самой Мавры Ермолаевны.

Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

— Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идёт?

— На мельницу, — сказала барыня.

— А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не ответила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела. Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

— Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

Митька растерялся.

— Так я так, барыня... — начал Митька.

— Я те дам «так»! — перебила Мавра Ермолаевна. — Ты у меня смотри, опять розог захотел?.. Архип, Архип! — позвала. — Дай-ка розгу, я покажу, какая дорога куда ведёт.

А через несколько дней барыня, зайдя в коровник, нашла Митькины сухари. Подивилась барыня, а потом поняла.

И снова в этот день Митьку били. Отлёживался он в баньке, стонал и всё выговаривал:

— Убегу... убегу...

Присаживалась к нему Варвара, по голове гладила.

— Ить, родненький, — говорила, — и куда ты отсель побежишь? Дороги отсель тебе нету.

Глава вторая

ДАША

ГРАФ ГУЩИН

Чтобы попасть в поместье графа Гущина, надо было из села Чудова ехать три версты полем, а потом ещё десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать ещё две версты по старинному парку, по липовой, ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда вырастал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гущина — Барабиха. А кругом Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зелёным ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И сёла, что раскинулись кругом, словно жуки расползлись, были графские. И люди, что жили в этих сёлах, — тоже графские. Двадцать тысяч душ крепостных имел граф Гущин. Да и имение у Гущина не одно. Были графские земли ещё под Смоленском и под Орлом, а в Питере, на Невском проспекте, стоял высокий, с каменными львами при входе дом Гущина. Здесь-то

и жил сам граф. А в Барабиху наведывался всего раз в год. Приезжал осенью или зимой. Жил несколько дней и опять уезжал в Питер.

Всё остальное время старшим в Барабихе был управляющий Франц Иванович Нейман. Лет десять назад, будучи послом в Пруссии, граф Гущин привёз тамошнего кучера Франца Неймана с собой в Россию. Нейман был расторопен, услужлив. Граф подумал и назначил немца своим управляющим.

Вместе с графом съезжались в Барабиху человек до тридцати разных господ. Устраивались развлечения. Каждый год новые. То охоту на медведей придумают, да ещё так, чтобы обязательно живых изловить. То кулачные бои меж мужиками, да так, чтобы непременно кого-нибудь насмерть. То санные катания. А вместо лошадей впрягут в розвальни молодых парней и девок и наперегонки заставляют бегать. Потом призы вручают тому, кто пришёл первым. Только призы давали не тем, кто вёз, а тем, кто сидел в розвальнях и погонял.

А тут сообщил граф своему управляющему, что приедет на Новый год. И к приезду нужно организовать театр. Граф писал, что артистов пришлёт из Питера. А управляющему наказывал, чтобы он набрал из местных мужиков и баб людей, склонных к пению и играм на инструментах, и чтобы к его приезду был в имении свой хор и оркестр. Однако о театре и о музыке немец имел понятие малое.

То-то задал граф Гущин задачу своему управляющему!

ДУДКА

Говорила Варвара, что не уйти Митьке от Мавры Ермолаевны. А получилось иначе. Только не так, как он сам думал.

По весне, как только появилась на лугу трава,

барыня приставила Митьку к новому делу — пасти гусей.

Сделал Архип Митьке дудку. «Это, — сказал, — для каждого пастуха вещь первейшая». Варвара сшила торбу для хлеба, напутствовала: «Только смотри далеко от гусей не отходи. И упаси боже, чтоб в графские хлеба не зашли! Не ровён час, увидит сам Франца Иваныч, ужо тогда тебе будет».

А про немца Митька уже слышал, и не раз, и всё недоброе.

«Этот Франца, — говорил Архип, — скупее свет не видывал. Он лошадям и то корм сам отсыпает».

«Немец-то антихрист, — шептала Варвара. — В церковь не ходит, постов не блюдёт».

И чуть что, так пугала Митьку:

«Вот барыня продаст немцу — будешь знать!»

Пасти гусей Митьке нравилось. Угонит их лугом подальше от дома, развалится на траве. Гуси ходят, траву щиплют, а Митька на дудке играет. И так наловчился, что Архип только головой качал: «Ить и здорово это у тебя получается!»

И вот однажды — дело уже летом было — угнал Митька гусей лугом почти до гущинского парка. Сел на бережку, заиграл на дудке и не заметил, как гуси зашли в графские овсы. А в это время с горки от графского имения спускался на дрожках управляющий Франц Иванович и увидел гусей и Митьку.

— О майн гот![1] — воскликнул немец, повернул лошадь и съехал на луг.

Вылез из дрожек, стал к Митьке красться. Переступил раз, два... и вдруг замер.

А Митьку ровно кто дёрнул. Обернулся — немец! Дудка сама из рук вон. А тут ещё увидел гусей в овсах и совсем оробел. Вскочил — бежать!

— Стой, стой! — закричал немец. — О, ты есть музыкант!

---

[1] О майн гот! *(нем.)* — О боже!

Отбежал Митька в безопасное место, остановился. Взглянул — немец ничего такого дурного не говорит, а в сторону гусей даже не смотрит.

— Иди сюда! — манит немец. — Я есть не злой человек.

Поколебался Митька, потом подошёл, однако встал так, чтобы чуть что — сразу бежать.

— О, ты есть музыкант! — снова сказал управляющий. — Ты чей есть? — спросил.

— Барыни Мавры Ермолаевны, — ответил Митька.

— Гут, — протянул немец. — Зер гут.

Потом нагнулся, поднял с земли дудку, покрутил в руке, усмехнулся. Порылся управляющий в кармане, достал кусок сахару, сунул Митьке; сел на коня и уехал.

Посмотрел Митька на сахар, хотел сгрызть, а потом спрятал в карман. Решил: как убежит — матери принесёт гостинец. А про себя подумал: «Говорили — немец злой. Вовсе он и не злой».

НЕМОЙ

Долго торговался немец с Маврой Ермолаевной. Наконец выменял Митьку на два мешка овса и старую графскую перину. Перина и решила всё дело. Уж больно хотелось барыне поспать на графском пуховике!

Привёл немец Митьку в небольшую избу, сказал: «Здесь есть твой дом». Глянули на мальчика четыре женских глаза — два молодых, недобрых, два подслеповатых, старых, от которых повеяло домашним теплом.

Изба, куда привёл управляющий Митьку, стояла тут же, на господском дворе. Жили в ней дворовая девка Палашка и тётка Агафья — барская повариха.

Вначале Митька всего боялся, а больше всего

девки Палашки. Уже в первый вечер, когда ложились спать, Палашка стала кричать:

— И кой чёрт этого кутёнка сюда сунули!

Хорошо, заступилась тётка Агафья.

— Тише! — крикнула она на Палашку. — Чай, не своей волей.

И погладила Митьку по голове.

— Не боись, — приговаривала, — не боись, соколик!

А потом, когда Митька познакомился с дворовым мальчишкой Тимкой Глотовым, то узнал, что от девки Палашки никому прохода нет. «Она немцу про всех доносит», — говорил Тимка.

Тимка рассказал Митьке и про другие дела, про то, что немец горькую пить любит. А как напьётся, всех бьёт и по-чёрному ругается. Рассказал Тимка и про ночного сторожа, деда Ерошку. Митька ещё в первую ночь слышал, как кто-то всё около их окон в колотушку бил. Это и был дед Ерошка. «Он трус, — говорил Тимка. — Всю ночь крутится возле вашей избы — это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всём слушался.

А ещё Тимка рассказал про господскую псарню и про немого, что за псами ходил. Тимка водил Митьку смотреть на немого.

Глянул Митька — и мороз по коже прошёл. Зарос человек, как медведь, а ноздри — нет ноздрей, одни клочья болтаются.

— Что это? — спросил Митька.

— Разбойник, — ответил Тимка. — Вот ему ноздри и выдрали.

— Эй, немой! — крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, неуклюже взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка — раз! — и убежал. Митька не успел. Подскочил

немой к нему, схватил за грудки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.

— А-а! — закричал Митька.

А немой ничего не сделал; отпустил Митьку и ушёл.

Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала его в бок.

— Цыц, поганец! — кричала. — Сила нечистая чтоб тебя забрала!

АРТИСТЫ ПРИЕХАЛИ

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Менее чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудово на базар ездил, в соседние поместья заглядывал, графские деревни исколесил — и набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как и обещал граф, прибыли в Барабиху артисты.

Встречать прибывших высыпала вся дворня.

— Глядь, штаны-то какие, штаны! — кричал дед Ерошка и показывал на клетчатые, узкие, внизу со штрипками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

— Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? — хохотала девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущённо улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать приехавших пришёл и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под

которого выглядывала полосатая юбочка. На голове — Митька никак понять не мог — ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видывал. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в штанах со штрипками.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька всё ходил около барского флигелёчка, где разместили артистов, — надеялся встретить. Да ему не везло. В первый день прогнала девка Палашка. На второй Митька чуть не попался на глаза самому немцу.

И всё же Митька девочку подкараулил. Припрятался как-то в кустах, а когда та проходила, выскочил. Выскочил, да и сам испугался.

— Ты что? — спросила девочка.

А у Митьки язык словно дома остался.

— Ты что? — повторила девочка. — Как тебя звать?

— Митька я, Мышкин.

— А я Даша, — сказала девочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

— А я тебя ещё в первый день приметил, ты в шали была!

— Да какая это шаль! — засмеялась Даша. — Это шляпка называется.

Митька смутился. Однако Даша улыбнулась. И мальчик опять ободрился.

— А хочешь, я тебе поместье покажу? — спросил он.

— Хочу, — ответила Даша.

Митька ходил, словно летал на крыльях. Сводил Дашу на конный двор, подвёл к псарне, показал, где господские амбары, а потом повёл в парк и всю дорогу про жизнь в имении рассказывал. И про деда Ерошку, и про Палашку, и про немца.

— А ещё, — зашептал Митька, — у нас немой есть. Федька. Он разбойник. Ему ноздри выдрали.

Даша слушала внимательно, и Митьке было приятно.

— А этот высокий — он кто тебе, папаня? — спросил Митька, когда они возвращались домой.

— Нет, — ответила Даша. — Это Роланд.

— Кто? — переспросил Митька.

— Рыцарь Роланд, — повторила Даша. — Это роль у него такая.

— А мамка и папка у тебя тоже артисты? — спросил Митька.

— Да, — ответила Даша. — Только их продали князю Трегубову.

— Как — продали? — удивился Митька.

— Взяли да и продали, — ответила Даша. — Крепостные мы — вот и продали.

У Митьки от удивления даже рот приоткрылся.

— Как так: артисты — и крепостные? — усомнился он.

— Конечно, крепостные,— ответила Даша.

— Все крепостные? — переспросил Митька.

— Да.

— И тот, что штаны в клетку?

— Да.

А Митька всё смотрел на Дашу и не верил: артисты — и вдруг крепостные!

УШЁЛ

Жил Митька на новом месте, а всё о своём думал — бежать. И снова стал собирать сухари на дорогу. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказал про свой план. И про сухари рассказал.

— Вот здорово! — воскликнула Даша. — А куда ты побежишь, Митя? — спросила.

— В Закопанку, домой, — ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок — не ушёл. Назначил другой — не ушёл тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

— Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождался Митька вечера, лёг на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

— Ты что, поганец, не спишь? — крикнула девка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал ещё немного, потом соскользнул тихонько с лежанки, на цыпочках подошёл к двери, приоткрыл её так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил армяк — и на улицу.

Думал Митька, что девка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка — за ним. Подходит, смотрит — мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это были. Только Митька мешок под мышку, а Палашка его за руку — хвать! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дёрнул было руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула девка, выпустила Митьку. А он за сухари, через забор, мимо конного двора, за плетень — и в лес.

Ушёл Митька.

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

— Франца Иваныч! — будит. — Франца Иваныч!

Встрепенулся немец.

— Вас ист эс? — забормотал на своём языке.

— Митька бежал! — тараторит девка Палашка, — Митька бежал!

— Какой Митька? — не может взять в толк немец.

— Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у барыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.

— Так что есть Митька? — опять спрашивает немец.

— Утёк, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шёл лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом всё ближе и ближе... Побледнел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут ветки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки... Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» — бьётся тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел — попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролез метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушёл куда-то в сторону. Митька облегчённо вздохнул. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забегали по кустам — то там, то тут... И вдруг повернули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полез выше. И вдруг —

хрусть — обломился сучок! Митька хвать за другой — и тот хрусть!

— А-а-а! — заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждёт, когда псы вцепятся.

А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызжут слюной, но не трогают.

Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит — а перед ним Федька — драные ноздри!

Замычал Фёдор на псов, ударил одного арапником — те приумолкли. Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, ещё страшнее. Фёдор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошёл тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шёл и всё думал: что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Фёдора не так уж боялся, но стыдно было Даши. «Ну, скажет, и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет. Привёл Фёдор Митьку на псарню, отвёл в свой закуток, расстелил рядно, показал: мол, ложись, и дал краюху хлеба.

Ушёл куда-то Фёдор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Фёдор сюда привёл, и чего они окружным путём шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька, уснуть не может.

— Вот те Франца всыплет! — кричала девка Палашка на Фёдора. — Мало тебе ноздри пообрывали, бока ещё пообломают!

А Фёдор мычал и что-то руками показывал.

— Не догнал, Франца Иваныч,— докладывала утром Палашка немцу. — Утёк, поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумел, пошумел немец и плюнул. Пригрозил всыпать и Палашке и Фёдору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Фёдор его выдавать немцу. Живёт Митька на псарне день, живёт два. Фёдор еду ему приносит. Вечером присядет, по голове потреплет. Постепенно стал Митька привыкать к немому. А всё-таки как-то боязно... Вспомнит, как дразнили Фёдора, и самому неловко.

Дней через пять повёл с самого утра Фёдор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Фёдоровой каморке, вышел в сарай, где стояли собачьи клети: решил размяться. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в каморку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Иванович, а за ним девка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клеть, но Палашка как закричит:

— Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за шиворот, вытащила на середину сарая.

— А-а... — протянул немец. — Вот ты где!

— Тут, тут! — тараторила девка Палашка. — Я же говорила, Франца Иваныч, что немой наврал. Неспроста немой с кухни-то похлёбку воровал. Я-то приметила. Ить, думаю, и зачем это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых — связали Митьку. А через час, когда вернулся Фёдор, скрутили и Фёдора.

Пороли виновных тут же, на псарне. Били арапниками. Фёдора — двое взрослых мужиков, Митьку — Палашка.

— Ирод, — кричала Палашка, — вот тебе, будешь знать, как честных людей обманывать! — и во всю силу врезала тяжёлым арапником по худым Митькиным плечам.

Митька только ёжился и вздрагивал.

— Не кричишь? — приговаривала Палашка. — Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

«А ОН ВОВСЕ И НЕ СТРАШНЫЙ»

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит, рядом на корточках сидит девочка. Признал Митя — Даша, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

— Митя, — сказала, — жив?

— У-у, — промычал Митька.

— А мы-то уж думали... — Даша не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тётка Агафья.

— Ну, жив, соколик? — спросила. — А твоя-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, говорит, всё я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтёрка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Фёдор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька всё лежит. И ходят к нему то Даша, то тётка Агафья, то обе разом. И Фёдор, чуть свободная минута, здесь же, рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует — что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тётка Агафья, и Митька — к ней.

— Тётка Агафья, — говорит, — а дядя Фёдор, он вовсе и не страшный.

— Не страшный, не страшный, соколик! — отвечает тётка Агафья. — А чего ему быть страшным? Ты слушай его, он, Митька, человек добрый, таких ещё поискать нужно.

— А чего он немой? — спрашивает Митька. — И ноздри чего у него драные? Разбойник он? Он человека убил?

— Что ты, что ты, бог с тобой! — замахала руками тётка Агафья. — Какой он разбойник! Все бы такими были! — Потом наклонилась к Митьке и зашептала: — Ты про мужицкого царя слыхал?

— Про Емельку Пугачёва? — спросил Митька. — Которому руки и ноги рубили?

— Какой он тебе Емелька! — повысила голос тётка Агафья. — Емелиан Иванович он! — И снова зашептала: — Фёдор-то был у Пугачёва своим человеком. А как разбили Пугачёва, схватили и Фёдора. Пытали, а потом разодрали ноздри и язык отрезали. Вот без малого пятнадцать лет такой он и есть. Ты его люби, Митя, — он человек хороший, — уходя ещё раз сказала тётка Агафья.

А вечером пришёл Фёдор и присел на лежанку, Митька доверчиво улыбнулся, уткнулся ему в живот лицом, как, бывало, к матери, и стал гладить рукой по спине. И Фёдор своей шершавой рукой Митьку гладил. И сидели они молча весь вечер...

Около месяца пролежал Митька. И все эти дни Даша бегала на псарню. Приносила поесть, новости рассказывала. А вечером садились они с Фёдором к Митьке на лавку. Смотрел Митька на Фёдора, смотрел на Дашу, и было ему так хорошо, как в родной Закопанке.

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег по-хозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ноги на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уж не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тётке Агафье на кухню — помои вытаскивать.

Нравилась Митьке эта зима. Хоть и мороз пошаливал и ветрено было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута, бежит к Даше. Позовёт Тимка Глотов Митьку с собой играть, а он: мол, не могу, занят, тётка Агафья не отпускает. А сам — к Даше. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. «Цок, цок», — щёлкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, щёлкают орешки, на Митьку с Дашей поглядывают. Подмигнёт Митька белкам, свистнет — те врассыпную.

А как-то ушли Митька и Даша далеко-далеко. Шли, взявшись за руки, тащили за собой санки — надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

— Садись, Даша.

Даша села. Митька вёз санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами — хрусть, хрусть!

А потом они съезжали с гор. Даша крепко держалась за Митьку и вскрикивала от страха. Санки подпрыгивали на буграх, и тогда сыпучими хлопьями взлетал из-под полозьев снег. А внизу санки

переворачивались, ребята летели в пушистый сугроб и весело смеялись. Потом отряхивались и снова бежали на гору.

И вдруг Даша остановила Митьку, сказала:

— Митя, не хочу я... Не надо больше так. Не заходи больше ко мне.

Митька оторопел.

— Задразнили меня, Митя. Невестой зовут. И немец ругается, говорит: «Играть на театре тебя купили, а не для других дел». Не заходи, боюсь я...

Митька ничего не ответил. Шли домой молча. И Митя уже не вёз Дашу, а шли они рядом и вместе тащили санки, санки казались тяжёлыми, ноги отяжелели, и снег хрустел уже вовсе не радостно, а зло и скрипуче, словно отругивался.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Обиделся в тот день Митька. Не забегал больше к Даше и старался на улице не встречать. И флигелёк актёрский обходил стороной. Словно вовсе и не было Даши.

А время шло и шло. И чем ближе к Новому году, тем быстрее, будто кто подгонял палкой. Артисты кончали последние приготовления, и вот наступил день генеральной репетиции.

Ещё как-то раньше Даша говорила:

«Митя, как будет репетиция, ты приходи, обязательно приходи! Проберись в зал, там ещё дверь с резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, виду не подавай!»

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил — и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду»,— решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошёл в зал, спрятался за штору; стоит, замер. Прошёл час, а

может быть, и два. У Митьки уже ноги отекать стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь — занавес. А на стенах и справа и слева висят портреты. Смотрят из золочёных рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной послышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошёл управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену высыпали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды — у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через несколько минут он открылся снова.

Теперь Даша была в костюме мальчика. Она ходила за какой-то важной дамой и придерживала одной рукой подол её длинного платья. В другой у Даши была шляпа с пером. В такт музыке Даша приседала и широко размахивала шляпой. Митька стоял как зачарованный.

Когда занавес открылся в третий раз, Даша была в наряде бабочки. Она носилась по сцене и легко подпрыгивала. А за ней бегал молодой принц и пытался поймать. Вот он почти настигал Дашу, и тогда у Митьки замирало сердце. Но Даша ловко выскальзывала и убегала. Митька облегчённо вздыхал. Наконец человек в костюме принца всё же схватил Дашу за крыло. Лёгкое крылышко обвисло. Даша бежала теперь как-то боком, волоча ногу. Митька чуть не вскрикнул. Но вот Даша выпрямилась, широко раскинула руки и вновь закружилась. Митька успокоился. И вдруг Даша упала. Митька вначале не понял, нарочно или в самом деле.

И лишь потому, как поднялся немец, как заругался на своём языке и полез на сцену, понял: не нарочно. Девочка встала, попыталась опять закружиться и снова упала. А немец уже поднялся на сцену и, держа в руке палку, шёл к Даше. Девочка съёжилась, замерла.

Немец подошёл к Даше, занёс палку. И вдруг:

— Не бей! Не бей!

Митька сорвался со своего места и нёсся к сцене. Он стал между немцем и Дашей:

— Не бей! Не бей!

И оттого, что появился вдруг Митька, Даша испугалась ещё больше. Но немец уже забыл про девочку. Он потянулся к Митьке. Тогда Даша вцепилась в Митькину руку и повлекла его за собой к выходной двери — прямо на улицу. Они бежали сами не зная куда, Митька и Даша-бабочка, в лёгком тюлевом наряде. А на улице трещал мороз и дул пронизывающий декабрьский ветер.

И вдруг Митька остановился.

— Даша! — окликнул он. — Даша!

А девочку трясло — то ли от холода, то ли от испуга. Митька обнял её, худенькую, бледную, взял на руки, приподнял. Даша не противилась. Она обхватила его руками и вдруг заплакала. Заплакала тихо, про себя, как, бывало, Аксинья, Митькина мать, плакала.

А на улице бегали артисты, дворня, и на псарне истошно завыли собаки. Когда появился Митька с Дашей на руках, все расступились. Митька подошёл к актёрскому флигелёчку. Толкнул дверь, переступил порог и положил Дашу на кровать.

Даша открыла глаза. Посмотрела на Митьку и сказала то, от чего у Митьки дыхание спёрло:

— Митя, ты хороший! Ты смелый, Митя...

Митьку немец не тронул — ждали господ. Но легче от этого Митьке не стало.

Заболела Даша. На следующий день начался у неё жар. Приехал доктор, послушал, покачал головой, сказал: застужены лёгкие.

Целыми днями Митька не находил себе места. Всё норовил пройти к Даше, но его не пускали. В окна пытался заглядывать, да окна завешены.

— Всё из-за тебя! — журила тётка Агафья. — Из-за твоей дурости.

И Митьку от этого как огнём жгло.

За три дня до Нового года приехали господа. А потом стали съезжаться гости. Собралось карет до двадцати. А Митьке всё равно — даже и не взглянул. Доложили графу про болезнь Даши. Пришлось ставить другое представление. Вызвал оркестрант Митьку, сказал, что и ему придётся теперь на дудке играть. Два дня сыгрывались. А вечером Митька бегал к домику Даши и, пока хватало сил, всё вокруг флигелёчка топтался. Выходила тётка Агафья (она теперь у Даши дежурила), гнала Митьку спать.

— Шёл бы, соколик, домой, — говорила. — Ну что ты как неприкаянный!

А потом сжалится и пустит Митьку на часок в сенцы. Сидит Митька, всё о Даше думает.

СТРАШНОЕ

Страшное случилось под самый Новый год. Шло представление. Митька сидел в последнем ряду оркестра — с дудкой ближе и не полагалось. Сидел Митька и ничего не видел, не слышал. По дороге в господский дом забежал он к тётке Агафье. Достал Митька тряпочку, развернул и вынул сахар, тот, что немец ему дал и что он берёг для матери.

— Даше это гостинец, — сказал Митька и протянул сахар тётке Агафье.

А та вдруг заплакала:

— Снова приезжал дохтур, — зашептала, — ох, худо Даше, ох, худо!

Сидит Митька, играет на дудке, а у самого одна мысль: «Даша, Даша...» Никак не может себе простить Митька, что застудил Дашу.

Играет Митька, а что кругом творится, не понимает. Подаёт оркестрант ему какие-то знаки — не видит. «Громче, громче играй!» — шепчет сосед, а он не слышит. Толкают Митьку в бок, а он словно из камня скроен. Ноет у Митьки душа: «Даша, Даша...»

Не помнил Митька, как кончился спектакль. Господа хлопали, актёры кланялись, а он тихонько вышел на улицу и побежал к Дашиному дому.

Около дома тихо и пустынно. Дверь приоткрыта. Вошёл Митька в сенцы, встретился с тёткой Агафьей. Удивился: не останавливает его тётка Агафья, не удерживает. Вошёл в комнату.

На лавке лежала Даша, тихая, спокойная. Глаза закрыты. В руках Митькин сахар зажат. Остановился Митька, замер. И вдруг видит — у Дашиного изголовья свечка. Колышется лёгкое пламя, поднимается чад. Посмотрел Митька на свечку — понял.

— А-а! — заголосил он и бросился к Даше. — Даша! — кричит. — Даша! Встань, Даша! — И льются по Митькиным щекам слёзы и падают на одеяло. — Даша, Даша!

Вернулись артисты. Входили в комнату, осторожно крестились. Стали полукругом.

— Увести бы мальчонку надо, — сказал кто-то.

— Пусть сидит, — ответила тётка Агафья. — Пусть плачет. От слёз оно легче бывает.

Потом подошла к Митьке, погладила по голове, зашептала:

— Пошёл бы ты спать, соколик! Спать! — и осторожно подталкивает Митьку к двери.

Вышел Митька на улицу и побрёл. Где бродил Митька, никто не знает. Да и сам он не помнит. Только в конце концов пришёл к своему дому.

— Опять шлялся! — набросилась на него девка Палашка.

Потом посмотрела на лицо, осеклась: лицо у Митьки стало страшным. Испугалась Палашка, оставила Митьку в покое. Плюхнулся Митька на лежанку, уткнулся носом в рукав и снова заплакал. Вздрагивают худенькие Митькины плечики, стонет душа: «Даша, Даша...»

И в это время вдруг дед Ерошка забил в колотушку. Раз, два, три... двенадцать.

Наступил Новый год.

ПОЖАР

Среди ночи Митька вышел на улицу. Сквозь лёгкий зипун сразу пробил мороз. «Вь-и-ть», — просвистел ветер. Надвинул Митька покрепче шапку и двинулся к дому управляющего. Немец ложился спать. В окне горела свеча. Управляющий разделся, задул свечу, лёг. Митька выждал время, подошёл к двери, задвинул скобу и для надёжности привалил колодой. Потом пошёл на конный двор, взял охапку соломы и положил под дверь. Принёс вторую и положил под угол дома, со стороны окна.

Огонь вспыхнул сразу. Языки пламени лизнули крыльцо, занялся угол.

Прибежал дед Ерошка.

— Пожар! — закричал он истошным голосом.

На улицу стали выбегать дворовые. Появился Фёдор. Протирала глаза, не понимая, в чём дело, заспанная Палашка. Никто и не обратил внимания на Митьку. От крика проснулся немец. Бросился к двери, забил кулаками и дико закричал. Люди не двигались с места.

Тогда вышла вперёд тётка Агафья.

— Всё же человек, — сказала она, — побойтесь бога! — и пошла к двери.

Но её опередил Фёдор.

В руках у него оказался кол. Он влетел на крыльцо, стал спиной к двери и грозно замычал. Все замерли. И только выскочила девка Палашка.

— Ирод! — завопила она. Бросаясь к Фёдору, вцепилась в его кудлатую бороду. — Ирод! — кричала. — Ирод! Убивец!

А немой лишь мычал, ещё сильнее прижимая дверь плечами и неловко отбиваясь от девки Палашки. И по озарённым окнам металась огромная тень немца.

Митька постоял, постоял, потом повернулся и пошёл к скотному двору. Там он перелез через изгородь и стал подниматься в гору, в сторону леса. На взгорье он остановился, взглянул на усадьбу. Там высоко в небо поднимались языки пламени. Потом разлетелись в стороны искры. Это рухнула крыша. И в то же время в господском доме вспыхнул свет: господа проснулись. Митька ещё раз посмотрел на усадьбу и вошёл в лес.

Глава третья

ГВАРДЕЙСКИЙ ПОРУЧИК

БЕГЛЫЙ

По тракту из Москвы в Петербург мчался на тройке молодой офицер. Мчался офицер по срочным делам, даже в новогоднюю ночь ехал. Верстах в трёх от почтовой станции, что возле села Чудова, ямщик вдруг осадил лошадей. Слез с козел, нагнулся.

— Что там? — крикнул офицер из санок.

— Мальчонка, никак... — ответил ямщик. — Замёрз, должно быть. Морозище-то какой!

— Ну, давай его сюда, — сказал офицер и приподнял укрывавшую ноги доху.

Положили мальчонку на дно санок, в тёплое место. Отогрелся он, отошёл, шевельнулся.

Приоткрыл офицер доху.

— Ты кто? — спрашивает.

Молчит найдёныш.

— Ты кто? — повторил офицер.

— Митька я, Мышкин, — ответил мальчонка.

— Мышкин! — усмехнулся офицер. — Да как тебя сюда занесло?

— Беглый небось, — ответил за Митьку ямщик. — По всему видать, беглый.

— Н-да, — произнёс офицер. — Так что же нам с тобой делать?

— Да что делать! — ответил ямщик. — Сдадим его, ваше благородие, на станции — там разберутся.

Впереди как раз мелькнул огонёк. Санки подъезжали к селу Чудову. Соскочил ямщик с козел, отбросил с ног офицера доху.

— Вылазь и ты, беглый, — сказал Митьке.

Офицер пошёл на станцию, ямщик замешкался у лошадей, а Митька — раз! — и в сторону.

Вышел офицер со смотрителем станции, а Митьки и след простыл.

— Тут был, — стал оправдываться ямщик. — И куда он девался? Утёк небось, как есть утёк. Шустрый такой, не зря что беглый.

— Бог с ним, ваше благородие, — сказал смотритель. — Много их тут, беглых, шатается.

Двинул офицер ямщика по затылку рукой и опять ушёл в дом. Угнал и ямщик лошадей. А Митька в это время сидел за сугробом в придорожной канаве, не зная, как быть. И вдруг видит — подают новую тройку. Вышел офицер, сел в санки. Тогда

Митька выпрыгнул из канавы, догнал санки и пристроился сзади на полозьях.

Резво бегут свежие кони, разлетается из-под полозьев снег, взлетают санки на ухабах — только держись! Держится Митька, слететь боится. Под дохой сидеть было тепло, а теперь холодно. Жмётся Митька, трёт ладошкой щёку, а сам чувствует — замерзает. И не стало у Митьки больше сил сидеть сзади. Покрутился, покрутился и стал пробираться по саночным распоркам к сиденью. Долез, смотрит — офицер спит.

Приподнял тогда Митька край дохи — и шмыг в санки! И сразу стало тепло, хорошо. Свернулся калачиком и заснул. Проснулся Митька оттого, что кто-то тормошит его за плечо. Открыл сонные глаза. Смотрит, над ним стоит офицер.

— Ты как здесь?

Митька всё и рассказал. Засмеялся офицер.

— Вот я тебя сейчас властям сдам! — говорит, а у самого на лице улыбка. Понравился, видать, офицеру Митька.

Чувствует Митька, что офицер про власть просто так, чтобы припугнуть, говорит.

Повёл офицер Митьку на станцию. Накормил и опять спрашивает:

— Так что же нам с тобой делать?

— Возьми с собой, барин,— произнёс Митька.

— С собой! — усмехнулся офицер. — В Питер?

— Возьми, барин! — просит Митька. — Да я тебе всё, что хошь, буду делать. На дудке играть буду!

— На дудке? — переспросил офицер.— Ну, разве что на дудке, — и опять улыбнулся.

Ночь была новогодняя. Выпил офицер чарку, потом вторую. В глазах появились весёлые огоньки.

Может, если бы не выпил офицер в эту ночь лишнюю рюмку, так бы и остался Митька на большой дороге. Да от вина человек добреет. Взял гвардейский офицер с собой Митьку в Питер.

И началась у Митьки новая жизнь. Живёт он в самом Питере на Невском проспекте, у поручика лейбгвардии императорского полка Александра Васильевича Вяземского.

Гвардейский поручик Митьке нравился. Молод, весел поручик. Ростом высок, статен, а как наденет парадный мундир — глаз не оторвёшь. А главное, Митьку не обижает. И Митька в лепёшку готов разбиться, лишь бы угодить поручику. Кофе научился варить. Сапоги чистил так, что они за версту блестели; за табаком бегал, парик расчёсывал. Был Митька вроде как денщик.

А ещё Митька бегал на Литейный проспект, к дому генерал-аншефа[1] Фёдора Петровича Разумовского и там через девку Аглаю передавал для генеральской дочки от гвардейского поручика записочки и приносил ответы. Нравилось это Митьке. И дочка генеральская нравилась. Стройная, белокурая, не то что деревенские девки.

А ещё Митька любил, когда поручик про войну рассказывал. Здорово рассказывал! У Митьки даже дух захватывало.

Пробыл Вяземский на войне год. Воевал с турками, к Чёрному морю ходил, реку Рымник переплывал, на стены турецкой крепости лазил.

Слушает Митька. А самому кажется, что это вовсе не поручик Вяземский, а он, Митька, вплавь через реку Рымник перебирается, лезет на стену турецкой крепости и гонит турка к Чёрному морю.

— Ну как, пойдёшь в солдаты? — спрашивает поручик.

— Пойду, — отвечает Митька.

А вечерами, бывало, собирались у поручика товарищи. В карты начинали играть. Митька и здесь

[1] Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

в услужении: вино разливает, пустые бутылки на кухню относит. Потом поручик заставляет Митьку на дудке играть. Играет Митька — все смеются. И Митьке весело. Нравились Митьке поручиковы товарищи. Шумят, кричат, все молодые, шпорами звенят. А потом Митька двери за каждым закрывает и каждый даёт Митьке по полкопейки. Проводит Митька гостей — поручика укладывает спать: стянет сапоги, мундир снимет, уложит Вяземского в постель и одеялом ещё прикроет.

Останется Митька один. Наденет на себя гвардейский мундир, шпоры прикрепит, шпагу нацепит. Сядет Митька за стол, нальёт рюмку вина, подымет, выпьет.

Эх, и жизнь! Нравилась эта жизнь Митьке.

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ

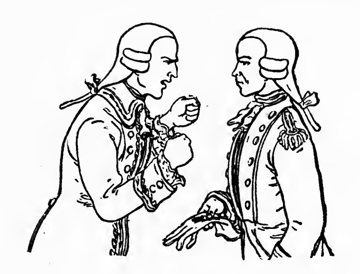
Заспорили как-то поручик Вяземский с драгунским майором Дубасовым, кто важнее: офицер гвардейский или армейский.

— Гвардия есть опора царя и отечества! — кричал Вяземский. — Гвардии сам Пётр Великий положил начало.

— Опора, да не та, — отвечал Дубасов. — Гвардейские офицеры — одно только название, что гвардия. Сидите в Питере, на балы ходите. А кто за вас отечество защищает, кто кровь проливает? Мы, армейские офицеры.

Обозлился тогда Вяземский, полез в драку. Только Дубасов был умнее — драться не стал, а бросил к ногам поручика свою перчатку: вызывал Вяземского на дуэль — стреляться.

Узнал Митька о случившемся, думает: «Как так, из-за такого дела — и стреляться? Мало ли на селе мужики спорят. Так ежели из-за каждого спора стреляться, скоро и живых не останется».

Достал поручик ящик с пистолетами, почистил, щёлкнул Митьку по носу и поехал за секундантом.

Лёг поручик в этот день раньше обычного. Лёг и сразу заснул.

А Митьке не спится. «Как это так? — думает. — Завтра стреляться, а он хоть бы хны».

Утром, ещё не рассвело, приехал за поручиком секундант.

Оделся поручик, умылся, выбежал на улицу и сел в возок.

— А как же я? — остановил его Митька.

— Что — ты? — говорит поручик. — Сиди дома, вари кофе. Через час буду. — Потом подумал, добавил: — А коли беда случится, поезжай, Митька, в Рязанскую губернию, разыщи поместье Василия Фёдоровича Вяземского, скажи: мол, так и так. У него и останешься. Понял?

— Понял, — ответил Митька, а самому про это и думать страшно.

И стал Митька ждать поручика. Ждёт час, второй, третий. Нет поручика. «Ну, — решил Митька, — убили».

А вечером поручик вернулся. Весел, насвистывает что-то. Бросился Митька к нему.

— Ну как? — спрашивает.

— Что — как?

— Ну, дувель эта самая...

— А, дуэль! — усмехнулся поручик. — Что дуэль... Застрелил я его. Вот и всё. — И щёлкнул Митьку опять по носу. — Только утром это ещё было.

А у Митьки от этих слов как-то и радость прошла. «Чего стрелялись? — думает. — За что человека убили?»

НА ВОЙНУ

Не сошла поручику дуэль с рук.

Про убийство майора Дубасова узнала сама императрица Екатерина Великая. Приказала она разжаловать поручика из гвардейских офицеров и направить в действующую армию.

А в это время как раз война с турками шла. Русские осадили турецкую крепость Измаил. Под Измаил и послали Вяземского.

И стал он теперь не гвардейский офицер, а просто поручик армейский.

— Плохи наши дела, — сказал поручик Митьке. — Опять на войну. Да нам не привыкать! На войне ещё интереснее.

И Митька думает: интереснее. А всё же из Питера уезжать жаль. Да и не знает Митька, что с ним будет. Говорит поручику:

— А что со мной будет?

— Поедешь, — отвечает Вяземский, — в Рязанскую губернию.

— Во те раз! — опешил Митька. Смотрит на поручика, чуть не плачет.

Походил, походил, а потом подошёл к Вяземскому, говорит:

— А возьми меня, барин, с собой!
— Как — с собой? — удивился поручик.
— На войну, — отвечает Митька.
— На войну?
— На войну.
— Так что ты там будешь делать?
— Турка бить буду, — говорит Митька.
— «Турка»! — расхохотался поручик. А сам подумал: «Может, и взять?»

И вот помчались поручик и Митька через всю Россию на перекладных от Балтийского до самого Чёрного моря. Менялись тройки, летели вёрсты, проносились сёла и города. Митька сидел важный: Митька на войну ехал.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, тянулся вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошёл слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил идёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом новая жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солда-

ты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать! Давай снова!

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться. «Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент».

Несколько раз Митька бегал смотреть Суворова. А как-то Суворов приметил Митьку и спрашивает:

— Что за солдат?

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка! — отчеканил Митька.

— Ай-яй! — удивился Суворов. — Солдат, говоришь?

— Так точно, ваше сиятельство! — ответил Митька. К этому времени Митька уже научился рапорт как следует отдавать.

Посмотрел Суворов на Митьку, подивился, говорит:

— Ну, раз солдат, так другое дело. Солдатам у нас почёт.— Снял Суворов свою шляпу и низко Митьке поклонился.

Только дело на этом не кончилось. Вызвал, оказывается, в тот же день Суворов поручика Вяземского и приказал Митьку домой отправить.

Загрустил Митька. Да и поручик привык к мальчику, отпускать не хочется. Тянули они с отъездом. А чтобы Суворову и генералам на глаза не попадаться, сидел Митька больше в палатке, всё выходить боялся.

Между тем русская армия подготовилась к бою. Суворов послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал ответил: «Раньше небо упадёт в Дунай, чем русские возьмут Измаил».

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм.

«ВСТАВАЙ, БАРИН!»

В ночь на 11 декабря 1790 года русские пошли на приступ.

Отдёрнул Митька полог палатки, стал смотреть. Палатка как раз так стояла, что из неё крепость была видна. Только сейчас была ночь, туман, и Митька ничего не видел. Лишь слышал громыханье пушек и ровный гул солдатских голосов.

А когда наступил рассвет, Митька разглядел, что русские уже прошли ров, поднялись на крепостной вал и по штурмовым лестницам лезли на стену.

Шла стрельба. Над крепостью поднимался дым. На стене, один к одному, словно воробьи на изгороди, сидели турки. А вокруг крепости — и прямо перед собой, и слева, и справа, куда хватал глаз,— видел Митька, как двигалось, как колыхалось и пле-

скалось со всех сторон огромное солдатское море. И казалось Митьке, что это вовсе и не солдаты и Измаил не крепость, а гудит перед ним, перекатывается и воет огромный пчелиный рой.

И вдруг внимание Митьки привлёк русский офицер. Опередив других, офицер уже был почти на самой стене. Он ловко карабкался по лестнице, взмахивал шпагой и что-то кричал. Присмотрелся Митька — и вдруг признал Вяземского.

Вот поручик пригнулся, вот снова выпрямился... Вот свалил выстрелом высунувшегося из-за стены турка.

— Ура! — закричал Митька. — Ура!

А поручик уже на стене. Ещё никого нет, а Вяземский там. Стоит, машет шпагой. Сбило с поручика шляпу, сорвало парик. Развеваются по ветру русые кудри. Отбивается поручик от турок и снова что-то кричит и кричит. И вот Вяземский уже не один, рядом с ним русские солдаты. Прыгают солдаты по ту сторону стены.

И вдруг видит Митька, как поручик хватается за бок. Роняет шпагу... Минуту держится... Потом приседает, неловко поворачивается и падает вниз.

— Барин, барин! — кричит Митька, выбегает из палатки и бросается к крепости.

Подбегает к стене, хватается за штурмовую лестницу.

— Ты куда? Смерти захотел?!

Митька не ответил. Кто-то схватил его за ногу.

— Пусти, дяденька! — Митька выдернул ногу и кошкой полез вверх.

Влез, глянул вниз — и чуть не вскрикнул. Там один на одном, крест-накрест и просто так лежали побитые солдаты: русские, турки — все вместе. А совсем рядом в узких, запутанных улицах Измаила шёл бой и неслись крики... Страшно стало Митьке; хотел повернуть назад, потом перекрестился, закрыл глаза и прыгнул внутрь крепости.

Крадётся Митька у самой стены, смотрит, не видать ли поручика. И вдруг видит: из-под убитого турка торчит знакомый сапог и шпора знакомая. Подбежал Митька, отвалил турецкого солдата, а под солдатом лежит поручик Вяземский.

— Барин, барин! — закричал Митька. — Вставай, барин!

А Вяземский лежит, не шелохнётся. Приложил Митька ухо к груди поручика — дышит. Тихо, но дышит. Обрадовался Митька и опять своё.

— Вставай, барин, вставай! — трясёт Митька поручика за плечо.

А Вяземский словно и не живой.

Взял тогда Митька поручика за ворот мундира и по земле потащил из крепости. Тяжело мальчишке — в поручике пудов до пяти,— но тащит. Плачет, но тащит. У самых ворот столкнулся Митька с Суворовым.

— Ты как здесь? — удивился Суворов.

— Да я... — начал было Митька и растерялся. Стоит, вытирает слёзы.

Посмотрел Суворов на Митьку, на раненого.

— Поручик Вяземский? — спрашивает.

Митька кивает головой.

— Тот, что крепостную стену первым взял?

Митька опять кивает.

Крикнул Суворов солдат, приказал унести героя. А Митьку подозвал к себе, отодрал за ухо и сказал:

— Беги вон, и чтобы духу твоего тут не было.

МЕДАЛЬ

Два дня и две ночи просидел Митька в санитарной палатке, у постели поручика Вяземского. На третий день поручик пришёл в себя, признал Митьку.

А ещё через день пожаловал в палатку Суворов.

Узнал Митька Суворова — спрятался. Поручик было привстал.

— Не сметь! Лежать! — крикнул Суворов. Подошёл к постели Вяземского. — Герой! — сказал. — Герой! Достоин высочайшей награды. — И спрашивает: — А где твой денщик?

— Так я, ваше сиятельство, отправил его в Рязанскую губернию, — отвечает Вяземский.

— Давно?

— Давно.

— Так, — говорит Суворов. — Дельно, хорошо, когда офицер исправен. Похвально. А то ведь вралей у нас — о-о — сколько развелось!

— Так точно, ваше сиятельство! — гаркнул поручик и думает: «Ну, пронесло!»

А Суворов вдруг как закричит:

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, живо ко мне!

Притаился Митька. Не знает, что и делать. А Суворов снова подаёт команду.

Выбежал тогда Митька:

— Слушаю, ваше сиятельство! — и отдаёт честь.

Улыбнулся Суворов.

— Дельно, — говорит, — дельно! — Потом скомандовал «смирно» и произнёс: — За подвиг, подражания достойный, за спасение жизни российского офицера, жалую тебя, солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, медалью!

Подошёл Суворов к Митьке и приколол медаль. Митька стоит, руки по швам, не знает, что и говорить.

А Суворов подсказывает:

— Говори: «Служу императрице и отечеству».

— Служу императрице и отечеству! — повторяет Митька.

— Дельно, — говорит Суворов, — дельно! Добрый из тебя солдат будет!

Потом повернулся Суворов к Вяземскому, сказал:

– Думал я тебя представить к высочайшей награде, а теперь вижу: зря думал. Негоже себя ведёшь, поручик: приказа не выполняешь, командира обманываешь.

Покраснел поручик, молчит. И вдруг блеснули хитринкой глаза, и выпалил:

— Никак нет, ваше сиятельство!

— Что — никак?

— А как же я мог приказ выполнить, — говорит Вяземский, — коль дороги назад не было?

— Ай-яй! Не было? — переспросил Суворов. — Может, и вралей не было?

— Дорога солдату домой, — ответил Вяземский, — через Измаил ведёт. Нет дороги российскому солдату домой иначе!

Посмотрел Суворов на поручика, крякнул, ничего не ответил. А через несколько дней пришёл приказ простить Вяземскому дуэль с Дубасовым и отправить назад, в Питер. Видать, понравился ответ поручика Суворову.

Простились поручик и Митька с армией. И ехали они опять через всю Россию на перекладных от самого Чёрного до Балтийского моря. И снова менялись тройки, снова летели вёрсты, снова проносились сёла и города.

Митька сидел гордый и медаль щупал. Солдат с войны ехал.

ПРОЩАЙ, ВЯЗЕМСКИЙ!

— Митька, друг ты мой, никогда тебя не забуду, никому не отдам! — говорил Вяземский.

Появился вскоре у поручика новый товарищ — капитан Пикин. Взглянул Митька на капитана: глаза навыкате, нос клювом, губы поджаты, на всех смотрит косо и даже ходит не как все, а как-то боком, правое плечо вперёд.

Соберутся, как бывало, у поручика приятели. Все смеются, кричат. А капитан сядет в стороне, молчит, не улыбнётся. Начнут офицеры про политику спорить, про дела государства говорить, заведут речь о мужиках: мол, неспроста мужики волнуются, так и жди нового бунта. А капитан спорящих прервёт, скажет: «Мало с них шкуру дерут! Мало помещики порют — вот и распустились мужики! Вон Митька твой — и не поймёшь, где холоп, где барин».

Заговорят офицеры про войну, про Измаил, Суворова вспомнят. А капитан и здесь своё слово вставит: «Суворов выскочка, счастливый, в сорочке родился. Вот и везёт».

«И чего это терпит его поручик?» — думает Митька. А терпел Вяземский капитана потому, что любил Пикин играть в карты. Уж никто и не хочет, а капитан играет. На картах они и сдружились.

Как и раньше, собираются у поручика молодые офицеры, да только Митьке уже перестали казаться хорошими прежние вечера. Митька уже и на дудке играет не так охотно, и вино разносит с опаской. Боялся Митька Пикина: чуял, что беда от него пойдёт.

Так оно и случилось.

Сели как-то офицеры играть в карты. Вошли в азарт. Играли до полуночи и все проигрались. В выигрыше был лишь один капитан Пикин. Разошлись другие по домам, а капитана поручик не отпускает.

— Играй, — говорит, — ещё.

— Как же с тобой играть, — отвечает капитан, — ты уже всё проиграл!

А поручик:

— Нет, играй.

Отказывается Пикин.

— Играй, — настаивает поручик. — В долг, — говорит, — играть буду.

— Нет, — возражает Пикин, — в долг не играю, хватит.

Понял Митька, что дело плохим кончится, подошёл к поручику, говорит:

— Барин, спать пора.

А поручик резко оттолкнул Митьку и опять к капитану:

— Ставлю мундир!

Ну, и снова проиграл Вяземский. Вошёл поручик в ещё больший азарт. Смотрит по сторонам, на что бы ещё сыграть.

А Митька опять подходит, говорит:

— Барин, спать пора.

Посмотрел поручик на Митьку, блеснул в глазах огонёк, и вдруг говорит капитану:

— Вот на Митьку ставлю.

Митьку словно огнём обожгло.

А капитан Пикин снова сдаёт карты и приговаривает:

— Что ж, Митьку так Митьку. Вот он у меня узнает, кто холоп и кто барин!

Сыграли, и снова проиграл поручик.

— Митька! — закричал Пикин. — Собирай свои вещи, да медаль смотри не забудь! Будешь у меня при медали сапоги чистить.

Митька не отозвался.

Встал капитан, вышел на кухню: смотрит, а Митьки не видно.

Вбежал Вяземский:

— Митька!

Никто не отзывается.

— Митька! — снова закричал поручик.

А Митьки словно и не было.

Ушёл Митька.

Смотрит Вяземский — только дверь на улицу слегка приоткрыта да лежит в углу забытая Митькой дудка.

Глава четвёртая

ДОБРЫЙ БАРИН

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Третий день кривой Савва жил в Питере. Привёз Савва из Закопанок солёные огурцы, продавал вёдрами.

— Огурцы солёные! Солёные-мочёные! Кому солёные? — надрывал он глотку.

Да только мало кто покупал. Огурцов на базаре и без того хоть пруд пруди.

На четвёртый день с самого утра Савва опять стоял около своих кадок — отмерял огурцы. А рядом с бочками лежала большая краюха хлеба. Савва по куску от неё отламывал и ел. Вдруг видит — чья-то рука тянется к краюхе хлеба. Схватил он руку. Обернулся — мальчишка. Посмотрел — Митька.

Признал и Митька кривого Савву — растерялся.

— Жив! Ить те жив! — вскричал Савва.— Ух, радость-то какая! А мы тебя похоронили. Ещё в тот год узнали, что ты от господ убёг. А потом сказывали: уже по весне нашли в лесу замёрзшего мальчишку. Так мы думали... Ан нет, жив-таки!

И рассказал Савва Митьке и про отца, и про мать, и про всю Закопанку.

— Жизнь-то в Закопанке совсем расстроилась, — говорил Савва.— Распродали господа мужиков. Старосту Степана Грыжу — так и того продали. А родителев твоих, — говорил Савва, — сосед, князь и енерал Юсуповский, купили. Помещик-то у них добрый. А наши-то господа совсем разорились. Лесок, что по ту сторону речки, продали. Землицу, что от старой баньки шла, тоже продали. И из дворовых всего два человека осталось — девка Маланья да я. Кривой — никто не берёт. Эхма, было времечко! — закончил свой рассказ Савва.— Другие нонче пошли времена.

— А вы тут чего, дядя Савва? — спросил Митька.

— Как — чего? Я теперь на месяц кажин раз в Питер езжу. Барыня посылают. Пшено вожу, редьку, огурцы. Оно дороже выходит... Да ты о себе расскажи, о себе.

Митька рассказал.

— Ить дела! — проговорил Савва. Потом подумал, сказал: — Митька, завезу-ка я тебя до родителев. Вот уж радость будет! А там, глядишь, князёк ваш тебя и выкупит. Вот и заживёте все вместе!

Всю дорогу Митька только и думал, что об отце и матери.

Ехали по талому снегу. Бурлили ручьи. Светило солнце.

И Митьке было легко и радостно.

— Дядя Савва, — спрашивал Митька, — а кот Васька жив?

— Жив, жив, — отвечал Савва. — Чего ему не жить!

— Дядя Савва, а барин, говоришь, он добрый, выкупит?

— Выкупит, — отвечал Савва. — Вот крест — выкупит!

Как и обещал, привёз Савва Митьку домой.

— Аксинья! — позвал. — Аксинья! Принимай гостя.

Выбежала Аксинья, увидела Митьку, онемела от счастья. А потом как заголосит, как заплачет! Схватила Митьку, целует...

— Ох ты, мой родненький! — причитает. — Похудал... Ох ты, мой ненаглядный.

Вышел Кузьма, посмотрел на сына, признал не сразу...

— Что стоишь? — крикнула Аксинья. — Чай, сын прибыл... Митя, Митенька! — и снова заголосила.

На шум выбежал кот Васька. Посмотрел на Митьку, мяукнул; подошёл, выгнул спину, задрал хвост и стал тереться о Митькины ноги.

— Признал, признал! — воскликнул Савва. — Ить ты, паршивец, признал!

А Митька стоял, вытирая рукавом намокшие глаза. И не знал, плакать или смеяться.

Митька был счастлив.

БЛАЖЕННЫЙ

Князь Гаврила Захарьевич Юсуповский был генералом русской армии. Под Фокшанами генерал получил тяжёлое ранение в голову, вышел в отставку и поселился в своём новгородском имении. Занялся генерал хозяйством. Усадьбу привёл в порядок, дом перестроил. Накупил дворовых, тягловых мужиков прикупил. Выписал садовника из Питера и повара. И пошло генеральское хозяйство в гору. Барин был добр. Мужиков не обижал, на пасху и рождество гостинцами баб одаривал, а в день святого Гаврилы раздавал всем по пять копеек медью и бочку браги выкатывал.

Только стали мужики вскоре замечать за барином какие-то странности. Забываться стал временами, на себя всякое наговаривал. То возьмёт в рот кинжал, бегает по двору и кричит: «Турок я! Турок!» То положит на порог голову и заплачет: «Пугачёв я, Емелька, рубите мне, вору и разбойнику, буйную голову!» А ещё, когда грянет, бывало, гром, бледнел барин и начинал шептать: «Война, война, снова турка в поход идёт!»

В день приезда Митьки побежал Кузьма к князю, бросился в ноги.

— Не откажи, барин! — просит. — Уж пожалей, откупи сынка у графа Гущина!

Рассказал Кузьма генералу про Митьку, стоит на коленях, просит.

— Вот оно как! — удивился генерал. — На войне, говоришь, был?

— Был, был! — зачастил Кузьма. — Медаль с той войны привёз.

— Ме-даль? — протянул генерал.

Приказал князь привести к нему Митьку.

— Падай, падай барину в ножки! — подталкивает Кузьма Митьку.

А Митька по-солдатски отбил шаг, подошёл к генералу и докладывает:

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин прибыл!

У Кузьмы от удивления скула отвалилась. «Ну, всё испортил», — решил.

Оказывается, нет. Взглянул генерал на Митьку, сказал: «Вольно». Потом обошёл вокруг Митьки, осмотрел со всех сторон, медаль пощупал и ответил: «Ладно. Откуплю».

Кузьма бросился целовать барскую руку. А генерал вдруг как закричит: «Не трожь, не трожь, сейчас взорвётся!» Отскочил Кузьма, стал неловко кланяться и пятиться к выходу.

— Что с ним, тять? — спросил потом Митька.

— Блаженный, — ответил Кузьма.

И вот снова живёт Митька в родительском доме. И снова помогает отцу и матери.

А вечером все соберутся в светёлке. Отец что-то стругает, мать веретено крутит. А на печи сидит кот Васька и, как прежде, смотрит на Митьку хитрым взглядом. И всем хорошо. И мирно трещит лучина, и от каждого вздоха, словно живое, колышется яркое пламя.

КАРТЫ

Неделю Митька прожил спокойно, а потом вызвал его к себе барин.

— Давай, — говорит, — играть в карты. Я тебя этому искусству враз обучу.

Вначале стал генерал Митьке карты показывать.

— Это, — говорит, — двойка, это тройка, это семёрка. Так что старше, — спрашивает, — двойка или семёрка?

— Семёрка, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Молодец!

Потом стал объяснять картинки.

— Это, — говорит, — валет, это дама, это король. Кто старше?

— Король, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Ну, дело у тебя пойдёт.

Потом объяснил генерал про масть. Трефь и пика — чёрные, бубен и червь — красные.

— Трефь и пика — чёрные, — повторяет Митька, — бубен и червь — красные.

И стал генерал учить Митьку играть в «подкидного дурака». А чтобы было интереснее, договорились бить проигравшему по носу тремя картами.

Вначале Митька только проигрывал. Набил ему за эти дни барин нос так, что нос стал у Митьки вроде красной свёклы. И так пристрастился генерал бить картами, что игре ещё и конец не пришёл, а он уже приготовится и приговаривает:

— Вот я тебя сейчас! Будешь знать, шельмец, как со мной в карты играть!

А когда лупил, тоже приговаривал:

— Так тебе и надо, так тебе и надо! Не берись играть, коль не умеешь.

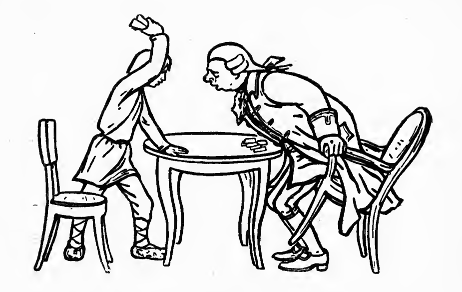
Но вот наступил день, когда Митька выиграл.

— Как это так? — проговорил генерал. — Ты, шельмец, небось карты подмешал?

А Митька ничего и не подмешивал. Так оно само вышло. Ну, и пришлось генералу подставлять свой нос.

Митька бил осторожно.

Опять сыграли. Барин проиграл снова. И снова Митька бьёт по генеральскому носу. Только теперь Митька осмелел и бьёт посильнее.

И третью партию проиграл барин. На этот раз Митька ударил во всю силу.

Начал барин кипятиться. А чем больше он кипятится, тем и играет невнимательнее. И стал у генерала нос краснеть. Видит барин — дела плохи. И как Митька выиграл снова, схватил палку и Митьку по мягкому месту — раз, два! «Ты, — говорит, — шельмец, плутуешь».

И только Митька выиграет, барин за палку и бьёт. Вернулся Митька домой — весь зад в синяках. Лёг спать, думает: «Проиграл — плохо, выиграл — плохо! Пойми ты её, барскую душу!»

Решил Митька на следующий день больше у барина не выигрывать, поддаваться. Всё же по носу, решил, не так больно.

А генералу, видать, понравилось бить Митьку палкой. Решил он тоже поддаваться и за каждый выигрыш его драть. Блаженный был генерал.

Вот сели они играть на следующий день. Митька поддаётся, и генерал поддаётся. Так они и играют в «дурака» на проигрыш. И всё Митька проигрывает.

Хотел барин Митьку палкой бить, а теперь, выходит, нельзя: нужно картами по носу. А это генералу уже наскучило.

Пытается барин проиграть, а всё не получается. Разозлился тогда генерал, крикнул на Митьку:

— Пошёл вон! Не умеешь играть, а лезешь!

С той поры они уже в карты не играли.

«ИМПЕРАТРИЦА»

Прожил Митька ещё неделю спокойно. А потом его снова кличут к барину.

— Будешь, — говорит генерал, — за императрицу Екатерину Великую.

Удивился Митька, думает: как же это он будет за императрицу?

А барину пришла в голову блажь, что должна к нему приехать царица в гости. В это время как раз через Новгород из Петербурга в Москву царица ехала. Все вокруг только об этом и говорили. Вот и решил генерал всех удивить. Сшили Митьке женский наряд. А на следующий день прошёл по селу слух, что в гости к генералу едет сама императрица Екатерина Великая. Собрали к господскому дому мужиков и баб. Разложили на крыльце ковёр. Ждут. И вот карета въехала. Сам барин выбежал «императрицу» встречать. Мужики и бабы упали на колени. Никто и не обратил внимания, что карета господская, а на месте кучера свой же мужик, дядя Игнат, сидел.

Открыл генерал дверцу кареты, поклонился, а из кареты выходит Митька.

Ахнули мужики — ну и блажь...

А барин взял «императрицу» под руку и повёл в дом. Митька идёт, путаются ноги в юбке. Привёл барин Митьку в зал, а там стол накрыт. Усадил генерал Митьку.

— Ваше величество, — говорит, — не откажите принять нашу убогую трапезу.

Ест Митька; барин ему вина наливает.

А после еды генерал говорит:

— Ваше величество, извольте в ваши апартаменты проследовать.

И повёл барин Митьку по комнатам в спальню. Идёт Митька, пошатывается. Смотрит, а в спальне уже кровать приготовлена.

— Приятной ночи, ваше величество! — сказал генерал и удалился.

А Митька от вина опьянел, так в царицыном наряде и залез под одеяло.

Спал в эту ночь Митька крепко. Проснулся утром, потянулся, вспомнил вчерашний день — самому смешно стало. А в это время вдруг открывается дверь, входит барин. Посмотрел барин на Митьку.

— Ты что тут, поганец, делаешь?

— Императрица я, — говорит Митька.

— Что? — заревел генерал. — «Императрица», паршивец? Вот я тебе дам «императрицу»!

Понял Митька, что прошла у генерала блажь, вылез из-под одеяла — и бежать! Да запутался в юбках.

Схватил его барин и давай лупить. Бьёт и приговаривает:

— Вот я тебе покажу «императрицу»! Мужик, а бабой прикидываешься! Имя монаршее позоришь!

Еле вырвался Митька.

А вечером Митьку опять позвали в господский дом. И снова он был за Екатерину Великую. Когда отвёл генерал Митьку в спальню, он ложиться не стал, а потихоньку убежал из барского дома.

На следующий день Митька ждал, что генерал его позовёт. Однако за Митькой никто не прибегал. Ни в этот день, ни на другой, ни в третий... Видать, прошла барская блажь.

В третий раз генерал вспомнил про Митьку к концу лета.

— Ты на войне был? — спросил барин.

— Был, — ответил Митька.

— Медаль получил?

— Получил.

— Так приходи завтра, да по всей форме! Посмотрим, какой из тебя солдат.

Пришёл Митька, и начались с этого дня учения. Является Митька с самого утра. Генерал уже одет — в мундире, при погонах и шпаге. Ждёт. Выходят генерал и Митька во двор, начинаются учения.

— Смирно! — кричит генерал.

Митька вытянется, замрёт, руки по швам.

— Так, — говорит генерал, — верно.

Потом подаёт команду: «Направо, шагом марш!» Дойдёт Митька до конца двора — генерал кричит: «Кругом!» Поворачивается Митька. И так до самого обеда ходит Митька по двору от одного угла до другого. А генерал идёт рядом: «Выше ногу, шире шаг! Ать, два, левой, правой! Ать, два, ать, два!»

А после обеда другие учения.

— Ложись! — кричит генерал.

Митька ложится.

— Встать!

Митька встаёт.

— На пузе ползи!

Митька ползёт. И так до самого вечера.

Намучается Митька за целый день — сил нет. А с утра всё снова. Через неделю Митька все команды выучил. Тогда генерал приказал собрать деревенских ребят. И теперь они с Митькой оба стали вести учения. Поначалу ребятам нравилось. С самого утра Митька их строил. Потом выходил генерал. Митька кричал «смирно» и докладывал:

— Ваша светлость, рота к учению построена.

— Вольно! — говорил генерал.

И начинались занятия. Да только вскоре ребятам всё надоело, не все стали являться.

Заметил генерал — перекличку приказал делать. А для неисправных в курятнике устроил гауптвахту. Да только ребятам на гауптвахте нравилось больше, чем животами тереть господский двор. Там и отсиживались.

Тогда отменил генерал гауптвахту и всыпал непослушным розог.

А вскоре и ребят показалось генералу мало. Приказал он, чтобы собирались взрослые мужики. И вот с самого утра толпится на барском дворе человек до тридцати мужиков. Строит их барин по росту, и начинаются учения.

— Ать, два! Ать, два! Левой, левой! — снова командует генерал.

Дело как раз летом было. На поле стоят неубранные хлеба, зерно осыпается. А мужики от одного конца до другого господский двор меряют. Научились мужики ходить, как настоящие солдаты, да только богаче от этого не стали.

Мужики — на Митьку: «Всё из-за тебя, из-за твоей медали!» Возненавидели мужики Митьку.

А тут генерал стал поговаривать, что пора и в лагеря ехать и там учинить настоящие манёвры. Разбить мужиков на две группы и устроить войну.

Видит Митька — дело плохо, не простят мужики ему этой затеи, и сказал как-то барину:

— Ваша светлость, а как же на войне без пушек быть?

Посмотрел генерал на Митьку, сказал:

— Правильно. Отпишу-ка я письмо самому любимцу императрицы, светлейшему князю Потёмкину. Он меня помнит — пришлёт.

Написал, а ответ никак не приходит. Пока его ждали, генерал и забыл про военные учения. И опять стало спокойно.

Прошёл год. Мало что изменилось за это время в жизни Митьки Мышкина, повзрослел разве что на год. Зато прежние его господа, помещики Воротынские, совсем разорились. Усадьбу продали, сами в Москву уехали. А кривого Савву и Маланью продали за долги князю Юсуповскому. Стал теперь Савва от князя в Питер и Чудово на базар ездить.

И вот как-то захватил Савва в Чудово с собой Митьку. И здесь, в скотном ряду, повстречали они тётку Агафью.

— Митька! — закричала она. — Соколик ты мой, Митька! Да, никак, ты? — Она обхватила мальчика и крепко прижала к себе. — А мы-то...

— Знаю, тётка Агафья, — говорит Митька, — померших считали.

— Считали, считали, соколик!

Тётка Агафья водила Митьку по базару, купила ему пряник, вздыхала и всё слезу рукавом смахивала.

— Да чего ты, тётка Агафья! — успокаивал её Митька.

— Ох, как вспомню, как вспомню!.. Так ты ничего, при родителях, значит?

— Да, тётка Агафья.

— Дашу-то помнишь?

— Помню.

— А Фёдора?

— Помню, тётка Агафья.

— Так засудили Фёдора — ушёл на каторгу.

— Как — засудили? — вырвалось у Митьки.

— Ой, не говори, соколик! Немца-то порешил немой, а дом поджёг. Сам признался. А девка Палашка — типун ей на язык — потом всё на тебя наговаривала.

— Тётка Агафья, — вдруг сказал Митька, — не дядя Фёдор, я немца поджёг.

— Да что ты! Да бог с тобой, соколик! — замахала руками тётка Агафья.

— Я, — повторил Митька.

Ни единого слова не обронил Митька обратной дорогой. Сидел ястребом. За эти годы Митька почти что и забыл про графский дом. Прошло, как сон. И было ли это? Может, и не было...

Дотемна просидел в тот день Митька над обрывом реки. Уставился на воду, смотрел в одну точку. Смотрел — и вставала перед ним та далёкая новогодняя ночь. Дым, люди, языки пламени и немец. Бегает немец из угла в угол, бьётся в закрытую дверь. А на крылечке стоит Фёдор, большой, широкоплечий, с дубиной в руке.

А потом Митька увидел другую избу, ту, где актёры жили. Кровать. Свечу, что горела ровным пламенем. Дашу. Смотрит Митька на воду, а Даша, словно живая, перед ним стоит. Стоит и улыбается, как тогда, когда они в первый день свиделись.

Сколько сидел Митька над рекой, неведомо. Только уж стало смеркаться, когда проходил берегом реки Митькин отец. Увидел сына, позвал. А тот не откликается. Подошёл Кузьма к нему, положил руку на плечо.

— Митя! — позвал снова.

А Митька ничего не слышит. Сидит как заворожённый, всё в воду смотрит.

СЧАСТЛИВОГО ТЕБЕ ПУТИ, МИТЬКА!

Пообещал барин откупить Митьку, да позабыл. Вспомнил уже через год, летом. Послал генерал к графу Гущину своего управляющего, а когда тот вернулся, вызвал Митьку.

Шёл Митька к господскому дому, а у самого тяжесть какая-то на душе. И небо было серое, и полыхали где-то зарницы, и истошно петухи голосили.

А у самого подъезда увидел Митька тележку — точь-в-точь как у немца Неймана была.

«Откуда такая?» — подумал.

— Э, — произнёс генерал, когда вошёл Митька, — да ты, говорят, смутьян!

Митька растерялся.

— Говорят, в графском имении дом сжёг и ихнего управляющего, немца, погубил. Было такое дело? — спрашивает генерал.

— Было, — отвечает Митька.

Генерал поднял брови, с удивлением посмотрел на Митьку, как будто бы впервые видит.

— Э, да ты на самом деле смутьян! Иди сюда. — И повёл Митьку в соседнюю комнату.

Вошёл Митька — и замер. Смотрит — стоит в комнате солдат, а рядом с ним девка Палашка.

— Он, он! — закричала Палашка. — Ирод, убивец! — бросилась она к Митьке.

Митька — в сторону. А барин его раз — и за руку: «Стой!» Рванулся Митька, а генерал опять: «Стой!» Схватил тогда Митька стул, поднял над головой, закричал:

— Уйди, барин! Уйди — не пожалею!

— Ах, злодей! — взвизгнул генерал, но остановился. А потом как закричит: — Хватай его, вяжи!

Бросились к Митьке солдат и Палашка, а он к окну, только — бемц! — звякнули стёкла. Распахнулись от удара створки. Выпрыгнул Митька на улицу, прямо во двор, как раз к самым дрожкам. И в это время грянул гром, прошумел грозным раскатом. Вздрогнули кони, забили копытами. Митька — в возок, схватил кнут и полоснул лошадей во всю силу. Те взвились и понеслись к выходу. А ворота закрыты. И вдруг одна створка открылась. Вторую-то уже кони с размаху вынесли сами. Пролетая, увидел Митька кривого Савву.

Выбежали генерал, Палашка и солдат на дорогу, а Митька уже далеко. Только шарахаются из-под

колёс замешкавшиеся куры да остался у самой дороги раздавленный гусь. Промчались кони через село, перемахнули вброд речку, вынесли на бугор и, поднимая пыль, понеслись полем.

— Утёк! — кричала Палашка. — Снова утёк.

И опять грянул гром. Блеснула молния. Генерал побледнел, схватил солдата за руку, зашептал:

— Турка, снова турка войной идёт... — потом как закричит: — Смирно! Из всех орудий пли!

Солдат растерялся. Схватил ружьё, стрельнул. А девка Палашка вдруг умолкла, разинула рот и не знала, куда смотреть: то ли на барина, то ли туда, где на поле, на самом бугре, всё ещё держалась пыль, и кони — эхма, господские кони! — уносили злодея и ирода Митьку Мышкина.

Прощай, Митька! Счастливого тебе пути и большой удачи!

Жизнь и смерть Гришатки Соколова

Из повести «История крепостного мальчика» вы узнали о безвыходной, трагической судьбе крестьян во времена крепостного права.

Не раз подымались крестьяне на борьбу против дворян и помещиков. Но, плохо вооружённые, плохо обученные, они терпели поражения от правительственных войск.

В 1773 году вспыхнуло новое крестьянское восстание. Его возглавил смелый донской казак Емельян Иванович Пугачёв. Это была самая настоящая война трудового народа против своих угнетателей и царицы Екатерины Второй. Больше года сражались отважные пугачёвцы. Они одержали много славных побед, взяли много крепостей и городов. Но сил опять не хватило. В конце 1774 года восстание было подавлено. Пугачёв схвачен, посажен в железную клетку и привезён в Москву. Здесь Пугачёва казнили.

Прошло почти двести лет. Но память о великом народном вожде не забыта.

Вот и эта повесть посвящена Пугачёву. В ней вы подружитесь с маленьким отважным пугачёвцем Гришаткой Соколовым, мальчиком, который вместе со взрослыми сражался и погиб за свободу.

Глава первая

ФАНТАЗИИ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Гришатку Соколова привезли в Оренбург в начале 1773 года.

Жил Гришатка с отцом, с матерью, с дедом Тимофеем Васильевичем и сестрёнкой Аннушкой в селе Тоцком. За всю свою жизнь дальше Тоцкого не был. А тут на́ тебе — в Оренбург собирайся!

Село Тоцкое большое, приметное. Около сотни дворов, четыреста душ жителей. Божий храм на пригорке. Погост. Речка журчит Незнайка. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом барского управителя отставного штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Избы. Овины. Село Тоцкое и люди, живущие в нём, принадлежали оренбургскому губер-

натору генерал-поручику немцу Ивану Андреевичу Рейнсдорпу. Он здесь хозяин всему, судья и всему повелитель.

Из тоцких крестьян набиралась в губернаторский дом прислуга: камердинеры, повара, лакеи. В Оренбург в услужение к барину был привезён и Гришатка.

Глянул губернатор на мальчика.

— Гут, гут[1], — произнёс. — Иди-ка сюда, — поманил он пальцем Гришатку. — Подставляй свой голова.

Гришатка подставил.

Взял губернатор трубку и чубуком Гришатку по темени стук-пристук. Стал выбивать о голову мальчика пепел. Посыпалась табачная труха, а следом за ней вылетел огонёк. Припёк он Гришатку.

— Ай! — не сдержался мальчик.

— Фи, какой, — поморщился генерал. — Так и знал — дурной он есть, твой голова. — И для первого знакомства отодрал Гришатку за ухо.

ВАВИЛА И ДРУГИЕ

Поселился Гришатка на первом этаже губернаторского дома в каморке у Вавилы Вязова.

Вавиле лет двадцать. Он истопник и дровокол здешний. Под лежанкой у него топоры и пилы, в каморке мрак, сырость.

Познакомился Гришатка и с другой барской прислугой. С парикмахером Алексашкой. Озорник Алексашка. В первый же день зазвал он Гришатку к себе в парикмахерский кабинет и завил мальчика.

То-то было для всех потехи.

Повстречался Гришатка и с кухонной судомойкой тёткой Степанидой.

[1] Гут *(нем.)* — хорошо.

— Ой, ой, Ванечка мой из гроба явился, — заголосила Степанида. — Родненький, кровинушка ты моя. — И ну обнимать, целовать и ласкать мальчика. — Ванечка! Ванечка!

Гришатка опешил. Потом-то узнал: лет десять тому назад засек до смерти Степанидиного сынка Ванечку барский управитель Хлыстов. С той поры и впала Степанида в головную болезнь — всех детей за Ванечку принимала.

Затем прибежали дворовые девки — сёстры Акулька и Юлька.

— Ох, ох, из Тоцкого! — заверещали они. — Как там папенька наш, как там маменька. Ох, ох, приехал из Тоцкого!

Познакомился Гришатка и с дедом Кобылиным. Как и все, дед тоже из Тоцкого. И его, как Гришатку, привезли однажды в Оренбург. Только было это давным-давно.

Состоял Кобылин при губернаторе в камердинерах и лакеях, а потом, по преклонности лет, был удалён от барских покоев и определён в водовозы. Возил он с реки Яика воду в генеральский дом для всякой хозяйственной надобности.

Была у старика и другая обязанность: пороть крепостных. Здóрово это у него получалось. Врежет плёткой, словно саблей пройдётся.

— У меня талант к этому, — хвастал Кобылин. — Тут в замахе всё дело.

Дед принял Гришатку добром. Завёл разговор про Тоцкое.

А что рассказать Гришатке? Село как село. Недород четвёртое лето. По весне голодуха. Смертей — что грибов в урожайный год. Барский правитель Хлыстов больно лютует. Нет на него управы.

— Так, так, — поддакивает старик, а сам: — Знаю Хлыстова. Исправно ведёт хозяйство. Мужику всыпать, так это же не в помех. Откуда, думаешь, недород? Людишки ленятся — отсюда и недород. По-

мирают, говоришь, мужички. Эх-эх, воля на то господня.

Стал дед наставлять Гришатку уму-разуму.

— Наш-то барин — генерал и губернатор, ты смотри ему не перечь. Скажет: «Дурак», отвечай: «Так точно, ваше сиятельство». Съездит тебя по уху — лови, целуй барскую ручку. Так-то оно спокойнее,— объяснял дед Кобылин.

Рассказал Гришатка деду про встречу свою с генералом.

— Эка беда — голову припёк, — ответил старик. — А ты улыбайся, словно это тебе в радость. Мал ты, Гришатка, глуп. В жизни приладиться главное. Слушай меня, в люди, даст бог, пробьёшься — в лакеи, а то и выше, в самые камердинеры.

Через несколько дней Гришатку снова крикнули к генералу.

Губернатор лежал на мягком диване, на персидском ковре, раскуривал трубку.

— Нагни свой голова,— приказал генерал.

Гришатка нагнул, думал, что Рейнсдорп снова трубку начнёт выбивать о темя. Однако на этот раз барин выдал ему увесистого щелчка.

— О, крепкий есть твой голова, — произнёс губернатор.

Вечером у Гришатки произошёл разговор с Вавилой. Поговорили о господах. Рассказал Гришатка дровоколу про трубку и про щелчок.

— Немец, как есть немец, — заявил Вавила.— У него что ни день, то новые в голове фантазии.

«КУ-КА-РЕ-КУ!»

Прав оказался Вавила. Немало бед принял Гришатка из-за этих самых барских фантазий.

Началось с того, что Рейнсдорп решил просыпаться чуть свет, вставать с петухами. А так как пе-

туха в губернаторском доме нет, то генерал приказал быть за голосистую птицу Гришатке.

Явился мальчик чуть свет к дверям губернаторской спальни.

— Ку-ка-ре-ку! — завопил.

Спит губернатор.

— Ку-ка-ре-ку-ку! — заголосил ещё громче Гришатка.

Не помогает.

Кукарекал, кукарекал Гришатка, голос себе сорвал.

Хоть плачь — не просыпается барин.

Позвал Гришатка на помощь Вавилу. Вместе они кукарекают. Хоть из пушек пали, спит, не просыпается генерал-губернатор. Часов в одиннадцать наконец проснулся.

— О майн гот![1] — закричал генерал. Схватил он Гришатку за ухо. — Не разбудил. Не разбудил. Ты есть приказа не выполнил.

— Я же будил, — начинает Гришатка. — Вот и Вавила. Сон у вас очень крепкий, ваше сиятельство.

— О, русише швайн[2], — вскипел генерал. — Их бин золдат[3]. Их бин золдат. Я человек военный. Мышь хвостом шевельнёт — я уже есть на ногах. Муха летит — я уже слышу.

Смешно от такого вранья Гришатке.

— Да вас хоть из пушек буди, ваше сиятельство.

— Что!! — заревел генерал. — Кобильин, Кобильин! Всыпать ему плетей.

Тащат Гришатку на кухню. Всыпает Кобылин ему плетей.

---

[1] О майн гот! *(нем.)* — О боже!
[2] О русише швайн *(нем.)* — русская свинья.
[3] Их бин золдат *(нем.)* — я солдат.

Вздумалось Рейнсдорпу иметь при себе арапчонка. Вспомнил генерал про царя Петра Первого, что у того арапчонок был — себе захотелось. А откуда в Оренбурге и вдруг африканец, и губернатор опять за Гришатку. Вымазали мальчика сажей, Алексашка снова завил ему кудри, дали в руки опахало — веер на длинной палке. Ходит Гришатка следом за Рейнсдорпом, опахалом помахивает.

Стал генерал величать Ганнибалом Гришатку, так же как и Пётр Первый своего арапчонка звал.

Потешается дворня:

— Ганнибал, как есть Ганнибал!

И вот как-то в губернаторском доме был званый приём. Стали съезжаться гости.

Поставил генерал Гришатку с опахалом в руках недалеко от парадного входа. Пусть, думает, когда входят гости, смотрят они на этакое чудо, смотрят и ему, Рейнсдорпу, завидуют.

Приходят гости, смотрят, завидуют.

— Это есть Ганнибал, — объясняет губернатор каждому. — Из Африки он есть привезённый. Большая сумма гельд на него трачен.

Всё шло хорошо.

Но вот какая-то дама, увидев необычного мальчика, всплеснула руками:

— Ай, какой чудный! Ай, какой милый! Ай, какой чёрный! Как тебя звать?

Растерялся Гришатка.

— Гришатка я, Соколов, — брякнул.

Подивилась дама, протянула к Гришатке руку, взяла пальцем за подбородок.

На пальце осталась сажа.

Ойкнула от неожиданности дама, а затем рассмеялась. Подняла она палец высоко вверх, хохочет и всем показывает.

Сконфузился генерал Рейнсдорп, покраснел, однако тут же нашёлся:

— Дорогой господа, я вас сделал весёлый шутка. Шутка. Весёлый шутка. Ха-ха!

— Ха-ха! — дружно ответили гости.

Кончился званый приём. Разъехались гости. Кликнул барин Гришатку.

— Зачем ты есть паршивый свой рожа ей подставлял? А?! Как ты посмел Гришайтка сказать. А? Кобильин! Кобильин!

И снова Гришатку тащат на кухню. Снова Кобылин всыпает ему плетей.

ВЕЛИКИЙ ГИПНОТИЗЁР

Побывал как-то Рейнсдорп в Петербурге. Повидал там гипнотизёра. Насмотрелся, как тот людей усыпляет, как в человеческое тело иглы стальные вкалывает.

Вернулся генерал в Оренбург, вызвал Гришатку.

— Я есть великий гипнотизёр, — заявил.

Усадил он Гришатку на стул.

— Спи, спи, спи, — шепчет.

Не хочется вовсе Гришатке спать. Да что делать! Прикидывается, что засыпает.

Доволен губернатор — дело идёт. Вот он какой ловкий гипнотизёр.

Взялся за иглы. Кольнёт. Не выдержит, вскрикнет Гришатка.

— Не ври, не ври. Не болит, — покрикивает генерал. И снова иглами тычет.

Намучился, настрадался Гришатка. Возвратился к себе в каморку. Тело от уколов мозжит. Голова кружится.

Шёл Гришатка и вдруг увидел деда Кобылина. Заблестели озорством глаза у мальчишки. Побежал он назад к генералу.

— Ваше сиятельство, а старика Кобылина вы сможете усыпить?

— Что? Кобыльина? Могу и Кобыльина.

Позвали к генералу Кобылина. Усадил он деда на стул.

— Спи, спи,— шепчет.

Исполняет старик барскую волю, делает вид, что засыпает.

— Гут, гут, — произносит Рейнсдорп. Потирает от удовольствия руки. Взялся за иглы.

Увидел старик иглы — взор помутился.

Нацелился генерал, воткнул в дедово тело одну иглу, приготовил вторую.

— А-ай! — заорал старик.— Батюшка, Иван Андреевич, не губите.

— Ты что, ты что, — затопал ногой генерал. — Не болит, не болит. Я есть великий гипнотизёр.

— Болит, ваше сиятельство! — кричит Кобылин. Рухнул на пол, ловит барскую руку, целует.

Сплюнул генерал от досады, отпустил старика Кобылина.

— Ох, — вздыхал Кобылин, возвращаясь от генерала. — И кто это надоумил барина, кто подсказал? Шкуру спущу со злодея.

Гришатка стоял в стороне и усмехался.

ТОЦКОЕ

Весна. Солнце выше над горизонтом. Короче ночи, длиннее дни.

Село Тоцкое. Ранний рассвет. Слабый дымок над избами. Пустынные улицы. С лаем промчался Шарик — дворовый пёс купца Недосекина. Вышел на крыльцо своего дома штык-юнкер Хлыстов. Зевнул. Потянулся.

Всё как всегда.

И вдруг...

Видит Хлыстов, бегут к нему мужики. Один, второй, третий. Человек двадцать. Подбежали, шапки долой, бросились в ноги.

— Батюшка, пожалей. Не губи, батюшка!

Оказывается, Хлыстов приказал собрать с крестьян недоимки. Задолжали крестьяне барину. Кто рубль, кто два, кто зерном, кто мясом. Недород, обнищали крестьяне. В долгах по самую шею.

— Подожди, батюшка, — упрашивают мужики. — Подожди хоть немного — до нового урожая.

— Вон! — закричал Хлыстов. — Чтобы немедля! Сегодня же! За недоимки избы начну палить.

И спалил дом Серафима Холодного.

С этого и началось. Взыграла обида в мужицких душах. Ударила злоба в кровь.

— Бей супостата!

— На вилы, на вилы его! — кричал Серафим Холодный.

— В Незнайку, в Незнайку, вниз головой, — вто-

рила Наталья Прыткова, наречённая генеральского парикмахера Алексашки.

— Рушь его собственный дом! — кричали другие крестьяне.

Хлыстов едва ноги унёс. На коня — и в Оренбург к барину и губернатору.

Для наведения порядка была отправлена Рейнсдорпом в Тоцкое команда солдат во главе с офицером Гагариным. Прибыли солдаты в село.

Сгрудились мужики и бабы. У кого вилы, у кого косы, у кого дубины в руках.

Вышел вперёд Серафим Холодный.

— Детушки, — обратился к солдатам. — Вы ли не наших кровей. Вам ли...

— Молчать! — закричал офицер Гагарин. — Пали в них! — подал команду.

Стрельнули солдаты. Бросился народ кто куда, в разные стороны. На земле остались убитые. В том числе сразу и мать и отец Акульки и Юльки, девица Наталья Прыткова, Серафим Холодный и Матвей Соколов — родитель, отец Гришатки.

Два дня на селе пороли крестьян. Затем команда уехала.

Похоронили крестьяне убитых. Притихли.

МЕДОВЫЙ ПРЯНИК

В губернаторском доме ждали возвращения команды офицера Гагарина. Переполошилась прислуга. Соберутся группками, шепчутся.

— Погибло Тоцкое, побьют мужиков солдаты, — произносит Вавила Вязов.

— Наташа, ягодка, убереги тебя господи, — поминает невесту свою Алексашка.

— Офицер Гагарин — служака: и виновному и безвинному всыплют солдаты, — переговариваются между собой камердинеры и лакеи.

— Ох, ох, — вздыхают Акулька и Юлька, — всыплют солдаты.

И только один старик Кобылин словно бы рад нависшей беде.

— Пусть, пусть надерут им солдаты спины. Пусть знают, как лезть на господ.

Ждут возвращения Гагарина.

Ждут день.

Два.

Три.

И вот Гагарин вернулся. Разнеслась по дому страшная весть. Взвыли Акулька и Юлька. В слезах весельчак Алексашка.

Гришатка навзрыд.

— Тятька, — кричит, — родненький! Тятька, миленький. Как же теперь без тебя. Как же мамка и Аннушка. Как же дедушка наш Тимофей Васильевич. Тятька, тятенька!

Понял Рейнсдорп, что команда офицера Гагарина наделала в Тоцком лишнего. Решил задобрить свою прислугу.

Акульке и Юльке выдали на кофты яркого ситчику. Алексашке рубль серебром. Гришатке медовый пряник.

— Благодетель. Заступник. В ножки нашему барину, в ножки ему, — поучает дворовых старик Кобылин.

Только никто, конечно, к барину не пошёл. Смотрит Гришатка на пряник.

— Тятька, — плачет, — тятенька!

— Наташа, ягодка, — голосит Алексашка.

— Папенька, папенька наш, маменька, маменька! — бьются в слезах Акулька и Юлька.

Э-эх, жизнь подневольная, жизнь горемычная! Скажите: будет ли время доброе? Наступит ли час расплаты?

Глава вторая

СОКОЛ И СОКОЛЁНОК

ЦАРСКИЕ ЗНАКИ

— Царь, царь объявился. Народный заступник. Государь император Пётр Третий Фёдорович.

Слухи эти осенью 1773 года ветром пошли гулять по Оренбургу. Говорили, что император чудом спасся от смерти, более десяти лет скитался в заморских странах, а вот теперь снова вернулся в Россию. Здесь он где-то в Оренбургских степях, на реке Яике. А главное в том, что император горой за всех обездоленных и угнетённых. Что мужикам несёт он землю и волю, а барам петлю на шею.

— Быть великим делам,— шептались на улицах и перекрёстках оренбургские жители.

Рад Вавила. Рад озорник Алексашка. Рады Акулька и Юлька.

— За Ваню, за Ванечку отомсти,— шепчет Степанида.

Однако нет-нет — долетают до Гришаткиных ушей и такие речи:

— Не царь он, не царь, а простой казак. Пугачёв его имя. Пугачёв Емельян Иванович. Родом он с Дона, из Зимовейской станицы.

Вот и дед Кобылин:

— Смутьян он, смутьян, а никакой не царь. Царя Петра Третьего Фёдоровича уже двенадцать лет как нет в живых. Разбойник он. Вор. Самозванец. На дыбу его, на дыбу!

Смутился Гришатка: а может, и вправду он вовсе не царь.

Однако тут одно за другим сразу.

То Вавила Вязов сказал, что в городе появилась писаная от царя-батюшки бумага.

— Манифест называется, — объяснял Вавила.—

А в том манифесте: жалую вам волю-свободу, а также всю государственную и господскую землю с лесами, реками, рыбой, угодьями, травами. Во как! А снизу собственноручная подпись — государь император Пётр Третий Фёдорович. Выходит, он и есть царь настоящий, раз манифесты пишет, — заключил Вавила.

А на следующий день Гришатка бегал на торжище и подслушал такие слова.

— Доподлинный он государь, — говорил какой-то хилый мужичонка в лаптях. — Как есть доподлинный. У него на теле царские знаки.

— Доподлинный он государь, — докладывал вечером Гришатка Акульке и Юльке. — У него на теле царские знаки.

— Ох, ох, — вздыхали Акулька и Юлька, — царские знаки.

ВСКОЛЫХНУЛСЯ ЯИК

Заполыхали огнём Оренбургские степи. Всколыхнулся Яик. Из дальних и ближних мест потянулся на клич царя-избавителя несметными толпами измученный и измордованный барами люд.

Пала крепость Татищево, пала Нижне-Озёрная. Без боя сдалась Чернореченская. Хлебом-солью встретили царя-батюшку Сакмарский казачий городок и татарская Каргала.

Огромная армия Пугачёва подошла к Оренбургу. Обложили восставшие крепость со всех сторон. Нет ни выхода из неё, ни входа.

Забилось тревожно Гришаткино сердце. Свернётся он вечером в комок на своей лежанке, размечтается.

Эх, скорее бы уж царь-батюшка взял Оренбург. Освободил бы его, Гришатку. Вернулся бы мальчик домой в своё Тоцкое.

Берегись, управитель Хлыстов! Не пожалеет его Гришатка.

Сполна за всех и за всё отомстит: и за отца, и за Ванечку, и за Акульку и Юльку, за Серафима Холодного, за Наталью Прыткову. За всех, за всех. Никого, ничего не забудет.

Смыкаются глаза у Гришатки.

— Господи, помоги ты ему, нашему царю-батюшке, — шепчет Гришатка и засыпает.

Заснёт, и видится мальчику сон. Будто повстречал он самого государя императора Петра Третьего Фёдоровича.

Царь верхом на коне. В дорогом убранстве. Красная лента через плечо.

«Ах, это ты Гришатка Соколов, — произносит царь. — Тот самый, о голову которого генерал Рейнсдорп выбивает трубку. Наказать генерала. А Гришатку взять в наше вольное казацкое воинство. Выдать ему коня, пистолет и пику».

И отличается Гришатка в сражениях. Слава о нём идёт по всему Оренбургскому краю, птицей летит через реки и степи.

Взыгрались во сне мысли у мальчика. Приподнялся он на лежанке, будто всадник в седле.

— Ура! Царю-батюшке слава! Вперёд!

Проходил в это время мимо Вавилиной каморки дед Кобылин. Услышал он странные крики. Открыл дверцу. Увидел Гришатку. Понял, в чём дело. Подошёл Кобылин к Гришатке, ремнём по мягкому месту — хвать!

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Оренбург — грозная крепость. Это тебе не Татищево, не Нижне-Озёрная. С ходу её не возьмёшь. Семьдесят пушек. Крепостной вал с частоколом. Ров. Бастионы. Солдаты.

— Ах, негодяй! Ах, разбойник! — посылал Рейнсдорп проклятия. — Ну я тебе покажу.

И вот как-то тащил Гришатка в кабинет к губернатору трубку. Открыл дверь и замер. Генерал важно ходит по комнате. У дверей — стража. В центре — человек огромного роста. Голова у человека взлохмачена, борода спутана. На теле лохмотья. На лбу и щеках «вор» выжжено. Нос выдран, одна переносица. На ногах тяжёлые железные цепи.

«Колодник», — понял Гришатка.

— Так вот, братец, — говорил генерал, обращаясь к страшному человеку, — я тебе решил подарить свобода.

Колодник растерялся. Стоит как столб. Не шутит ли губернатор.

— Да, да, свобода, — повторил генерал. — Ты хочешь свобода?

— Батюшка... Отец... Ваше высокородие... — Слёзы брызнули из глаз великана. Гремя кандалами, он повалился в ноги Рейнсдорпу.

— Хорошо, хорошо, — произнёс генерал. — Подымись, братец. Слушай. Пойдёшь в лагерь к разбойнику Пугачёву. Как свой человек. Будто бежал из крепости. А потом, — губернатор сделал паузу, — ножичком ему по шее — чик, и готово.

— Да я его, ваше превосходительство, — загудел молодчик, — в один момент. — Он взмахнул своими богатырскими руками. — Глазом не моргну, ваше сиятельство.

— Ну и хорошо, ну и хорошо, — зачастил губернатор. — Ты мне голову Вильгельмьяна Пугачёва, а я те свободу. — Потом

подумал. — И денег сто рублей серебром в придачу. Ты есть понял меня?

Колодник бросился целовать генеральскую руку:

— Ваше высокопревосходительство, понял, понял. Будьте покойны. Да он у меня и не пикнет. Ваше высоко...

— Ладно. Ступай, — перебил губернатор.

Когда стража и колодник ушли, Рейнсдорп самодовольно крякнул и поманил к себе Гришатку.

— Мой голова, — ткнул он пальцем себе в лоб, — всем головам есть голова. Такой хитрость никто не придумает, — и рассмеялся.

«ПОСМАТРИВАЙ! ПОСЛУШИВАЙ!»

— Посматривай! Послушивай!

— Посматривай! Послушивай!

Ходят часовые по земляному валу, перекликаются. Оберегают Оренбургскую крепость.

Раскатистый смех Рейнсдорпа ещё долго стоял в ушах у Гришатки.

— Убьёт, убьёт колодник царя-заступника. Господи милосердный, — взмолился мальчик к господу богу, — помоги. Удержи злодейскую руку. Пошли ангелочка, шепни о беде в государево ушко. Помоги, господи.

Молится Гришатка господу богу, а сам думает: «Ой, не поможет, не поможет господь!» Вспомнил Гришатка тот день, когда увозили его из Тоцкого. Тоже молился. Не помогло. Да и здесь, в Оренбурге, молился. И снова напрасно. Вернулся Гришатка к себе в каморку мрачнее тучи.

Уже вечер. Ночь наступила. Не может Гришатка уснуть. Заговорить бы с Вавилой. Да вот уже третий день, как Вавилу ночами угоняют вместе с солдатами чинить деревянные бастионы. Некому Гришатке подать совет.

И вдруг, как вспых среди ночи: бежать, немедля бежать из крепости! Опередить колодника. Явиться к царю первым, рассказать обо всём. Мальчишка даже подпрыгнул на лавке.

Вскочил Гришатка, стал надевать армяк. От возбуждения и спешки трясётся. Никак не может просунуть локоть в рукав.

Наконец оделся, вышел на улицу. А там: взвыл, заиграл над городом ветер. Ударил мороз. Загуляли снежные вихри. Начиналась зима.

Гришатка поёжился, а сам подумал: «Ну и хорошо. Это к лучшему. Оно незаметнее». Решил он пробраться на вал — и через частокол, через ров на ту сторону.

Пробрался. Прижался к дубовым брёвнам. Прислушался. Тихо.

Полез он по брёвнам вверх. Добрался до края. Перекинул ноги и тело. Повис на руках. Поглубже вздохнул, зажмурил глаза. Оттолкнулся от брёвен. Покатился Гришатка с вала вниз, в крепостной ров. То головой, то ногами ударится. То головой, то ногами.

Наконец остановился. Поднялся. Цел, невредим. Только шишку набил на затылке.

Глянул Гришатка на крепость. Нет ли погони. Всё спокойно. Лишь:

— Посматривай! Послушивай!

— Посматривай! Послу-у-шивай! — несётся сквозь ветер и снег.

ГОРЫНЬ-ПЕЛЕНА

Взыграла, разгулялась вьюга — метель по всему Оренбургскому краю. Темень кругом. Ветер по-разбойному свищет. Жалит лицо и руки колючими снежными иголками.

Третий час бредёт Гришатка по степи. Как сле-

пой телок тычется в разные стороны. Думал: только бежать бы из крепости, а там враз государевы люди сыщутся. А тут никого. Лишь ветер да снег. Лишь вой и гоготание бури.

Продрог, как снегирь, на ветру мальчишка.

— Ау, ау! — голосит Гришатка.

Крикнет, притихнет, слушает.

— Ау, ау! Люди добрые, где вы!

Жутко Гришатке. Сердце стучится. Озноб по телу. И чудятся мальчику разные страхи.

То не буря гуляет по полю, а ведьмы и разные чудища пустились в сказочный переплясс. То не ветер треплет полы кафтана, а вурдалаки хватают Гришатку за руки и ноги. Присвистнула, пронеслась в ступе баба-яга. Помелом провела по лицу Гришатки.

— Господи праведный, помоги. Не оставь, — шепчет мальчишка. — Геть, геть, нечистая сила!

Где-то взвыла волчица. Оборвалось Гришаткино сердце. Покатилось мячиком вниз. Повалился мальчонка на землю. Щёки в ладошки. Носом в сугроб. Не шелохнётся.

Навевает метель на Гришатку горынь-пелену, словно саваном укрывает.

Встрепенулся мальчишка. Голову вскинул, ногами в землю, тело пружиной вверх.

И снова идёт Гришатка. Снова ветер и снег.

— А-ау! А-ау! — срывается детский голос. Покидают силы Гришатку.

И вдруг — присмотрелся мальчонка: у самого носа снежный бугор — неубранный стог залежалого сена.

— У-ух! — вырвался вздох у Гришатки.

Вырыл мальчишка в стоге нору. Залез. Надышал. Согрелся. Заснул, засопел Гришатка.

ПОПАЛСЯ

Проснулся Гришатка от шума человеческих голосов. Кто-то тронул мальчика за руку.

Открыл Гришатка глаза. Стог разворочен, рядом солдаты.

— Малец, гляньте — малец!

— Ну и дела!

— Откуда ты? — загомонили солдаты.

Подошёл офицер.

— Мы его вилами, ваше благородие, чуть не пришибли, — доложили солдаты.

Был ранний рассвет. Буря утихла. Глянул Гришатка: солдаты с вилами, рядом телеги. Одна, вторая, до сотни телег. Слева и справа по полю стога. За стогами — ба, совсем рядом ров и вал Оренбурга!

Заплутал Гришатка в темноте и по вьюге, закружился в степи, думал, что ушёл далеко, а выходит, заночевал у самого города.

Ночью же за сеном явились солдаты.

Вот и попался Гришатка.

Привезли мальчика назад в Оренбург, доложили Рейнсдорпу.

— Бежал, — набросился губернатор.

Чует Гришатка беду. Стал, что есть сил и ума, изворачиваться.

— В ров я сорвался.

— Сорвался?!

— На вал я, на брёвна полез, — зачастил Гришатка. — Уж больно схотелось на степь посмотреть... А ветер как дунет. Лёгкий я, ваше сиятельство. Не удержался... Вот и шишку набил, — повернул мальчик к генералу затылок.

Смотрит генерал — верно, шишка.

— Дурной, как есть дурной твой голова, — произнёс губернатор, однако не так уж строго.

Распорядился он всыпать Гришатке плетей и

бросить в подвал на пятеро суток. Этим дело и кончилось.

Врезал дед Кобылин по тощей Гришаткиной спине, приговаривал:

— К разбойнику надумал бежать. К нему, к злодею. Меня не обманешь. Вот, вот тебе за государя, вот тебе за императора.

ПОКЛОН ОТ САВЕЛИЯ ЛАПТЕВА

Сидит Гришатка в подвале. День. Второй. Третий.

— Не убежал, не убежал,— сокрушается мальчик.— Эх, как там царь-батюшка.— И думы одна страшнее другой пугают Гришатку: — Убил, убил, зарезал его колодник.

На четвёртый день втащили в подвал к Гришатке побитого солдата.

— Пить, пить,— стонал мученик.

Гришатка сунулся к стоящей тут же бадейке, дал напиться солдату.

Глотнул тот воды, постонал и забылся. Часа через три солдат пришёл в себя, глянул на мальчика.

— Кто такой?

— Гришатка.

— За что же тебя, дитятко?

Не знает Гришатка, как и сказать. Посмотрел на солдата — ни стар, ни молод. Брови густые. Вдоль правой щеки пальца в четыре шрам. Глаза, кажись, добрые, а там кто его знает. Осторожен Гришатка. На всякий случай решил соврать:

— Убёг я из крепости. На хутора. К мамке. Словили.

— А-а, — протянул солдат.

Около часу они молчали.

— Значит, убёг, — переспросил солдат. — К мамке?

Эге, к ней к самой.

Опять помолчали.

— К мамке, значит, убёг, — начинает снова солдат.

«Чего это он? — обиделся Гришатка. — Пристал, как репей к собаке».

А солдат придвинулся к мальчику и продолжает:

— Вот что: будешь снова бежать, так ступай к Сакмарским воротам. Встретишь стражника — рыжий такой и с бороды, и с усов. Как огонь — рыжий. Рындиным зовётся. Шепнёшь ему единое слово: «ворон». Он из ворот тя и выпустит. Вот так-то. — Солдат перешёл на шёпот: — А как повстречаешь батюшку государя императора Петра Третьего Фёдоровича, то пади ему в ножки и скажи: «Поклон те, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева». Понял — от Савелия Лаптева. А-а, — застонал солдат.

Не ожидал Гришатка таких речей. Опешил. Переждал. Подумал.

— Дяденька, — наконец обратился к солдату, — я не к мамке бежал. Я...

Однако солдат отвернулся к стене и больше не молвил ни слова.

САКМАРСКИЕ ВОРОТА

Зима. Забелело кругом. Иней на ветках. Сугробы. Дед Кобылин переставил свою водовозную бочку с колёс на сани.

Вышел Гришатка из заключения — первым делом помчался к валу. По-прежнему ходят дозорные. Пушки в сторону степи дулами смотрят. Город в тревоге. Никаких перемен.

«Жив, жив царь-батюшка, — соображает Гришатка. — Убегу, сегодня же убегу. Дождусь темноты — к Сакмарским воротам. Увижу рыжего с боро-

дой. Шепну ему слово «ворон» — и поминай как звали».

Не собьётся теперь Гришатка с пути. Небо чистое. Ночи звёздные. Разъезды царя-батюшки гарцуют у самого города.

Стало смеркаться. Собрался Гришатка, помчался к Сакмарским воротам. Подходил медленно, не торопясь, вытягивал шею — здесь ли стражник, что Рындиным зовётся.

Нет Рындина. Все стражники у ворот то ли чёрные, то ли вовсе безусые и безбородые.

— Эх! — вздыхает Гришатка. — Видать, соврал Лаптев про рыжего человека... А может, смена не та?

Переждал, перемучился мальчик ещё один день. Снова явился. На сей раз подошёл поближе. Глазеет. Тут он, тут он, с бородой, рыжий. Рванулся мальчишка вперёд, как вдруг чья-то рука за шею Гришатку хвать.

Вскрикнул, рванулся Гришатка. Однако рука, что петля, ещё туже зажала шею.

Повернул человек Гришатку к себе лицом. Глянул Гришатка — Кобылин.

— Ты зачем здесь, паршивец. Ась?

И снова Гришатку били.

— Душу по ветру пущу! — кричал дед Кобылин. — Кишки размотаю! — И бил Гришатку с такой силой, словно и впрямь убийство задумал.

«ЧЕСТЬ ИМЕЮ»

Старик Кобылин ездил за водой на Яик либо перед рассветом, либо когда упадёт темнота. Это чтобы «разбойники» не приметили.

Отлежался Гришатка день, второй после побоев, опять за своё. Э-эх, птахой небесной взмыть бы из крепости!

Ночь. Лежит, думает думы свои Гришатка.

И вдруг рукой с размаху по темени хлоп. «Бочка деда Кобылина, бочка!»

Поднялся Гришатка, армяк на плечи, к Вавиле под лавку. Где тут топор? Вышел Гришатка во двор и сторонкой-сторонкой к дедовой бочке. Пощупал днище, крепкое днище. Пристроился мальчик, давай выламывать нижние доски. Трудился, трудился, отбил. Просунул голову, плечи — в размер, всё пролезает.

Приладил Гришатка доски на старое место, вернулся домой.

«Ой, не уснуть бы! — думает мальчик. Лежит, не спит, дожидается раннего часа.— Ну, — решает, — пора».

Явился он к бочке. Приподнял доски. Залез. Притих.

Неудобно в бочке Гришатке. Холодно. На досках намёрзла вода.

Прошёл час, а может быть, более. Терпит Гришатка. А мысли пчелиным жалом: вдруг как не поедет сегодня старик за водой.

Но — чу! — хлопнули двери. Раздались шаги. «Он, он», — забилось Гришаткино сердце.

Вывел дед Кобылин коня, стал запрягать.

— Но, но, ленивый! — покрикивает.

Запряг, взгромоздился на сани. Тронулись.

Лежит Гришатка тихо-тихо. Не шелохнётся. Дышит не в полный придых. Подбрасывает санки на снежных выбоинах. Скрипнет льдом и деревом бочка. Качнёт Гришатку — мальчик руки в распор. Эх, не наделать бы шуму!

Прошло минут десять.

— Наше почтение! — слышит Гришатка человеческий голос. Понял — городские ворота.

Загремели засовы. Ржаво пискнули петли. Бросило сани на последней колдобине. Впереди простор Оренбургской степи.

Переждал Гришатка немного, стал оттягивать дос-

ки. Глянул в просвет. Темень, тихо кругом. Лишь скрип-скрип из-под полозьев. Лишь чвак-чвак из-под конских копыт.

Ну, с богом! Изловчился Гришатка, из бочки наружу — прыг!

Прощай, Оренбургская крепость! Честь имею, генерал-поручик Рейнсдорп!

«ПУТЬ-ДОРОГА КУДА ЛЕЖИТ?»

Прошёл Гришатка версту, вторую. Забрезжил рассвет. Легко на душе у Гришатки. Остановится, кинет взглядом в сторону крепости и снова вперёд. Идёт он размашистым шагом. Вёрсты ему нипочём.

Впереди замаячил казачий разъезд. Рванули кони навстречу путнику. Момент — и рядом с Гришаткой. Обступили удалые наездники мальчика.

— Кто будешь?

— Откуда?

— Путь-дорога куда лежит?

— К его царскому величеству государю императору Петру Третьему Фёдоровичу.

— Ух ты!

— К нам, значит.

— Пополнение жалует!

— А зачем тебе к государю императору?

Запнулся Гришатка, думает: сказать или нет про колодника. Ответил уклончиво:

— По секретному делу.

— Ого!

— Скажи-ка на милость!

— Он на тятьку, на тятьку в обиде. Тятька его отодрал. С жалобой шествует к батюшке.

— Брось зубы скалить, — оборвал балагуров высоченный детина с огромной серьгой в оттопыренном ухе. — Ступай сюда! — крикнул Гришатке. — Сказывай.

Подошёл Гришатка, подтянулся к уху с серьгой и зашептал про злой умысел оренбургского губернатора.

— Гей, казаки! — закричал высоченный. — Назад, в Бёрды, к государю!

Подхватил он Гришатку, усадил на коня к себе за спину. Вздыбились кони, в разворот и ветром по чистому полю. Вцепился Гришатка в казацкий чекмень. Держится. Со страха глаза прикрылись. Дух перехватывает. Сползла на затылок Гришаткина шапка. Лицо что калёным железом прожгло. Ух ты, казацкая удаль!

Конники вступили в Бёрды. В Бёрдской слободе ставка Емельяна Ивановича Пугачёва. Здесь же «царский дворец» — огромный дом, пятистенок. Резное крыльцо, ступени. На крыльце стража — государева гвардия. Молодцы на подбор, один к одному — богатыри русские.

Поравнялись с крыльцом казаки. Высоченный спрыгнул с коня. Подхватил, поставил на землю Гришатку. Потом подошёл к страже, доложил что-то. И вот уже Гришатку ведут во «дворец». Переступили порог — сенцы. Впереди дубовая дверь.

Замер Гришатка.

— Ступай,— толкнув дверь, скомандовал стражник.

ОСТАНОВИЛАСЬ В ЖИЛАХ ГРИШАТКИНЫХ КРОВЬ

Входя в комнату, Гришатка зажмурил глаза. Он, царь-государь, поди, в бархате, в золоте. Не ослепнуть бы — оберегался Гришатка.

Вошёл мальчик в горницу и сразу бух на колени. Прижался лбом к половицам.

Лежит, не шевелится Гришатка, ждёт царского слова.

— Ух ты, старый приятель! — Кто-то пробасил

над Гришаткой. Голос противный, Гришатке знакомый.

Вскинул мальчик глаза — господи праведный: тот самый колодник без носа перед Гришаткой.

Только не как тогда у Рейнсдорпа, не в цепях, не в лохмотьях, не со спутанной бородой. Волосы у каторжника гладко причёсаны, на плечах новый зипун, искалеченный нос под тряпицей.

Растерялся Гришатка: ни взад, ни вперёд, ни в крик, ни в призыв. Остановилась в жилах Гришаткиных кровь. Сердце остановилось.

«Опоздал, опоздал, вот на столечко опоздал. Совершил своё чёрное дело разбойник».

Но вот скрипнула дверь из соседней комнаты. Вошёл человек. Смотрит Гришатка. Красный кафтан. Генеральская лента через плечо. Пистолеты за поясом. Волосы на голове подстрижены по-казачьи — горшком. Чёрная борода. Глаза чуть вприщур, ясные, но с хитринкой.

«Он, он, царь император», — кольнуло Гришатку.

Бросился он к вошедшему человеку.

— Государь, — завопил, — берегись, государь!

Прижался мальчик к Пугачёву, словно собой заслонить собрался.

— Стреляй, государь, стреляй! — тычет Гришатка рукой на колодника. — Он из Оренбурга. Рейнсдорпом он послан.

Однако Пугачёв не торопится.

— Откуда ты, дитятко?

— Стреляй, государь!

— Зачем же стрелять, — улыбается Пугачёв. — Соколов это. Хлопуша по прозвищу. Повинился во всём Хлопуша. Не поднял руку на государя. Милость мою заслужил.

— Жизни не пожалею, — гаркнул колодник.

Опешил Гришатка, моргает глазами.

— Вот так-то, — произнёс Пугачёв. — А ты-то откуда такой?

— Из Оренбурга он, государь, — ответил вместо Гришатки Хлопуша.

— Да ну?! Ты что же, бежал?

— Бежал, — признался Гришатка.

Покосился он ещё раз на Хлопушу и рассказал Пугачёву, как было.

— В бочке? Ну и дела! Хоть мал, а хитрец, вижу. А чего это у тебя волосы на голове прожжены?

Поведал Гришатка, как Рейнсдорп выбивал о его голову трубку.

— Ах, злодей! — воскликнул Пугачёв. — Ну, я до него доберусь. А как звать тебя, молодец?

— Соколов я, Гришатка.

— Соколов? — переспросил Пугачёв. Повернулся к Хлопуше: — И ты Соколов.

— Так точно, ваше величество, — гаркнул колодник. — Соколов Афанасий.

— Ну и дела, – усмехнулся Пугачёв. — Выходит, и Сокол ко мне прилетел, выходит, и Соколёнок.

Глава третья

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ

НА НОВОМ МЕСТЕ

Прошло три дня. Обжился Гришатка на новом месте. Оставили его тут же, при «царском дворце». Только не наверху, а внизу, в пристройке, на кухне у государевой поварихи Ненилы.

— Заходи, располагайся, — сказала Ненила. — Чай, и место и миска тебе найдутся.

Постригли Гришатке голову вкруг — по-казацки. Хлопуша притащил полушубок. Ненила где-то достала новые валенки. Хоть и велики валенки, хоть

и плохо держатся на ногах, зато точь-в-точь такие же, как у самого царя-батюшки, — белые, кожа на задниках.

Стал Гришатка гонять по слободе. Слобода большая. И с каждым днём всё больше и больше. Валит сюда народ со всех сторон. Наскоро ставят новые избы, роют землянки. Людей словно на торжище. Казаки, солдаты, татары, башкиры. Одних мужиков — хоть море пруди.

Бежит Гришатка по бёрдским улицам.

— Привет казаку! — кричат пугачёвцы.

— Ну как генерал Рейнсдорп?

— Скоро ли крепость сдастся?

Вернётся Гришатка домой. Накормит его Ненила. Погреется мальчик и снова к казакам и солдатам.

Знают в слободе про Гришатку всё: и как он был за голосистую птицу, и как в Ганнибалах ходил, и как выбивал губернатор о Гришаткино темя трубку.

Знают про Тоцкое, про лютое дело офицера Гагарина. И про Вавилу знают, и про парикмахера Алексашку, про Акульку и Юльку, про деда Кобылина.

Известнейшим человеком на всю слободу оказался Гришатка.

«Дитятко», — называет его Ненила.

— Ух ты, прибёг. Царя заслонил. Жизнь свою ни в копейку, — восторгается Гришаткой Хлопуша.

— Казак, хороший будет казак, — хвалят мальчика пугачёвцы.

СИНЬ-ДАЛЬ

Утро. Мороз. Градусов двадцать, но тихо, безветренно.

Поп Иван, священник пугачёвского войска, приводит вновь прибывших в Бёрды к присяге.

Крыльцо «царского дворца». Ковёр. В кресле си-

дит Пугачёв. Рядом, ступенькой ниже, в поповской рясе поверх тулупа, свечкой застыл священник Иван. Лицо ястребиное, строгое. Перед крыльцом полукругом человек триста новеньких. Среди них и Гришатка. Все без шапок. Кто в армяке, кто в кацавейке, кто в лаптях и онучах, лишь немногие в валенках.

— Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь всемогущим богом... — начинает густым басом священник Иван.

— Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь... — в одну глотку повторяют стоящие.

— Я, казак войска государева... — шепчет Гришатка.

— Клянусь великому государю императору Петру Третьему Фёдоровичу служить не щадя живота своего до последней капли крови,— продолжает поп Иван.

— Клянусь великому государю... — разносится в морозном воздухе.

— Служить до последней капли крови, — повторяет Гришатка.

Проходят четверть часа. Присяга окончена.

Пугачёв подымается со своего места, кланяется в пояс народу.

— Детушки! — Голос у Пугачёва зычный, призывный, Гришатку аж дрожь по телу берёт. — Молодые и старые. Вольные и подневольные. Русские, а также разных иных племён. Всем вам кланяюсь челом своим государевым. Царская вам милость моя, думы мои вам и сердце.

— Долгие лета тебе, государь,— несётся в ответ.

— Детушки, — продолжает Емельян Иванович. — Не мне клянётесь, себе клянётесь. — Голос его срывается.— Делу великому, правде великой, той, что выше всех правд на земле. В синь-даль вас зову, в жизнь-свободу. Иного пути у нас нетути. Не отступитесь же, детушки, не дрогните в сечах, не предайте же клятву сею великую.

И из сотен глоток, как жар из печи:
— Клянёмся!
— Клянёмся!
— Клянёмся!
— Клянусь! — шепчет Гришатка.

«УФ!»

— Гришатка, Гришатка, — позвала Ненила. — Собирайся, с государем в баню пойдёшь.

Собрался Гришатка. Ух ты, не каждому от батюшки подобная честь!

Баня большая, с предбанником. Фонарь с потолка свисает.

Маленькое оконце в огороды глядит.

Липовая скамья. Полка-лежанка. Котёл с кипящей водой. Рядом второй, поменьше — для распаривания берёзовых веников. В нём квас, смешанный с мятой. Груда раскалённых камней для поддавания пара.

Раздевался Гришатка, а сам нет-нет да на государево тело взглянет. Вспомнил про царские знаки. Видит, у Пугачёва на груди пониже сосков два белых сморщенных пятнышка. «Они, они», — соображает Гришатка.

Заметил Пугачёв пристальный взгляд мальчика, усмехнулся:

— Смотри, смотри. Тебе такое, конечно, впервой.

Зарделся Гришатка.

— Это царские знаки?

— Так точно, — произнёс Пугачёв. — Каждый царь от рождения имеет такие.

— Прямо с младенчества?

— Прямо с младенчества. Как народилось царское дитё, так уже и сразу в отличиях. Вот так-то, Гришатка.

Мылись долго. Пугачёв хлестал себя веником. То

и дело брался за ковш, тянулся к котлу, в котором квас, смешанный с мятой. Подцепит, подымется и с силой на раскалённые камни плеснёт. Шарахнутся вверх и в стороны клубы ароматного пара. Квасом и мятой Гришатке в нос.

Мылся Гришатка и вдруг вспомнил, что забыл он передать великому государю поклон от Савелия Лаптева. Бухнулся мальчик на мокрый пол Пугачёву в ноги:

— Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

— Что?!

— Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

— Встань, встань, подымись!

Встал Гришатка, а Пугачёв посмотрел куда-то поверх Гришаткиной головы и о чём-то задумался.

Было это давно, в 1758 году, во время войны с Пруссией. Донской казак Емельян Пугачёв находился в далёком походе. Молод, горяч казак. Рвётся в самое пекло, в самую гущу боя. Вихрем летит на врага. Колет казацкой пикой, рубит казацкой шашкой. «Бестия, истинный бестия!» — восхищаются Пугачёвым товарищи.

Сдружился во время похода Пугачёв с артиллерийским солдатом Савелием Лаптевым. Соберутся они, о том о сём, о жизни заговорят. Пугачёв — о донских казаках. Лаптев — о смоленских крестьянах. Сам он родом оттуда. И как ни говори, как ни рассуждай, а получается, что нет жизни на Руси горше, чем жизнь крестьянина и казака-труженика.

«Эх, власть бы мне в руки, — говорил Пугачёв. — Я этих бар и господ в дугу, в бараний рог крутанул бы. А мужику и рабочему люду — волю-свободу, землю и солнце. Паши, сей, живи, радуйся!»

«Ох, Омелька, быть бы тебе царём, великим государем», — отвечал на это Савелий Лаптев.

«Эка куда хватанул, — усмехался Пугачёв. — Да

разве может так, чтобы царь — и вдруг из простого народа?»

«Не бывало такого, — соглашался солдат. — Прав. Не бывало. Да мало ли чего не бывало...»

Потом судьба разлучила друзей. Прошли годы...

— Так как, говоришь, Лаптев сказал? — обратился Пугачёв к Гришатке.

— Поклон тебе, великий государь... — начинает мальчик.

— Стой, стой, — прервал Пугачёв. «Великий государь! — произнёс про себя и подумал: — Одобряет, выходит, Лаптев. Не забыл старое. Царём величает. Ну что же, царь так царь. Держись, Емельян Иванович». — Эй, Гришатка! — закричал Пугачёв. — Залезай-ка на лавку. А ну, давай я тебя по-царски.

— Да я сам, ваше величество.

— Ложись, ложись, говорю. Не упорствуй.

Намылил Пугачёв Гришатке спину, живот, натёр бока до пурпурного цвета мочалой. Взялся за берёзовый веник. Заходило под взмахами Гришаткино тело. Разыгралась, забилась в сосудах кровь.

— Вот так, вот так, — усмехаясь, приговаривает Пугачёв. — Чтобы болезни и хвори к тебе не пристали. Чтобы пули тебя не брали. Чтобы рос ты, Гришатка, как дуб среди степи. Чтобы был ты не раб, а казак!

Потом Пугачёв подхватил в бадейку воды. Отошёл, размахнулся, хлестанул на Гришатку.

Гришатка захлебнулся и фыркнул:

— Уф!

ШАПКА

Собралось в Бёрды до трёх тысяч простых крестьян — мужиков-лапотников. Они-то и ружья в руках никогда не держали. Многие пики не видели.

Приказал Пугачёв для крестьянской части своего войска устроить учения.

Вели занятия сразу же за слободой на открытом месте. Бегают мужики в атаку. Учатся пикой владеть, в казацком седле держаться.

Тут же неподалёку установлено три щита и на них мишени. По мишеням из ружей идёт пальба.

Около стрелков крутится Гришатка. Интересно ему. Стоит, смотрит.

Стараются мужики. Пугачёв заявил, что лучшему стрелку будет с его царской головы шапка. Шапка дорогая, мерлушковая, с малиновым верхом. То-то бы угодить в самое яблочко.

Однако дела стрелков плохи. В щит ещё кое-как попадают. А вот о большем не думай.

Намучились, намёрзлись крестьяне. Стали роптать:

— Ружья кривые. Мишени далёкие. На морозе руки дрожат. Попробовал бы тут сам царь-батюшка в яблочко стрельнуть.

А в это время Пугачёв прибыл проверять, как идут учения, и услышал крестьянские речи.

Подъехал Емельян Иванович к стрелкам. Увидев царя, крестьяне попадали ниц.

— Встаньте, — приказал Пугачёв. — Тут воинский плац, а не государевы палаты. Тут пригиб не мне, а умельцам делай.

Поднялись мужики.

— Ружья, значит, кривые?

Замялись крестьяне.

Слез Пугачёв с коня.

— Ну-ка, подай сюда кривое ружьецо-то.

Подали Пугачёву ружьё.

Вскинул Емельян Иванович стволину. Приклад к плечу, палец к курку — бах!

— Попал, попал! В самую отметину! — заголосили крестьяне.

Взял Пугачёв второе ружьё — во вторую мишень. Взял третье, вскочил на коня и с ходу, с рыси — в третью. И снова в самую середину, снова навылет.

Поразевали крестьяне рты. Остолбенели от такого умельства. И Гришатка разинул рот. «Ай да стрелок! Ай да царь-батюшка!»

Подъехал Пугачёв снова к крестьянам.

— Ну как, детушки, ружья кривые или глаз ваш косит?!

— Глаз, глаз, государь! — закричали крестьяне.

— То-то, — рассмеялся Пугачёв. — Как же нам с шапкой, детушки, быть?

— Твоя шапка, твоя! — кричат вперебой крестьяне. — Тебе полагается. По закону. По справедливости.

— Эн, нет, — говорит Пугачёв. — А ну-ка выходи, кто смелый.

Нет смелых. Боятся стрелки при царе попасть в полный конфуз.

В это время Пугачёв заметил Гришатку.

Сунул Пугачёв ему в руки ружьё.

— Стреляй!

Прицелился Гришатка. Руки дрожат. В глазах туман. Однако ослушаться государя боится. Стрельнул.

— Попал, попал! — взвыли мужики. — Ух ты, в самую тютельку, в самое яблочко.

— Ух ты! — не удержался и сам Пугачёв. Снял он со своей головы шапку. — На, получай!

Растерялся Гришатка, как быть, не знает.

— Бери, бери! — гудят мужики. — Государь жалует.

Взял Гришатка шапку, надел, утонул по самые уши. А когда приподнял шапку, то Пугачёва рядом уже и нет. Лишь снег от конских копыт клубится.

САНИ

— Эх, мало, мало у нас пушек! Ружей мало. Пороху бы нам побольше! — сокрушается Емельян Иванович.

Затеял Пугачёв разные хитрости. То среди ночи

подвезут казаки под самый Оренбург охапки сена и распалят костры. В крепости подумают, что это подошла пугачёвская армия, и откроют страшный огонь из пушек.

— Так-так, — посмеивается Пугачёв. — Хорошо. Ядер у них тоже не тысячи. Пусть, пусть постреляют.

Потом стали выманивать из крепости воинские отряды.

Для этого поступали так. Подойдёт пугачёвский разъезд поближе к городу. А основные силы в стороне, в засаде.

Увидят в крепости, что отряд мал, откроют ворота. Вылетят конники. Пугачёвцы же делают вид, что отступают. Заманивают они неприятеля. Подведут солдат к задуманному месту. А там — раз! — выскочили из засады товарищи. И неприятельский отряд либо в плену, либо порублен.

Однако в Оренбурге вскоре догадались про пугачёвские хитрости.

Сколько ни ездят казаки к Оренбургу, как ни кричат, ни выманивают осаждённых — никакого успеха.

Тогда Пугачёв приказал запрячь в сани тройку добрых коней.

Оделся и сам поехал.

— Батюшка, да куда же ты? — взмолились пугачёвские помощники. — Да видано ли дело, чтобы сам царь — и вдруг вроде как за приманку. Да пожалей ты себя. Не царское это дело. А вдруг как убьют!

— Не убьют, не убьют, детушки, — отвечал Пугачёв. — Не убьют. Я заворожённый. Ружья нужны нам, ружья. Нельзя нам без них.

И вот тройка у самого города.

Промчался Пугачёв взад-вперёд вдоль оренбургского вала.

— Эй, солдатушки! — закричал. — Вам ли против своего законного государя идти. Рушь господ, открывай ворота.

— Пугачёв! — понеслось по крепости.

Подумал Рейнсдорп: «Вот так удача!»

— Эй, верховых наружу!

И снова открылись ворота, снова погоня.

Мчат царские санки лихо, во весь опор. Кони как птицы. Шеи вперёд, гривы по ветру, ногами по снежному месиву цок-перецок.

Промчит Пугачёв саженей сто, двести, приостановится. Подпустит погоню поближе. И снова плёткой коней.

Почуяли верховые недоброе. Остановились. Отстали. Решили вернуться назад.

— Эх, эх, пропали ружья! — сокрушается Пугачёв.

Снова заворачивает он коней к Оренбургу. Снова взад-вперёд у самого вала. И снова за ним погоня. И так несколько раз.

Добился всё же своего Емельян Иванович, заманил правительственный отряд до задуманного места.

Выскочили пугачёвцы, изрубили отряд.

— Хорошо, хорошо! — говорит Пугачёв. — Вот и ружьишек штук тридцать. Да и сабли, да конская сбруя. Эхма, не царское оно, конечно, дело этак по капельке! Да ведь и море капелькой полнится.

ШАШКИ

Пугачёв любил играть в шашки. Играл со своими командирами. А тут как-то надумал сыграть с Гришаткой.

— Главное, — поучал Пугачёв, — чтобы в дамки пройти. Дамка, она всему полю хозяин.

Конечно, поначалу Гришатка проигрывал Пугачёву. А потом наловчился.

И вот как-то сложилась игра так, что Гришатка первым и в дамки пролез, и шашек у него на доске больше.

Струхнул Гришатка: «А ну как царь-государь рассердится».

Сделал он вид, будто бы не замечает, что дамкой следует бить, то есть сделал Гришатка фука.

Понял Пугачёв Гришаткину хитрость.

— Э, нет! — говорит. — Ты не хитри. Не гни перед сильным шапку. Бей! Не зевай! Шашки, они тем хороши, — стал рассуждать Емельян Иванович, — что тут, как на войне, словно бы ты полководец. Умён — победил. Недодумал — тебя побили. Вот так-то, Гришатка.

Однако потом, когда они кончили игру и Гришатка выиграл, Пугачёв вдруг заявил:

— Побил ты меня, Гришатка. Царя своего побил. Не стыдно тебе?

Смутился Гришатка, не знает, что и ответить.

А Пугачёв опять укоряет:

— Побил, побил, не пожалел...

Краснел Гришатка, краснел. «Как же это понять царя-батюшку?! — И вдруг: — Э, была не была!»

— Так ведь тут как на войне... Бей! Не зевай!

— Молодец, ой молодец! — рассмеялся Пугачёв. Посмотрел он пристально на Гришатку, потрепал по голове. — Башковитый. Эх, жить бы тебе в добрые времена! — Пугачёв задумался. — Вот возьму власть, учиться, Гришатка, тебя пошлю. Там в Испанию или Голландию, к немцам али к французам. И станешь ты у меня первейшим человеком в науках. Про Ломоносова, чай, слыхал? Ломоносовым будешь.

«Добрый царь-батюшка, — подумал Гришатка. — Добрый. Зазря я его обыграл».

КАРАТЬ ИЛИ МИЛОВАТЬ

К Пугачёву в Бёрды прибыла группа крестьян вместе с своим барином. Притащили помещика на суд к государю.

И вот снова крыльцо «царского дворца» как тогда, во время присяги. Кресло. Ковёр. Пугачёв в кресле.

Пугачёв начинает допрос. Обращается то к мужикам, то к помещику:

— Ну как, детушки, лют был барин у вас?

— Лют, лют, уж больно лют, царь-государь, продыху от его лютости не было! — кричат мужики.

— Ну, а ты что скажешь, господин хороший? — обращается Пугачёв к помещику.

Молчит, не отвечает помещик.

Пугачёв опять к мужикам:

— А бил ли вас барин, руку к телу прикладывал?

— Бил, бил, батюшка! Собственноручно. Кожа, поди, по сей день свербит.

— Так, — произнёс Пугачёв и снова к помещику: — Не врут, правду сказывают мужики?

Молчит, не отзывается барин.

Лицо у Пугачёва начинает багроветь. На скулах желваки проступают. Вздувается шея.

— А не забижал ли он стариков и детушек малых?

— Забижал, забижал, великий государь. Ой, как забижал! Васятку Смирнова до смерти запорол батогами. Федотку Краснова посохом покалечил. Старика и старуху Раковых, о господи, в мороз босыми гонял по снегу. Не выжили, померли Раковы.

Нечего сказать в оправдание барину. Понимает он, что не миновать ему лютой казни.

Но вдруг Пугачёв смягчился, согнал с лица своего суровость.

— А может, и добрые дела есть у вашего барина? Может, забыли вы, детушки?

Видит помещик такое дело.

— Есть, есть добрые дела! — закричал он что есть силы. — Я на пасху всем по копейке жалую. На великий пост богу за души усопших поклоны бью.

— Так, так, — подбадривает Пугачёв.

— Я и за вас помолюсь, — слукавил помещик, — за ваше величество...

— Да, — усмехнулся Пугачёв, — вижу, и вправду много добрых дел на твоей душе. Так как же, детушки, — обратился к крестьянам, — карать мне вашего барина или миловать?

Мужики враз, как по команде, бросились Пугачёву в ноги:

— Карать, карать, батюшка. На виселицу его, дых ему в передых.

Пугачёв привстал во весь рост, глянул на согнутые спины крестьян, перевёл взгляд на помещика, потом на стражу свою.

Тихо. Все замерли. Ждут царского слова.

— Бог не осудит. Вздёрнуть! — взмахнул Пугачёв рукой.

— А-ай! — завопил помещик. — Разбойник! Злодей!

— Ба-атюшка, благодетель, заступник! — кричали крестьяне.

«ПРЕШПЕКТИВНАЯ» ТРУБА

У Пугачёва имелась подзорная труба.

Любил Емельян Иванович глянуть в неё — далеко видно.

Вот и сейчас. Гришатка крутился в царёвой горнице. А Пугачёв, приложив подзорную трубу к глазу, рассматривает, как казаки где-то на краю Бёрдской улицы устроили драку.

— Ах, паскудники, ах, лешие! — ругается Пугачёв. Крикнул караульных: — Там казаки дерутся. Разнять да всыпать зачинщикам!

То-то будет зачинщикам! Пугачёв строг к непорядкам.

— Что это у тебя, государь? — спросил Гришатка, показывая на трубу.

— Инструмент оптический,— ответил Пугачёв.— «Прешпективная» труба называется.

— А чего в ней видно-то?

— Всё, что пожелаешь,— сказал Пугачёв.— Хоть край света, хоть завтрашний день.

— Да ну! — не сдержался Гришатка.— И Тоцкое?

— Можно и Тоцкое.

Пугачёв приложил трубу снова к глазу, всмотрелся и говорит:

— Вон деревеньку вижу. Церковь на взгорке. Погост. Каменный дом с крылечком.

— Так это же Тоцкое! — закричал Гришатка.— Дом управителя нашего штык-юнкер Хлыстова.

— Вон девоньку вижу. С косичкой. Маленькая такая. Букашечка,— продолжает Емельян Иванович.

— Так это же Аннушка, Аннушка, сестрёнка моя!

— Вон деда старого вижу. С клюкой, с бородой в пол-аршина.

— Так это же дедушка наш, дедушка Тимофей Васильевич!

Потянулся Гришатка к трубе:

— Дозволь, дозволь, государь, глянуть.

— Смотри,— произнёс Пугачёв.

Вцепился Гришатка в трубу, ну и, конечно, никакого Тоцкого не увидел. А просто выросла перед ним крыша соседнего дома, только так, словно бы кто её передвинул к самому Гришаткину носу.

Понял Гришатка, что Пугачёв пошутил. Однако виду не подал. Понравилась ему пугачёвская выдумка про магическую силу трубы.

Через несколько дней он снова выпросил у Пугачёва трубу, а потом ещё и ещё раз. Ляжет Гришатка на лавку, один конец трубы к глазу, второй в потолок. Лежит, смотрит, и возникают перед мальчиком и Тоцкое, и Оренбург, и Москва, и Питер, и весь белый свет. И раскрывается перед ним та самая синь-даль и жизнь-свобода, про которую рассказывал

Емельян Иванович. Нет на земле ни бар, ни господ. Не слышно стона мужицкого. Не видно плача сиротского. Земля, и леса, и горы — всё это не барское и не панское, всё это работника-труженика. Эх, и жизнь: чудеса и сказка!

Заинтересовался Пугачёв, чем это занят мальчишка.

— Чем ты там занят?

Рассказал Гришатка Пугачёву про то, что видел.

— Да ну! — подивился Емельян Иванович.— Синь-даль, жизнь-свободу...— Задумался.— Эх, кабы труба не соврала! Да-а-а, зажили бы людишки на белом свете!.. А может, оно так и будет, Гришатка. Ась? Труба ведь не простая, труба —«прешпективная».

НА УРАЛ

Полюбился Хлопуше Гришатка, с самой первой встречи понравился. Мало того что раздобыл он мальчику полушубок — как-то горсть леденцов принёс, потом рубаху синего цвета, наконец притащил Нениле для Гришатки бараний бок.

— Ты что, сдурел? — набросилась стряпуха на великана.— Что, его тут голодом морят, не поят? Чай, при особе самого императора кормится...

«Безносый-то опять приходил,— рассказывала потом Ненила мальчику.— Видать, люб ты ему, Гришатка».

А тут как-то явился Хлопуша с казацкой саблей.

— На́, получай!

Разгорелись глаза у Гришатки. Вот это подарок!

— Что,— закричал Пугачёв, увидев у мальчика саблю.— Кто сие баловство придумал?!

— Пусть, пусть позабавится дитятко,— стал упрашивать Пугачёва Хлопуша.— Мальчонка же он, государь. Не забижай ты его. Они, мальчонки, все до ружья охотники.

Осталась сабля у мальчика.

Нацепит её Гришатка, по слободе бегает. Сабля длинная, по снегу волочится.

— Атаман, как есть атаман! — кричат со всех сторон пугачёвцы.

Нехватки в пушках, ядрах и порохе по-прежнему не давали Пугачёву покоя. «Эх, Урал, Урал-батюшка, вот бы куда податься! — размышлял Пугачёв. — Прямо бы на самые железоделательные и оружейные заводы».

И вдруг нежданно-негаданно явились к Пугачёву с Урала три заводских человека.

— Государь, ждут, ждут тебя на заводах. И пушки, и ядра будут. Снаряжай-ка своих людей.

На один из заводов, на Петровский, в посёлок Авзян решили послать Хлопушу.

Выслушал Хлопуша царское слово:

— Слушаюсь, батюшка.

— Ну, с богом! Ступай.

Хлопуша ушёл, однако через несколько минут снова явился.

— Ну что тебе?

— Дозволь, государь, мальчонку с собою взять.

— Какого мальчонку?

— Гришатку, ваше величество.

— Да ты что, в своём ли уме, Хлопуша?

— В своём, в своём, государь. Да отпусти ты его. Ему ж в интерес. Он же мальчонка. Они, мальчонки...

Пугачёв рассмеялся. Подумал. Махнул рукой.

— Ладно, быть по-твоему. Забирай, Соколов-Хлопуша. Да береги ты его, — добавил строго.

— А как же!

Уехал Гришатка.

Глава четвёртая

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ГАЛИЯ

В Авзян Хлопуша торопился как мог. Шутка ли сказать, у него государственное поручение. Сам царь-батюшка, отправляя в поход, так и сказал: «Государственное».

— А главное, — наставлял Пугачёв, — привези мне мортиры. Хоть две штуки. Чтобы навесным огнём можно было стрелять по Оренбургу.

Хлопуше в сопровождение было придано пять казаков. Ехал с ним и заводской человек с Авзяна, низенький, маленький мужичонка по имени дядя Митяй.

Хлопуша и казаки едут верхом на конях. Дядя Митяй и Гришатка — по-барски — в санках.

То и дело к Гришатке подъезжает Хлопуша:

— Не холодно тебе, дитятко?.. Не голодно?

На четвёртый день пути отряд остановился ночевать в башкирском сельце Иргизла. Хлопуша решил здесь дать и людям и лошадям отдых. Устроили днёвку.

Хлопуша, дядя Митяй и Гришатка расположились в одной юрте. Казаки — в других, по соседству.

Юрта большая, занавесками перегорожена.

Уселись ужинать. Уплетает Гришатка навар из бараньего мяса, поднял глаза кверху. Смотрит — из-за занавески выглядывает девочка. Волосы на голове чёрные-чёрные. Косички свисают. Глаза шустрые-шустрые. Из стороны в сторону бегают.

Увидела девочка, что Гришатка её заметил, — юрк за занавеску.

Опустил Гришатка глаза. Переждал минуту, опять поднял. Видит — снова торчит из-за занавески с косичками голова. Вот опять скрылась.

Весь ужин Гришатка только и занимался тем, что глаза то в миску, то в сторону занавески, то в миску, то в сторону занавески. Даже шея заныла. А девочка то спрячется, то наружу, то спрячется, то наружу. Даже рука, что дёргала занавеску, устала.

На следующий день с утра Гришатка возился около санок. Вдруг слышит — за спиной кто-то пронёсся верхом на лошади. Повернулся Гришатка — знакомая девочка.

Промчалась девочка в одну сторону. Развернула коня. Промчалась мимо Гришатки в другую. Потом ещё и ещё раз.

У Гришатки аж дух захватило. Ну и девчонка!

Наконец девочка сбавила прыть. Осадила коня рядом с Гришаткой. Спрыгнула ловко на снег. Остановилась, смотрит на мальчика.

— Как тебя звать? — обратился Гришатка.

Молчит девочка. Видимо, не понимает русскую речь.

Стал Гришатка тыкать рукой: мол, звать как тебя, девчонка?

— Га-ли-я, — наконец протянула девочка.

— А я Гришатка, — проговорил мальчик, затарабанив пальцем себе в грудки.

— Гри-шат-ка, — повторила девочка. Потом зачастила: — Шатка, Шатка, — и улыбнулась.

— Да не Шатка, а Гришатка, — стал поправлять мальчик.

Однако девочка его не слушала и повторяла своё:

— Шатка. Шатка. Шатка.

Гришатка махнул рукой.

Девочка стала с любопытством рассматривать висящую на боку у мальчика саблю, и Гришатка сразу же оживился. Он вытянул наполовину клинок, потом полностью. Взмахнул, описал полукруг и с победоносным видом вскинул снова его в ножны.

Девочка не удивилась.

Гришатка повторил всё снова.

И опять Галию это не поразило.

Огорчился Гришатка, думает, чем бы ещё похвастать. Вспомнил про шапку. Теперь она не спадёт ему на глаза. Ушила её Ненила. Снял мальчик шапку, крутит в руках, начинает объяснять Галие, что это шапка не простая — с царской она головы, а он, Гришатка, заслужил её за меткую стрельбу из ружей. Гришатка ого-го какой целкий!

— Пах, пах! — объясняет мальчик. — Фу ты, какая бестолковая. Пах, пах! — вскидывает он руки на манер словно стреляет.

Но вот девочка закивала головой, побежала в дом, через минуту вернулась — в руках дробовое ружьё.

— Ну, поняла наконец-то.

Протянула Галия Гришатке ружьё — хотел же, так стрельни.

— Куда бы стрельнуть? — рассуждает Гришатка.

А Галия схватила с его головы шапку и подбросила вверх. Вскинул Гришатка ружьё — бах! Мимо.

— Тьфу ты!

Тогда ружьё взяла Галия.

«Ах, так! — думает Гришатка. — Ну на́ — промахнись и ты». Подбросил он шапку высоко-высоко. Ушла та в небо метров на двадцать. На секунду повисла. Растопырилась зонтом и снова к земле.

В это время раздался выстрел. Не задела дробь мерлушковые бока, не затронула — угодила в самый малиновый верх. Вышибла. Только его и видели.

— О-ох! — вырвался вздох у Гришатки.

На следующий день с рассветом отряд Хлопуши покинул сельцо Иргизлу. Едет Гришатка, голове холодно. Прикрывает он темя рукой, сокрушается:

— Эх, эх, и чего хвастал! Чего не сдержался. Царскую шапку испортил. Ну и девчонка!

Гришаткину беду первым заметил дядя Митяй:

— Э, чего там у тебя? Чего руку-то тянешь и тянешь?

Подъехал Хлопуша. Всплеснул руками:

— Дитятко, да где это ты?! Где же верх твой малиновый?

Гришатка молчал, не признавался. Однако потом рассказал.

— Ах она такая, разэтакая! — гудел великан. — Да как она посмела забижать государева человека? Ах, ах! Ну, мы ей покажем!

— Да я сам виноват, — пытался защитить Галию Гришатка.

Однако Хлопуша не слушал его.

— То-то я смотрю: глаза у неё так и бегают, так и бегают. Да ты не горюй, Гришатка. Мы тебе на шапку новый поставим верх. Ещё лучше будет. Желаешь — атласный. Желаешь — парчовый. Хочешь, садись верхом на коня, — неожиданно предложил Хлопуша.

Поменялись они местами. Рад Гришатка до смерти. Вот научится ездить верхом — берегись, Галия!

В отличие от Хлопуши, дядя Митяй оказался на редкость сварлив. То ему сено в санках плохо подмощено, то кони тихо бегут, то Гришатка всё время вертится.

— Неспокойный я очень, — сознавался дядя Митяй. — Душа у меня в раздражении. А почему? Жизнь извела, Гришатка.

Дядя Митяй хотя ростом и мал и с виду хил, зато по рукам сразу видать — человек рабочий. Руки у него широкие, совками, цепкие. И аппетит хороший. На первой же остановке умял целую баранью ногу и не крякнул. Куда только лезет?

— Наголодались мы на заводах, — смущаясь, объяснял дядя Митяй.

На восьмой день к вечеру, проехав с начала пути без малого триста вёрст, путники приблизились к посёлку Авзяну.

— Тут он и будет, Петровский, рода Демидовых, наш, стало быть, завод, — сообщил дядя Митяй.

За эти дни отряд Хлопуши вырос до ста пятидесяти человек. То в степи к нему примкнуло сорок человек конных башкир, то, откуда ни возьмись, появилась целая толпа безоружных крестьян, потом в лесу, уже почти у самого Авзяна, присоединилось человек пятьдесят углежогов.

— Постой с людишками тут, — предложил дядя Митяй Хлопуше. — Заночуй. А я вмиг слетаю в Авзян, упредить надобно.

Утром дядя Митяй вернулся.

— Сполнено, — заявил он Хлопуше. — И пушки есть, и мортиры — целых три штуки, и ядра в большом количестве. И людишки работящие нас ждут. Вот так-то.

— Благодарствую, — произнёс Хлопуша.

ВЕЧНООТДАННЫЕ

Заводской люд встретил Хлопушу торжественно. И не только потому, что он был посланцем самого царя императора, но и потому, что сам Хлопуша произвел на всех огромное впечатление.

— Ух, батюшка, да и ты-то порченый! — кричали люди, завидя безносое лицо Соколова. — Видать, и тебе не сладко пришлось в жизни.

— Не сладко, не сладко, работнички, — отвечал Хлопуша. — Да что было — прошло, миновало. Нынче всё круто в другую сторону. Царь Пётр Фёдорович, долгие лета ему, нынче всех нас, сирых и битых, великий заступник. Ура царю-батюшке!

— Ура! — кричали работники.

Собралось их на заводской площади тысячи две.

Изможденные, лица в дыму и копоти. Одежонка — рвань. Стоят, смотрят воспалёнными глазами на огромную фигуру Хлопуши, ловят каждое слово.

Тут же на площади был оглашён манифест Пугачёва. Говорилось в нём, что царь-батюшка дарует рабочим людям всякие вольности и шлёт им своё царское благословение.

И снова «ура» всколыхнуло воздух.

В общей толпе Хлопуша заметил группу людей, закованных в цепи. Все людишки, как тень, а эти и вовсе: кожа да кости. Не человеки, а слёзы.

— Что за народ? — обратился Хлопуша к дяде Митяю.

— Это вечноотданные, батюшка.

— Какие ещё вечноотданные?!

— А это те, батюшка, которых вместо вечной

ссылки в Сибирь сюда — к нам на завод. До конца своих дней так в цепях им и маяться. Из них многие к тачкам прикованы. Так и спят, так и работают. О, господи!

Нахмурилось лицо у Хлопуши.

— Эй! — закричал. — Кто здесь вечноотданные, выходи-ка сюда!

Загремели люди цепями, потянулись к Хлопуше. Собралось их человек пятьдесят.

— Люди вечноотданные, — забасил Хлопуша. — Мученики и перемученики. — Голос его сорвался, из глаз проступила слеза. — Люди без роду и племени. Отцы и брательники. — Голос Хлопуши снова окреп, понёсся могучим гулом. — Быть вам отныне не вечно униженными, быть вам вечно свободными. На веки веков. Эй, кузнецы! Живо! Немедля оковы долой!

— Батюшка, избавитель, — бросились колодники в ноги Хлопуше.

Потом Хлопуша устроил суд над управителем Авзяно-Петровского завода. Под одобрительный гул толпы управитель был тут же повешен.

На следующий день Хлопуша стал проверять заводское хозяйство. Приказал показать ему мортиры и пушки.

И вдруг выяснилось — исчезли куда-то мортиры. Обыскали весь завод. Нет их, словно и не было.

— Были, были они! — уверяет дядя Митяй. — Как я в ночь приходил — были. Их, никак, управитель куда запрятал.

— Эх ты, рано вздёрнули управителя! — сокрушался Хлопуша.

А вечером на Хлопушу свалилась вторая беда. Пропал куда-то Гришатка.

— Да был он, был! — разводил руками дядя Митяй. — Туточка всё время крутился.

— Не уследил. Не усмотрел! — ревел Хлопуша. — Дитятко! Где же ты, дитятко?

С Гришаткой случилось вот что. Крутился, крутился он возле Хлопуши и дяди Митяя, ходил, ходил по заводу, потом надоело. Пошёл он бродить по улицам Авзяна. Тут его и окружили мальчишки:

— Глянь, глянь, шашка висит!

Разговорился Гришатка с ребятами. Шашку достал из ножен. Рубанул залихватски направо, налево.

Разинули авзянские ребята рты:

— Настоящая!

Дивятся мальчишки. Это тебе не Галия. Приятно Гришатке.

Принялся Гришатка про шапку хвастать. Рассказал, что шапка с царской головы. Что за меткую стрельбу шапка ему досталась. А верх (пока нового верха у шапки не было, Хлопуша наскоро стянул мерлушковые бока ниткой) это Гришатка прострелил влёт, чтобы доказать одной глупой девчонке своё умельство.

Не отстают от Гришатки ребята, ходят за ним по пятам.

— А у нас рудники есть, — вдруг заявил кудлатый, конопатый мальчишка. — Глубо-о-кие!

Побежали они смотреть рудники. На шахтах в этот день и в прошлый работы не было. По случаю приезда посланца от государя прекратил работу Авзянский завод. Подошли ребята к одной из шахт. Большая дыра в землю уходит. Над дырой, как над колодцем, на подпорках большое бревно. На бревне верёвка намотана. С другой стороны верёвки — бадья.

— Это для спуска вовнутрь, — стал объяснять конопатый. — Руда-то, она под землёй. Саженей в полсотни. Там её добывают, потом на завод.

Заглянул Гришатка в дыру — ничего не видно.

— Хочешь, мы тебя враз! — вдруг предложил конопатый.

Поколебался Гришатка. Да неудобно отказываться. Где же, скажут, твоё геройство.

— Хочу!

Залез он в бадью. Стали ребята его спускать. Раскручивается верёвка, что намотана на бревне. Придерживают ребята бревно, чтобы не очень оно вращалось.

Вот спустили Гришатку на треть, на половину, на две трети. Совсем немного осталось. И вдруг не удержали бревно ребята. Завращалось оно быстро-быстро. Не ухватишь, не остановишь. Раскрутилась верёвка. Бадья внизу о породу — бах!

Обмерли ребята.

— Вытягивай, вытягивай назад! — завопил конопатый.

Стали мальчишки выкручивать из шахты бадью. Торопятся. Выкрутили. Пусто в бадье.

— Побился! Побился!

— Эй, эй, отзовись! — кричат ребята в дыру.— Отзовись!

Тихо. Нет никакого ответа.

Страшно стало ребятам.

— Перестреляют нас казаки! — закричал конопатый. — Повесит безносый. Тикай по домам — и молчок!

Поразбежались ребята.

ЗАБЫЛСЯ

Страшную ночь пережил Хлопуша. То казалось ему, что Гришатку убили, то — что ушёл, заплутал Гришатка в лесу и там загрызли его волки или медведи, то вдруг чудится Хлопуше Гришаткин голос. Великан срывался со своего места и стремглав выбегал на улицу.

— Найдётся, найдётся мальчонка, — успокаивал Хлопушу дядя Митяй. — Тута он, тута. Да куда ему

деться? Не провалился же он под землю. Жив, помяни моё слово — жив!

Гришатка и вправду остался жив.

При ударе бадьи о грунт мальчик вылетел из неё наружу, стукнулся головой о какой-то камень и на время лишился сознания.

Когда Гришатка пришёл в себя, была уже ночь. Мальчик привстал, пощупал руки и ноги. Боли нет. Кости целы. Лишь в голове гул и непонятная тяжесть. Гришатка принялся звать на помощь. Никто призыва его не слышал. Слева и справа от мальчика виднелись какие-то углубления. Это начинались штреки и штольни — специальные ходы, которые вели в глубь шахты. Кругом темно, сыро.

Гришатка подумал и сделал несколько шагов по одному из коридоров: «А вдруг где-то там впереди есть выход?» Коридор то суживался, то расширялся, время от времени его пересекали другие переходы. Гришатка сворачивал то налево, то направо; наконец он упёрся в стену. Мальчик устал. От сырого и неприятного воздуха голова стала ещё более тяжёлой, и Гришатка чувствовал, как кровь ударяет в виски. Дышать становилось трудно.

Гришатка не выдержал и присел. Он машинально провёл рукой по земле и вдруг натолкнулся на непонятный предмет — что-то длинное, круглое, отверстие в середине. Рядом второй такой же предмет, чуть в стороне — третий.

«Так это же пушки, это мортиры! — понял Гришатка. — Ах, вот куда запрятал их управитель!» Мальчик вскочил и помчался назад. Он спотыкался, падал, подымался, снова бежал. Сколько прошло времени, Гришатка не помнил. Он очумело тыкался то в одну, то в другую сторону. Наскакивал на стены, ударялся о какие-то балки и перекрытия. Наконец, полностью обессилевший, он опять опустился на землю. В нос снова ударил едкий, противный запах. Гришатка зевнул и забылся.

После бессонной ночи Хлопуша казался чернее тучи. Страшно глянуть, страшно подойти к человеку.

Облазили казаки, башкирцы и сам Хлопуша вдоль и поперёк весь завод, опросили всех жителей, на конях выезжали в лес и в степь. Никаких следов, ни слуху ни духу. Словно и вовсе не приезжал на завод Гришатка.

И вот, когда, казалось, все надежды потеряны, в избу к Хлопуше ввалился плечистый, бородатый детина. Бросился в ноги.

— Не гневись, батюшка.

— Подымись, работный человек, — произнёс Хлопуша.

Детина поднялся.

— Батюшка, сыскался, сыскался твой... — пришедший детина запнулся, — сынок, значит.

Хлопуша вскочил, схватил детину руками за грудки, тряхнул:

— Да где же он, говори!

— Играли, играли мальцы, — заторопился детина. — На руднике, на шахте. Да упустили бадью. А в бадье он, он самый — твой, значит. Мальцы с перепугу молчали. А потом Санька — мой, значит, взял и признался. Я его, батюшка, уже отодрал батогом, значит. Конопатый он у меня, до баловства дюже прыткий. Не гневись, батюшка.

К руднику Хлопуша мчал с лошадиной прытью, только пятки сверкали. Подлетел, сразу полез в бадью.

— Да куда ты, батюшка? — пытался остановить великана дядя Митяй. — Да ты тут постой, тут. Мы без тебя.

— Крути! — крикнул Хлопуша сбежавшимся людям.

Спустили Хлопушу.

— Гришатка! Дитятко! Гришатка! — кричит великан.

Тихо. Нет мальчика.

Бросился Хлопуша в подземные коридоры. Следом за ним спустились другие. С факелами, с фонарями в руках. Расползлись люди в разные стороны.

— Гришатка, Гришатка! — несётся со всех сторон.

— Гришатка, дитятко! — перекрывает всех голос Хлопуши. Носится, мечется он по коридорам и переходам, словно ветер-буран в непогоду.

И вот наконец великан различил маленький, съёжившийся комок — детское тельце.

— Дитятко, дитятко! Родненький. Сынок! — задыхался от счастья Хлопуша. Подхватил он Гришатку на руки. — Головушка моя, рученьки, ноженьки!..

Гришатка с трудом приоткрыл глаза.

— Дядя... Афанасий...

— Я, я! — заревел Хлопуша, и слеза за слезой забили глаза.

Потащил он Гришатку к свежему воздуху, к выходу.

— Стой, стой, — прошептал Гришатка.

Хлопуша остановился.

— Мортиры.

— Что — мортиры? — не понял Хлопуша.

— Тут они, тут.

— Да ну? — только и молвил Хлопуша.

СИЛА К СИЛЕ

В тот же день мортиры были извлечены на поверхность.

— Они, они, — говорил дядя Митяй. — Они, голубушки. Самые.

Хлопуша стал торопиться с возвращением назад в Бёрды к Пугачёву.

Пушки и мортиры срочно устанавливались на колёса. На телеги грузились ядра. В заводских погребах нашёлся и порох.

Пока Хлопуша был занят заводскими делами, наблюдать за Гришаткой он поручил башкирцу Хакиму.

Уедет мальчик вместе с Хакимом в степь за завод. Учит башкирец Гришатку в седле держаться, ездить шагом, рысью, в галоп. Гришатка смекалист и ловок. Он уже может и с коня на всём скаку спрыгнуть, и не слететь, если конь вздыбится, и удержаться в седле при конском прыжке через рытвину или канаву. Где нужно, Гришатка привстанет на стременах, где нужно, к шее лошадиной прижмётся.

— Якши, якши, — хвалит Гришатку башкирец.

Потом Хлопуша отсыпал Гришатке пороху и выдал с полсотни пуль. Казак Ферапонт Узловой соорудил для Гришатки мишени и два дня с утра до самого вечера заставлял мальчика пулять в цель. То из положения «стоя», то «с колена», то «лёжа». А затем «с ходу», с коня, как тогда стрелял сам Емельян Иванович. Настреляется Гришатка, прокоптится от дыма и пороха, набьёт плечо от ружейной отдачи. Зато радость так и светится в глазах у Гришатки. Теперь не случайно, а как по заказу влетают Гришаткины пули тютелька в тютельку в самое яблочко.

— Умелец, умелец, — хвалит Гришатку казак Ферапонт Узловой.

А перед самым отбытием из Авзяна Хлопуша приказал испробовать целость пушек. И Гришатке было разрешено выстрелить из мортиры. Поднёс Гришатка к стволине запал. Гаркнула мортира во весь свой пушечный дых — слушай, сбегайся народ, смотри на нового артиллериста.

Наступил час отъезда.

Многие из работных людей хотели присоединиться к Хлопуше. Однако он отобрал всего пятьдесят человек.

— Нельзя, нельзя, — отвечал остальным. — У батюшки людишек хватает. Пушек, ядер, ружей у него мало. Вы уж тут потруждайтесь. В сем ваша главная сила. Вы да мы, — добавил Хлопуша. — Сила к силе — двойная сила!

— Потруждаемся, батюшка, потруждаемся! — кричали рабочие.

Хлопуша оставил за старшего на заводе дядю Митяя.

— Ну, прощайте!

— С богом, с богом, Афанасий Тимофеевич!

КОСИЧКИ ВРАЗЛЁТ

Гришатка теперь ехал не в санках, а по-казацки — верхом. Пришпорит он сивку-бурку — своего удалого коня, вихрем по степи промчится. Смотрит, любуется на Гришатку Хлопуша.

В башкирском сельце Иргизле Хлопуша снова устроил днёвку.

— Ну, где твоя Галия? Вот мы сейчас ей покажем.

— Дядя Афанасий, — взмолился Гришатка.

— Ладно, ладно, сынок.

— Шатка, Шатка! — закричала Галия, увидев мальчика. Закричала и покраснела.

Снова ели навар из бараньего мяса, долго сидели в юрте, вели разговоры. На сей раз Галия не пряталась за занавеску. Она то исчезала куда-то, то возвращалась вновь, приносила на огромных мисках-подносах еду. А Гришатке подсунула такой здоровенный кусок жирного мяса, что и дядя Митяй с таким бы не справился.

На следующий день Гришатка и Галия сели верхом на коней и уехали в степь. Хотел было Гришатка похвастать девочке про стрельбу и про пушку. Однако сдержался.

Ехали они рядом. Тихо кругом. Кони идут копыто к копыту, головы опустили. Хорошо Гришатке. Как-то радостно на душе. Начинает он рассказывать Галие про Хлопушу, про царя-батюшку, потом про Тоцкое, потом про синь-даль и свободу.

Слушает девочка, словно бы понимает. А может, и понимает.

Пропадали они до самого вечера. А где ездили, Гришатка не вспомнит. Не видел мальчишка дороги. Лишь лошадиные холки. Лишь стремена и уздечки. Да косички, косички вразлёт...

Вечером Галия взяла у Гришатки шапку и вшила ему новый верх. Правда, не парчовый, не атласный, а из простого сукна зелёного цвета. Глянул Гришатка — ну и верх! Лучше, лучше прежнего. Поклянётся Гришатка, что лучше!

Наутро обоз Хлопуши тронулся дальше в путь.

Галия у дороги стояла грустная и долго-долго махала рукой.

— Прощай, Галия! — прокричал Гришатка.

— Шатка, Шатка! — приносил в ответ ветерок шепоток. — Ша-а-тка!

Глава пятая

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

КАР-ГЕНЕРАЛ

Роста малого. Ноги тонкие. Руки тонкие. Большеголовый. Глаза как у зайца — в разные стороны. Волосы торчком, с медным отливом. На щеке бородавка, на подбородке другая. Это Кар. Кар-генерал.

Едет Кар по завьюженной Оренбургской степи. Спешит на выручку к осаждённому Оренбургу, к другу своему генералу Рейнсдорпу.

Разбить и схватить Пугачёва — таков приказ генералу Кару.

Мороз. Ветер. Сидит Кар в открытом возке. Засунул руки в дамскую муфту. От мороза и ветра ёжится. Растянулись походной колонной солдаты. И им на морозе холодно. «Эх, полушубки бы нам, сапоги валяные. Ради чего страдаем!»

Едет Кар, рассуждает: «При одном появлении моём разбегутся злодеи. Войско у меня регулярное. Ружья и пушки. Молодцы гренадеры. Схвачу Пугачёва — новый чин и награда».

Вдруг шевельнулся лёгким облаком снег на горизонте. Впереди, с боков, сзади. Из снега выросли всадники. Криком и гиком наполнилась степь.

Выпрыгнул Кар из санок:

— К бою! Становись! Стройся! Пушки вперёд!

Построились солдаты. Ружья наизготовку. Пушки вперёд.

Всё ближе и ближе пугачёвские конники.

— Ух ты, несметная сила!

— Братцы, погибель пришла! — понеслось в генеральском войске.

— Молчать! За матушку царицу! Из пушек пали! — кричит разъярённый Кар.

Стрельнули пушки. Понеслись ядра и злая картечь в сторону наступающих. Молодцы пушкари, точен солдатский глаз. Да только не дрогнули пугачёвцы. На месте погибших — сразу же новые, словно нет никаких потерь.

— Их смерть не берёт!

— Их великие тысячи! — зарокотали снова солдаты.

— Бей, пали! Бей, пали! — не унимался Кар.

Кричит, а сам нет-нет да на санки свои посмотрит. Кони быстрые, санки лёгкие. В случае чего, спасут они генерала.

Ещё ближе придвинулись пугачёвцы. Теперь уже не только конные, но и пешие на виду. Движут-

ся, движутся, движутся. Не остановишь восставших рать.

— Отходи, отходи! Отступай, братцы! — понеслось по солдатским рядам. — Сдавайся царю государю Петру Третьему.

Зашевелилось Карово войско. Врассыпную солдаты. Кто в плен, кто в сторону недалёкого леса.

Прыгнул Кар в свои генеральские санки. Эх, эх, пропадай чины и награды!

Отъехал генерал версты три. Остановился, перевёл дух. Вдруг невесть откуда появилась ворона. Поравнялась она с генеральским возком, растопырила крылья:

«Кар-р!»

«Свят, свят», — закрестился генерал с перепугу и снова плёткой коней. Да так, что дамская муфта из санок вон.

«СЛУШАЮСЬ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО!»

Ждал генерал Рейнсдорп генерала Кара. Не прибыл на помощь Кар-генерал.

Ждал генерал возвращения Хлопуши, не вернулся Хлопуша.

Понял губернатор, что колодник его провёл.

— Русише швайн, — ругнулся.

Стал Рейнсдорп думать о том, как всё же покончить ему с Пугачёвым.

— Вот что. Позвать ко мне старика Кобылина.

Явился Кобылин.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

— Хочешь сто рублей серебром и медаль от царицы?

— Желаю, ваше сиятельство.

— Ну и хорошо, собирайся.

— Куда, ваше сиятельство?

— В лагерь к злодею.

Понял старик зачем, в глазах помутилось.
— Да я же стар! — взмолился Кобылин.
— Ничего-ничего. Так оно даже и лучше есть.
— Да я и кинжала ему в рёбра не всуну.
— Не надо, не надо кинжал. Ты ему — яду.
— Яду?! Так стариковские руки мои дрожат.
— Что?! — заревел генерал. — Руки дрожат? Плетей захотелось? О, доннерветтер, всыпать ему плетей.
Понял старик Кобылин — выбора нет.
— Слушаюсь, ваше сиятельство!

ЧЕСТЬ И ПРИВЕТСТВИЕ

Вот так радостный день у Пугачёва! То-то удача! И Кара разбили, и вернулся Хлопуша. Порох, ядра, пушки привёз. Мортиры — целых три штуки. И привет от работного люда. Дружбу-союз с Урала. И Гришатка вернулся. Герой! Без него — как знать, может, и не было бы здесь мортиры.
— Ну, Соколов-Сокол, уважил, уважил! Исполнил, как есть, моё государственное поручение. Ну, Соколов-Соколёнок, порадовал!
Произвёл Пугачёв Хлопушу в полковники.
— Ну, а тебе какую награду? — обратился к Гришатке.
Подумал Гришатка:
— Мне бы, батюшка, в Тоцкое...
И вот едет Гришатка в Тоцкое. Сабля при нём. Шапка на нём. Пистолет настоящий за поясом.
Блестит, искрится на солнце снег. От яркого света глаза смыкаются. Прикроет Гришатка глаза. Вырастает, как в сказке, Тоцкое.
Сбежался, сгрудился народ. Встречают Гришатку жители. Честь ему кричат и приветствие:
«Ура! Ура! Соколов Гришатка приехал».
«Он у царя-батюшки в видных начальниках».

«То-то будет теперь Хлыстову».

Приятно от таких мыслей Гришатке. За спиной у него сундучок. В нём полушалок для матери, сарафан для сестрички Аннушки, для дедушки Тимофея Васильевича сапоги, козловые, новые, никем не ношенные.

Справа от Гришатки казак Ферапонт Узловой, слева — башкирец Хаким. Специально посланы вместе с Гришаткой.

Резво бегут казацкие кони. Верста за верстой, верста за верстой — всё ближе и ближе родимое Тоцкое.

Вот и оно. Божий храм на пригорке. Погост. Каменный дом купца Недосекина. Каменный дом штык-юнкера Хлыстова. Мельница. Вот и замёрзшая речка, речка Незнайка. Вот и Шарик бежит. Стойте, буланые, стойте! Не торопитесь. Приехали.

Радостно бьётся Гришаткино сердце. Встречай, выползай из хибарок, народ!

Но что такое? Наперерез путникам выбежала группа крестьян. С топорами, с вилами, с косами.

— Не шевелись! Кто такие?

— Мы здешние, здешние, тоцкие! — закричал во всю мочь Гришатка.

Смотрит мальчик — мужики незнакомые. Обступили они приехавших со всех сторон. Вышел вперёд горбоносый, в треухе детина:

— Здешние, не здешние — слазь!

Схватились Ферапонт и Хаким за сабли. Гришатка руку быстрей к пистолету. Да где тут! В один момент набросились мужики на конных. Стащили на землю. Руки за спины. Скрутили, связали.

— Тащи их, тащи к командиру! — кричит горбоносый в треухе.

Потащили крестьяне.

Вот так встреча! Вот так честь и приветствие!

Приволокли мужики пленников к командиру. Втащили в каменный дом к Хлыстову.

Глянул Гришатка — Вавила!

Глянул Вавила — Гришатка!

— Ух ты!

— Ох ты!

Смотрят мужики остолбенело на Вязова. Горбоносый почесал за ухом. Понимает, что вышла промашка. Видать, и вправду не тех словили.

Рассказал Вавила Гришатке, в чём дело. Вот уже две недели, как он здесь, в Тоцком. Послал Рейнсдорп дровокола в Тоцкое за продуктами. Трудно с харчами сейчас в Оренбурге. Приехал Вязов, а назад не вернулся.

Снова, как весной, заволновались тоцкие мужики. Избрали Вавилу своим командиром. К тоцким присоединились крестьяне соседних сёл и деревень. Организовался целый отряд. Волю всем объявили. Землю барскую стали делить. А вот теперь собираются идти в Бёрды к Пугачёву.

— Порядок у нас строгий, — объяснил Вавила. — Охрана. Вы уж не сердитесь, что так получилось, — обратился он к Хакиму и Узловому.

— А как же Хлыстов? — задал вопрос Гришатка.

— Повесили, повесили, вздёрнули. Да ты-то мамку видел? Эй, позвать Соколову! — крикнул Вавила.

Прибежала Гришаткина мать, взвыла при виде сына:

— Кровинушка, родненький, дитятко!

Плачет, не верит своим глазам.

— Он, он. Он самый, тётка Лукерья, — улыбается Вязов.

Примчалась сестрёнка Аннушка. За ней дед Тимофей Васильевич. За ними соседи и просто тоцкие жители. Набился хлыстовский дом до отказа.

— Гришатка, Гришатка! Ух ты! И стрижен на казацкий манер, и пистолет, и сабля, и шапка, гляди, мерлушковая!

Пришлось Гришатке до позднего вечера рассказывать всем про Бёрды, Оренбург и Пугачёва.

Пробыл мальчик в Тоцком три дня. На могилку сходил к родителю. Вволю поплакал. Повидал своих старых дружков и приятелей. Удаль свою в стрельбе показал. Похвастал про Авзянский завод.

Но вот пора и назад к царю-батюшке.

— Вот что, — сказал Вавила. — Едем все разом.

Собралось Вавилово войско. Кто конно, кто пеше, кто в санках. Присмотрелся Гришатка. Ба — и дед Тимофей Васильевич тут же! В новых, привезённых Гришаткой козловых сапогах.

— Да куда же ты, дедушка?!

— Молчи, молчи, — оборвал старик. — К нему, к ампиратору. В войско казацкое.

— Да ты же старенький, дедушка.

— Эка скажешь! — обиделся дед. Тряхнул бородой. — Стар, да умел! Я ещё при царе Петре Первом со шведами бился...

Но тут подбежала Гришаткина мать:

— Ах ты, старый, ах ты, глупый, ах душа твоя неспокойная! Да кто же в такой мороз и в козловых сапогах! Не смеши народ. Сиди, дед, дома.

И Аннушка вцепилась в дедов армяк.

Остался дед Тимофей Васильевич.

Уехало крестьянское воинство.

— Эх, эх! — ещё долго сокрушался старик. — Как они там без меня! Хватит ли без меня у них силушки?

БОЖИЙ СТРАННИК

Вернулся Гришатка в Бёрды — новостей целый ворох.

— Ой, что тут было, что тут было! — докладывала ему Ненила. — Дружка твоего словили.

«Какого это ещё дружка?» — подумал Гришатка.

— Ну, того, того самого, что тебя плётками драл, что в водовозах у губернатора.

— Деда Кобылина?!

— Его, его самого. Он царя-батюшку травить собирался.

Рассказала Ненила, что появился старик Кобылин в слободе под видом божьего странника.

— На молебен, всё говорил, иду. Из Сибири в далёкий град Киев, в Киево-Печерскую лавру. Всё за нашего царя-батюшку помолиться там обещался. Я ему ещё сухарей на дорогу дала и баранины кус зажарила, — призналась Ненила. — А он, ох, ох, душонка его бесстыжая, мне же в котелок, где уха для государя варилась, взял и подсыпал отраву.

— Повесили? — поинтересовался Гришатка.

— Нет, нет! Отпустил его государь. Говорит:

«Ступай в свой Оренбург. Не имею на тебя зла, потому что человек ты глупый и тёмный. Иди и подумай». Да ещё этому супостату десять рублей пожаловал. Чудной наш батюшка. К людям доверчив. Воистину царская, святая у него душа.

Пожалел Гришатка, что не к нему в руки старик попался. «Ишь ты, царя-батюшку явился травить! Да я бы его, как Хлыстова, на одну перекладину!» — совершил свой приговор Гришатка.

ПОРТРЕТ

Сидел как-то Гришатка в царёвой горнице. Взял лист бумаги, карандаш и стал рисовать портрет Пугачёва.

Нарисовал коня, на коне верхом царя-батюшку. Бороду нарисовал, генеральскую ленту, пистолеты за поясом. Снизу написал: «Царь-государь Пётр Третий Фёдорович».

Посмотрел Пугачёв на портрет, усмехнулся.

— Похож, как есть похож. Мастак ты, Гришатка. — Потом подумал и произнёс: — А знаешь, Гришатка, я вовсе не царь.

Вылупил Гришатка на Пугачёва глаза: «Ну и шутник батюшка. Право, такое скажет».

— Не царь, не царь, — повторил Пугачёв. — А простой казак Пугачёв Емельян Иванович. Вот так-то, Гришатка.

Лицо у Гришатки стало глупым-преглупым. Рот по-лягушечьи разинулся до ушей. Не знает, как и принять слова государевы.

— А как же царские знаки? — потянулся Гришатка рукой к груди Пугачёва.

— Знаки? — Пугачёв рассмеялся. — Так это с прусской войны. Картечины эти царские знаки мне припечатали.

Провалилась под Гришаткой земля. Голова за-

кружилась. Думал, царь настоящий. А тут казак, да к тому ещё и простой. Обидно до слёз Гришатке. Смотрит мальчик на шапку свою, смотрит на валенки. Выходит, и шапка не царская, не царские валенки.

Бродил в этот день мальчик по Бёрдам, словно в воду опущенный. А вечером под большим секретом рассказал о словах Пугачёва Хлопуше.

— Эку новость принёс! — рассмеялся Хлопуша. — Вестимо, не царь. Вестимо, Пугачёв Емельян Иванович. Стал бы тебе настоящий царь воевать для народа землю и волю. Эх ты, Гришатка!

Смутился Гришатка.

— Царь наш батюшка, — продолжал Хлопуша, — тем и велик, что он сам из народа и что для народа он первый заступник.

— Так, дядя Афанасий, он же не царь!

— Как так — не царь? — оборвал Хлопуша. — Кто сказал, что не царь? Настоящий он царь!

Совсем замутилась Гришаткина голова. Вот так запутал Хлопуша!

— Царь он, доподлинный царь, — повторил Хлопуша. — Только не дворянский. Мужицкий он царь. Народом на царство венчан. Вождь он, Гришатка, народный. А сие выше, выше, чем царь. Понял?

— Понял, — произнёс Гришатка. А сам подумал: «Выше, чем царь, — эка куда хватанул Хлопуша!»

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДЕДА КОБЫЛИНА

— Говоришь, отпустил?

— Отпустил, отпустил, ваше сиятельство.

Рейнсдорп хмыкнул. Смотрит он на деда Кобылина. Ой, что-то не так говорит старик. Не может губернатор понять, как это так, чтобы злодей Пугачёв — и вдруг отпустил подосланного с ядом к нему человека.

Рассказал Рейнсдорп о возвращении Кобылина своей жене генеральше, другим генералам и офицерам.

«Да,— призадумались те.— Тут неспроста что-то».

— Ваше сиятельство,— вдруг произнёс офицер Гагарин.— А не перекуплен ли ваш Кобылин?

Все повернулись к Гагарину.

— Мысль такую имею,— продолжал офицер,— что прислан он сюда Пугачёвым с целью убить вас, ваше сиятельство.

Лицо у Рейнсдорпа вытянулось.

— Что?!

— Ему, наверное, и деньги злодей подсунул.

Бросились обыскивать старика. Нашли у Кобылина пожалованные ему Пугачёвым десять рублей.

— Ох, ох! — хватался за сердце Рейнсдорп.— Сквозь строй его, сквозь строй шпицрутенами. Не жалея, до смерти.

Схватили деда Кобылина, содрали до пояса одежонку.

Построили роту солдат. Погнали старика под солдатские взмахи.

Сам Рейнсдорп идёт тут же, рядом.

— Признавайся! Признавайся! — кричит.

— Нет, нет моей вины,— твердит, изнемогая под ударами, дед Кобылин.— Я ли вам не правдой служил, батюшка Иван Андреевич, ваше сиятельство? Я ли не вам слуга? Пожалей, смилостивись, батюшка!

— Молчать, молчать! Ты не слуга мне. Ты есть вор и разбойник!

— Пожалей, не губи! — стонет Кобылин.

— Так ему, так ему! Хлеще!

Теряет от боли старик сознание.

— Батюшка...

Не отзывается генерал.

И вдруг встрепенулось что-то в деде Кобылине, рванулся он к губернатору:

— Изверг! Губитель!..

Собрал старик последние силы, плюнул в лицо Рейнсдорпу и тут же упал как подкошенный.

Кончился дед Кобылин.

«НА ШТУРМ! НА СЛОМ!»

Приказ к штурму был дан неожиданно.

Вечером над Бёрдами стал подыматься туман. Разлился, разошёлся он в разные стороны. Словно кто из огромной бадейки хлестнул молоком по степи.

— Готовьсь! Готовьсь! — понеслось от землянки к землянке, от избы к избе.

Зашевелилось, задвигалось пугачёвское войско. Заржали, почуяв скорое дело, кони. Заиграли трубы и дудки. Забегали сотники и командиры.

Пользуясь темнотой и туманом, подтянули пугачёвцы мортиры и пушки к самым стенам Оренбурга. Пугачёв расставлял войска. Конных в засады, пеших за земляные выступы и в овражные пади. Перед пушками приказал из каменных плит выложить защитные стенки. Сам проверил готовность орудий.

Зарумянилось небо, стал голубеть восток. Туман отступал, неохотно потянулся в низины.

— Начинай с мортир. Пали! — скомандовал Пугачёв.

Мортиры навесным огнём плюнули первые ядра. Залп, второй, третий.

— Так их, так их! Молодцы, детушки!

— Жарь, не стой!

— Целься! Ура! Ух ты, в дом к самому генерал-губернатору.

Гремит, захлёбывается, рассыпается дробью барабанный бой над стенами крепости. Палит караульная пушка. Переполох и смятение в Оренбурге.

— Не трусь, не трусь! — кричат офицеры.

— Солдаты, равняйсь!

— Канониры, к орудиям!

Тем временем Пугачёв вывел из укрытия первую группу своих казаков и башкирцев. Рванулись они к крепостному валу.

— На штурм! На слом! — кричит Пугачёв.

Вьить, вьить! — встретили их солдатские пули.

Бах! — врезалось в самую гущу ядро.

— Смелей, смелей, детушки! — подбадривает наступающих Пугачёв. — Нам ли под пулями гнуться?! Нам ли шапки снимать?! На штурм! На слом! По-соколиному!

Подбежали наступающие к валу, залегли за откос горы. Передохнули. Дали залп по защитникам. Поднялись в полный рост и с криком двинулись дальше.

Бросился Пугачёв в атаку, да с малыми силами. Поняли это оренбургские офицеры. Открыли городские ворота. Стал заходить солдатский отряд в тыл Пугачёву. А сверху, увидев подмогу, подняли такую пальбу, что даже вал содрогнулся.

Ясно Пугачёву, что победы не будет.

— Назад, назад отходи, детушки!

Отхлынули пугачёвцы. Отошли за Яик в безопасное место.

НЕНИЛА ВСПЛЕСНУЛА РУКАМИ

Всю эту ночь Гришатку пугали страшные сны.

То вдруг явился генерал Рейнсдорп с трубкой в руке и снова бил Гришатку по темени. Потом появилась тётка Степанида. Она снова кричала: «Ваня, Ванечка!» — обнимала и прижимала к себе Гришатку. Затем неожиданно всплыл губитель Гришаткиного отца — офицер Гагарин.

Гагарин не один, вместе с солдатами. Вскинули солдаты ружья, направили на Гришатку.

«Пали!» — командует офицер.

Гришатка вскрикнул, заметался во сне. Подошла Ненила.

— Дитятко, дитятко, не жар ли с тобой? На бочок, на бочок повернись, дитятко.

Мальчик успокоился, но вскоре началось всё снова. Опять Рейнсдорп, опять Степанида, снова Гагарин. И вдруг — Пугачёв:

«Кто забижает Гришатку?»

Исчезают Рейнсдорп и Гагарин. Остаётся одна Степанида. Смотрит мальчик, а то вовсе не Степанида, а Гришаткина мать.

«Царь наш, заступник!» — бросается женщина к Пугачёву.

«Не царь он, не царь, — кричит Гришатка, — а простой казак Пугачёв Емельян Иванович!»

Лицо Гришаткиной матери становится строгим, смотрит она на сына укоряющим взглядом.

«Царь он, царь он, Гришатка!»

И вдруг врывается голос Хлопуши:

«Царь он народный! Вождь и заступник!»

И снова голос Гришаткиной матери:

«Вождь и заступник!»

Гришатка проснулся. Стоит у постели Ненила.

— Дитятко, я кашу тебе приготовила.

Вскочил Гришатка:

— Тётка Ненила, а где... где царь-батюшка наш?

— Уехал, уехал, Гришатка, Оренбург с казаками уехал брать.

В это время на кухню к Нениле ввалился ещё по первой встрече знакомый Гришатке казак, тот высоченный, с серьгой в оттопыренном ухе.

— Сей минут из-под Оренбурга. Ух и сеча! Ух и сеча! Сам царь-батюшка водил казаков и башкирцев на приступ. Людишек много, оружия мало у нас. Неосторожен царь-государь. В самое пекло лезет. Ты, Ненила, доглядай за Гришаткой, наказал император.

— Ох, ох! — вздыхала Ненила. — Тут-то догляжу. Как они там, родные?

Принялась Ненила угощать казака варевом.

А Гришатка незаметно полушубок на плечи, пистолет из-под подушки за пояс и на улицу — шмыг. Подбежал он к коню, на котором прискакал казак из-под Оренбурга. Ногу в стремя, на спину — скок, пятками в лошадиное брюхо — трогай!

Взвился лихой скакун с места галопом.

Выбежали казак и Ненила.

— Стой! — закричал казак.

— Ох ты, дитятко! — всплеснула руками Ненила.

«КРОВИ ЧАСТИЦА НАРОДНОЙ»

К исходу дня Пугачёв начал новую атаку на Оренбург. На сей раз в конном строю.

— За мной, детушки!

Взяли казацкие кони в карьер. Вмиг промахнули открытым полем.

Вот и ров, вот и вал.

— На штурм! На слом! — привстав в стременах, кричит Пугачёв.

И снова градом навстречу картечь, снова несмолкаемым гулом бабахнули ружья.

Ударила пуля Пугачёва в левый рукав — отлетел клок от полушубка, словно перо из птицы. Ударила другая пуля в правый рукав — обожгла чуть повыше локтя.

— Не трусь! — кричит Пугачёв. — Дело святое, правое. Смерть не страшна. Слазь с коня! Валом кати на вал!

Однако казаки не успели выполнить приказ Пугачёва. Сверху, с вала, посыпались на пугачёвцев солдаты. Врезались они в ряды конных, взыграл рукопашный бой.

Заработали казаки пиками, саблями. Крошит Пугачёв солдат. Не подставляй головы, береги плечи! Удар у Пугачёва пудовый. Сабля острая. Раз — взмах, два — взмах! Не шути с государем.

— Емелька! Это Емелька! — кричат царские солдаты и, словно к магниту, лезут к отважному всаднику.

— Неразумные! Сырые! — кричит Пугачёв. — Так-то своих встречаете?! — И снова саблей во весь богатырский мах.

Бьётся Емельян Иванович, мышцы как сталь, лицо в напряжении. Зрачки как маятник — в разные стороны бегают. На взлохмаченной бороде сосулька повисла.

Метнул Пугачёв глазами налево — рядом верхом на коне Гришатка.

— Прочь! — взревел Пугачёв. — Откуда ты, глупое! Эй, казаки, оттащить Гришатку в безопасное место!

Собрался Гришатка отъехать подальше от Пугачёва, да вдруг заметил, как из-за крепостной стены из-за огромных брёвен высунулось бородатое лицо солдата. Поднял солдат ружьё, целит прямо в грудь Пугачёву.

— Берегись, берегись, государь!

Однако Пугачёв то ли не услышал Гришаткиного крика, то ли не понял, в чём дело. Как был, так и остался на старом месте.

Сощурил бородатый солдат левый глаз. Момент — и нажмёт на ружейный курок.

И вдруг Гришатка что есть мочи ударил коня. Дёрнул за узду так, что у лошади в губах кровь проступила.

Взмыл, привстал конь на задние ноги. Прыгнул вперёд, заслонил Гришаткой и собой Пугачёва.

Свистнула солдатская пуля. Ударила мальчика. Выпустил Гришатка из рук поводья. Осел, словно кто к земле потянул. Качнулся и рухнул с коня на снег.

— Гришатка! — закричал Пугачёв. Он рванулся к мальчику, спрыгнул на землю, подбежал. — Гришатка, Гришатка!

Враз несколько казаков окружили Гришатку и Пугачёва.

— Дитятко,— тормошит Пугачёв Гришатку. —Дитятко!

Смотрит мальчик полузакрытыми глазами на Пугачёва, смотрит, ничего не видит, не слышит. Не дышит Гришатка. Отжил, отгулял свой недолгий мальчишеский век Соколов-Соколёнок.

— Гришатка! Гришатка! — кричит Пугачёв.

Расстегнул Пугачёв полушубок Гришаткин. Рванул залитую кровью рубаху — у самого сердца рана навылет.

Вдруг что-то зашуршало в руках Пугачёва. Потянул он — бумага. Развернул — пугачёвский портрет, тот самый, что рисовал как-то Гришатка. Конь. Пугачёв. Генеральская лента. Пистолеты за поясом. Снизу надпись: «Царь-государь Пётр Третий Фёдорович». Только надпись теперь перечёркнута. И вместо старой поверх неё новая — во весь разворот листа: «Пугачёв Емельян Иванович — вождь и заступник народный».

— Дитятко! Сокол! — взревел Пугачёв. — Крови частица народной. Кровушки. — И слеза, огромная слеза, размером в горошину, поползла по заросшей щеке Пугачёва и тут же, застыв на морозе, повисла серебряной, стонущей каплей.

ПОЛЕ, ОГРОМНОЕ ПОЛЕ

Поле, огромное поле. Только что вырытая в промёрзшей земле могила. На краю её — маленький гроб с Гришаткой. Вокруг — огромной толпой притихшие люди.

— Успокой, господи, душу новопреставленного раба твоего, отрока Соколова Григория, и сотвори ему вечную па-а-амять! — вытягивает прощальную молитву священник Иван.

Он, по привычке, в поповской ризе поверх тулупа.Только лицо на сей раз не ястребиное, не строгое. Как-то сморщилось лицо у попа Ивана. Служит он панихиду, а сам нет-нет да носом потянет. Забивается нос, в глазах проступают слёзы.

И голос сейчас у него тихий, тихий, и губы почти не шевелятся, словно бы вовсе и не он те слова произносит, а льются они откуда-то сами и несёт их ветер из дальних далей.

Поп Иван подаёт команду. Все медленно опускаются на колени и, сотрясая притихшую степь, трижды повторяют за священником:

— Вечная па-а-амять.

Четверо казаков подымают гроб и опускают его в могилу.

По приказу Пугачёва гремит прощальный салют из пушек.

Опять тишина, и вдруг!..

— Гришенька, родненький! — взорвал немоту плачущий голос Ненилы.

— Дитятко, сокол! — крик-стоном метнулся хрип из груди Хлопуши.

И следом сотни людей:

— Ушёл, ушёл! Улетел! Закрылись очи твои соколиные.

— Детушки, детушки, — перекрыл человеческий плач дрогнувший бас Пугачёва. Он пробился к самому краю могилы, поднялся на бугор из отрытой земли. — Неверно. Неверно! Жив он, жив, Соколёнок! Соколам вольное небо. Ширь им, простор им и вечность. — Пугачёв вскинул руки, простёр их вверх в синеву, к небу. — Здесь он, здесь он, наш Соколёнок!

Все невольно подняли головы к небу. И хотя не было там ничего, но всем вдруг ясно представилась вольная птица. Она кружилась, махала крылом, издавала призывные крики. Она то взмывала, то падала вниз и манила, манила людей...

А голос Пугачёва крепчал и крепчал, наливался медью, гудел, словно колокол в час набата.

— Соколам вечная слава! Соколам жить да жить! Не забудет смелых русский народ. Внуки и правнуки нас не забудут.

Люди притихли. Хлопуша вытер слезу рукавом.

Рассказы о Суворове и русских солдатах

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец.— Ты и ружья не подымешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в тёплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинет лёгкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, ещё никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студёную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов добился своего. Он окреп и вскоре поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провёл в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил её фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боёв и сражений провёл Суворов. В каждом из них он был победителем.

О славных победах великого русского полководца Александра Васильевича Суворова и героизме русских солдат вы и узнаете из этих рассказов.

Глава первая

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

ПАКЕТ

За непослушание императору Суворов был отстранён от армии.

Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привёз фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошёл.

Смотрит офицер на пакет — всё как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнёс Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привёз из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнёс Суворов и распечатал пакет.

«БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооружённый отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперёд! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперёд! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары, — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ТУРТУКАЙ

Слава Суворова началась с Туртукая.

Суворов только недавно был произведён в генералы и сражался под началом фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского против турок.

Румянцев был заслуженным военачальником. Одержал он немало побед над противником. Однако эта война поначалу велась нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

— Одним глядением крепостей не возьмёшь, — возмущался он робостью графа Румянцева.

И вот, не спросясь разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнал и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришёл приказ Румянцева повернуть назад.

Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказания.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь, — говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стишков фельдмаршал обиделся, — перешёптывались третьи.

Слухи о расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй.

Защитила она Суворова.

«Победителя не судят», — написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся к войскам и через несколько дней одержал новую победу над турками.

СУВОРОВ СТОЯЛ В КИНБУРНЕ

С небольшим отрядом казаков и солдат Суворов стоял в Кинбурне.

Важной была крепость. Слева — Чёрное море. Узкая песчаная коса впереди. Справа — Днепровский

лиман. Не допустить турок в Днепровский лиман — задача Суворова.

Пятьдесят шесть турецких судов и фрегатов подошли к Кинбурнской косе, открыли огонь по русским.

Окончили турецкие корабли обстрел, стали высаживать отборные войска на берег. Боялись турки Топал-паши[1] — так прозвали они Суворова. Даже французских офицеров призвали к себе на помощь.

Вывел Суворов навстречу врагу небольшой гарнизон своей крепости, начал неравный бой.

Бьются русские солдаты не щадя живота своего. То тут, то там на коне Суворов.

— Алла! Алла! — кричат турки.

— Ура! Ура! — не смолкают русские.

Идёт отчаянный бой, кипит рукопашная сеча.

В разгар сражения картечь ударила в грудь Суворова. Потерял он сознание, свалился с коня.

— Топал-паша убит! Убит! Убит! — пронеслось в турецких рядах.

Осмелели турки, с новой силой бросились в битву.

Подняли между тем казаки генерала, промыли рану солёной водой. Пришёл Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бог, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Алла! Ура! — несётся над берегом.

Прошёл час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не сметь! — закричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубахи и снова к войскам.

Однако от ран генерал обессилел. То и дело теря-

[1] Топал-паша — хромой начальник. У Суворова в это время болела нога, и он прихрамывал.

ет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнёт шпагой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли теряет сознание. Снова придёт в себя, снова «ура», и снова на казацкие плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня и на бугре, на высоком месте,— так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадеры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погнали турок и французских офицеров назад, к Чёрному морю. Немногие добрались до своих кораблей. А те, что добрались, распустили слух, что Суворов убит в Кинбурне.

Однако от ран Суворов скоро оправился и ещё не раз о себе напомнил.

БИТВА ФОКШАНСКАЯ

С русскими против турок сражались австрийцы. Дела у австрийцев были неважны, и им грозил разгром под Фокшанами.

Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь пришёл Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией принц Кобургский немедля прислал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а затем подумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдёт. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

— Суворов богу молится, — заявили посыльному.
Через час прибыл новый посыльный.

— Суворов ужинает, — отвечают ему.

Прошёл ещё час, и снова прибыл посыльный.

— Суворов спит, — объяснили австрийцу. — Наказал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привёз письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, — писал Суворов. — Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришёл, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не упускай, ура! А коль не придёшь, ударю один», — пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так — без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

— Нельзя было, — объяснял Суворов. — Нельзя иначе. Австрийцы — они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждёт Суворова, думает — русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошёл. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник — это река. У её берегов собралась огромная, стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шёлковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик: прибыл из русского лагеря. Принёс разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий государь за победу.

С мыслями о наградах великий визирь заснул. И вдруг на рассвете, сквозь радостный сон, Юсуф-паша услышал дикие крики:

— Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки — в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться немыслимо.

— Какие русские?! Откуда русские? — кричит визирь.

А русские уже и слева и справа, бьют и в лоб, и с боков, и с тыла. Теснят растерявшихся турок. «Ура, ура!» — только и несётся со всех сторон.

— Стойте! — кричит визирь. — Сыны аллаха! Стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолел турецкую армию великий страх.

Схватил тогда визирь священную книгу — Коран, стал заклинать трусов.

Но и слова о боге не помогают.

Приказал тогда визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Забыли солдаты и визиря и аллаха. Бегут как ста-

до баранов. «Аман! [1] — вопят. — Аман!» Сбивают и давят друг друга.

— Скоты! — прошептал потрясённый визирь.

Оставил он и Коран и пушки, подхватил полы парчового своего халата и, пока не поздно, бросился вслед за всеми.

Любил Суворов стремительные переходы. Нападал на неприятеля неожиданно, обрушивался как снег на голову.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шёл вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

---

[1] Аман — сдаюсь, пощади.

И вот прошёл слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил ведёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу посла — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадёт в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты всё, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушёл из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

МИШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и её пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребёт копытом. Не конь, а огонь.

Подошёл Суворов слева, подошёл справа. И Мишка повёл головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришёлся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчён, опеча-

лен Суворов — и Мишка насупится, шагом идёт, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нём приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конём, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведён в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живётся в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучше Мишки всё-таки не было.

ДЕРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдёт, с флангов не обойдёт. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди

ясного неба, – на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли манёвр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

– Дерзкий так дерзкий, – усмехался Суворов. – Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперёк излазили топи и выбрали надёжный путь для своих товарищей. Суворов берёг солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий манёвр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

– Суворову повезло, – говорил Илловайский. – А я что, хуже? И мне повезёт.

Только Илловайскому не повезло. Повёл полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чём дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

– Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, – оправдывался Илловайский.

– «Дерзость»! – кричал Суворов. – Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

– Ему людей доверять нельзя, – говорил Суворов. – При лошадях он безопаснее.

«УБИТ ПОД ФОКШАНАМИ»

На переходе к Фокшанам одна из колонн пехотного Смоленского полка попала под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнём валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите, — просит, — ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет.

А в это время обе колонны догнал Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стоите! Вперёд! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство, — стал оправдываться подполковник, — так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказания своего генерала.

Посмотрел Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

— Какого генерала?! — воскликнул Суворов. — Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

— Убит. Убит, — повторил Суворов. — Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул её в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Просьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы, — говорил он. — Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

— А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

— Убит. Убит под Фокшанами.

«ГДЕ Ж ЭТО ВИДАНО...»

Где же это видано, чтобы кавалерия атаковала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А всё же много нашего брата гибнет, — заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно без смертей.

— Так-то оно так, — соглашался солдат, — а всё же, если подумать...

— Чего же тут думать?

— А вот, к примеру: засел неприятель в окопах, держится, пока до него добежишь, сколько людей навалит. А ежели на конях — раз, и в момент в окопах.

Смеются солдаты. Где ж это видано, чтоб на конях — и в окопы.

— Ты что же, умнее самого Суворова? — говорят.

— Зачем же умнее? Это я так, к слову, — засмущался солдат.

А в это время Суворов проходил по лагерю и подслушал солдатский разговор. Подошёл он к спорщикам.

— Как звать? — обратился к рябому солдату.

— Остап Капелюха.

— Родом откуда?

— Малороссийский, ваше сиятельство, из-под Чернигова.

— Так, говоришь, чтобы кавалерия атаковала окопы?

— Так точно, ваше сиятельство.

Улыбнулся Суворов.

На следующий день при атаке турецкого лагеря Смоленский полк натолкнулся на окопы противника. Пошли солдаты в атаку, однако турки подняли страшную стрельбу, и смоленцы отпрянули.

Несколько раз ходили в атаку солдаты, да всё неудачно. Хоть и недалеко до окопов, метров всего полтораста, однако идти солдатам по ровному месту. Пока бегут — турки их щёлкают, словно зайцев.

К Смоленскому полку прибыл Суворов. Видит — зазря погибают солдаты.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперёд! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смоленцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добили противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невпопад:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братцы.

И верно. Не в первый раз уже применял Суворов конную атаку на окопы врага. Удалась атака и в этот раз.

ТУРЕЦКИЙ ШТАНДАРТ

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: впереди – турецкий штандарт.

Остановился поручик Вицин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак, турки идут в наступление?

А штандарт колышется поверх кукурузных стеблей и всё ближе и ближе.

– К бою! – скомандовал Вицин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсем рядом.

– Вперёд! Ура! – закричал поручик.

Бросились солдаты вперёд.

А навстречу им русский солдат выходит – турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

– Штандарт откуда?

– Как звать?

– Какого полка?

Рассказал солдат, что звать его Гавриилом Жакеткой, что солдат он первой роты Смоленского полка, турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несёт командиру.

– Ай да Жакетка, – смеются солдаты. – Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вицин солдату, как разыскать командира Смоленского полка. Пошёл солдат дальше своей дорогой. А рота убыстрила шаг – и вдогон неприятелю.

Сто турецких знамён захватили русские в битве на Рымнике.

Штандарт, взятый Гавриилом Жакеткой, был первым.

Преследуя турок, гренадер Дындин увлёкся бсем.

Бежит Дындин, колет штыком, бьёт прикладом.

— Аман, аман! — кричат турки.

Отбежали с версту. Повернул кто-то из турецких солдат голову, видит — всего-навсего один российский солдат сзади.

Закричал турок своим собратьям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Алла! — кричат. — Алла! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдаётся. Пырнул штыком одного турка, пырнул второго, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, приглушили прикладами. Очнулся Дындин в воде.

Прихватив пленного, турки вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только всё тело жжёт, в костях ломит, голова кру́гом. Закрыл солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву гренадера, советуются между собой, что делать дальше.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не тащить, а отрезать солдатскую голову и принести, как трофей, начальству.

Подошёл турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотел рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил гренадер, вырвал ружьё.

Опешили турки. Что за чудо: ожил солдат — и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка – ударил штыком. Догнал второго – и тоже штыком. Ещё один турок бросился в воду.

И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бьёт направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Смотрят – на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись – так это же Дындин!

– Дындин, Дындин! – позвали товарища.

Шевельнулся герой.

– Жив, жив! – закричали солдаты радостно и бросились к нему.

Подняли они гренадера на руки, отправили к санитарной повозке.

– Десять турок! – восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. – Молодец! Ой какой молодец!

Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шесть, давай нам десять на одного: всех побьём, повалим, в поло́н возьмём — коль такой солдат в российских войсках имеется.

ПЕРВЫЙ

Вечером после победы у Рымника Суворов шёл по русскому лагерю.

Смотрит — у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит — у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят. Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь гренадер Гагин, — говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хотин, — поправляет его второй.

— И не Гагин, и не Хотин, а Знамов, — уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хотина, и Знамова — пусть скажут сами. Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают у Гагина.

— Нет, — отвечает Гагин. — Первым был Хотин.

— Ты был первым? — спрашивают у Хотина.

— Нет, не я, — отвечает Хотин. — Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов, — так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хотин.

Порадовался Суворов солдатской скромности, подошёл он к гренадерам.

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

— Марш спать! — прикрикнул на офицеров. — Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее всё это кончилось. Совестно было солдату. И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнётся.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубаху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть сол-

дата. Не выдержал Шапкин, пошёл к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всём признался Суворову.

«Ну, — думает, — пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнёс. — Знаю, братец, без тебя всё знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

ПЕРЕХОД

Движется суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят вёрст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдавите передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперёд! Вперёд! Нога ногу подкрепляет — раз, два,

левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперёд! Вперёд! Теснее ряд, выше голову, грудь навыкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от чёткого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов — доволен. Не остановилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

СПОР

Как-то между солдатами начался спор — прав или неправ Суворов, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пенкин и рядовой Кривокорытов.

— А что, — говорил Пенкин, — прав Суворов. В быстроте вся сила. Быстрота и натиск решают дело.

— Так-то оно так, — соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал своё: — Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

— Мало что отстают, — возражал Пенкин. — Пусть лучше десять отстанут, зато сто победят.

— Ишь ты — десять отстанут! — не унимался Кривокорытов. — А может, эти десять самые смелые.

— «Смелые»! — усмехнулся капрал. — Кто же это тебе сказал, чтоб смелые — и вдруг позади!

И другие солдаты поддержали капрала:

— Прав Суворов: лучше устать, но победить!

— Ну, как хотите, — сдался Кривокорытов. — А мне торопиться некуда. Мне моё здоровье важнее.

И действительно, на всех маршах солдат отставал. Армия уже и закончила переход и вошла в дело, а бывало, и разбила противника, а Кривокорытов и другие вроде него ещё где-то в пути, обозными клячами тащатся.

— Эх, несдобровать тебе, Кривокорытов! — говорил Пенкин солдату. — Помяни: отстающего бьют.

Так оно и случилось.

Привёл Суворов русские полки стремительным маршем к Рымнику, к лагерю Юсуф-паши. Прошли солдаты единым махом восемьдесят вёрст, разгромили турецкую армию.

Кончился бой. Стали товарищи разыскивать Кривокорытова. Нет солдата.

Принялись ждать. Ждут день, ждут два — не приходит солдат.

На третий день Кривокорытов нашёлся. Поленился, отстал, отбился солдат в пути, наскочил на турецкий разъезд и был насмерть врагами изрублен.

Похоронили солдаты товарища, перекрестились. Эхма, ни за что ни про что, через глупость свою, сложил гренадер неразумную голову!

ПАЛОЧКИ

Рядовой Пень в боях первым вперёд не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что, — отвечал Пень, — кровь проливаю, себя не жалею. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в маленький турецкий городок. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам, видит — выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец,— окликнул Суворов,— сюда!
Подбежал Пень.
— Откуда гусак?!
Замялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашёлся:
— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На́, говорит, служивый.
— Так и дала? — усмехнулся Суворов.
— Дала, дала и ещё приходить велела.
Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьём, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.
Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.
— Значит, сама дала и ещё приходить велела! — обозлился Суворов.
— Так то не она, другая дала,— стал выкручиваться Пень.— Молодая.
— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.
Только воскликнул, а из дома выбегает молодая турчанка и тоже к солдату. Подскочила, затараторила на своём языке, руками машет и причитает.
Суворов турецкий язык знал, понял, что турчанка говорит о шёлковой шали. Протянул он руку к солдатской пазухе — вытащил шаль.
Потупил Пень глаза, понял, что быть расплате. Крикнул Суворов солдат, приказал взять мародёра под стражу.
Вечером перед воинским строем виновного разложили на лавке и стали всыпать шомполами.
Врезают солдаты воришке, а Суворов стоит рядом, приговаривает:
— Жителя не обижай — он тебя кормит, не обижай — он тебя поит. Так ему. Так ему. Ещё, ещё! — командует Суворов.— Пусть хоть палочки дурь выбьют. Палочки тоже на пользу, коль солдат нечист на руку. Солдат — защитник жителя. Солдат не разбойник!

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов. — Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж, — отвечают генералы, — мы подождём. Вот-вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонёк.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведёшь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улёгся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в даль-

нейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому даёт, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, потёртая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал её с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увёз её вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство, — успокаивали его армейские интенданты, — новую шинель сошьём. Лучшую.

— Нет, нет, — отвечал Суворов. — Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в наскоке на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележе захваченного имущества старому турку по имени Осман.

— А где он? Жив тот Осман? — заволновались солдаты.

Осман оказался жив. Только вот задача — пойди излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесёт в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принёс шинель.

Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

— Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! — кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

— Так они, ваше сиятельство, сами.

— «Сами»! — пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потёртые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

— Чего это наш фельдмаршал? — спрашивали не знавшие, в чём дело, солдаты.

— Шинель, — отвечал Иван Книга.
— Ну так что?
— Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

МОСТЫ

Войска Суворова сражались в Италии. Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты.

Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдают французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идёт работа.

Довольны французские генералы. Всё идёт точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились сапёрные офицеры.

— Молчок, — приложил палец ко рту Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвёл свою армию вниз по её течению и переправил, где вброд, где по понтонам, на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают: мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чём дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты всё же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

ЗАМАНИВАЙ!

На реке Треббии разгорелась кровопролитная битва с французами.

Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубахе, со шпагой в руке.

В самый разгар битвы один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин.

«Ну, погибель пришла!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгорячённом коне, закричал:

— Заманивай! Шибче! Так, правильно! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

— Чудо-богатыри!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперёд!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

— Вперёд! — не умолкает Суворов. — Богатыри! Неприятель от вас дрожит! — И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой ловко, ой как ловко Суворов всё дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже был далеко от этих мест, ястребом сидел на коне и снова зорко следил, всё ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Треббии. Победа была суворовской — полной.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звёзды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любуется.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин — смельчак — всё поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнём атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошёл Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — всё, как надо, указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнёс:

— Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»[1] и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

— Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

— Помилуй бог, два миллиона ливров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошёл по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — произнёс, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамёна, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить. Поразбежались!

---

[1] Пардон *(франц.)* — извините, простите.

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золочёную резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завёл разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

— Минуточку, минуточку. Я вам ещё одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчинённых. Вызывает к себе офицеров и начинает рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, то и им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очерёдность. В понедельник ходил майор Краснощёкин, во вторник – поручик Куклин, в среду – капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали, тратили время и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

— Зачем мне карета? – заупрямился было Суворов. – Донской конь – лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, всё готовился к встрече с Суворовым.

А сам Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге.

Тогда Суворов по поводу кареты и её хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащённую его карету взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ, и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повёрнутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уж больно хочется ему заговорить с Суворовым. Просидел генерал молча минут десять и всё же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин ещё минут десять

спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси, господи, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский. — Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всём подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книги читал французские.

Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьёт, и как время проводит. И всё-то ему у французов нравится. И всё-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рождён в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, — ответил удивлённый поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов.— Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает всё французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рождён я во Пскове.

— Ах, прости, прости старика, запамятовал.

Не может понять поручик, в чём дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерами. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все,— говорит.

— Все, ваше сиятельство,— докладывают офицеры.

— Нет, не все,— повторяет фельдмаршал.— Тут ещё один французишка не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство! — кричит.— Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

— Нет ошибки, — отвечает фельдмаршал. — Не русский ты.

— Русский,— утверждает поручик.— Русский. И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рождён.

— Мало что во Пскове рождён. Мало что матушка да батюшка русские,— говорит Суворов.— Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чём дело. Упал он на колени, просит простить.

Подумал Суворов, сказал:

— Ладно, так уж и быть — оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Всю свою солдатскую жизнь Прошка провёл в денщиках у Суворова.

Любил похвастать Прошка близостью к великому полководцу. Начинал так: «Когда мы с фельдмаршалом бивали турок...» Или: «Когда мы бивали прусских...»

— Ну, а ты здесь при чём? — смеялись солдаты.

— Как — при чём! — обижался Прошка. — Как же без меня? Да если бы не я...

И Прошка не врал. Составляя планы сражений, Суворов любил «посоветоваться» со своим денщиком.

— А как ты думаешь, Прошка,— спрашивал Суворов,— не заслать ли нам драгун[1] в тыл к неприятелю?

— Заслать, заслать, непременно заслать,— соглашался Прошка.

— А как ты думаешь, не направить ли нам генералу такому-то сикурс[2].

— А как же — направить, непременно направить,— одобрял Прошка.

Не раз Прошка спасал Суворова от верной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним ну-

[1] Драгуны — кавалерийские части.
[2] Сикурс — помощь.

жен глаз да глаз. Неотступен Прошка — словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошёл ко дну — Прошка, не мешкая, бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прошка тут как тут — подводит нового рысака.

А сколько раз выхаживал Прошка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжёлым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и остановилась в затылке. Пулю вырезали. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался всё время встать.

Ни доктора, ни генералы не могли успокоить Суворова.

И снова нашёлся Прошка.

— Не велено, не велено! — покрикивал он на больного.

— Кем не велено! — возмущался Суворов.

— Фельдмаршалом Суворовым, — отвечал Прошка.

— О, фельдмаршала надобно слушаться. Помилуй бог, надобно слушаться, — говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прошке медаль. При этом было указано, что Прошка награждается «за сбережение здоровья великого полководца».

Медалью Прошка страшно гордился и, когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграницкими моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растёт?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жёстком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мёрзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло ещё несколько дней, а генеральская слава всё не растёт. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой ещё секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчинённых, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмехаются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается князь Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идёт?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это ещё не всё.

— Что же ещё? Какие ещё такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава вторая

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ

ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и ещё одна неприятность.

Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза, — вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ёжится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеётся.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеётся.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеётся.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясётся, то учинит поверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне басурманская речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещерский. Одет офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шёлковые чулки до самых колен. Напомажен, надушен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званый обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул.— Пахучка!

— Что? — не понял Мещерский.

— Духи́, говорю, — произнёс Суворов,— пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

— Полтысячи золотых,— с гордостью ответил Мещерский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатиться ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне— собою любуется: вот он, мол, какой — и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам. Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через овраги и перелески. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и всё приговаривает:

— Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещерский уже понял, в чём дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит он на щегольской наряд, понимает — ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шёлковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жёсткое казачье седло до крови натёр себе ноги.

Вернулся щёголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня — едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подаёт. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», — подумал Суворов.

И не ошибся.

Вскоре с поручика сошёл питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошёл как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца? [1]

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крякнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!

Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звёзд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту, — и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звёзды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушёл. «Вот так сол-

[1] Месяц — Луна.

дат! — снова подумал. — Ну, уж на третий раз, — решил фельдмаршал, — я своего добьюсь: поставлю в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потёр Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фрунт[1] и гаркнул:

— Виктория[2], ваше сиятельство.

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый, — произнёс Суворов, — скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та, — не раздумывая ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и всё восхищался:

— Помилуй бог, как провёл! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

---

[1] Во фрунт — то есть стал по стойке «смирно».
[2] Виктория — победа.

САПОГИ

В чине генерал-аншефа[1] Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдалённом участке Суворов передоверил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, перепоручил это своему помощнику — майору. А майор, в свою очередь,— молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдалённую крепость. Приехал. Посмотрел — работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это! — закричал.— Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил всё на майора: мол, майор во всём виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да,— произнёс Суворов,— вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры — ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свои сапоги. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всём виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

---

[1] Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдалённая крепость.

МОНАСТЫРСКИЕ СТЕНЫ

Однажды сержанты и суворовские офицеры проводили с солдатами учения около монастыря. Глянули офицеры на высокие монастырские стены.

— На штурм! — раздалась команда.

Солдаты опешили.

— На штурм!

Солдаты закричали «ура» и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чём дело. Забились в тёмные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончили офицеры учения, похвалили солдат за проворство, построили, повели в казармы.

На следующий день вновь повторились учения. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи попривыкли к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи монахам не хочется. Видать, понравилась солдатская удаль: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а чёрт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, — думает, — всё дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Не знал настоятель, что это по приказу Суворова штурмовали солдаты монастырские стены. Выхватил Суворов шпагу, вскинул над головой, указал на стены:

— Чудо-богатыри, ура! Вперёд! Во славу отечества!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Питер. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушёл на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Спасибо за учения, спасибо за монастырские стены.

ПО-СУВОРОВСКИ

В поле недалеко от казарм капрал Казанского пехотного полка вёл занятия со своими солдатами по-суворовски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Ученье свет, а неученье тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат учёный?

— За учёного трёх неучёных дают.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — произнёс капрал, — верно. — И перешёл к занятиям по рукопашному бою.

Сам показал. Потом повторяли солдаты.

— Коли! Правильно. Коли! — выкрикивал кап-

рал. — Пуля дура, штык молодец! — выкрикивал по-суворовски он при этом.

Начался дождь. Однако капрал солдат не распустил.

— За мной! — закричал.— Вперёд! — И побежал через поле, через овраг к речке.— Живей, живей! — подгоняет солдат и опять по-суворовски: — Голова хвоста не ждёт. Храбрый впереди, трусишку и назади убивают!

Подбежали к реке. Капрал бух в воду — и на тот берег. И солдаты за ним. Вылезли, смотрят — один поотстал. Бьётся на быстрине, тонет.

— Назад! — закричал капрал. — Сам погибай, а товарища выручай! В воду!

Вытащили неумельца солдаты. Стоят, переводят дух.

— Устали? — усмехнулся капрал.

— Устали,— сознались солдаты, но тут же гаркнули по-суворовски: — Трудно в ученье, легко в бою!

— Молодцы! Правильно! — похвалил их довольный капрал.

Слухи о занятиях солдат в Казанском полку дошли до Суворова. Порадовался фельдмаршал, что солдаты суворовскую науку осваивают. Решил он узнать фамилию лихого капрала. Написал письмо командиру полка. Вскоре пришёл ответ:

«Фамилию, ваше сиятельство, указать не могу. У нас что ни капрал — каждый ведёт занятия по-суворовски».

ГОСПИТАЛЬ

— Не люблю госпиталей,— говорил Суворов. — Тот их любит, кто не радеет за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек хворых.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам.

Зашёл в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся, — наконец произнёс какой-то солдатик.

— Позвать сюда провиантмейстера[1], — приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным... — начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А ещё?

— Капустой.

— Так, — произнёс Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

Вошёл Суворов во вторую палату.

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они поотмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса[2], — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

---

[1] Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск, провизией.

[2] Каптенармус — унтер-офицер, ведающий обмундированием солдат.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

Пошёл Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие ещё раненые? — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось тухлой капусты. Кутайсов и другие офицеры стали собственноручно проверять снаряды и пушки.

Прошёлся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пустые. Вместо прежней тысячи человек с трудом сорок больных насчиталось.

Ходит Суворов — доволен. Не любил фельдмаршал госпиталей.

НА СЕСТРОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путём по битой просёлоч-

ной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хороши карабины.

Осмотрел штыки — хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков. «И чего это, — думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего, — ответил Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего ещё привязался!» — думает мастер.

— Ступай, — говорит, — служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя — попадёт.

Суворов ушёл.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше чем среднего.

— Худощав?

— Худощав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком впереди?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

РТИЩЕВ-УМИЩЕВ

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю «немогузнаек», — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядком на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск вперёд, имеющее целью уничтожить противника, — отчеканил Козлятин.

— Дельно, дельно, — похвалил Суворов. — Правильно. А что такое супренировать? — спросил у капитана Проказина.

— Супренировать, ваше сиятельство, — ответил Проказин, — это значит напасть неожиданно, застать

неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

— Дельно. Дельно, — снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал: знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит, улыбается, а сам Суворову всё время на молодого поручика Ртищева показывает.

— Это, — говорит, — самый знающий в полку офицер. Умница!

Дошла очередь и до Ртищева.

— А ну-ка, скажи мне, Ртищев, — произнёс Суворов, — что такое есть ретирада? [1]

Замялся поручик и вдруг...

— Не могу знать! — выпалил.

Все так и ахнули. Ну, всё дело испортил. Офицеров подвёл. Командира полка опозорил.

Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

— Немогузнайку подсунули! — закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

— Так что такое есть ретирада?

— Не могу знать, ваше сиятельство. В нашем полку такое слово никому не известно. Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Славный полк — Фанагорийский. Значит, никто не знает?!

— Так точно, ваше сиятельство.

— Вот уж не думал, что проклятый немогузнайка доставит мне столько радости! — прослезился Суворов. — Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

---

[1] Ретирада — отступление.

ВРАГ

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги.

Как-то пришёл Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов. — Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберёмся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепёшкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть ещё.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнёс Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошёл секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот таинственно, шёпотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнёс Суворов.

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привёз Суворову. Осадил офицер разгорячённых коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озёрную.

Примчался офицер в Озёрную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждёт и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка

навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра вразлёт.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнёс Прошка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любуется. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони всё ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронёсся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозлённо фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише! — прикрикнул Суворов и снова любуется: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова.

Несколько тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова крестьяне с нетерпением ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дождаться приезда Суворова, прийти к нему и всё рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

— Как звать? — обратился фельдмаршал к первому.

— Денис Никитин.

— Про что жалоба?

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашёл он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

— Правильно выпорот, — сказал Суворов, — на барское рот не разевай.

— Так сноп же подгнивший. Завалящий. Ему же всё равно пропадать...

— Не твоё дело, — прервал Суворов. — За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? — обратился ко второму мужику.

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

— Шапку не снял перед Балком, ваше сиятельство.

— Шапку снимай, — ответил Суворов. — Правильно сечен.

— Так я же не заметил. Без злого умысла, ваше сиятельство.

— Впредь замечай. Будет наука. Ну, а ты? — обратился к горбатой старухе.

— Сечена, батюшка, сечена, — зашамкала та, — недоимки у меня: три рубли двадцать копеек.

— Помилуй бог, — воскликнул Суворов. — Три рубля двадцать копеек! Верни. Немедля верни.

— Так где же их взять?

— Корову продай.

— Так нет же коровы.

— Займи.

— Так у кого же занять?!

— Ступай, — прекратил разговор Суворов. — Вер-

но сечена. За недоимки управляющему наказ и впредь батогами жаловать.

Больше жалобщиков не нашлось. Расходились мужики разочарованные.

— Барин, как есть барин! — говорили они.

НЕВЕСТЫ

Приехал как-то Суворов под Владимир в своё имение Ундол, прошёлся по улице, повстречал группу парней:

— Женаты?

— Нет, ваше сиятельство.

— Почему не женаты?

— Так невест на селе нет.

Вызвал Суворов управляющего, стал кричать:

— Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

— Невест же нет на селе.

— Купить невест, — распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы своё хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности — барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри, — наставлял Суворов. — Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил — и в Ундол. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранно.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

— Становись!

Стали по росту.

Подошёл к невестам, согнал с телег:

— Становись!

Невесты построились.

— На-пра-во!

Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.

— Шагом марш! Под венец. В церковь! — скомандовал Суворов и сам пошёл первым.

Тут же молодых оженили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девчат по росту. И сразу стало всё на своё место.

Суворов остался доволен. Женил. Доброе дело сделал. А о том, понравились ли друг другу женихи и невесты, и не подумал. Барин. И молодые смолчали: барская воля — надобно слушаться.

КОНЬКИ

Мало кто в те времена на коньках катался. А вот Суворов катался.

Живя зиму в Ундоле, фельдмаршал каждый день ходил на замёрзший пруд, проводил там часа два, а то и три сряду.

Пристрастился ходить на пруд вместе с Суворовым и мальчишка Федька Ухов. Вначале просто ходил, смотрел. А потом смастерил для себя коньки из старой железки. Видит фельдмаршал — шустрый мальчишка, принялся его обучать.

— Не робей. Не робей! — наставляет Суворов.

А Федька вовсе и не робеет. Только ноги у него разъезжаются.

— Стой так. Держись прямо, — объясняет Суворов. — Шаг левой. Шаг правой. Пошёл. Живее. Живее, давай!

Заторопится Федька — бух, и на спину.

Смеётся Суворов.

Подымется мальчишка, отряхнёт снег, закусит губу и опять за учение. Упрямый Федька.

— Шаг левой! Шаг правой! — командует Суворов. — Пошёл. Живее. Живее. Давай!

Неделю мучился Федька. Падал. Шишки себе набил. Однако своего добился. Держится на ногах крепко, хотя и бегает пока тихо.

Мчит впереди Суворов.

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит Федьке.

Отстаёт Федька.

Прошла ещё неделя. Мальчишка освоился. Не уступает теперь Суворову.

Прошла третья неделя, и Федька стал обгонять фельдмаршала. Обгонит:

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит барину.

Напрягается Суворов изо всех сил, пыжится, однако обогнать Федьку уже не может.

Всё чаще и чаще к пруду стали собираться другие мальчишки. Сгрудятся, смотрят, как фельдмаршал и Федька бегают. Весело им смотреть на Суворова, радуются, что свой барина обгоняет. Смеются.

Обидно стало Суворову, стал отгонять он мальчишек. Отойдут те, а потом незаметно снова к пруду приблизятся. Снова смеются. Злится Суворов.

— Пошли вон! — кричит на ребят.

Надоело это Суворову. Стал он тогда выбирать такое время, чтобы Федьки поблизости не было. Видит — нет Федьки, схватит коньки, скорей на каток. Пробежит по пруду круг-другой, смотрит — и Федька тут, словно из-под земли вырос. И снова бегут ребята. Снова смеются.

Разозлился вконец Суворов, позвал управляющего:

— Знаешь мальчишку Федьку Ухова?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Так отвези его во Владимир и продай, — приказал Суворов. — Чтоб духу его тут не было!

Приказал Суворов, а потом передумал: всё же понравился мальчишка своим умельством фельдмаршалу.

Остался Федька в Ундоле.

Через три года Суворов снова вспомнил о мальчике и приказал управляющему отдать его в ученики к железных дел мастеру.

Выучился Федька, вернулся в родную деревню и вскоре стал прославленным мастером на всю округу.

БОБЫЛЬ

В селе Моровки-Шушки, что находилось в Пензенских владениях графа Суворова, жил бобыль Григорий Нектов.

Дома не имел, жены не имел, родных тоже. Побирался он по селу — чем кто накормит, а то и вообще пропадал из Шушек, и где он скитался, толком никто не знал.

А тут подошёл набор крестьян в армию. Во времена Суворова солдатская служба была долгой-предолгой — двадцать пять лет. Из семьи уходил работник надолго, навечно. Вот и решили шушкинские мужики: чего же думать, пусть-ка Нектов идёт в рекруты[1].

Суворов же страшно не любил отдавать своих крепостных в солдаты. Невыгодно. Завёл он такой порядок: рекрутов покупать со стороны. Полцены вносил Суворов, вторую половину собирали сами крестьяне. Роптали мужики на денежные поборы, однако мирились. А вот на этот раз решили: зачем же им тратить лишние деньги, раз есть бобыль Гришка.

Стали мужики упрашивать старосту Ивана Агафонова, чтобы тот немедля же написал о Гришке Суворову.

Поначалу Агафонов упёрся: а ну как барин начнёт ругаться? Потом согласился: пользы же всё рав-

---

[1] Рекрут — молодой солдат.

но никакой от Нектова. Принялся сочинять письмо. Писал хитро. Начал с того, что в Шушках второй год неурожай, что крестьяне пришли в скудность, денег на рекрута нет. Потом упомянул, что при покойном родителе рекрутов не покупали и что, мол, менять порядок не стоит. А уже в самом конце упомянул о Григории Нектове: мол, бобыль, делом не занят, бродяжничает, мол, его и отдать в солдаты.

Ждут в Шушках ответа от Суворова. Вот и прибыл ответ. Взял староста бумагу — в глазах потемнело.

«Рекрута немедля купить, — грозно писал Суворов. — И впредь покупать, иначе быть вам розгами битыми». Далее в письме наказывалось, чтобы Нектову всем миром «завести дом, ложку, плошку, скотину и всё прочее» и чтобы помогать Гришке до тех пор, пока хозяйство его не наладится. А в конце... «Раз Нектов до сей поры бобыль, — писал Суворов, — то главный ответчик — староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 дён».

— Бог ты мой, — вскричал Агафонов, — бобыля Гришку — да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне.

— Ну что, что там в письме, чего барин в нём пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов. — Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью... — заскулил староста. — Всё из-за вас, проклятое семя! — набросился он на крестьян. — Сгною!.. Засеку!.. По миру пущу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать.

Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завёл им дом, ложку, плошку, скотину и всё прочее.

И не стало с той поры в Шушках бобыля Гришки. А в солдаты ушёл рекрут, купленный за общий крестьянский счёт, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

КОМУ КАК У ГОСПОД ЖИВЁТСЯ

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики.

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живётся.

— У нас барин крут. Крут, не зря что фельдмаршал,— заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?

— Парней и девчат обженил без разбору.

— Ну, а ещё?

— Мальца Федьку хотел продать.

— Ещё?

— Ещё рекрутов покупать заставляет.

— Ну и крут! — засмеялись крепостные других господ. — Вы уж молчите. У вас барин как барин. Хороший барин у вас. Дай бог и нам бы такого. — И принялись рассказывать о своей жизни.

Крепостные помещика Псарова — про то, как их барин три раза в году — в покров, рождество и на пасху[1] — всем мужикам и бабам учиняет поголовную порку.

— Это чтоб барскую руку помнили, чтобы боялись, — объясняли псаровские крестьяне. — Вот кто уж крут, так это наш барин: виновных — на цепь, недовольных — в солдаты, за недоимки — в тёмный подвал на хлеб и ржавую воду.

---

[1] Покров, рождество, пасха — церковные праздники.

— Подумаешь, Федьку хотел продать! — заговорили крепостные помещицы Водолеевой. — Того хоть за дело, за озорство, а наша барыня — так ни за что ни про что этих мальцов, словно цыплят, на торг возами вывозит. Не терпит барыня детского крику. Дворовых девок, так тех, о господи, едва у кого народилось дитё, топить, как котят, понуждает.

— А наш барин,— вмешались в разговор крестьяне князя Пирятина, — по весне трёх егерей запорол до смерти. А за что? За то, что те ненароком во время охоты подстрелили борзую. Сука поправилась, а мужиков — на погост.

Долго шумели на базарной площади мужики. Говорили всякое. И про то, как мрут крестьяне от разных болезней, и что избы у всех не избы, а бог знает что, и что дети растут не учёны, и что сами мучены-перемучены и нет уже больше сил терпеть измывательства и гнуть мужицкие спины ради бар и господской прихоти.

Возвращались суворовские мужики к себе в Ундол, вспоминали разговор на базарной площади, думали: «Да, пожалуй, наш барин совсем хороший. Хоть и фельдмаршал, и граф, и князь, а всё же жить при таком можно. Упаси нас бог от других господ».

ШКОЛА

Несколько лет Россия жила без войны. Войска Суворова стояли на одном месте.

Обзавелись за это время солдаты семьями. Понародились дети. Вот и решил Суворов организовать для солдатских детей школу.

Организовал и сам стал вести в ней занятия.

Собралось вначале в школу двенадцать ребят и подростков. А через несколько дней пришла девочка — Нюта. Ребята стали смеяться: девчонка — и в школу! Язык показывают. Дразнят.

Только зря смеялись ребята. Нюта оказалась не глупее других.

— Сколько дважды два? — спросил Суворов.

Сидят ребята, морщат лбы, соображают.

— Четыре! — выпалит Нюта.

— Молодец! Правильно,— скажет Суворов.

Потом вызывает ребят к доске, заставляет писать разные слова. Выбирает трудные:

— А ну-ка, Рындин, напиши мне слово «ещё».

Выйдет Рындин, подумает, напишет «ищо».

— Так, — произнесёт Суворов. — А ну-ка, Лаптев, ступай ты.

Выйдет Лаптев, напишет «исчо». Мучаются ребята с упрямым словом. «Есчо», «ище», «исче» — по-разному пишут.

— Неверно, неверно,— говорит Суворов. — Ну-ка, Нюта, ступай к доске.

Выйдет Нюта и крупными буквами выведет: «Ещё».

— Вот теперь правильно, — скажет Суворов и похвалит Нюту.

Или устроит Суворов урок географии:

— Где река Дон?

И снова ребята морщат лбы. Один на Волгу покажет, другой на Днепр, третий вообще бог весть куда заберётся. Зато Нюта подойдёт к карте, схватит указку и сразу в нужное место ткнёт.

Вот и назначил Суворов Нюту старшей над классом. Обидно стало мальчишкам: девчонка — и вдруг старшая! Побыли они несколько дней в подчинении у Нюты, а потом Рындин и Лаптев обратились к Суворову с жалобой от всех ребят.

— Да,— произнёс Суворов,— ваша правда. Нехорошо это. Не дело. Не пристало парням у девочки быть в подчинении. Только ведь по заслугам Нюта за старшую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Рындин.

— У неё голова больше, — произнёс Лаптев.

— Неверно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдёт.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудрёные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «ещё»?

— Через «е», «щ», «ё»! — хором кричат ребята.

— Сколько дважды два?

— Четыре!

— А трижды три?

— Девять!

— Молодцы! Правильно! — хвалит Суворов.

Пришло время сдержать Суворову данное слово. Решил он назначить старшим над классом вместо Нюты Рындина.

Только ребята вдруг запротивились:

— Пусть остаётся Нюта.

— Нюта!

— Нюта! — понеслось с разных сторон.

Усмехнулся Суворов, порадовался. Хоть и малые ребята, а поняли, что прав был Суворов, назначив Нюту за старшего, что лучшего старшего им и не надо.

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днём Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть

на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат, — ответил фельдмаршал.

— Откуда идёшь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это ещё про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет, — говорит Суворов, — не знаю.

— Какой же ты солдат, — усмехнулся Санька, — раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперёд!»

Бегает Санька вокруг фельдмаршала, всё норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не бреши, не бреши, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к ста-

рому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал свёрток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на свёрток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками свёрток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришёл в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берёг суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил за собой, как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушёл на войну и по-суворовски бил неприятеля.

ШУБА

Подарила императрица Екатерина Вторая Суворову шубу. Сукно заграничное. Мехом подбита. Воротник из бобровой шкуры. Хорошая шуба. Однако Суворову она ни к чему. Даже в самые лютые морозы фельдмаршал одевался легко, по-солдатски.

Спрятал бы её Суворов на память в сундук, да только наказала царица фельдмаршалу с шубой не расставаться. Тогда Суворов пошёл на хитрость.

Стал он возить за собой Прошку. Сидит Суворов в санках, рядом с фельдмаршалом – Прошка, важно держит в руках царскую шубу. Идёт Суворов по улице. Следом за ним Прошка – в руках шуба.

Может быть, так до самой смерти своей и таскался бы Прошка с шубой, если бы вдруг кто-то не донёс про суворовское непослушание императрице.

Разгневалась Екатерина Вторая, приказала позвать Суворова.

– Ты что же! – говорит. – Тебе что же, милость царская не по нутру?

– Помилуй бог! – воскликнул Суворов. – По нутру, матушка. По нутру. Премного обязан.

– Ослушником стал! – укоряет царица. – Волю монаршую попираешь!

– Никак нет, – оправдывается Суворов. – Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчуку, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донёс. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прошка специально приставлен... Прошка! Прошка! – позвал фельдмаршал.

Входит Прошка – приносит шубу.

Рассмеялась царица.

– Ладно, – сказала, – бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Повесил Суворов шубу в дубовый шкаф. Там и висела шуба.

ПРО КОРМ И ХВАСТЛИВЫХ ПОМЕЩИКОВ

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей.

Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко всему постоянно надоедали местные помещики. Приезжали посмотреть на Суворова, и каждый непременно приглашал фельдмаршала в гости.

Ездить же Суворов по гостям не любил и всем отвечал:

— Не могу. Не могу. Занят!

Приезжали помещики на тройках, четвёрках. Кони у всех резвые, сытые. Каждый пытался похвастать, пустить пыль в глаза — вот, мол, какой он богатый. А помещик Сопелкин приехал даже на целой восьмёрке лошадей, запряжённых цугом. Решил всех превзойти. Подумал: такому-то Суворов уж не откажет.

Глянул фельдмаршал на сопелкинскую восьмёрку, задумался и вдруг действительно согласился.

На следующий день приказал Суворов собрать со всей армии восемьдесят самых тощих лошадей и запрячь их цугом в одну коляску. Запрягли. Уселся Суворов в коляску, поехал в гости.

Растянулся фельдмаршальский поезд на полверсты. Переступили первые пары через ворота сопелкинской усадьбы, а коляски с Суворовым ещё и не видно — где-то за бугром тащится. Забили армейские кони весь барский двор — повернуться негде.

Понял помещик насмешку Суворова, однако смолчал. Распорядился развести коней по конюшням, пригласил фельдмаршала в дом.

Целую неделю гостил Суворов у Сопелкина. Съели за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сена, разжирели, поправились.

Простился Суворов. Уехал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли ответ от губернских начальников?

— Плохи дела, ваше сиятельство, — отвечают Суворову. — Нет ответа от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поехал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ездил к Шляндину, потом к Утконосову.

Другие помещики заволновались. Поняли — разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал всё ездит и ездит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии ещё долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

«ПУДРА — НЕ ПОРОХ...»

После смерти Екатерины Второй русским царём стал её сын, Павел Первый.

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору всё русское, любил он всё иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, чётко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали. Нет ни геройства. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, ещё немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передёрнулся.

— Радость, ваше величество, невелика,— ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— «Букли»! — буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не сменённую фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнёс свою знаменитую фразу:

— Пудра — не порох, букли — не пушки, коса — не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! — и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

СУВОРОЧКА

Была у Суворова дочь — Наташа. Души не чаял Суворов в своей Наташе. В каких бы дальних походах ни был, всегда вспоминал о ней, писал частые письма, называл «душа моя», «милая голубушка», а

друзьям говорил: «Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи».

Но вот Наташа выросла, была принята при царском дворе, закрутилась на разных балах и званых приёмах и совсем забыла отца.

Грустил Суворов в одиночестве. Особенно загрустил, будучи в ссылке в селе Кончанском. Редко-редко приходили сюда письма из Питера.

А тут привязалась к Суворову девочка Катя Калашникова. Ходила Катя с Суворовым в лес, навещала Мишку, суворовского коня, жившего здесь в «отставке», лазила на гору Дубиху, где среди старых дубов и елей стояла маленькая сторожка, в которой любил отдыхать и работать Суворов.

Идут фельдмаршал и Катя, ведут разговор.

— Ты старенький, — говорит Катя.

— Какой же я старенький? — возражает Суворов. — Я молод. Смотри... — и прыгает, словно мальчишка, через овраг.

Катя смеётся.

— Ты седенький, — говорит.

— Не сед я, а рус, — отвечает Суворов и молодецки встряхивает реденькими своими кудрями.

— У тебя морщинки на лбу.

— Какие же это морщинки? — отшучивается Суворов. — Это лихие шрамы.

— Ты не у дел, — заявляет Катя.

— Как не у дел! Вот и неправда, — уже серьёзно скажет Суворов.

Возьмёт девочку за руку и поведёт в лесную сторожку. Переступит Катя порог — кругом книги и карты. Глянет на карты, а там планы боёв и сражений. Хоть и жил Суворов в изгнании, да времени зря не тратил, готовился к новым походам.

К осени Суворов оборудовал одну из комнат кончанского дома под зимний сад. В лесу выкопали они вместе с Катей молодых сосенок, берёз и ёлок, посадили их в кадки, установили в комнате. Потом с кон-

чанскими мальчишками наловили синиц, снегирей и щеглов. Назвали комнату «птичьей горницей».

Любил Суворов сиживать в «птичьей горнице». Приходила сюда и Катя. Сдружились они с фельдмаршалом. Вместе следили за птицами, давали им воду и корм, чистили комнату. А потом Катя садилась поближе к Суворову, и тот принимался рассказывать ей удивительные истории и забавные сказки.

Но вот случилась беда. Заболела Катя тяжёлой болезнью — оспой. Заболела и не поправилась.

Осиротела «птичья горница».

Сразу же по весне Суворов выпустил птиц на волю. А сосенки, берёзки и ёлки наказал высадить рядом с Катиной могилкой. Деревца разрослись. Появилась рощица. Часто приходил сюда Суворов, молча стоял и о чём-то думал. Может, о Кате. Может, и о Наташе.

А Наташа по-прежнему ездила по разным вечерам и балам и совсем перестала писать в Кончанское.

НИКОЛЕВ

В селе Кончанском Суворов находился под надзором обедневшего помещика Николева.

Доставалось Суворову от Николева. Строго соблюдал Николев режимные правила: письма вскрывал фельдмаршала, доносил о тех, кто посещал опального полководца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние сёла.

Едва Суворов куда-нибудь собирается: «Не велено, ваше сиятельство, не велено!»— кричит Николев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николев тут как тут, возьмёт лукошко, идёт следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался!»

Николев гордился своим положением.

— Служба у меня немалая, — говорил он крестьянам, — сам фельдмаршал у меня в подчинении.

— Правда. Правда твоя, — соглашались крестьяне. — Может, тебе ещё и награду дадут за усердие.

При таких словах Николев широко улыбался.

— А что? — отвечал. — Может, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Павел Первый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

— Есть, есть, ваше величество, — ответил Суворов. — Великая просьба имеется.

— Говори.

— Был у меня в Кончанском надзиратель, — произнёс Суворов, — исправно, ваше величество, своё дело вёл: письма читал, в Питер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николева.

Глава третья

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

АЛЬПИЙСКИЕ ГОРЫ

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вёл в последний поход своих чудо-солдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжёлые пушки, несут пообмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут ещё несколько — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдём дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошо, — произнёс фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмутились солдаты.

— Русский всё одолеет. Русскому всё нипочём! — ответил Суворов. — Прощайте. — Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

Зашумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вёл своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша погибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утёс, кто за скалу. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — несётся со всех сторон.

— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы!

Удержались солдаты. Отступили французы.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша погибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Сторонись! — несётся команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утёс, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего, — рассуждают солдаты. — Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша погибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда. Нет провианта.

Помрачнели солдаты. Насупились. Идут, опустились солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно, —

затянул чей-то голос, —

От покоя удаленно.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
От покоя удаленно.

Приободрились солдаты. Затянули ремни потуже. Повеселели. Идут. Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом на коне, смотрит, любуется.

— Братцы! — кричит Суворов.— Не страшны нам горы Альпийские. Не страшны нам французишки близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким
Всё на свете победим.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
Всё на свете победим!

Движется. Движется. Движется. По горным вершинам, по тёмным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Движется. Движется. Движется. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

ТУЧА

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропа ведёт к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу.

Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного манёвра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

— Ну, с богом,— перекрестил их Суворов.

Поползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Поднялись уже до самых вершин, да только были замечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают — не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский хохолок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

— Шибче, шибче спускайся! — кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты — наплывает из-за гор на Сен-Готард чёрная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

— Побьются в тумане,— бранится Суворов.— Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут:

— Ну как, не вернулся князь Пётр?

— Нет, не вернулся ещё,— докладывают Суворову.

Прошло ещё несколько минут.

— Ну как, не вернулся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура».

Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несётся на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевает Суворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперёд! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждёт. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Пётр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эн нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — и расцеловал генерала.

ЧЁРТОВ МОСТ

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, напол-

няет гулом и рёвом округу. Отдаёт десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рёва реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чёртов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Бросились первые смельчаки на мост, но тут же свалились, сражённые пулями, в пропасть. Бросилась новая группа героев. Достигли пролома. Не перепрыгнешь пролом. Остановились. Скосили меткие французские стрелки русских героев. Ринулся новый отряд. Снова погибель.

Остановилась атака.

Сидит Суворов верхом на казацком коне, смотрит на мост, на солдат, на вражеский берег. Понимает: сколько ни бегай солдаты — не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечает фельдмаршал метрах в ста от дороги — стоит невесть для чего построенный здесь сарай. «Разобрать бы сарай, связать брёвна и перебросить через пролом», — соображает Суворов. Только подумал, смотрит — от других отделяется тощий солдат, что-то машет товарищам и несётся к сараю. Бросились вслед гренадеры, взобрались на крышу, стали растаскивать брёвна.

Наблюдает Суворов, видит: снимает тощий солдат поясной ремень. За ним и другие снимают. Связали, стянули ремнями солдаты брёвна, подняли, поволокли к пролому.

«Мудрая голова», — подумал фельдмаршал о тощем солдате. Доволен Суворов солдатской смекалкой.

Поравнялись солдаты с мостом. Вьить, вьить! — засвистели французские пули.

Залегли смельчаки за брёвна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся.

Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжёлые брёвна. Лёг он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись брёвна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — ещё на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! — кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили брёвна — к пролому. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на брёвнах, повернулся к своим, машет рукой. Развевает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдаёт непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренадеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несётся в ущелье.

Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чёртов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мохов, Кирилл Мохов, ваше сиятельство. Гренадер Апшеронского пехотного полка, роты капитана Лукова.

— Удалец! Удалец! — восхищается Суворов. —

Переправу навёл, мост соорудил. Богатырь! Витязь! Позвать удальца!

— Мохов! Мохов! — зовут солдаты.

Не откликается Мохов.

Лежит солдат на дне пропасти. Не слышит. Не видит.

Свалили солдата французские пули. Разбился о камни. Не бьётся больше смелое сердце солдатское.

Погиб гренадер, а слава осталась.

Соберутся солдаты, начнут вспоминать бои и походы, вспомнят и Чёртов мост. Вспомнят Чёртов мост — вспомнят и Мохова:

— Если б не Мохов, если б не он — не видать нам победы. Доброе слово и память ему великая.

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ПОГОН

Идут войска, пробиваются через новые горы, через новые перевалы.

Прорвались к Муттенской долине — тут роковая весть: полки, к которым торопился Суворов, разбиты.

Французский полководец Массена́ бросил теперь основные силы против Суворова. Силы неравны. У Массена в четыре раза больше солдат, чем у Суворова. И всё же Суворов решил первым начать атаку.

Словно горная лавина, обрушились русские на французов. Полки Апшеронский и Азовский, казаки генерала Грекова врезались в противника с такой силой, что французы не выдержали и побежали.

Мечется Массена среди своих войск, кричит, пытается остановить. Не помогает. Бегут французы, давят друг друга, зажали в своей толпе самого Массена.

— Стойте! Стойте! — кричит генерал.

Вместе со всеми врезался во французские ряды и капрал Махотин. Видит — генерал на коне. Стал Махотин пробиваться к Массена. Пробился и сдёрнул

Массена с коня. «Ну, братец, теперь не уйдёшь. Теперь я тебя под мышку!» Радуется Махотин и вдруг видит у самого своего носа неприятельский штык. Кто-то из французских солдат бросился на помощь своему генералу. Отбил Махотин штык, повалил, пришиб прикладом француза. Повернулся опять к Массена. А тот уже на коне. Рванулся капрал к генералу. Ухватился рукой за плечо. Соскользнула рука. Пришпорил коня Массена. Вынес рысак генерала из битвы.

— Держи! Держи его! — кричит Махотин.

Да где уж! Быстрее ветра уходит Массена. Стоит капрал, смотрит сожалеючи вслед. Стоит и не замечает, что у самого в зажатой руке генеральский погон. Посмотрел на руку — правда погон.

Стыдно стало капралу, что упустил Массена. Решил про погон никому не рассказывать. А потом после битвы всё же проговорился.

— Так ты же герой! — закричали солдаты.

Дивятся, рассматривают солдаты генеральский погон. Потом поднялись, пошли, рассказали ротному командиру, командир — генералу, генерал — Суворову.

На следующий день перед войсками был объявлен приказ фельдмаршала о производстве Махотина в офицеры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился.

А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон. Вот если б он живого Массена привёл.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

— Так если ваша воля на то, — произнёс и пригнулся.

Поманил Суворов капитана:

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаешь быть генералом?

— Не смею просить. Всё от бога и вашего сиятельства, — гаркнул полковник.

— Ступайте принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — произнёс Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов ещё долго не мог успокоиться.

— «За какие заслуги»! — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

РОТА КАПИТАНА СМЕЛОГО

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличились больше других.

Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай, — послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апшеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона», — утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова», — доказывают четвёртые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьётся истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого, вот кто был первым, — ответил солдат.

— Рота капитана Смелого, — доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — произнёс фельдмаршал.

После перехода через Чёртов мост Суворов снова поинтересовался, кто был первым.

Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришёл, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выяснять героев.

— Рота капитана Смелого, — услышал Суворов опять в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты, шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чёртовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первой рота капитана Смелого.

— Ах, вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну, ступай, ещё раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, — а рота есть. Как же, есть! Она и в Апшеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, — перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты!

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на перевале — все в первых.

Вот кто-то из солдат и придумал про роту капитана Смелого. Выдумка солдатам понравилась. Стали они с той поры самых отважных называть этим именем.

Так и пошло.

Отличатся апшеронцы.

— Так это же рота капитана Смелого! — кричат солдаты.

Отличатся азовцы.

— Рота Смелого!.. Смелого!.. Смелого!.. — несётся в войсках.

Отличатся гренадеры Багратиона или казаки Грекова, а солдаты опять своё:

— Рота Смелого. Ей почёт, ей и слава.

Понравилась Суворову солдатская выдумка. Стал и он по-солдатски. Зайдёт разговор, кого посылать на опасное дело.

— Посылайте достойных, — говорит фельдмаршал. — Богатырей. Лучше всего тех, кто из роты солдатского капитана.

НОВЫЕ БАШМАКИ

Оборвались в пути солдаты. Изодрали мундиры, избили башмаки на горных дорогах. Стынут солдаты от холода. Жмутся на ночёвках к кострам, греют озябшие руки и спины.

Не лучше других и Прохору Груше. Мундир — решето. Башмаки без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в тело.

Обвяжет Прохор тряпками ноги. Пройдёт вер-

сту, от тряпок — мочала. Залатает мундир. К вечеру — снова рёбра наружу.

Измучился солдат: жизнь не мила, небо с овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его на привале.

— Эхма! Видать, оступился, сорвался в пропасть, — перекрестились солдаты.

А утром Прохор явился. Глянули приятели — не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундир, башмаки новые.

Мундир и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундир. Ай да мундир! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

— Ногу задери, ногу! — просят солдаты.

Подымет Прохор ногу. Ну и башмаки! Из ремённой кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

— Вот так обнова! — восхищаются солдаты. — Век бы ходить по камням и стуже.

— Где достал? — понеслись голоса.

— Никак, дружков нашёл, французов!

— Тёщу завёл, — смеются солдаты.

Рассказал Прохор, что ходил он к французскому лагерю, подкрался, снял часового — вот и разжился.

Завидно стало солдатам. В следующую ночь уже несколько человек отправились за добычей. Однако назад никто не вернулся. Французы усилили караул и перебили пришельцев.

Так и остался Прохор Груша один во французской обнове.

Походил день, второй, а потом неловко стало солдату. Среди своих и словно не свой. Словно среди простых петухов — пава.

Не рад уже Груша теплу и удобству. Не мил ему ни французский кафтан, ни башмаки из ремённой кожи. Стал он предлагать трофеи товарищам: одному башмаки, другому мундир.

Отказываются, не берут, не хотят солдаты.

— Ты раздобыл, ты и носи,— отвечают Прохору.

Говорят солдаты без зла, без зависти, просто неудобно им брать дорогой трофей у товарища. А Груше кажется, что солдаты его сторонятся, что из-за этих, будь они прокляты, башмаков и мундира теряет Прохор верных друзей и приятелей.

Прошёл ещё день. Проклял Груша французский наряд. Снял мундир, снял башмаки, связал бечевой. Раскрутил и запустил в бездонную пропасть.

Солдаты шумно обсуждали поступок Прохора Груши.

— Дурак... — проговорил кто-то.

— Эх ты, мышиный помёт, — оборвали его солдаты.— Правильно сделал. Молодец Груша. Желает как все.

— Молодец! — подтвердил седоусый капрал.— Может, и погорячился Прохор, да, видать, душа у него солдатская.

САЛО

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба! — вздыхают солдаты. — Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить — тут впору одному бы наесться.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию, — предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашёл первым, — возражает второй.

— Нет, так — чтоб каждому, каждому! — кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то произнёс:

— Братцы, а я думаю так: отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу. Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало?! — подивился тот.— Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты,— стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали,— упирается Прошка.— Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова упёрся:

— Раненым?! Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плёткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают.— Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнёс. — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! — и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешёптывались они по пути.— Вон как благодарил. Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«ВИЖУ!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков.— Раненых вперёд!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперёд — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит

вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Всё тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошёл ещё час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдём дальше! Повалились солдаты на камни.

— Вперёд! Вперёд! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел ещё раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперёд.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин. Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперёд.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а всё же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли ещё около версты. А всё же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдём дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают, — и снова тычет пальцем вперёд.

Бранятся, ропщут солдаты, а всё же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга.

— Вижу!

— Ай да Кожин. Ай да молодец. Ай да глазастый! — кричат солдаты.— Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню, — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«РАЗРЕШИТЕ ПОСТРАДАТЬ...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропа. Подойдёшь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офицеров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает второй.— Надо вперёд.

— Ну, а куда вперёд?

Солдат задумался.

— Туда,— показал пальцем в долину.

— «Туда»! — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

— Братцы, — вдруг произнёс плечистый парень из апшеронцев, — а что, ежели...

Солдаты повернулись к нему.

— У нас в деревне,— стал вспоминать парень, — ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чём сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — «На чём сидишь»! Да тут от тебя и мокрого места не останется...

— Тут как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, всё же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лёжа, может, и получится.

— Можно и лёжа, — соглашается парень.

И снова заспорили солдаты. Одни за то, что получится, другие — что в этом деле верная гибель.

— Эхма! — вздохнул парень. — Была не была! — Скинул шапку, бросил о камни. — Разрешите, — говорит, — пострадать за православный народ.

Перекрестился парень, ружьё под мышку — и к пропасти. Лёг на спину.

— Ты куда? — подбежали солдаты.

— Разрешите пострадать... — повторил парень и отпустил руки.

Летит парень, переворачивается то с боку на бок, то через голову. Ударяется о камни. Сюртук растрепало, ружьё выпало.

Смотрят солдаты, а у самих мурашки по телу. Пролетел парень ещё метров сто и вдруг перестал катиться. Поднялся, замахал товарищам.

— Жив! Жив! — закричали солдаты.

— Бра-атцы! — раздаётся снизу далёкий голос. — Смелей, бра-атцы!

Зашумели солдаты. Задвигались. Бросились к пропасти. Один, второй, третий...

Вскоре вся русская армия кончила спуск. К вечеру того же дня солдаты достигли города Иланц.

Альпийский поход был закончен.

— Ну и ну! — поражались австрийские генералы. — Оленьими тропами — и провести целую армию!

— А что, — улыбался Суворов. — Там где олень пройдёт, там и солдат пройдёт. Где олень не пройдёт, так и там российскому солдату пути не заказаны.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашёл в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка. — Тут всё ясное. Генералиссимус надо разуметь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнёс парень в онучах,

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в драных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и всё слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высоченного солдата. — Вот этот, — показал на приземистого седоусого капрала. — Вон они, — обвёл рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чудно́е что-то сказал, — произнёс мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

Птица-Слава

Рассказы об Отечественной войне 1812 года

1812 год. Огромная, полумиллионная армия французского императора Наполеона I напала на нашу родину.

Наполеон был очень опытный полководец. Его армия считалась самой сильной в мире.

Много мужества, стойкости и великую сыновнюю преданность родине проявили наши деды и прадеды, защищая свою Отчизну.

О наших прославленных прадедах — героях войны 1812 года — и написаны эти рассказы.

Глава первая

ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

ИДУТ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ

1812 год. Лето. Мост через реку Неман. Граница России.

Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты. Сотрясает деревянные фермы солдатский шаг.

— Императору вива!

— Франции вива!

— Слава, слава, слава! — несётся со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском ко-

не, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застёгнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближённых. Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с ещё большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнёс Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моём лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала.

— Отрастите русскую бороду, — издевается Наполеон. — Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалёкого леса подымается солнце. Глянул маленький пламенеющий бугорок, ожёг синеву, затем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар пожаром вкатился в небо.

Наполеон привстал в стременах:

— Вот оно, солнце Аустерлица! [1]

— Императору слава!

— Франции слава!

— Вива, вива, вива! — несётся со всех сторон.

Красные, жёлтые, синие — мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы.

---

[1] В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

КАКАЯ КУДА ДОРОГА

Под городом Вильной три гренадера попали в плен.

О пленении русских узнал император Наполеон.

Пожелал император французский посмотреть на русских солдат.

Привели гренадеров.

Наполеон с генеральской свитой стоял на холме у походной палатки. Слева дорога, справа обрыв, сзади еловый лес.

Смотрят солдаты: так себе человек. Невысокого роста. Лицо круглое. Щёки мясистые. Усов нет. Безбородый. В плечах широк, в поясе тоже — видать, отрастает брюхо. На ногах сапоги. Штаны в обтяжку. Треуголка верблюжьим горбом торчит. Правая рука на груди, сунута за обрез мундира. Соображают солдаты: никак, государь французский? Стали они во фрунт.

Глянул император на солдатские лица:

— Русские?

— Так точно, ваше величество.

— Гренадеры?

— Так точно. Павловского гренадерского полка рядовые из первой роты.

Присмотрелся Наполеон к солдатам внимательней. Два молодых, чернобровых, третий совсем седой, медаль на груди красуется.

— За что награждён, герой?

— За Альпийский поход, за дело с Массеной.

— О!

— За взятие французского знамени в плен.

— Х-хм!

Неприятно Наполеону подобное слышать. Говорит он с издёвкой.

— Как же ты такой боевой и вдруг к моим егерям попался?

— Бывает, ваше величество, — ответил солдат. — И сокол в силок влетает.

Усмехнулся Наполеон: не промах солдат, находчив. Интересно, как на другие вопросы ответит.

— Ну, а много ли войск у вашего императора?

— В нашей роте, ваше величество, двести душ.

— Да не в роте, в армии вашей?

— Да разве снежинки в метель считают? — загадкой ответил солдат.

Слово за словом идёт разговор.

— Скажи, далеко до Смоленска?

— Как мерить. Гостю дорога близкая...

— Какими путями лучше идти к Москве?

— Царь шведский избрал Полтаву...[1]

Наполеон недовольно поморщил нос, на лице появилась суровость.

Чеканит гренадер Наполеону свои ответы, а сам молодым солдатам в сторону леса глазами косит.

— Ну, а дороги ты местные знаешь?

— Знаю, ваше величество.

— Так куда какая дорога?

— Сейчас объясню. Налево пойдёшь, направо пойдёшь, прямо пойдёшь, куда ни пойдёшь — назад не воротишься, — скороговоркой ответил солдат.

Насупился Наполеон. Задвигалась свита. Кто-то схватился за шпагу. Однако гренадер не даёт им опомниться.

— Вон он, вон он, глядите! — закричал и вытянул руку к небу.

Подняли Наполеон и генералы глаза: что там такое?!

---

[1] В 1709 году русские войска под командованием Петра I у города Полтавы разбили прославленную армию шведского короля Карла XII.

Небо как небо: синь да лазурь, белоснежным барашком одинокое облачко бродит, солнце, как печь, палит.

Опустили они глаза. Смотрят, а русских солдат у палатки нет. Пусто вокруг. Лишь чуть заметный след по траве волочится. Лишь трепыхнулись еловые лапы у края леса.

Рассмеялся Наполеон. Потом вдруг нахмурился. Сел на коня и молча поехал к Вильне.

СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

— Что мы — зайцы трусливые!

— Что в нас — кровь лягушиная!

— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армии две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.

— Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно,— начал капрал,— дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосёнка. Защёлкал злодей зубами:

«Лосёнок, лосёнок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк,— говорит лосёнок.— Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберётся мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосёнка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защёлкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк,— отвечает лось.— Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся»,— ответил волк.

Пошёл молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, рёбра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защёлкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперёд. Да только силы теперь не

те. Лосёнок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намёк.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

ТРОЙНАЯ СИЛА

Лежат у костра на привале солдаты: солдат Петров и солдат Егоров — солдат молодой и ещё моложе.

— Сильны, сильны, басурманы...— вздыхает солдат молодой.

— Ружья у них хорошие, — вздыхает тот, что ещё моложе.

— Когда бы французов числом поменьше, — опять начинает первый.

— Когда бы войска у нас побольше,— отвечает второй.

Размечтались солдаты:

— Вот если бы каждому из нас вдруг да тройную силу!

Наутро солдаты вступили в бой.

Бьётся солдат Петров в рукопашном бою. Сбил одного француза. Перевёл дыхание. Вытер вспотевший лоб. Осилил второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блеснул перед грудью Петрова штык. Размахнулся солдат прикладом. Прикончил француза третьего.

Рядом бьётся солдат Егоров. Сбил одного француза. Поправил ремни от ранца. Провёл рукой по вспотевшей шее. Осилил второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блестит на солнце острый французский штык. Сторонись, не зевай, Егоров! Размахнулся солдат прикладом. Не стало француза третьего.

Кончился бой.

Опять лежат у костра на привале солдаты. Солдат Петров и солдат Егоров: солдат молодой и ещё моложе.

— Сильны, сильны, басурманы.

— Не говори.

— Когда бы французов числом поменьше.

— Когда бы войска у нас побольше.

— Кабы пушка была у каждого.

— Не говори.

Размечтались солдаты:

— Эх, кто бы нам силу тройную дал!

«ЗНАЙ СВОЁ ДЕЛО»

Генерал Багратион у Бобруйска направлял солдатский отряд в разведку.

— Только живо,— напутствовал Багратион,— суворовским маршем: туда и обратно.

Тронулись солдаты в путь. А чтоб не плутать, не сбиться с дороги, прихватили с собой местного мужика Агафона Охапку.

Оседлал Охапка свою лошадёнку:

— Ну, служивые, не отставайте.

Идут солдаты, тащат ружья, походные ранцы. Впереди Агафон верхом на коне, по-барски.

Едет он, повернётся назад, глянет на солдатские лица:

— То-то, служивые, нелегка солдатская служба. Как же вам пеше за конным!

— Давай, давай, борода, — отшучиваются солдаты. — Знай своё дело.

Идут солдаты версту, десять, пятнадцать вёрст.

«Эка сколько отмерили, — прикидывает Агафон. — Коню бы отдых, да и солдаты, поди, устали».

— Оно бы, служивые, отдых нужен.

— Давай, давай, борода, — посмеиваются солдаты. — Знай своё дело.

Прошли ещё без малого десять вёрст. У Агафона на чём сидит уставать стало. Конь пошёл вяло. Крутится мужик на седле, на солдат то и дело косится.

— Оно бы, служивые... — опять начинает Охапка.

Перебивают солдаты:

— Терпи, бородатый.

Прошли ещё версты три. И вдруг заупрямился, остановился крестьянский конь. Слез Агафон на землю, от долгой езды шатается.

Рассмеялись солдаты:

— Тебе что же, верхом наскучило?

— Променажу душа желает.

— Шило небось в седле?

— Ну вас к дьяволу! — огрызнулся Охапка.

Постояли солдаты минутку, тронулись дальше в путь. Тащится Агафон сзади, за узду коня волочёт.

— Но-о, ленивый! Ноги твои еловые...

Выбивается мужик из последних сил.

Дошли солдаты до нужного места. Разузнали, что надо. Повернули назад:

— Ну, борода, собирайся.

— Помилуйте, братцы! — взмолился Охапка. — Коня пожалейте.

Улыбнулись солдаты:

— Ладно, сами назад дойдём.

Тронули, не мешкая, солдаты в обратный путь. Остался Охапка один. Лежит на траве у дороги. Тело ломит, в ногах гудит.

— Эко дело, — качает головой крестьянин. — Коня загнали. Сам в мыле. Ну и солдаты!

В белорусских сырых местах у реки Коноплянки сошлись на рассвете в низинке две гренадерские роты. Рота русских и рота французских солдат. Рукопашный взыгрался бой.

От реки потянулся туман. Придвинулся к месту боя. Осел, окутал, прикрыл солдат.

Бьётся солдат Нерытов. Где свой, где чужой — разобрать трудно. То справа французская речь, то слева, то сзади, то спереди. И русские голоса то тут, то там, то пропадут, то рядом совсем объявятся. Перемешались в бою солдаты.

И вот показалось Нерытову, что русские дрогнули. Побежали рядом солдаты. Соображает Нерытов: «Э, если такое дело, тут и сам не плошай».

Увязался он за бегущими.

— Подождите,— кричит, — ребята!

Да где уж тут ждать. У страха ноги что крылья. Мчат гренадеры с оленьей прытью.

— Братцы! Родимые! — надрывает глотку солдат.

Страшно ему отставать.

Однако чем громче кричит Нерытов, тем только солдаты бегут быстрее.

— Лешие... — ругнулся солдат. Прибавил он шагу.

Пробежали с версту. Хоть и взмок Нерытов до нитки, а всё же догнал бегущих. Всмотрелся в солдатские спины: у русской пехоты мундиры тёмнозелёного цвета, а у этих, о господи,— синие. «Так это ж французы»,— понял солдат.

Совестно стало Нерытову. Ясно ему, кто из солдат дрогнул на месте боя. Понятно и то, почему не подождали его солдаты: он же русским криком врагов пугает.

Развеселился от мысли такой солдат. Страх пропал, словно и вовсе такого не было.

Смышлёным оказался Нерытов. Забежал он правее французов.

— Братцы! — кричит. — Тут они. Тут. Заходи, окружай, родимые!

Услышали французы крики правее, свернули с прямого пути. Опять забежал Нерытов, снова кричит. Опять повернули французы. Кончилось тем, что побежали французы в обратную сторону.

Гонит их гренадер, не даёт никуда отклониться. То с одной стороны забежит:

— Справа, братцы, справа!..

То с другой:

— Слева, братцы, слева!..

Бегут французы послушным стадом. Пробежали они версту. Вернулись к старому месту. Туман тем делом стал расходиться. Бой уже кончился. Строилась русская рота, собиралась в дальнейший путь. Вдруг видят солдаты: бегут французы. Схватили гренадеры ружья, забрали французов в плен.

Доволен Нерытов, что снова к своим вернулся. Смешался в солдатских рядах. Неловко ему в недавней трусости признаваться. Делает вид: мол, нигде я и не был. Поправляет свой ранец. Молчит.

Погнали русские пленных. Идут, удивляются:

— И чего прибежали? И как такое случилось? Непонятное что-то.

СОЛДАТ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Русские бились у Витебска.

Гренадер Фёдор Беда сражался вместе со всеми. Рядом с ним офицер Ардатов, рядом боевые товарищи.

И вдруг споткнулся, упал солдат. Ударила гренадера французская пуля в бок. Обожгла, вырвала клок тела, ушла от ребра рикошетом в поле.

Подобрали санитары солдата. Отнесли к лекарям в палатку. Наложили Беде повязку на грудь, послали в команду для раненых. Только в команду солдат не

прибыл. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры. Бьётся Ардатов. Видят – рядом опять Беда.

Заприметил Ардатов героя.

Продолжается страшный бой. Не щадят живота своего гренадеры. Прошёл час, и снова французская пуля достала солдата.

Вскрикнул, повалился на землю солдат. Кровь с головы на землю закапала.

Очнулся Беда снова в санитарной палатке. Промыли ему рану, перевязали бинтом голову, послали в команду для раненых. Только не прибыл в команду солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры с противником. Промокли солдатские рубахи от пота. Во рту пересохло. Синяки на плечах от ружейной отдачи. В ушах колокольный гул.

Смотрят солдаты – снова Беда тут же рядом в бою.

Заулыбались солдаты. Ещё дружней ударили по врагу.

К исходу дня гренадера ранило в третий раз. Пуля попала в ногу.

В третий раз попал солдат к докторам в палатку. В третий раз получил он приказ – немедля в команду для раненых. Только не выполнил приказа солдат. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту. Хромает, еле идёт солдат.

Явился и снова вместе со всеми палит по французам.

Разинули рты солдаты. Подивился геройству Ардатов.

– Откуда ты родом такой?

– Где таких делают?

– Не из железа, случайно, куют?

Засмущался солдат.

— С Украины я,— произнёс. — Из-под Полтавы, с Ворсклы-реки. — Потом подумал и гордо добавил: — Солдат государства Российского.

РАЙ И АД

Утомился солдат в походе. Прилёг под кустом на привале. Лёг и крепко уснул. Не услышал солдат, как рота двинулась дальше.

Крепок солдатский сон.

Ночью тем местом бродила Смерть. Идёт, шагает, костлявая, косу свою несёт. Пристальным взглядом внимательно смотрит, считает погибших за день солдат.

Поравнялась Смерть с уснувшим солдатом, ткнула косой — не шевелится. Думает, помер, улыбнулась — и в общий счёт.

Стали решать, куда назначить солдата — в рай или в ад. А так как грехов за солдатом особенных не было, выпала честь отправляться ему на небо.

Спустились ангелы и херувимы, забрали с собой солдата.

Прибыл солдат на небо, очнулся. Смотрит: места незнакомые.

«Видать, от части своей отбился», — соображает солдат.

Ходит он, плутает по облакам. Что такое? Ни поля, ни леса, ни речки, чтобы воды напиться.

— Эй вы, люди добрые! — начинает кричать солдат.

Явились ангелы и херувимы.

— Где я, любезные?

— В царстве небесном.

Выпучил солдат глаза от испуга.

«Боже, вот это попал! Эх, и будет мне от ротного командира. Унтер-офицер за отлучку шкуру с живого снимет».

— Помилуйте, отпустите! — взмолился солдат.

Переглянулись ангелы и херувимы. Впервые такое на небе.

— Отпустите! — кричит солдат. — Меня в роте товарищи ждут. Ротный меня заругает.

Расшумелся солдат на небе.

Услышал господь:

— Что там такое? Кто там порядки райские нарушает?!

Доложили:

— Солдат.

Приказал господь бог привести солдата.

— Ты чем недоволен, служивый?

Струсил солдат при виде господа бога, а потом осмелел:

— В роту назад отпустите.

— В роту?! — усмехнулся господь.

— Ну да. Меня товарищи в роте ждут. Ротный меня заругает. Нельзя мне на небе. Отчизна моя в беде.

Присмотрелся господь, видит — не мёртвый, живой перед ним солдат.

— Тьфу ты! — сплюнул господь с досады. — Снова напутали. Гнать его с неба.

Подбежали ангелы и херувимы, столкнули солдата вниз.

Летит, кувыркается с неба солдат. Заметили черти. Подхватили, потащили солдата в ад.

— Стойте, стойте! — кричит солдат. — В роту назад отпустите!..

Не слушают черти.

Приволокли солдата к кипящим котлам:

— Раздевайся!

Привычен солдат к команде. Разделся.

— Залезай!

Забрался солдат в котёл. Спустился в кипящую воду:

— Хоть кости свои попарю.

Заулыбался, замлел солдат.

Дивятся черти: «Ну и ну! Вот так грешник в котёл попался». Тащат новые связки дров. Дуют сильнее на пламя. Вспотели рогатые. Видят, солдата огонь не берёт.

— Эй, чего там расселся!

Вылез солдат:

— В роту назад отпустите.

— Ан нет, — отвечают черти. — Полезай-ка в студёную воду.

Окунулся солдат.

Видят черти — ледяная вода не берёт солдата. Погнали на раскалённые камни. Камни ему нипочём. Голодом морят. И к такому солдат привычен. Подтянет ремень потуже, знай себе ходит по аду, пугает ружьём чертей:

— В роту назад отпустите!

Мучились, мучились черти с солдатом, другие дела забросили. Не хватает дьявольских сил. Обозлились рогатые:

— Чёрт с тобой! Ступай в свою роту.

Прибыл в роту солдат. «Рассказать или нет? — думает. Решает: — Лучше смолчу. Ротный ещё заругает. Унтер за отлучку шкуру с живого снимет...»

ИСПАНСКАЯ КРОВЬ

Быстро идут французы. Пройдены Вильна, Свенцяны, Полоцк, Гродно, Новогрудок, Сморгонь.

Растянулась французская армия. Вёрст триста по фронту. Вёрст триста вглубь.

Нелегко даётся врагам Россия. Кони не выносят свирепых маршей — конский идёт падёж.

Люди слабеют в походах — в армии тысячи хворых.

Отстали в пути обозы: всё меньше и меньше, плоше дневной рацион.

Вступают французы в русские сёла. Вот тут-то будет пожива. Хмуро встречают французов сёла. Ни людей, ни еды, ни тепла. Врывается враг в города. Вот тут-то будет пожива. Голые стены встречают французов, сиротливо стоят дома. Уходят от неприятеля жители. Увозят хлеб, поджигают сено, скот угоняют в леса.

Начинается ропот французов:

— Где же русское масло?!

— Где русское сало?!

— Одна лебеда!

Первыми взбунтовались испанцы.

Дело было в лесу. Три дня шумели холодные ливни, хлыстом бичевали солдат. Продрогли, промокли, простыли солдаты. Съели запас сухарей.

Окружают их мрачные ели. Тучи свинцовые давят. Сырость со всех сторон.

Стали шептаться о чём-то испанцы. Вспоминают родимый дом: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира журчащий плеск.

— Куда мы идём?!

— Зачем мы идём?!

— Нет тут земли испанской!

В испанском отряде сто тридцать три человека. Сговорились солдаты. Решили вернуться домой. Взяли ружья, походные ранцы, по-солдатски построились в ряд.

— Стойте, куда?! — кричат французские лейтенанты.

Козырнули солдаты:

— Домой!

Зашагали испанцы.

— Стойте! Именем императора: стойте! — кричат лейтенанты.

Повернулись испанцы, дали прощальный залп.

Целый день пробирались на запад солдаты. Идут, Испанию вспоминают: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира ласкающий плеск.

Шагают испанцы. Не знают солдаты того, что грозный приказ уже отдан по армии.

Заслонили солдатам войска дорогу, перекрыли на запад пути.

Схватили испанцев, разоружили. Построили, бедных, в ряд:

— Каждый второй выходит наружу.

Вышел каждый второй. Подняли французы ружья.

— Именем императора: пли!

Грянули залпы.

Обагрила русскую землю испанская кровь.

ХЛЕБ-СОЛЬ

Решили французские офицеры сделать Наполеону приятное.

Знали они, что у русских такой обычай: встречать дорогих гостей хлебом и солью. Вот бы сюрприз императору.

Приступили французы к делу. Явились в село Прокоповичи, собрали крестьян, объяснили, в чём дело.

Жмутся крестьяне:

— Да село у нас бедное.

— Село невеликое.

— Барин к тому же сбежал.

— Но-но! — прикрикнули офицеры. — Обойдёмся без барина.

Пошушукались крестьяне между собой:

— Ладно. Будет исполнено.

Прибыли офицеры на следующий день проверить, всё ли в порядке. Смотрят — ни хлеба, ни соли нет.

Набросились французы на мужиков.

Разводят крестьяне руками:

— Да муки у нас для хорошего хлеба нет.

Ругнулись офицеры. Приказали из армейских запасов привезти муки в Прокоповичи.

Явились на следующий день. Смотрят — снова ни хлеба, ни соли.

Разводят крестьяне руками:

— Соли, ваши благородия, не оказалось.

Ругнулись опять французы. Приказали доставить с воинских складов армейских соль.

Прибывают на третий день:

— Ну как, всё ли готово?

Разводят крестьяне руками:

— С дровами, ваши благородия, худо. Нечем огня разложить.

Начинают французы терять терпение.

— Как — нет?! Лес же у вас под боком!

— Так ведь то барский, ваши благородия, лес.

— Барин же ваш сбежал.

— А вдруг как воротится! Барин у нас того, строгий.

Что офицерам делать? Позвали солдат, отправили в лес, приказали рубить дрова.

Явились французы снова:

— Ну, каков получился хлеб?

Разводят крестьяне руками.

— Да что вы! — вскипели французы.— Плетей захотели? Жизни не жалко? За ослушание — смерть!

— Воля ваша,— отвечают крестьяне.— Только ведь бабы наши все, как единая, хворые, некому хлеб испечь.

Замаялись офицеры. Уж и не рады, что придумали хлеб и соль. Пришлось им срочно вызывать армейского пекаря.

Наконец-то всё в полнейшем порядке.

— Ну,— говорят они мужикам,— чтобы завтра быть чисто умытыми, чисто одетыми, девчатам ленты в косы вплести.

— Будет исполнено.

Прибывают французы на пятый день. Встречает их каравай испечённого хлеба. Запах душистый. Корка искристая. Рядом солонка стоит.

Довольны офицеры. Побежали они по селу собирать крестьян. Только что же такое?! Пустое село. Осмотрели избы, сараи, овины — ни единого жителя. Ушли крестьяне целыми семьями в лес.

Разразились французы страшенной бранью. Уж и так и этак поносят крестьян. Однако что же тут делать: не нести же самим хлеб и соль императору?

Сели они на коней. Едут лесной дорогой. Вдруг метнулись в испуге лошади. Грянули выстрелы. Полосанула из леса дробь: крестьянская хлеб-соль.

БУРГУНДСКОЕ

Против Наполеона сражалось тридцать казачьих полков. Приметны лихие казаки. Синие куртки, штаны с огневыми лампасами. Чёрная шапка с белым султаном. Пика, ружьё. Конь боевой. Характер бедовый. Казацкая чёлка бугром торчит.

Боялись донских казаков французы. Увидят казацкие пики, услышат казацкие гики — сторонятся. Боялись французы. А вот лейтенант граф де ла Бийянкур не боялся.

— Хотите, я вам казака пригоню живого? — заявил он товарищам.

Усмехнулись французы.

Знают кавалерийские офицеры, что лейтенант вояка неробкий. Однако такое, чтоб в плен, да живого...

— Не верите? — обижается лейтенант. — Вот честь вам моя дворянская. Вот слово вам графское. Хотите пари?

Заключили они пари. На ящик вина бургундского.

И вот лейтенанту представился случай. Смотрят французы: едет казак по полю. Едет себе, не торопится. Трубку табаком набивает.

Душа, добрый конь,
Эх, и душа, до-обрый конь! —

плывёт казачий напев над полем.

Вшпорил де ла Бийянкур коня, бросился казаку наперерез. Скачет, саблей до срока машет: руку свою проверяет.

Увидел казак француза, развернулся ему навстречу. Трубку за пояс, песню в карман, пику немедля к бою.

Подскакал лейтенант и прямо с ходу, привстав в стременах, саблей стук по казацкой пике. Разлетелась на части пика. Лишь древко в хозяйских руках осталось.

Не готов был казак к такому. Не о пике думал, голову оберегал. Удачен манёвр лейтенантский: обезоружен казак.

— Сдавайся, сдавайся! — кричит де ла Бийянкур. И снова саблю свою заносит.

Понял казак, что дело с таким непросто. Отпрянул поспешно он в сторону. Смотрит, чем же с врагом сразиться. Ружьё за плечом — сейчас не дотянешься, нагайка висит у пояса. Схватил нагайку казак.

Съехались снова они. Острая сабля в руках француза. Простая нагайка в казацких руках.

— Сдавайся! — кричит лейтенант.

— Сейчас, ваше благородие, — процедил сквозь зубы казак. Вскинул нагайку, в седле подался, по руке офицера хвать.

Вскрикнул француз. Разжалась рука. Выпал острый клинок на землю.

Присвистнул казак, привстал в стременах и начал хлестать француза. Бьёт, приговаривает:

— Вот так-то, твоё благородие... Вот так-то. А нука, бочком повернись. Вот так-то. А ну-ка ещё... Эх, главное место жаль под седлом укрыто!..

Видят французские офицеры, что их товарищ попал в беду. Помчались на помощь. Не растерялся казак. Схватил де ла Бийянкура за ворот мундира, перекинул к себе на седло, пришпорил коня и помчался к ближайшему лесу.

Опоздали французы. Скрылся казак в лесу. А лес для русского — дом родной. Как огня, боятся французы русского леса.

Остановились они, сожалеючи смотрят вслед.

— Э-эх, ни за что пропал лейтенант. Уехало наше бургундское.

БЕССТЫДСТВО

Лейб-гвардии его величества казачий полк шёл в арьергарде барклаевских войск. Каждый день у казаков с неприятелем то большие, то малые стычки. Привыкли гвардейцы к опасной жизни. Каждый лезет вперёд, норовит проявить геройство.

Под городом Витебском казаки созоровали.

Казачий полк стоял на одном берегу Двины. На другом, высоком, расположились лагерем французские кирасиры. Заметили гвардейцы у берега сторожевой пост неприятеля. Руки чешутся. Кровь играет. Вот бы кого побить. Только как же к врагам подкрасться? За версту всё видит французский пост. И вот собралось человек десять. Расседлали они коней, разделись, взяли пики, ступили в воду, оттолкнулись от берега.

Казаки не без хитрости. Плывут так, что еле-еле чубы из воды виднеются. За гривы лошадиные держатся. За шеи лошадиные прячутся.

Глянешь с противоположного берега: плывёт табун рассёдланных лошадей — видать, от своих отбился.

Смотрят французы, довольны. Спустились они к реке. Поджидают живой гостинец.

Подплыли гвардейцы к чужому берегу. Почуяли землю. Вскочили. Схватили пики, перебили французский пост.

Расхрабрились совсем казаки. Мало им, что побили пост, решили ворваться к французам в лагерь.

Прыгнули на лошадей. Гикнули. Свистнули. Пики вперёд: уступай молодцам дорогу.

Обомлели французы: что за чудо — голые всадники. Пронеслись казаки по лагерю, поработали пиками, развернули коней — и назад.

Скачут, смеются:

— Я память двоим оставил.

— Мы с Гаврей троих прикончили.

— Я офицера, кажись, пырнул.

Весело озорникам. Только рано они смеялись. Поднялся по тревоге кирасирский полк. Помчались французы вдогонку. Зашли слева, справа. Погнали казаков на камни к крутому, словно стена, обрыву Двины.

Подскакали лейб-казаки к обрыву, придержали коней:

— Братцы, стена!
А кирасиры всё ближе и ближе.
— Н-да, плохи наши дела.
А кирасиры всё ближе и ближе.
Вот уже взлетели в небо тяжёлые кирасирские палаши.
— Эх, погибать, так со славою! — выкрикнул кто-то.
Похлопал казак скакуна по гриве:
— Спасай, выручай, родимый!
Взвился конь на дыбы. Метнулся, заржал — и в воду с обрыва.
Следом бросились остальные.
Дружна с удальцами удача. Никто не побился. Переплыли гвардейцы Двину. Ступили на берег. Прокричали:
— Привет французам!..
Бывший при полковом лагере штабной офицер возмущался:
— Голыми! Да по какому уставу! Его величества полк, и вдруг... Тут же конфуз для российского войска!
Доложил он Барклаю де Толли.
— Да, да, — соглашался Барклай. — А ну, садись-ка, пиши приказ: плетей казакам за бесстыдство, за геройство вручить медали.

ДВА КУРЬЕРА

Мчится курьер из Первой русской армии от генерала Барклая де Толли во Вторую русскую армию к генералу Багратиону.
Мчится курьер из Второй русской армии от генерала Багратиона в Первую русскую армию к генералу Барклаю де Толли.
Пробираются курьеры окружными дорогами. Объезжают французские сторожевые посты, обхо-

дят французские части. Стараются ехать то лесом, то балкой. Больше ночью и меньше днём.

Мчатся офицеры навстречу друг другу, съехались на половине пути.

— Ну как у вас в армии Первой?

— Ну как у вас во Второй?

Разговорились курьеры. Каждому хочется геройством похвастать.

— А мы под Полоцком девятьсот французов пленили, — заявляет первый курьер.

— А у нас под местечком Миром атаман Платов с казаками устроил засаду и порубал без малого целый французский полк, — отвечает курьер второй.

— А у нас генерал Коновницын под Островной сразился с самим Мюратом.

— А наш генерал Раевский под Дашковской побил Даву[1].

Спорят офицеры. Один другому не уступает.

— У нас солдаты самые смелые.

— Нет, у нас самые смелые.

— У нас генералы самые умные.

— Вот и неправда: умнейшие в нашем войске.

Чуть не подрались курьеры. Хорошо, что шёл в это время лесом старик крестьянин. Остановили его курьеры:

— Рассуди-ка нас, старый.

Торопятся, перебивают один другого.

Выслушал молча крестьянин.

— Да-а, — произнёс.

Полез в карман. Достал яблоко, вынул нож, разрезал на две половины:

— Ешьте.

Съели курьеры.

— Ну, какая доля вкуснее?

Смотрят офицеры удивлённо на старого. Что за нелепый вопрос! Оно же из единого целого. Как же

---

[1] Мюрат и Даву — прославленные французские маршалы.

так, чтобы вкус у одного яблока и вдруг оказался разный!

Не ясен курьерам намёк крестьянский.

— Да-а, — произнёс старик. Смотрит — над лесом сокол кружит. Соколиными крыльями машет. Указал крестьянин рукой на небо. — Какое крыло сильнее?

Смотрят офицеры удивлённо то на сокола, то на крестьянина. Что за нелепый вопрос! Как же так, чтобы у сокола и крылья по силе вдруг оказались разные!

Опять не понимают офицеры намёк крестьянский.

— Ты нам головы не мути!

— Зубы не заговаривай!

— Э-эх! — обозлился старик, выломил две хворостины. — А ну-ка, снимай мундиры, — и вновь за своё: — Посмотрим, какая больнее хлещет.

Переглянулись офицеры. Хотели обидеться. И вдруг рассмеялись. Дошло наконец до спорщиков.

А до всех ли из вас дошло?

«ГДЕ ЖЕ ОНИ, ГЕРОИ?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака.

Атака. Снова атака.

Топот солдатских ног. Пушек звериный рёв. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются другие полки и роты. Не уступает в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Брызжет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер солдатской рубахой Заноза кровь, шуткой других забавляет:

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лёжа целит, в врага стреляет:

— Братцы, вперёд!

Бьются герои. Льётся потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром туманами. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гарева. Негде укрыться от палева. Бушует, мечется огненный водоворот, идёт по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам всё новые и новые части. Понимает Барклай де Толли — не осилить французов русским, ночью отдал приказ отойти войскам.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые вёрсты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассаду.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай де Толли:

— Слава героям!

Переглядываются солдаты: «Кому это Барклай де Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам, — решают симбирцы.

— Видать, уфимцам, — решают волынцы.

— Видать, симбирцам, — решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам.

— Где же они, герои?

АФРИКА

Французы шли из Смоленска к Дорогобужу. Группа солдат во главе с молодым лейтенантом продвигалась вдоль днепровского берега. И вдруг из-за береговой кручи, из-за кустов и развесистых ив послышались выстрелы.

Один, второй, третий...

Без промаха бьют свинцовые пули. Что ни выстрел — французом меньше.

Приказал лейтенант остановить продвижение. Прижались солдаты к земле, открыли ответный огонь.

«Видать, значительный отряд, — соображает лейтенант. — Рота, а может быть, и больше». Стал он просить подмогу. Доложил по команде.

Явилась подмога. Прислали и пушку.

— Пушка, пали!

Грянула пушка. Пронеслось ядро по кустам, прошипело, волчком закружилось по круче. Второе ядро врезалось в старую иву. Расщепило, искалечило ствол. Качнулась, рухнула ива.

— Ура! — закричали французы.

Стреляют солдаты. Бьёт, не смолкая, пушка. Идёт настоящий бой.

— Целься сюда! — подаёт команду лейтенант. — Целься сюда! Левее, правее, ещё правее...

Стреляют французы, а не знают того, что у Днепра в ивняке всего-навсего один русский солдат находится. Перебегает солдат от куста к кусту, от ивы к иве, стреляет из разных мест — вот и кажется со стороны, что целый отряд сражается.

До самого вечера шла перестрелка. Наконец русский солдат умолк.

— Франции вива! Императору слава! — закричали французы.

Доложил лейтенант начальству, что одержал он большую победу, уложил целую роту русских солдат.

Утром к этому месту прибыл сам генерал. Интересно ему взглянуть на побитых русских. Двинулись французы к берегу Днепра, под старые ивы. Идёт лейтенант, сердце стучит. Думает: «Человек пятьдесят русских побил. — Потом поправляется: — Нет, сто». Ждёт он наград за усердие.

— Там рота, целая рота легла,— докладывает генералу.

Вышли они к Днепру, идут по крутому берегу. Идут, да только русских не видно. Обошли берег и в одну и в другую сторону — всего один русский сол-

дат валяется. Приник он к земле, словно в атаку бежать собрался.

— Ну где же ваша рота? — обратился генерал к лейтенанту.

Не может понять лейтенант, в чём дело. Где же действительно русские?!

— Тут они, тут они были. Видать, разбежались...

Усмехнулся генерал.

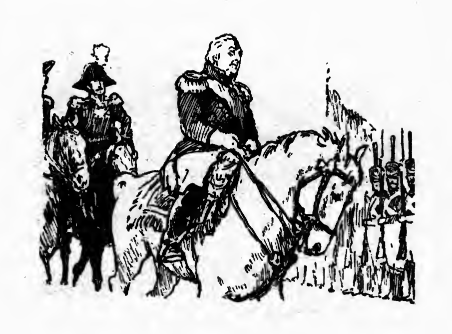
— М-да... Вот она, ваша рота,— ткнул рукой на русского егеря.

В тот же день о подвиге русского солдата доложили Наполеону.

— Один? — переспросил император. — С ружьём против роты солдат и пушки?

— Так точно, ваше величество.

— Лев, лев...— произнёс Наполеон. Потом повысил голос и почти закричал: — Все они львы. Львы, а не люди. Не Россия, а Африка.

Глава вторая

НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

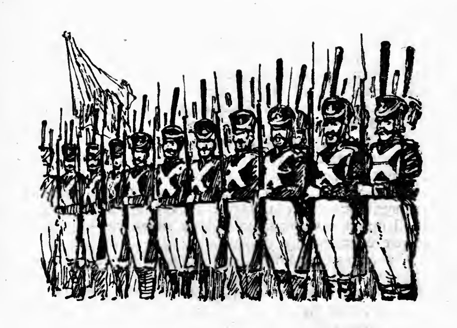
ВОЕННЫЙ МАНЁВР

Нелёгкая жизнь досталась Кутузову. Нелёгкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боёв и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды в голову, раз в щёку. В одном из сражений Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», — идёт по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберегать надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты. — Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда, — отвечает Кутузов. — Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов. — Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступать!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, — ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе чёрным по белому значится — продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой!

— Что-то непонятное, — разводят они руками.

— Может, приказ от старых времён остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный манёвр!

НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Решил Кутузов объехать войска, посмотреть на боевые полки и роты. Взял он штабных генералов, тронулся в путь.

Едет, встречает пехотный полк. Лежат на привале солдаты.

Увидели пехотные командиры главнокомандующего и генералов:

— Встать!

Повскакали солдаты, застыли, как сосны.

Подъехал Кутузов:

— Не надо, не надо. Пусть лежат, отдыхают солдаты. На то и привал.

Подивились пехотные командиры: впервые так, чтобы перед главнокомандующим и генералами не надо было вставать во фрунт,— распустили они солдат.

Едет Кутузов дальше, встречает уланский полк. Расположился полк у какой-то реки. Сняли уланы мундиры, засучили рукава и штаны, коней боевых купают.

Увидели уланские командиры Кутузова:

— Стройся!

Бросили уланы своих коней, построились в ряд.

Подъехал Кутузов:

— Отставить! — И строго на офицеров: — Тут не мне — коню боевому внимание.

Едет Кутузов дальше, встречает артиллерийскую батарею. Пушки солдаты чистят.

Увидели главнокомандующего артиллерийские командиры:

— Становись!

— Разойдись! — ещё издали крикнул Кутузов. Подъехал ближе, стал отчитывать командиров: — Не сметь отрывать пушкарей от дела. Пусть солдаты пушки к боям готовят.

Объехал Кутузов немало полков и рот. И всюду одно и то же. Увидят офицеры Кутузова:

— Стройся!

— Отставить! — кричит Кутузов.— Тут война, не военный парад.

Поражаются армейские офицеры:

— Порядки какие-то новые!

Прошло несколько дней.

Войска стояли у города Гжатска. В какой-то избе собрались офицеры. Пьют вино, веселятся, играют в карты. Шум и крики, как дым при пожаре, из окон столбом валят.

Проезжал Кутузов мимо избы, услышал разгуль-

ные крики. Решил посмотреть, что там в избе творится. Слез он с коня, заходит в избу.

Увидели офицеры главнокомандующего, соображают: встать им, не встать, бросить игру или нет? Вспоминают наказ Кутузова, решают остаться на месте. Продолжают в карты себе сражаться.

Постоял, постоял Кутузов, покачал головой: «Да, неплохо усвоили наказ офицеры. Поняли, что к чему».

— А ну-ка, голубчики, — вдруг произнёс, — коли время у вас свободное, там у ворот Серко мой с дороги стоит нечищеный. Ступайте к нему. Ступайте, голубчики. Да поживее! — прикрикнул Кутузов.

Опешили офицеры. Приказ есть приказ. Вскочили, помчались вон из избы. Дорогой разводят руками:

— Чтобы офицеру да чистить коня! Порядки какие-то новые...

КТО КАК ДУМАЕТ

Вечер. Штабная изба. Тускло горят две свечи. Кутузов сидит за простым крестьянским столом, подписывает приказы и распоряжения.

Рядом вытянулся дежурный генерал, подаёт одну за другой бумаги.

При каждой новой бумаге Кутузов обращается к дежурному с одним и тем же вопросом:

— Про что тут, голубчик?

Генерал докладывает.

— Так, так... — кивает головой Кутузов. Затем начинает читать. Читает долго, не торопясь. Если глянуть со стороны, можно подумать: не заснул ли главнокомандующий? Но вот Кутузов берёт перо — гусиным в то время ещё писали, — макает его в чернильницу и осторожно выводит подпись.

Над одной из бумаг Кутузов задержался особен-

но долго. Прочитал раз, второй, повёл своим единственным глазом на генерала, наконец произнёс:

— Не пойму что-то. Перескажи-ка, голубчик.

— Прошение, ваша светлость.

— Так.

— От помещицы Смоленской губернии Нащёкиной Глафиры Захаровны.

— Так.

— Драгунские фуражиры скосили, ваша светлость, зелёный овёс на поле помещицы. Владелица просит о возмещении убытков в размере сорока четырёх рублей.

— Так,— произнёс Кутузов, посмотрел на генерала.— Как же нам быть, голубчик?

— Мародёрство, ваша светлость,— отвечает генерал.— Тут по всей строгости надобно. Под арест бы виновных.

Кутузов закивал головой, повернулся к своему адъютанту:

— А ты как, голубчик?

— Надобно извиниться перед графиней. Солдатам — шпицрутенов, ваша светлость.

— Так.

Кутузов поднялся из-за стола, прошёл в сенцы, открыл выходную дверь.

— Эй, братец! — окликнул стоящего у избы караульного.— Ступай-ка сюда.

Солдат нерешительно переступил порог, вытянулся:

— Слушаю, ваша светлость.

Объяснил Кутузов, в чём дело. Ждёт, что же ответит солдат. Караульный замялся, переступил с ноги на ногу.

— Так что же, голубчик?

— Лес рубят — щепки летят,— гаркнул солдат.— Россию отдаём, неужто, ваша светлость, овсом скупиться!

Кутузов поднял глаз на солдата:

— Родом откуда?

— Деревенька Глушково. В семи верстах от Смоленска.

— Так деревня твоя под французом?

— Сожгли мужики деревеньку.

— Та-ак,— произнёс Кутузов.— Ладно, ступай.— Повернулся к своим офицерам.— Слыхали?! Как же нам быть?

Задел офицеров ответ солдата.

— Солдат — мужик, — заявил генерал.— Солдату чужого добра не жалко. Наш долг защищать дворянство.

— Дворянство — оплот царю и отечеству, — произнёс адъютант.— Права графиня Нащёкина, тут надобны строгости, в пример для других.

— Да-а, — протянул Кутузов, — «лес рубят — щепки летят...» — повторил он слова солдата, подошёл к столу, взял в руки письмо, вновь прочитал, поморщился и вдруг разорвал на мелкие части.— Позорнейший документ для россиянина. Не смею в армейских делах хранить.

Затем Кутузов склонился к столу, открыл стоящий на нём деревянный ларец, отсчитал сорок четыре рубля из собственных денег, протянул адъютанту:

— На, отправь графине Нащёкиной. Да отпиши, что главнокомандующим отдан специальный приказ и произведён с виновных строжайший взыск.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГУСЬ

Далеко прошли от русской границы французы. Без малого тысячу вёрст. Сколько их по пути побито! Тысячи в русской земле зарыты. Сколько вернётся домой калек!

Начинают роптать солдаты:

— Куда нас ведут?..

— Нам бы отдых в Смоленске нужен...

— Нам бы дальше Днепра не ходить.

С каждым шагом врагу труднее. Обтрепаться успели солдаты. Голодно им в пути.

Попадётся солдатам краюха хлеба — чуть ли не драка. Отобьют у крестьян скотину — прямо со шкурой её едят.

Где-то за Вязьмой в Сычёвском уезде ночевали солдаты у речки. Проснулись утром, видят — по лугу гусь здоровенный ходит.

Как он сюда попал? Деревни кругом пустые. Крестьяне со скарбом давно в лесах. То ли птица отбилась от общей стаи, то ли просто был любопытным гусь: пришёл посмотреть на французов.

Вскочили солдаты:

— Лови!

— Окружай!

— За лапу хватай!

Хоть гусь и не очень прыткая птица, а всё же поди схвати! Заметался гусак по лугу. Шею тянет, шипит. Как парусами, крыльями хлопает. Тяпнул клювом за штаны одного солдата. Тяпнул за палец второго. Отбивается длинношеий, ускользает из самых рук.

Проснулись от шума солдаты. Бегут на подмогу новые.

— Заходи к нему сзади!

— От речки гони!

— С фронта!

— С тыла!

— Давай во фланг!..— как в настоящем бою, раздаются над лугом команды.

Как ни бился, всё же попался гусь. Схватили его солдаты. Глаза разгорелись, рты приоткрылись, слюна течёт.

На лугу оказались солдаты разных частей. Были французы, были пруссаки, итальянцы и даже из дальних кустов примчался житель вольного города Гамбурга.

Возник у добытчиков спор.

— Гусь наш, — говорят французы.

— Гусь наш! — кричат пруссаки.

— Гусь наш! — шумят итальянцы.

— Гусь мой! — вопит житель Гамбурга. — Я первым его схватил.

Сцепились солдаты. Ругань стоит над лугом:

— Прусское рыло!

— Итальянская швабра!

— Эй, француз, лягушку живую съешь!

Приехал на шум генерал. Прикрикнул, навёл порядок.

— В чём дело?

Мнутся солдаты.

— В чём дело? — повторил генерал.

— Гусь... — отвечают солдаты.

Смотрят, а где же гусь?.. Нет, не видно, не слышно нигде пернатого. Лишь перо, как память о нём, в руках у одного из солдат осталось.

Пока шумели, ругались солдаты, гусь юрк между ног и к речке быстрее ходу. С лапы на лапу, с лапы на лапу, с берега в воду поспешно прыг. Отплыл, залез в камыши. Лишь глазом оттуда удивлённо посматривает. Видать, и впрямь любопытный гусь.

МЕШОК С ДЕНЬГАМИ

Богатый мужик Дормидонт Проскуров стал торговать с французами.

У других крестьян французы ни за какие деньги ничего не достанут. Лучше сожгут крестьяне, лучше в реке утопят, лучше в лес волкам отнесут — лишь бы не французам.

А Дормидонт Проскуров — пожалуйста!

Видит он, что французы на деньги нескупы. Чего упускать момент, не трижды живём на свете.

Продал Проскуров

зерно,

сено,
корову,
козу,
распродал гусей и кур.

Мешок специальный завёл. Деньги в мешок собирает.

Рассуждает: чего бы ещё продать?

Вспомнил он о соленьях. Продаёт огурцы и капусту, грибов небольшой остаток.

Небывалый у Дормидонта Проскурова торг.

— А репу возьмёте?

— Возьмём.

— А морковь?

— Возьмём и морковь,— отвечают французы.

Разбухает мешок с деньгами. Даже жмых Дормидонт перегнивший продал.

Наконец Проскуров продал последнее. В общем, ни с чем остался.

«Бог с ним, — решает.— Денег мешок. Я теперь на всю округу самый богатый. Раз в десять больше всего накуплю».

Был Дормидонт продавцом, стал теперь покупателем. Отправился вёрст за двадцать в не занятое французами село на базар. Ходит что гоголь.

Тут посмотрит, там приценится, и это и то пощупает.

Облюбовал
тёлку,
корову,
коня,
второго коня,
козу.

Ну и пригонит домой богатства!..

Вот и сошёлся в цене. Начинает считать кредитки:

— Раз, два, три...

— Э, да ты подожди, постой... Они же фальшивые!

— Что! — заревел Проскуров. — Какие фальшивые? Они же французами плачены!..

Стал собираться народ. Стали смотреть кредитки. Так и есть, все, как одна, фальшивые.

А дело в том, что, отправляясь в Россию, Наполеон приказал напечатать фальшивых денег. Оттого-то французы и щедры.

Взвыл Дормидонт Проскуров. И туда, и сюда, к одному и к другому... Да только никто на фальшивые деньги продавать ему ничего не согласен.

Вернулся домой он черней чернозёма. Есть хочется — никто не даёт. Худеет страдалец бедный.

Наконец какой-то озорной мужичонка нашёлся:

— Хочешь краюху хлеба?

— Давай!!!

— Только тащи свой мешок с деньгами.

Поскулил, поскулил Дормидонт, отдал мешок: есть хочется. «О господи, это за краюху-то и все-то мои богатства!»

Сожгли крестьяне фальшивые деньги.

Прошёл день.

Снова Проскурову кушать хочется. Никто не даёт. Никто не здоровается. Не желают знать крестьяне предателя.

Как же он жил? Да так вот и жил. Пока совсем не отощал и не помер.

Жалко? Нисколько.

ДЕЛИКАТНОСТЬ

Многие дворяне при подходе французов бросали свои имения и уезжали.

Однако были такие, которые и оставались. Не уехала и княгиня Затонская.

— Французы меня не тронут, — заявила княгиня. — Я во французском духе воспитана. Я романы на их языке читаю. Французы — сама деликатность.

Махнул старый князь рукой:

— Ну, как знаешь.

Взял и уехал.

Осталась одна княгиня, да девка при ней, Парашка.

Пришли французы под Вязьму. Какой-то отряд вступил и в имение князей Затонских.

Явились солдаты в дом выбирать ночлег для своего командира.

Прошли они длинным рядом различных комнат, облюбовали одну с окном к восходу.

Комната небольшая, зато уютная. Кровать белым как снег застелена. Запахи ароматные. Столик, духи на столике.

— Как раз нашему офицеру.

Подошли княгиня и девка Парашка.

— Это комната моя,— объясняет княгиня.

— Это комната её сиятельства,— уточняет Парашка.

«Какое ещё сиятельство!» — смотрят на женщин солдаты.

— Это комната для нашего офицера,— говорят они грозно.

А в это время офицер вошёл в дом. Услышал он разговор о комнате, подошёл, поклонился княгине.

— Пардон,— произнёс,— мадам. Виконт де Ланжерон,— представился. Поцеловал княгинину ручку.— Убирайтесь! — крикнул солдатам. Шаркнул ногой перед девкой Парашкой.— Пардон, мамзель...

Просияла княгиня. Предлагает она офицеру остаться, выбрать любую из комнат.

— Хотите ту, что с балконом, или нет, лучше ту, что в китайском стиле.

— Господину офицеру лучше бы княжеский кабинет,— предлагает девка Парашка.— Там ружья висят и сабли.

— Не смею,— отвечает виконт,— нарушать ваш покой. Время военное, пересплю по-солдатски.

Сказал, опять поклонился и тут же вышел наружу. Стоят княгиня с Парашкой.

— Вот это француз! Сама деликатность.

Решил офицер переночевать рядом с княжеским домом в селе. Выбрал избу получше.

— Вот здесь, — указал солдатам.

Вошли солдаты в избу, минут через пять вернулись.

— Ваше благородие, там горница занята. Там восемь детей крестьянских. Мал мала меньше. Хозяйка больна — лежит в беспамятстве.

Глянул грозно офицер на солдат:

— Очистить избу немедля!

Побежали солдаты.

Поздно вечером заглянула в село и девка Парашка. Встречает крестьян. Хвалится французским офицером, никак не нахвалится:

— Он ручку барыне поцеловал!.. Солдат из господского дома выгнал. По-кавалерски мне поклонился. И всё говорил «пардон». Сие есть деликатность, — объясняла Парашка.

Чешут мужики свои бороды:

— Н-да, вóрон вóрону глаз не выклюет.

ЦАРСКИЕ ЛОШАДИ

В Екатеринославский драгунский полк поступило конное пополнение — 126 лошадей.

Кони не простые, из царских конюшен. Сам Константин Павлович Романов, родной брат царя Александра, их для полка пожаловал. Правда, за плату.

— Повезло, — рассуждают драгуны.

— Кони небось в сажень. С трудом на таких залезешь.

— Кабы не война, видал бы ты этих коней!

— Ныне и царский род для войны не скупится.

— А как же, и им не чужа Россия!

Потом пошёл разговор, почём за коней уплачено.

— По двести двадцать пять рублей серебром за штуку.

— Деньги немалые. Тройная, выходит, цена.

— Так ведь и лошади царские.

Прибыли кони.

Столпились драгуны, стоят глазеют.

Кони какие-то странные. Ростом по грудь. Кожа к костям прилипла. Многие вовсе беззубые.

— Может, ошибка, — перешёптываются драгуны.

— Царские, может, только ещё в пути.

Ошибки не было. Пришёл коновал. Стал проверять, здоровы ли кони. Порядок такой из веков в кавалерийских войсках. И вот — 45 оказались больными сапом. Чтобы не разносили заразу, тут же их пришлось пристрелить. 55 — не подходили по старости. Продали их немедля. С трудом по 40 рублей — где уж серебром, в бумажных рублях — ассигнациями.

Лишь 26 лошадей были причислены в полк. И то, честно сказать, с натяжкой.

— Да-а, — рассуждают драгуны. — Выходит, царский братец того... устроил обман-коммерцию.

— Как купец, гнилое подсунул.

— На войне поднабил карман.

— Не кони, выходит, хворые, — тихо промолвил какой-то солдат, — в царёвом роду, видать, червоточина.

ГОСПОДИ, ПОМОГИ!..

Где-то в глуши, в смоленских лесах и чащобах, затерялся мужской монастырь.

Бьют монахи земные поклоны:

— Господи, помоги, уйми супостата, силу нашим войскам пошли!..

Бьют монахи земные поклоны. Молятся, молятся,

молятся. Только не слышит их слов господь. Наступают кругом французы.

— Господи, не оставь! Помоги!.. — взывают монахи. Предают Наполеона они анафеме, беды всякие кличут, лютые кары ему сулят.

Однако господь, словно и нет-то его на небе, молчит и молчит. То ли спит, лежебока, на облаке, то ли просто, разбойник, ленится.

Нашлись среди монахов такие, которые сняли свои сутаны, надели мирское, ружья в руки вместо креста и влились в русское войско. А остальные остались. Продолжают у бога защиту вымаливать.

Просили, просили — не отозвался господь. Пришли в монастырь французы, какая-то конная часть.

Загадили кони подворье. Солдаты в погребах монастырских рыщут, в кельях песни свои кричат.

В испуге живут монахи. Днём с совками и мётлами ходят — убирают конячий навоз. И лишь ночью, забившись в кельи, тихонько продолжают господу богу поклоны бить.

Приехал как-то французский полковник. Собрал он монахов.

— А ну молебен во славу императора Наполеона!

Замялись монахи, да что же тут делать. Побьют их французы. Кто же тогда господа бога будет просить о спасении, кто же будет поклоны бить?!

Отслужили монахи молебен в честь императора Наполеона.

— И впредь служить ежедневно! — отдал строгий приказ полковник.

— Слушаем, — пискнули черносутанники.

Так и служат теперь монахи. Утром — за здравие императора, ночью — за упокой.

— Уйми ты его, супостата!.. — гнут монахи свои спины до десятого пота. — Лютые кары ему пошли!..

Да только не отзывается что-то господь.

То ли в просьбах господь запутался, то ли просто всевышний ленится.

«ВОЙСКО ВТОРОГО СОРТА»

По всей России в срочном порядке собирали для армии новых солдат. Из губерний Санкт-Петербургской, Московской, Нижегородской, из других губерний и мест России походным маршем шли они на войну. Крестьяне бросали свою соху, мелкие торговцы до лучших времён закрывали лавки. Обозники, каретники, плотники, горожане любых ремёсел оставляли свой дом и труд.

Называли новых солдат ополченцами.

Враг наступал. Для учений времени не было. Умел держать ружьё, не умел — всё равно, ты отныне есть боевой солдат.

— Братцы, в боях научимся!

Под городом Гжатском к регулярной русской армии присоединились сразу двадцать пять тысяч таких новобранцев.

— Эка сила какая прибыла! — подзадоривают новых солдат бывалые. — Что грибов в урожайный год. Значит, вас прямо в бой. Карасями на сковородку.

Ходят ополченцы, настоящим солдатам завидуют.

У солдат в разный цвет мундиры, панталоны в обтяжку, на ногах башмаки.

У ополченцев простые кафтаны, портки-шаровары, сапоги невоенного кроя.

У солдат шапки с султанами, кивера и кокарды.

У ополченцев просто фуражки.

У солдат ружья, штыки на ружьях.

У ополченцев ружьё на троих.

— Вы рангом нас чуть пониже, — смеются солдаты. — Войско второго сорта.

Всюду вновь прибывшему меньший почёт. Так и тут, на войне.

Под тем же городом Гжатском ополченцы имели первое «дело». Отличились они в бою. Отбили и в плен пригнали отряд французов.

Сгрудились у пленных солдаты.

— Ты смотри!

— Ну и бороды!

— Ну и кафтаны!

Рады ополченцы, что их солдаты бывалые хвалят. Осмелели. Стали просить, чтобы каждому дали ружья.

— Не давать им, не давать ружья! — смеются солдаты. — Да они с ружьями всех французов в плен заберут, нам ничего не оставят.

Конечно, дали бы новым солдатам ружья. Да ведь ружей в армии не хватало, многотысячной стала армия. Ружья — они не грибы. Их в лесу под кустами не сыщешь. Ружья делать и делать надо.

Да разве главное в ружьях? Ружьё без солдата не стрельнёт. Солдат и без ружья победит.

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодёжь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь поспокойнее. Всё в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодёжь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимовича — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнёт благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!..— опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону,— пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дитё, как есть дитё». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу,— говорит.— Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу, — повторил Кутузов. — Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженного роста.

Кутузов удивлённо поднял глаза. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошёл фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой наконец Кутузов. — Быть по сему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Пётр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову. «При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

ТАТАРИН

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трёх сосен.

Глянешь отсюда налево — речки-певуньи крутой изгиб. Глянешь направо — бежит дорога. Посмотришь вперёд — поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания. Лежат, как в строю, убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, тощие, полные, усатые, с пухом на месте усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты, как же им быть — татарин другой, не хрестьянской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы того, не покарал бы господь за такое дело.

Сгрудились, перешёптываются между собой солдаты.

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе сражался. Погиб за Россию. Хоть и не хрестьянская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по-хрестьянски его в сторонку. Пусть остаётся со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился.

Только хотел начинать отпевание, видит — лежит татарин.

Нахмурился батюшка:

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать,— повторил священник.

— Ваше преподобие,— полезли солдаты,— пусть остаётся. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекосилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел на солдат батюшка.— Христопродавцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское.

В это время холмом мимо трёх сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился.

— В чём дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чём дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь бога!..

— Ладно, ладно,— поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило.— Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Много в русской армии разных полков: Московский пехотный, Московский драгунский, Полтавский, Смоленский, Елецкий, Иркутский, Литовский

уланский, Ахтырский гусарский... Ингерманландский[1] драгунский полк.

Отходят войска от Гжатска, дорогой идут к Можайску.

Остановились ингерманландские драгуны на ночёвку в селе Заболотном, расседлали коней.

Окружили драгун крестьяне:

— Откуда родом, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

— Из Ижорской земли.

— Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.

— Как так? — поразились драгуны.

— Да название больно у вас диковинное.

— Так не мы же его придумали. По губернии нашей значимся.

— Ясно, — протянули крестьяне.

Переночевали драгуны в селе Заболотном, на следующий день ночёвка в новом каком-то селе.

Обступили драгун крестьяне:

— Откуда, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

— Из Ижорской земли.

— Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.

— Что, название больно диковинное? — усмехнулись драгуны.

— Нет, — говорят крестьяне. — Уж больно прытко русскую землю врагу отдаёте.

---

[1] Санкт-Петербургская губерния до 1710 года называлась Ингерманландской. Полк и сто лет спустя, в 1812 году, сохранил своё старое наименование.

Смутились драгуны. Ну и крестьянский язык — режет острее бритвы.

— Так ведь это военный манёвр, — повторяют слова Кутузова.

— Может, оно и манёвр, — рассуждают крестьяне. — Только что же это за армия, если солдаты порачьи пятятся.

Обидно слушать такое драгунам. Едут они к Кутузову. Ни шагу назад, решают драгуны. Станем как пень. Хватит сеих манёвров.

А Кутузов и сам уже выбрал место для битвы. К этому месту теперь и подходили войска.

Разыскали солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, сил больше нет. Отмени военный манёвр. Дай команду побить французов.

Улыбнулся Кутузов:

— Час пробил. Быть по сему. С богом, служивые!

Доволен главнокомандующий, что пыл боевой в войсках.

— Значит, бой! — зашумели солдаты.

— Бой! — ответил Кутузов.

— Ура! — закричали драгуны.

Едут драгуны к себе в деревню, везут долгожданную весть. Встречают крестьян у околицы. Кричат для задора:

— Чем же ваше село известно?

Село как село. Чем же оно известно? Ничем.

— Поп у нас рыжий! — выкрикнул кто-то.

— То-то! — смеются солдаты. — Быть ему чёрным от гари и дыма.

Обомлели крестьяне. К чему бы такие речи?

А драгуны опять с вопросом:

— Как величать деревеньку?

— Бородино, — отвечают крестьяне.

Глава третья

БОРОДИНО

ПРОВАЛИЛАСЬ, КАК В ТОПЬ, ТИШИНА

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородина. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далёкие прадеды наши завещали её потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

Перед зарёю, ещё в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доезжая версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки Горки. Он ещё с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Где-то вправо уходила река Колоча, образуя развилку с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Затем линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь вёрст далеко налево, где за Семёновским ручьём и селом Семёновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее её, за селом Семёновским, были вырыты флеши — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флеши.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклая де Толли. Левый — армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьём бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом грузен Кутузов. Не вернёшь молодые годы.

Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Гулко отдаёт земля в ночной тишине. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки.

Затем он подымается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завозились на вётлах. Конь под Кутузовым дёрнул траву копытом, тихо заржал.

Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Всё светлее, светлее восток. Округа с холма словно в твоей ладони. Притихло, замерло всё. Недвижны войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули раскаты пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона.

Место здесь самое опасное.

Подходы открытые.

Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион, — ответил Кутузов. — Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил на левый фланг. Взять Багратионовы флеши, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь.

Три кавалерийских корпуса ринулись к русским флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте.

Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

— Это на одного генерала и столько-то маршалов, — шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идёт атака. Упорны французы. Страха не знают французы. Лезет на флеши вместо убитых новый солдатский ряд.

— Браво, браво! — кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшиты не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги.

Сошлись две стены. Бьются герой с героем.

Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперёд. Лишь курганы растут и растут из солдат побитых.

Не стихает у флешей бой. Солнце всё выше и выше. Вот уже и совсем высоко. Вот и в зените.

Не сдаются упрямые флеши. Как утёсы, как скалы держатся.

Негодует Наполеон. Срывается план императорский.

Посылает он двести, триста, четыреста пушек.
Грозен приказ императора:
— Все силы на левый фланг!
Бросаются в битву новые силы.
— Ну как, отступил Багратион?
— Нет, ваше величество.

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказы, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат, — любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он, — решают.

— Генерал вон там, — посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл, — слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время.

И лишь один Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит.

Завидно другим посыльным. «Эка удачлив какой Воейков». Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто, — отвечает Воейков. — Князь Багратион самолично мне в том помогает.

— Ты головы нам не мути. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

— Секрет? Вот он, секрет, — показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В стонах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков. — Где самое жаркое место?

Нашли офицеры.

— Вон там, — тычут поспешно пальцами.

— Туда и скачите, — ответил Воейков. — Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

Кирасир Адрианов во время Бородинской битвы был приставлен к Багратиону. Зрительную трубу подавал генералу, поддерживал за уздцы коня, во фляге таскал ключевую воду.

Неотступен, как тень, кирасир Адрианов. Посматривает он на князя Петра, на горбатый орлиный нос («грузинец»,— рассуждает солдат), на длинные цепкие руки («такие шпагу не выпустят»), на ладную фигуру Багратиона («девкам на загляденье»).

Нравится Адрианову генерал. И за боевую удачу, и за то, как говорит с солдатами: всё «братцы» или «ребята». И как воду из фляги пьёт. Глотками большими, словно силу в себя вбирает.

Но больше всего Адрианову нравится тот момент, когда, приподнявшись на стременах и вытянув кверху руку, голосом зычным, аж дрожь по спине, Багратион прокричит:

— В атаку!

Вот и сейчас. Вот уже генерал подался в седле. Вот-вот призывное крикнет. И вдруг... о пригорок вналёт ядро. И в ту же секунду Адрианов решил, что привиделось. Из правой ноги генерала на землю хлынула кровь.

Осел генерал. Вцепился в поводья:

«Усидеть, усидеть. Виду войскам не подать».

Минута казалась годом. Качнулся Багратион. Без стона повалился на землю.

Подбежала генеральская свита. Стащили сапог. Мундир расстегнули. Отложили стальную шпагу.

Явился армейский доктор. Осмотрел, покачал головой:

— Осколок. Смертельно.

Кое-кто потянулся к шляпам. Вырвался стон у пожилого полковника.

Адрианов пытался пробиться к Багратиону. Его оттеснили.

— Я же при генерале!..

— Ступай, ступай! — прикрикнули офицеры. — Больше не надобен.

«Убит, убит», — пошло по войскам.

И вдруг непонятное стряслось с кирасиром. Увидел он Багратионову шпагу. Секунду смотрел. Потом схватил — и навстречу французам. Добежал, пырнул одного, другого. Замерли офицеры. Затаили солдаты дыхание. Разит кирасир Адрианов врагов, лишь шпага на солнце сверкает. Багратионова, непобедимая шпага.

НАСТОЙ ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ

В центре русских войск между левым и правым крылом возвышался курган — самая высокая точка на всём Бородинском поле.

На кургане была поставлена русская батарея. Теперь, после гибели Багратиона, когда французам наконец удалось потеснить левый фланг, все их силы были брошены к центру. Курганная батарея оказалась главным местом сражения.

К полудню батарея дважды переходила из рук в руки. Упорство и с той и с другой стороны достигло предела. Под генералом Барклаем де Толли убита пятая лошадь. Не стихает страшная канонада. Ядра, словно плуги, вздымают землю. Градом по полю стучит картечь. Хрипят недобитые кони. Одиноким воплем раздалось чьё-то рыдание. Умирая, кто-то молится богу. Неистово бьют барабаны. Чёрное облако дыма закрыло солнце.

Французы опять потеснили русских.

Стоит Кутузов на возвышенном месте у Горок, зорко следит за битвой. Подзорная труба в руках у Кутузова. Окружают его адъютанты, курьеры, посыльные. То одного, то другого манит к себе Кутузов:

— А ну-ка, голубчик, скачи на Курганную.

— Ступай-ка, батенька, в корпус Дохтурова.

— Разведай, братец, как дела у Раевского.

Мягко, без крика отдаёт приказы Кутузов. Всё у него на счету: куда подвести резервы, какому генералу сменить позицию, к какому месту подвинуть пушки.

Знает Кутузов, что в битве бывает всякое. Иногда и отступишь на шаг, зато после десять отмеришь вперёд.

Хладнокровен в бою Кутузов. Видит он, что французы теснят у Курганной русских. Однако не это в бою главнейшее. Победу в конце считают.

В это время влетает на холм генерал Вольцоген. Конь генеральский взмылен. Лицо генерала бледное. Уздечка в руках мелкую дробь выбивает.

Осадил генерал коня.

— Отступаем, — кричит, — отступаем! Рушится, ваша светлость, центр!

Вольцоген был генерал не из храбрых, хотя на словах и бойкий. Недолюбливали его в армии. Недолюбливал и Кутузов.

Видит Кутузов, что центр действительно заколебался. Смотрит на это место, потом подымает взгляд на Вольцогена:

— Да что вы, голубчик, я ничего не вижу.

— Вот же, вот же! — кричит Вольцоген. — Взгляните, — и тянет подзорную трубу главнокомандующему.

Поднял Кутузов трубу, приложил к незрячему глазу, тому, что был выбит ещё лет тридцать назад под Алуштой.

— Нет, — говорит, — ничего не вижу.

Понял Вольцоген хитрость Кутузова, промолчал. Повернулся он к месту боя. Смотрит, а там действительно отступление кончилось.

Ударили наши солдаты в штыки, сами гонят французов.

Усмехнулся Кутузов.

— Да вы, батенька, видать, стороны перепутали. Бывает, голубчик, бывает. Оно от усталости... — Подозвал адъютанта. — Генералу настой валерьяновый.

ЗАВТРАК ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

Пока Кутузов разговаривал с генералом Вольцогеном, у Курганной батареи произошло вот что. Сюда на помощь Барклаю де Толли с правого фланга по приказанию Кутузова прискакал генерал Милорадович. Как раз русские начали отступление.

Горяч Милорадович. Лихой, боевой генерал, суворовский. Не зря он послан сюда Кутузовым.

Кричит Милорадович что-то солдатам, глохнут, как в вате, в артиллерийском гуле слова. Решил генерал личным примером увлечь войска. Взял он с собой адъютанта и с места в карьер, галопом по полю навстречу французам. Влетел на пригорок, осадил скакуна, спрыгнул на землю.

— Распорядитесь, — командует адъютанту, — подать сюда завтрак.

Многое видел адъютант на своём веку, знал генеральскую лихость, однако такое... Стоит, растерялся.

Рвутся кругом гранаты. Картечь как дождём поливает — верная смерть.

— Завтрак подать! — кричит Милорадович.

Бросился адъютант выполнять приказание. Тащат генералу еду. Ухватил он утиную ногу, из фляги водой запивает.

Не стихает зловещий бой. Ядра бугор осыпают. Видят солдаты под огнём генерала.

— Господи, пищей, никак, занялся!

— Да ну!

— Ей-ей! Утиную ногу ест.

— Выходит, наши дела неплохи.

— Братцы, вперёд!

Собрались солдаты с силами, бросились на французов. Этот момент и увидел с холма Вольцоген.

Уцелел под огнём Милорадович. Понял: не зря прискакал под пули. Отшвырнул недоеденный кус утятины. Снова вскочил на коня. Вернулся к своим полкам:

— Дружно, вперёд! Герои!

Бьются, бьются солдаты. Огромным факелом пылает Бородино. Третий час после полудня. Кто сказал, что попятились русские?!

РУКА

Молодой офицер Бибиков, уходя на войну, мечтал о подвиге, о геройстве.

Прибыл Бибиков в армию, надеялся попасть в боевой полк. Однако судьба поступила иначе. Определили его офицером в штаб, для переписки разных бумаг и приказов.

— Какое же в штабе геройство...— вздыхает Бибиков. — Где же я подвиг здесь совершу, чем же имя своё прославлю!..

Прошло два месяца. Наступил день Бородинской битвы. Сражение было в самом разгаре. Пушки палили и с той и с другой стороны с такой силой, что не только голосов, но и ружейной стрельбы не было слышно. Бой шёл за Курганную батарею. В это время Бибиков был послан к командиру одного из полков с приказом оставить свои позиции и срочно идти на помощь к генералу Раевскому.

Вскочил Бибиков на коня, помчался выполнять важное поручение. Рад, что наконец из штаба вырвался. Едет, всё о подвиге думает.

Торопится Бибиков, знает, — поручение срочное. Лихо мчит через гущу боя.

Разыскал он указанный полк, передаёт приказ командиру.

— Громче, громче! — кричит командир.

Заглушает канонада слова посыльного. Не может понять полковник, в каком направлении двигаться.

Привстал тогда Бибиков в стременах, протянул руку в нужную сторону. Только протянул, как просвистало, пролетело неприятельское ядро, ударило Бибикова в самый локоть. Обломилась, отлетела, как хворостина, рука. Вскрикнул Бибиков от боли, стал валиться с коня. Падает, а сам понимает, что не передал он важный приказ полковнику. Собрал офицер последние силы — вторую руку в том же направлении тянет.

— К Курганной батарее, на помощь Раевскому... — прохрипел, упал и тут же лишился сознания.

Понял полковник. Снялись солдаты, пошли на помощь товарищам.

Весть о подвиге молодого офицера быстро прошла по русским полкам. Достигла она и Кутузова.

— Молодец! — прослезился Кутузов. — Отменный, видать, офицер. К награде его. В списки героев. На вечные времена — внукам в пример, Отчизне во славу.

Пришёл в себя Бибиков только вечером, уже в санитарной палатке.

Смотрит на то место, где ещё утром была рука, сокрушается:

— Как же я подвиг теперь совершу, чем же имя своё прославлю!..

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин. — Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала местом недавней схватки. Спустились кони в низинку. Всё поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Словно бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

— О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объехать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперёд! Мёртвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза. Скорей бы проехать жестоким местом. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровяных подтёках. Кивер лежит в стороне. Однако ружьё при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колёс. Грузен, тяжёл капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы, — зачастил Епифанов. — С левого фланга на правый фланг. На подмогу идём рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал. — А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут

солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей слышит зов.

Улыбка прошла по лицу капрала.

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка, кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружьё, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешёл капрал. Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несётся с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил воин свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробьиная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придёт в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нём совсем ещё не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нём не было?! Дурак, богатырская сила в нём!

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так устали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрётся Дуга:

— Да что я, дитё какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат.— Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей,— отбивается Клим,— да что я — к откорму хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложит. — Дяденька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды,— простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идёт по солдатским рядам.

Нет нигде, как в пустыне, воды.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно током прошло по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады, — кричит Дуга, — дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несётся над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь человеки. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским понятно — неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло всё. Лишь:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студёной, в разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднёс ко рту. Смочил лоб, височную часть.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где?

Из сердца достал солдатского.

РЫЖИК

Родился он маленьким-маленьким, рыженьким-рыженьким, словно в беличью шубку одет. Поднялся на хилые ножки, удивлённо глянул на белый свет и нежно заржал.

— Рыжик! — вырвалось у кого-то.

Так и остался лошадёнок при этом имени.

Прошло три года. Рыжик вырос, окреп. Не конь — загляденье. Шея тонкая, ноги стройные. Буйным ветром летит по полю.

Вскоре Рыжик попал на военную службу. Определили его в гусарский полк к самому командиру. Однако не понравился чем-то коню гусарский начальник. То ли годами полковник стар, то ли сердце имел недоброе. Не подпускает Рыжик к себе командира: бьёт копытом, рвёт удила.

Разозлился полковник, отдал коня своему адъютанту. Однако и тут неудача. То ли зелен-молод совсем адъютант, то ли душа у него нехрабрая. Не признаёт конь офицера, свечкой вздымает к небу.

Намучились в гусарском полку с конём. Наконец решили отчислить упрямца. Да только тут влились в русскую армию казаки генерала Платова. Казак Савостин и выпросил Рыжика.

Почуял Рыжик славную руку хозяина. Савостин лихой казак. Савостин всегда впереди. И Рыжик привык к почётному месту. Смирились другие кони, почтительно уступают ему дорогу.

Гордится Рыжик своим хозяином. И Савостин к Рыжику, как к лучшему другу. Сам его кормит, сам его поит. Сам чистит и гладит коня.

В самый разгар Бородинской битвы Кутузов отдал приказ казакам генерала Платова и кавалерийским полкам генерала Уварова быстрым маршем пройти по французским тылам, ударить противнику в спину.

Помчались лихие кавалеристы, с криком и шумом обрушились на неприятеля. Не ожидали французы русских в своём тылу. Завязался горячий бой. Дрогнула французская конница. Врезались казаки в ряды французской пехоты, прошлись, как ножом по маслу.

В это время Савостина ранило. Вылетел казак из седла, рухнул на землю.

Проскочил Рыжик с разгона сквозь французский

заслон, остановился. Повёл головой. Вначале тихо, потом громко заржал. Много тогда коней без седоков оказалось. Стали лошади собираться около Рыжика. Привыкли ходить за ним. Создался целый табун. Заметался по полю Рыжик — ищет хозяина. И другие кони за ним то в одну, то в другую сторону. Хоть лошади и без седоков, да в общей массе и они боевой отряд — завидя их, разбегаются враз французы.

Разыскал Рыжик Савостина. Взобрался казак на коня. Полетел догонять товарищей. Мчится Рыжик по полю, голову держит высоко-высоко.

Лихим назвать бы его, а не Рыжиком. Да только клички даются с детства.

ПТИЦА-СЛАВА

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Всё думал, как бы её поймать.

Ещё в самом начале войны у Изюмова произошёл такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица,— ответил солдат.— Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Всё о птице чудесной думает. Как же её поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов всё время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И всё-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боёв под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

– Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть её можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь, как устоять против конных, думает.

А кони всё ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поёжился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружьё Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружьё на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице.

Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошёл в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! – не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне ещё не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не оставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошёлся вовсю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Всё реже и реже взмахи французских сабель. Всё тише руки удар. Минута — и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Дают вразворот коней.

Казалось бы, всё. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И всё же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим.

Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почёт!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Не видят солдаты. Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

«ДАЙТЕ МНЕ ГВАРДИЮ!»

Возвышенное место у села Шевардино. Здесь напротив центра русских позиций ставка Наполеона. Император был одет в серую походную шинель. Сидел на складном стульчике, то и дело смотрел в подзорную трубу. За все долгие часы Бородинской битвы он ни разу не покинул этого места.

Иногда Наполеон поднимался и начинал молча

расхаживать из стороны в сторону. В самые напряжённые моменты битвы сюда долетали русские ядра. Несколько раз они подкатывались к самым ногам императора. Наполеон не сторонился. Он тихо отталкивал их ногой, будто то были простые камни, помешавшие во время прогулки.

За спиной у Наполеона толпилась свита. За свитой находился военный оркестр. Исполнялись военные марши. За холмом в низине стояла французская гвардия — главный резерв императора.

Генералы не узнавали своего императора. Куда-то пропала энергия Наполеона. Он был сумрачен, неразговорчив.

Император не узнавал своих генералов. Никогда он ещё не видел столько тревоги на лицах своих подчинённых.

Генералы не узнавали своих солдат. Не то чтобы бились солдаты хуже, нет, геройства хоть отбавляй, да только никак не осилят русских.

Всё было не так, как всегда. Много Наполеон одержал великих побед. Не знал себе равных.

Но здесь... Целый день не смолкает битва. А где же победа? Смешно и сказать — сто метров русской земли отбито.

Понимает Наполеон, что изменяет счастье ему военное. Сумрачен император французский.

— А что, если гвардию бросить в бой? — советуют генералы.

Бережёт император гвардию. Не решается бросить в бой.

Подлетает к Наполеону маршал Даву:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Я принесу вам победу.

Поводит император отрицательно головой.

Несётся к императорской ставке Ней:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Победа, ручаюсь, у ваших ног.

Не даёт император гвардию.

Появляется маршал Мюрат, самый любимый французский маршал:

— Дайте мне гвардию!..

Отправляет назад император Мюрата.

Ясно Наполеону, что и гвардия здесь не осилит. А гибель гвардии — верная смерть.

Французы отбили Курганную батарею, но дальше не двинулись. Стоят перед ними России солдаты, не солдаты — стальная стена.

День потухал. Солнце катилось к закату. Отгремели орудия. Кончился бой. Завершился кровавый день. Каждая из сторон осталась на старом месте.

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собрались русские генералы. Идёт военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать оставить Москву. Слова такие — ножом, топором по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелёгкий час в жизни Кутузова. Он только что произведён в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу,— главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрён в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность. Главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клок сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы. Россия ждёт.

— С потерей Москвы, — тихо начал Кутузов, — ещё не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибли Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твёрдо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю, — вновь повторил Кутузов, — отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

Глава четвёртая

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

КЛЮЧИ

Наполеон подъехал к Поклонной горе. Поднялся конь на бугристое место — взору открылась Москва.

Шедшая за императором гвардия стала тесниться. Лезут солдаты вперёд.

— Москва! Вот он, конец войне.

И опять, как тогда, при переходе через Неман:

— Слава! Слава! Слава!

— Императору вива!

— Франции вива! — несётся со всех сторон.

Яркое солнце стояло в зените. Город, как чудо, лежал на своих холмах. Золотом крытые маковки

церквей и соборов играли, светили, слепили глаза. Вот оно, русское диво.

Здесь при въезде в Москву Наполеон стал ожидать горожан с поклоном. Обычай такой — побеждённым ключи приносить от города.

Наполеон не может скрыть торжества. Победа достигнута. Сейчас принесут ключи. Не сегодня-завтра русский царь Александр пришлёт генералов, запросит мира. С новой славой вернётся император в родной Париж.

И солдатам радость глаза закрыла. Смотрят на город: вот где квартиры, вот где отдых — покой, хлеба и мяса горы.

— Императору слава!

— Вива, вива, вива! — не умолкают солдатские крики.

Надел Наполеон любимый парадный наряд — мундир егерей гвардейских. Синий сюртук, белый жилет. В блеске, как хром, лосины.

Ожидает император послов. Важно, как победителю и подобает, взад-вперёд по Поклонной ходит. Перчатки то снимет, то снова наденет. Платком проведёт по лбу, сунет в карман, снова достанет. Шутка ли сказать — ключи от Москвы... Кому выпадало такое!

Проходит и час, и второй, и больше. Солнце уже не парит. В тучи ушёл небосклон. В ногах и спине усталость. Император нахмурил брови:

— Что я — мальчишка? Сколько же можно ждать?!

Вдруг скачут офицеры, что были в Москве, в разведке.

— Ваше величество, жителей нет в Москве. За войском ушли горожане.

Сдвинул Наполеон треугольную шляпу:

— Что?!

— Город пуст.

— А ключи?!

Развели офицеры руками.

— Проклятье! — ругнулся Наполеон. Бросил в морду коню перчатки.

Думали французы: в Москве всему делу конец. Ошиблись. Настоящая война только теперь начиналась.

КОСТРЫ

Отступив из Москвы, Кутузов повёл русскую армию по Рязанской дороге.

Тут же, не дав войскам остановки, вслед за русскими бросился маршал Мюрат.

Понял Наполеон, что Кутузов оставил Москву неспроста. Отдал её как приманку. В сохранности русская армия.

— Хитрая лиса... Русская бестия! — ругается Наполеон. — Догнать, разгромить, уничтожить!.. — даёт он строжайший приказ Мюрату.

Идёт Мюрат по пятам Кутузова. Идёт день, идёт два... Взбивает пыль на Рязанской дороге. Остановится на ночь. Под самым носом полыхают русских биваков костры. Тут она — армия.

Проснутся французы утром — нет русской армии. И снова поход, снова вдогон. Ночью опять костры. Дымятся и слева и справа. Кажется, протяни только руку — и схватишь за горло русских солдат.

А утром опять никакого войска. Лишь головешки в кострах стреляют.

Несколько дней шёл Мюрат по Рязанской дороге. Исчезла куда-то русская армия.

И правда исчезла. Отойдя от Москвы неполных два перехода, Кутузов неожиданно повернул всю свою армию резко на юг и просёлочными дорогами, заметая следы, повёл её на Тульскую; передохнул и тронулся дальше, к старой Калужской дороге.

Догоняет Мюрат Кутузова по Рязанской дороге, а в это время русские совсем в другой стороне, обошли полукругом Москву, стоят на Калужской.

Идёт Мюрат за ночными огнями. Не может понять, что это военная хитрость. Не армия жжёт костры, а всего-навсего два казачьих полка, специально для этого здесь оставленных.

Стараются казаки. Разложат костры. Много костров. И дальше спешат. К новой ночи дрова припасают.

Не скоро раскрылась хитрость Кутузова. Вернулся Мюрат к Наполеону ни с чем.

В страшном гневе император французский. Забыв свой высокий императорский сан, как последний солдат ругается.

— Куль овсяный!.. Мозги лошадиные!.. — кричит на Мюрата. — Хитрая лиса... Русская бестия! — посылает проклятья Кутузову.

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо её одеть. Наступила осень — о тёплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлебом.

Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли всё с собою жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напьются солдаты — идёт грабёж. А где грабёж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днём. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество, — обеспокоены французские маршалы и генералы, — опасно! Огонь подошёл к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... — умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице: «Это дорога в ад», — вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню — от Москвы пепелище.

Не город в руках французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провианты сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет?»

— Почему же мира не просят русские?!

Проходит три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

Едет маркиз Лористон к Кутузову. Сопровождает его в штаб-квартиру главнокомандующего поручик Орлов. Едет Орлов, говорит о погоде. Так наказал Кутузов. Ни о чём другом, только как о погоде. Это на всякий случай, чтобы офицер случайно секретов каких не выболтал.

Смотрит Лористон на округу:

— Удачные места под Тарутином.

— Погода сегодня хорошая,— отвечает Орлов.

— Говорят, у вас в войсках пополнение?

— Солнце словно бы летнее, а не осеннее,— опять о погоде Орлов.

Удивляется Лористон.

Приехал посол к Кутузову, передал привет от императора, завёл разговор. Начал не сразу о мире. А с жалоб на то, что война эта какая-то странная. Нет бы, сражались армии, а то ведь крестьяне вступают в бой. Ведут же бои без правил.

— Простите, но это же лесные разбойники, — говорит Лористон.

«Эге, — думает про себя Кутузов, — молодцы мужички. Видать, хорошо насолили французам». А вслух:

— Ваша правда, генерал, — и вздыхает. — Да, распустились совсем крестьяне. Эка беда... Только ведь я крестьянами не командую.

— Зато казаки — люди военные, — продолжает о своём Лористон. — Но и они правил признавать не хотят.

«Молодцы казаки, — думает про себя Кутузов. — Сбивайте с француза спесь. Шкуру с него сдирайте». А вслух:

— Ох уж эти мне казаки, казаки... Я и сам не рад, что они при армии. В степях родились, деликатности не обучены.

Начинает Лористон бранить ополченцев. Мол, больно лютуют.

— Так это не войско, — отвечает Кутузов. — Сегодня они в строю, завтра опять разошлись по сёлам. Какой с ополченцев спрос!..

А сам про себя: «Молодцы ополченцы».

Ясна Лористону бесплодность его речей, стал говорить о мире.

Посмотрел Кутузов на Лористона:

— Я хоть сию секунду.

Обрадовался Наполеонов посыльный:

— Вот и наш император желает.

Развёл Кутузов руками:

— Только я ведь всего солдат. Хожу под царём и богом.

— Но ваше слово... Ваш сан главнокомандующего...

— Я хоть сегодня, — опять повторил Кутузов. (А сам состроил в кармане фиг.)

Уехал ни с чем посыльный. Провожает его Орлов, опять говорит о погоде.

Трясётся Лористон в седле. Вид унылый, насупился. Рассмеялся Орлов:

— Ба, да оно ведь и вправду, видать, погода сегодня для нас хорошая!

ТАРУТИНО

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела у французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загремели пушки. Скрестились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прапорщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнаглели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спалённый город:

— Вот она, наша страдалица...

Дождик крапает осенний. Хотя и тепло и безветренно. Где-то раздался собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех поели!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мёртвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешёптываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетает из города. Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они в пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат развалины. Лишь цокот от конских ног в тишине, как в гро-

бу, отдаётся. Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки, почти к Кремлю. Нигде не видать французов.

Попался какой-то старик.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привёз согласия на мир Лористон. А тут ещё бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод идёт по армии. Что же, как в мышеловке, сидеть в Москве. Нет, пока есть силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень, из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой понесли долгожданную весть Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать, не жалея, Московский Кремль. К счастью, погибло немногое. Пошедший дождь загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился:

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину:

— Спасибо тебе, Тарутино!

ВЫСШИЙ ПОЧЁТ

Весть о том, что Наполеон ушёл из Москвы, как мяч о стенку, ударяла и отлетала. Верят — не верят в неё солдаты. Нужно верить — не верится.

— Ушёл?!

— По собственной воле!

— Не может быть!
— Побожись!
Однако что же тут с правдой спорить. Всё тут яснее ясного. Всё тут белее белого. Ступай, посмотри Москву.
Собрались солдаты в круг, стали хвалить Кутузова:
— Ай да старик Кутузов!
— Кутузов — тёртый калач!
— Кутузов — стреляный воробей!
— Провёл, обхитрил... Как сурка, Бонапарта из первопрестольной выжил!
Слушает унтер-офицер солдатские разговоры.
— Эй, вы, какой же фельдмаршал вам стреляный воробей?
Смутились солдаты:
— Да это же к слову. Орёл наш Кутузов!
Вспоминают солдаты, как уходили тогда из Москвы по Яузскому мосту и не кричали «ура» Кутузову, — совестно.
Ещё роднее, ближе стал им теперь Кутузов. Все норовят увидеть фельдмаршала, исправить свою ошибку.
Куда ни покажется главнокомандующий — всюду «ура» и «ура». Ну, право, хоть сиди под замком в избе, не высовывай нос из штаба.
Но и этого мало солдатам. Собрались, явились к Кутузову:
— Михайла Илларионович, ваша светлость, не гневись на нас, батюшка... Тогда у Москвы-реки...
Прослезился Кутузов:
— Ступайте. Нет на душе обиды. Я и сам бы тогда молчал.
Но опять неспокойны солдаты. Узнали они, что любит фельдмаршал уху с наваром. Куда-то ходили, где-то искали, наловили ему стерлядей. Пусть рыбкой себя побалует.

— Ух ты, ушица!.. Откуда такая?! — поразился Кутузов.

- Не спрашивай. Ешь, поправляйся фельдмаршал Кутузов! Что ордена, что там награды... Высший выпал тебе почёт.

ТИШКА И МИНЬКА

Оставив Москву, Наполеон пошёл на Калугу. В Калуге — городе, войной не разорённом, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчёт противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малого Ярославца разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начинают атаку русские.

Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы. И так восемь раз. Город то и дело из рук переходит в руки.

Малоярославские мальчишки (братья-двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленькое оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишки и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и снова в город. Интересно им посмотреть на взаправдашний бой.

И вот ребята стоят у оконца. Ребятам впервые — им всё интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шёл где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные

крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишки и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый. Брови чёрные, чуть с изгибом, словно не брови, а ворон раскинул крылья.

Следят ребята за офицером.

— Генерал, — шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик, — поправляет братишку Тишка.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Дети! — кричит офицер. — Штык ржавеет без дела. Солдат не солдат без победы. Вперёд! — И первым идёт в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекает на месте боя. Смешалась воедино французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно? — спрашивает Тишка у брата.

— Нет, — отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Всё стихло. Валялись убитые. А ближе всех лежал молодой офицер. Видят ребята, что офицер штыком при атаке ранен. Лежит и тихо, протяжно стонет.

Переглянулись мальчишки.

— Его бы в подвал, — произнёс осторожно Тишка.

— Эге, — согласился Минька.

Однако выйти наружу они боятся. Постояли ребята и всё же набрались храбрости. Крадучись вышли на улицу. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжёлый, — шепчет тихонько Минька.

— Так ведь харч офицерский, — соглашается Тишка.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились всё время около офицера. Воду ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал, где почище, клок и приложил к тому месту, где на офицерском боку виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. То по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменным. Уберёгся он от пожарища.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише... — уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, всё обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — кругом безлюдье. Нет, нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что на Калугу ему не прорваться. Впервые в своей жизни император не решился на новый бой. Отдал приказ отступить войскам.

Вылезли ребята из подвала, вышли наружу. Смотрят — в город вступают русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкин и Минькин отец идёт.

Увидел он сыновей:

— Ах вы разбойники! Ах шелудивые!

Застыли Тишка и Минька. А отец недолго думая снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойняшки. Отец у них строгий. Другого и нечего ждать. Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять, — полез Тишка, — а там раненый, — указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер, — прогнусавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника.

А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу, и там ему вручили медаль. К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чём, что это спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, её рубить.

— Тут вам медаль. Одна на двоих, — заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазёнки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки,— заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьёй Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шёл при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

СЛУЧАЙ, КОГДА НЕ НАДО БЫЛО КРИЧАТЬ «УРА»

— И зачем кричали «ура»? И как оно вырвалось? — сокрушались донские казаки.

— Это Нечипор, Нечипор... Он за это в ответе.

Молодой казак Нечипор Худояк и вправду первым победное крикнул.

На следующий день после битвы у Малого Ярославца Наполеон с небольшой группой офицеров и генералов ехал из штаба к своим войскам.

Едет Наполеон, не торопится. Думы разные в голове. В это время на соседнем холме появился разъезд казацкий. Увидели офицеры и генералы конных, решили, что свой отряд.

А казаки сразу узнали французов. Вскинули пики, галопом летят к генералам.

— Ура! — кричит Худояк.

— Ура-а! — голосят другие.

Наполеон вздрогнул. Свита пришла в замешательство. Кто-то открыл стрельбу.

Всё ближе и ближе лихие донцы. Кони, почуяв удачу, словно не мчат, а летят над полем. Режет утренний воздух тяжёлый храп.

У Наполеона мурашки прошли по телу.

— Вот он, конец бесславный...

Сгрудилась, окружила императора свита. Каждый последний момент считает.

Худо пришлось бы французам, да только тут, заслышав пальбу и крики, вдруг на помощь своим явились кирасирские эскадроны. Отогнали они казаков.

Долго не мог Наполеон позабыть об опасной встрече. Белость долго держалась в лице. Наконец успокоился, вызвал походного лекаря. Приказал он военному эскулапу немедля же изготовить смертельный яд. Не хотел император живым попадаться в плен. Стал носить в пузырьке отраву.

Стали теперь более осторожными офицеры и генералы.

Но больше всех неудачу этого дня переживали русские казаки.

— Упустили... Эхма, упустили!.. И чего кричали «ура»?.. И как оно только вырвалось!

ЗЛАЯ ВОДИЧКА

Как-то ещё во время Бородинской битвы какой-то полковник, бывший в кутузовской свите, потянулся к фляге и выпил глоток, второй. Заметил Кутузов, и ему захотелось.

— Э-эй, голубчик, подай-ко сюда водицу.

Растерялся полковник. Во фляге была не водица, а чистый спирт. Не нашёлся полковник, как же ему ответить, отдал покорно флягу.

Поднёс Кутузов флягу к губам, сделал глоток и чуть-чуть не задохнулся.

— Ух ты! — с трудом переводит дух. — Водичка какая злая.

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьём и терпим, ваша светлость.

Хотел фельдмаршал разгневаться на офицера. Однако полковник так ловко ответил, что вдруг

остыл, рассмеялся Кутузов. Вернул он владельцу флягу и только пальцем ему погрозил.

Узнали другие офицеры, что Кутузов простил полковника. А у многих во флягах вместо воды было вино или спирт. Осмелели.

Заметил это Кутузов.

И вот снова такой же случай. Теперь уже у Малого Ярославца. Смотрит Кутузов на поле боя. Рядом крутится свита. И снова полковник, не тот, а другой, потянулся к армейской фляге. И снова Кутузов:

— Э-ей, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Подбежал полковник, смело тянет фельдмаршалу флягу. Знает, что́ нужно ему ответить.

Поднёс Кутузов флягу, однако не к губам на сей раз, а к носу. Понюхал:

— Спирт?

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьём и терпим, ваша светлость.

Отбросил Кутузов флягу. Подошёл, взял офицера за ухо.

— Э, чужим умишком живёшь! Слова повторяешь. Кто разрешил? — Пальцем сунул на флягу. — Что тут, питейный дом?!

Строг оказался Кутузов. Для острастки другим тут же приказал уволить полковника в тыл. К тому же без пенсии.

Струсили офицеры. Ты смотри, она и вправду водичка злая.

ДЕЛИКАТЕСНОЕ БЛЮДО

Отступает французская армия. Полк за полком, полк за полком. Бесславно идут к Смоленску. Самым последним отходит Мюрат.

Мюрат не только маршал французский, но ещё и король. Было в Италии королевство — Неаполитан-

ское. Захватили его французы. Отдал Наполеон королевство своему любимцу — Мюрату. Стал Мюрат королём.

Ночевал Мюрат со своими полками у Можайска, в городе Верее. Подошли сюда русские. Решительным штурмом ворвались в город. Две тысячи французов было убито. Полторы тысячи сдалось в плен.

Вошли солдаты в тот дом, где ставка была Мюрата. Осмотрелись — нет, не видать Мюрата. Маршал сбежал. Бежала и свита. Покрутились солдаты, наиболее шустрые — шмыг на кухню. Интересно, чем короли питаются. Яства, считай, заморские. Блюда невиданные, деликатесные...

На кухне плита распалена. Ножи, сковородки, кастрюли. Дозревает обед королевский. То-то попали солдаты вовремя!

Сгрудились они у плиты, крышку сняли с большой кастрюли. Наваром дыхнул пар. Ударили в нос непривычные запахи.

— Ну, что там, что там в сием сосуде?

— Уха из диковинных рыб?

— Из горных козлов солянка?

— Суп из нутра лебедей?

Запустили солдаты половник в кастрюлю, притихли — тащат здоровую кость, мясо при ней болтается.

— Оленины кус?

— Говядины кус?

— А может, что-то досель не виданное!

Вдруг видят солдаты — под лавкой лежит копыто. С подковой.

— Ба, да это же конь!

Потянули снова солдаты кастрюльный запах — конячий, смердячий дух.

Обалдели солдаты:

— Такое-то королю!

Бросились к печке. Тащат шипящий противень. Чудо какое-то жарится.

Смотрят солдаты:

— Братцы, так это же кот! Морда, гляди, кошачья!

Рассмотрели солдаты. И правда. Вот и хвост в стороне валяется.

Рассмеялись солдаты:

— Тощий кот и копыто! Ну, братцы, худо пришлось французам, раз такое к столу короля деликатесным выходит блюдом.

Отступает французская армия. Как зверь, огрызается. Сил у французов ещё немало. Еды у французов мало.

Свечи едят вместо сала. Порох заместо соли. За конский навар дерутся.

Погнал их Кутузов по той же дороге, по которой наступали они к Москве. Места же здесь разорённые. Сами французы тому виной. Вот и прибыли дни расплаты.

Однако это только начало. Расплата ещё впереди.

Глава пятая

НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ещё до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойдён? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждёт, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — произнёс Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни вёрст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Пётр.

— Всё время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов всё это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошёл к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни вёрст... И передал всё слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берёг каждый отряд солдат.

— Ваша светлость, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, — фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом уже тише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надёжный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надёжный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусаров и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушёл в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам всё чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнёс:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой манёвр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошёл и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разо-

гнали идущую артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил, как слизнул, четырёх французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушёл без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушёл к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в шнурках гусарских, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь.

Глянул корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский, даже кушак крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеётся Давыдов:

— Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

— Васильчиков,— пискнул Васильчиков.

Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

— Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

— Внезапность, — отвечает Давыдов. — Какая позиция самая лучшая? — И опять отвечает: — Непрерывность в движении. В чём партизана главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот — походы, походы, переходы, ночёвки в лесах.

То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано какое дело, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога.

Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушёл из части. Покрутился ещё с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки теперь и той не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Ещё в те дни, когда он исчез, в армии было целое дело.

Самовольство для офицера — серьёзная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и строго добавил: — А за то, что вернулся, за это — вдвое.

НАГРАДА

Много прославленных имён среди командиров партизанских отрядов: офицер Сеславин, простой крестьянин Герасим Курин, рядовой гусар Фёдор Потапов, по кличке Самусь, сельский староста Стулов, солдат Ерёменко, отставной майор Емельянов — в прошлом крепостной крестьянин, ветеран суворовских войн, произведённый за геройство Суворовым в офицеры.

Как-то в какую-то итальянскую часть приехал из штаба Наполеона посыльный. Тут-то зашёл разговор и ещё об одном русском герое, о молодом штабс-капитане артиллерии Александре Самойловиче Фигнере.

Лихость в Фигнере потрясающая. Он и в бою всегда впереди, и в походах не знает устали, и на расправу с врагом жестокий, он и в разведку без страха ходит.

Фигнер даже в Москву к французам ходил, переодевшись, правда, крестьянином.

Много зла причинил Фигнер со своим партизанским отрядом французам. Слух об отважном штабс-капитане даже дошёл до Наполеона. За поимку Фигнера император назначил большую сумму.

Приехавший к итальянцам из наполеоновского штаба офицер привёз особую весть — где-то здесь, в местных лесах, скрывается Фигнер.

Заволновались итальянцы. И страшно, и вот бы прославиться — взять и поймать злодея. Вот бы сюрприз императору. К тому же... награда.

— Поймаем его! — кричат итальянцы. — В наших же жилах римская кровь!

Собрались одни офицеры. Рядовых с собой не брали. Не хотели делить богатства.

Подумал посыльный и тоже решил поехать. Интересно, что из того получится. А вдруг...

Тронулись итальянцы. Рыщут они по соседнему лесу. Нет, не видно партизанских примет. Направляются в лес, что подальше. И там всё спокойно и тихо. Едут вёрст за десять в крутые балки. И там неудача.

Не хочется им возвращаться с пустыми руками домой. Да день на исходе. К тому же устали. И есть хочется. И дорога домой неблизкая.

«Да, пора бы домой», — понимает и Наполеонов посыльный. Да только в эту минуту что-то, как назло, за язык его дёрнуло.

— А не там ли они, вон за полем, в дубовой роще?

И офицеры о том подумали. Решили:

— Ну ладно, последний заход.

Дотащились они до дубовой рощи. И правда — вот он, свежий след от лошадиных копыт.

Поднялся дух в итальянцах.

— В наших жилах римская кровь! Вперёд!

Втянулись они своей офицерской колонной в лес.

И вдруг слева и справа налетели на них партизаны. Крики, свисты, стрельба...

Туда итальянцы, сюда, да где там — они в окружении.

Согнали партизаны пленённых в кучу. Стоят они, по-итальянски носы повесив. А где же тот, Наполеонов посыльный?

Смотрят — стоит он в первом ряду партизан, ручкой им нежненько машет:

— Приветствую вас, господа офицеры! Будем знакомы — штабс-капитан Александр Самойлович Фигнер.

СОЛДАТСКОЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Пришёл драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злобой мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится.

Лишь один молодой рябоватый парень пошёл за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково — там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом ещё двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создадут отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся. Хотели тебя проверить, — схитрили крестьяне. — Сто́ящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали своё согласие быть у него в отряде. Это стало началом. Вскоре из всей округи свыше четырёх тысяч крестьян собралось под командованием Ермолая Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завёл военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты — что полковник, — смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в сёлах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звон-

ницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются.

Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идёт от села к селу перезвон. Эка приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Слушают звонную прелесть.

Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны,

как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сёл выходят уже отряды. Приказ — собраться сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на

французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой, — куда же палить, в какую же сторону! Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью, того, перелёт.

Выстрел был первый, он же последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — всё через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

ВАСИЛИСА КОЖИНА

Баба есть баба. Впрочем, не всякая.

Василиса Кожина была женой деревенского старосты. По-бабьи она проворная. В избе чисто, дети накормлены, скотина в хлеву в довольствии.

Да не только этим Кожина славилась. Муж у неё хоть и староста, да то ли с ленцой, то ли просто не очень проворный мужик. Вот и сложилось так, что по всяким делам крестьяне ходили не к старосте, а к жёнке ленивого Кожина.

Оказалась старостиха первой в селе фигурой.

Баба она дородная, баба она степенная. И посмотреть на такую приятно, и услышать умный совет.

В общем, довольны крестьяне. Жаль, что женщин в старосты не избирают.

И вот накатилась война с французами.

Бегут к Василисе крестьяне:

— Как же нам быть?

— Бить нежданных, непрошеных, — отвечает им Кожина.

Смотрят мужики на неё недоверчиво. Не шутит ли баба?

— Что же мы — войско?

— А где ружья?

— Где сабли?

Короче, впервые совет Василисы был для крестьян ничто. Посмеялись, и только.

Тогда собрала Василиса баб помоложе. Создался женский отряд. Без ружей, без сабель. Вилы, простые рогатины — вот всё, чем богаты бабы.

Уходят крестьянки в соседний лес. Смеются крестьяне:

— Аники-воины!

— Бонапарту схватйте в плен!

Впустую, конечно, ходили вначале по лесу бабы. Но вот наступил день, когда поймали они француза. Тянут трофей в село.

Глянули мужики, так и ахнули. Ходят вокруг француза, смотрят, не верят своим глазам:

— Гляди, настоящий!

— С усами!

— И сабля, смотри, была. И ружьё!

Висит оно теперь на плече у Кожиной. Сабля у рыжей молодки в руках.

Торжествуют сельские женщины:

— Ага!

— Не верили!

— Вот вам мужская работа!

— Ну, посмотрели? — спросила Кожина. — Теперь собирайтесь, очередь, значит, ваша.

— Подумаешь — раз повезло!

— Скопом штуку одну споймали.

— Ну меньше, ну больше одним — французская армия от этого, что ли, убавится?!

— Дурни! — ругнулась Кожина.

После первой удачи дело у женщин пошло успешнее. Второй, третий, четвёртый француз попался.

Ружьишками женщины обзавелись. Василиса Ко-

жина ходит теперь в шинели. Сабля гусарская сбоку висит.

Отводят женщины пленных в уездный город Сычёвку. Слава о них гремит.

Задумались теперь мужики. Завидно им, глядя на женщин.

— Эх, зря мы тогда не поверили!

— И нам бы теперь почёт.

Пересилили они мужское своё упрямство. Стали являться к Кожиной, проситься в отряд.

— Ну что же, надо подумать, — отвечает с улыбкой им Кожина. — Тут как присудит наш бабий сход.

Сход порешил мужиков принять. Давно ведь женщины этого ждали. Не бабье дело вести войну.

Хоть и не бабье, да всё же мало кто из женщин оставил ружья. Огромный теперь отряд. Старшим попрежнему Кожина. Мужики послушны во всём.

— Приказывай, матушка, слушаем.

— Бей до конца француза! — ныне это единый приказ.

Вот какая она, Василиса Кожина, русская женщина, храбрая женщина. Её не то что на место старосты, Кожину хоть в губернаторы назначай, хоть в военный совет сажай.

ОПАСНОЕ МЕСТО

В белорусских непроходимых лесах под Оршей расположился партизанский отряд — крестьяне из ближних сёл. Тут под Оршей они воевали, тут же в лесах и жили.

В отряде среди других мужичонка, по имени Петрусь, по фамилии Глебка. Он и выбрал-то это место.

— Хорошее место для вас я выбрал, — любит похвастать Глебка. — Можно по французам отсюда ударить, можно и снова сюда утечь!

Так крестьяне и поступали. Ударят по обозу, не-

большому отряду французских солдат или по фуражирам и снова к себе в леса.

— Нет, всё же хорошее место я выбрал, — не унимается Глебка.

А место-то, по правде говоря, было не очень хорошее. Болота кругом да топи. Мошка безжалостно ест. Нет бы выбрать где выше, где суше.

— Зато неприятель сюда не сунется, — рассуждает всё тот же Глебка. — Сиди тут, как лыцарь в каменном замке.

— Твой замок одни болота.

— Болота для нас тут потвёрже камня, — отбивается Глебка. — А главное, можно всегда утечь. Любому из любого места можно всегда утечь, — философствует Глебка.

И вот однажды крестьяне было напали на какой-то обоз. Да тут подоспела французская полурота, и партизанам пришлось бежать. Добежали они до леса — думали, дальше француз не тронется.

Однако полурота попалась отважная. Гнала она мужиков и дальше, шла по пятам и загнала в такие топи, что стой! Дальше вперёд ни шагу. Тут, к счастью, спустился вечер. Французы тронуть крестьян не успели. Зато обложили со всех сторон — конечно, кроме той, где болото. Расположились солдаты на ночь. Противник надёжно схвачен. Завтра ему конец.

— Ну вот тебе и твой за́мок! — кричат крестьяне на Глебку. — Лыцарь ты этакий... Вот тебе и утечь!..

— Да кто же думал! Француз какой-то чудной попался, — разводит руками Глебка. Он и сам понимает, что делу, поди, конец. Однако для храбрости и себе и другим: — Оно же, болото, не очень топкое.

Попробовали крестьяне — сплошная трясина. Шаг — и сразу по шею, два шага — катись с головой. Хотят они снова ополчиться на Глебку. Нет, не видно, пропал куда-то проклятый Глебка.

— Может, утоп?

А Глебка в это время пробирался всё-таки по болоту. Сук у него длиннющий в руках. Щупает им трясину. С кочки на кочку, где бухнет по пояс, где еле удержится, и всё же пролез.

С той стороны болота была деревня. Поднял Глебка на ноги мужиков, объяснил поспешно, в чём дело. Набрали крестьяне сена, кладок и досок, пришли к опасному месту, соорудили шаткий настил. По настилу весь партизанский отряд и убрался из-под самого носа французов.

— Ну, говорил я, что можно любому всегда утечь! — опять торжествует Глебка.

Вырвались мужики из окружения. Осмелели. Думают, а что, если им самим теперь захватить французов. Мысль озорная, всем нравится.

Обошли крестьяне болото сухими местами, взяли с собой мужиков из местной деревни, послали в другие, чтобы и из тех приходили на помощь. В общем, к рассвету все были на нужном месте.

Проснулись утром французы. Где же крестьяне?! А те у них за спиной. Вот уже и крики слышны, и самодельные пики пущены в ход, рогатины, косы, вилы. Правда, и ружей у мужиков с десяток, и две настоящие сабли. Заметались французы. Одни к трясине — тут их голубит верная смерть. Другие к крестьянам — навстречу им тянутся косы и вилы. Погибли французы.

Довольны крестьяне.

— Ну как?! — смеясь, обращаются к Глебке. — А говорил, что любому можно утечь!

МОТЯ

Отступают французы. Есть хочется. Нечего есть. Бродят французы по русским сёлам. Рыщут, где бы и чем поживиться.

Не забыта и деревня Ивановка. Недавно побыва-

ло здесь двадцать французских солдат. Сегодня явилось семеро.

Ходят французы по избам. Пусты закрома крестьянские. Скотина куда-то припрятана.

Явились они к деревенскому старосте, вцепились в белёсую бороду:

— Отвечай, где зерно укрыто.

Разводит старик руками:

— Третье лето у нас недород.

— Недород?

— Недород.

Обозлились французы, хлесть старика нагайкой:

— Недород?!

— Недород!

— Ах ты мошенник старый! — кричат французы. — Не желаешь добром, силой сказать заставим.

Схватили солдаты деда. Швырнули, как сноп, на лавку. Теперь уже двое стоят с нагайками.

Крутилась здесь Мотя — внучка упрямого старосты. Жалко ей деда, знает она, где зерно зарыто.

Взлетели над спиной старика, как цепа в обмолот, нагайки. Зажмурилась Мотя:

— Стойте!

Остановились французы, смотрят на Мотю.

— Дедушка хворый. Не бейте. Я покажу.

— Ах ты душа окаянная, — сплюнул старик с досады, потянулся к печному ухвату.

Съёжилась Мотя.

— Но, но, — вмешались французы. — А ну, собирайся! — командуют Моте.

Собралась девочка. Идёт, от обиды и страха всхлипывает. Вывела она французских солдат за околицу. Повела за бугор к оврагу.

Кусты над оврагом. Место укрытое. Пойди разыщи здесь зерно без Моти.

Спустились французы в овраг. Отмерила Мотя четыре шага от какой-то коряги, указала:

— Вот здесь.

Отложили солдаты ружья. Сняли мундиры. Лопаты в руки. Довольны французы: близка удача.

— А ну, не мешайся! — кричат на Мотю.

Роют французы. Потеют французы. Французы вовсю стараются.

А в это время там наверху, над краем оврага, из-за кустов высунулась чья-то бородатая голова. Следом за ней другая: улыбнулся Моте безусый парень, глазом хитро моргнул.

Смешно, хихикнуть хотела Мотя. Однако сдержалась.

Зашевелились кусты над оврагом. Поднялись крестьяне в свой полный рост. Один за другим прыгают вниз партизаны.

Минута, вторая — вповалку лежат французы. Руки вожжами скручены.

Идут партизаны домой. Гонят солдат французских.

— Эка, удачлива ты, Матрёна,— хвалит девочку тот бородатый.

— Ахтёры вы с нашим старостой,— хихикает парень.

— Семь штук — дела нешутейные, — рассуждает какой-то мужик.

— Подумаешь, семь, — улыбается Мотя.— Намедни их было двадцать.

Вот и всё. Вот и рассказ про деревню Ивановку, про отважную Мотю, Мотю-Матрёну — русскую девочку.

АРКАН

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрячутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут — не пройдёт ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших. Подстерегут того, кто отстал, — аркан немедля ему на шею. И сразу к

себе. Кляп ему в рот, пока тот не вскрикнул. И будь тут здоров, мусье. Как карась, на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый, с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп во рту у него немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой ещё пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Всё ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычёвку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала. Кто-то помчал в кусты.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли ещё по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали.

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза поросячьи! Дубы неотёсанны! — не утихает казак. — А это что?! — и тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно, — наконец приостыл казак. — Есть ли чарка у вас вина?

— Это найдётся.

Выпил казак, тряхнул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, снова не энтого схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий.

В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ БОРОВСКЕ

Приёмный пункт для пленённых французов в небольшом городке Боровске. С самого утра начинают тянуться сюда крестьяне. Доставляют свою добычу. Кое-кто приходит и с ночи — быстрей бы управиться. Дел у крестьян и помимо французов много.

Вот мужики привели офицера. Вот крестьяне целый отряд пригнали. Две молодухи, смеясь и лузгая семечки, приволокли усатого егеря. Снова какой-то отряд. Старуха с ружьём и два гренадера. А вот пришагал мальчишка. Маленький-маленький — мужичок с ноготок. Тоже привёл француза.

— Дитятко!

— Родненький!

— Да как ты его довёл?!

Топырит мальчонка губы:

— Это уже второй.

— Ух ты!

— Ох ты!

— Да кто же его поймал?

— Я, — отвечает мальчишка.

Собрались крестьяне вокруг. Верят — не верят.

— А ну, расскажи про геройство.

— Дуй!

— Не стесняйся!

— Бреши!

Обиделся было мальчонка. А потом рассказал:

— Мы с дедом его словили. Я и коза.

— Какая ещё коза?!

— Манька, бодатая.

Интересно крестьянам.

— Ну, ну, поподробнее!

Оказывается, коза, привязанная к дереву у края дороги, своим видом приманивала поотставших французов, а дед оглушал их дубиной. Первого даже до смерти.

— Хитры, хитры... — говорят крестьяне.

— Значит, и Манька вроде в героях.

— А дед, ты смотри, мужик ещё сильный.

— Сильный, — соглашается мальчик. — Только он при одной ноге. В армии фельдмаршала Суворова при крепости Измаил покалеченный.

— Выходит, солдат. Понятно.

— Ну, а вести-то такого тебе не боязно?

— Он же связанный.

— А вдруг побежит.

— Убежит! — усмехнулся мальчонка. — А это вот что? — и показывает на самодельную пику.

— И ты бы пырнул?!

— Пырнул!

— Эка жестокости сколько в малом, — процедила одна из молодок.

— Да, обозлились сердца, — задумчиво бросил какой-то крестьянин.

— Мне её дед смастерил, — снова заговорил о пике мальчишка.

— Да что ты всё дед да дед. А где же твой отец?

— Убит на войне родитель.

ФРАНЦУЗСКАЯ ШАПКА

Агапка мечтал о французской шапке. Той, что носят гвардейцы: из медвежьего меха, с высоким красным султаном и медной бляхой.

Отец у Агапки в партизанском отряде. Раздобыл он в каком-то бою долгожданный гостинец сыну.

— На, получай!

Напялил Агапка — загляденье, не шапка.

Помчался мальчик по сельским улицам. Видят его крестьяне, смеются крестьяне:

— Басурман бежит, глядите!

Повстречались Агапке парни. Улюлюкают парни:

— Лови, окружай француза!

Попался Агапке Шарик.

«Тяв-тяв, тяв-тяв!»

— Однако, глупый какой ты, Шарик. Ты что, не узнал Агапку?!

Увидел Агапку гусь:

«Га-га-га, га-га-га», — тянет к мальчишке шею.

Отбился едва Агапка.

Примчался мальчик к дружкам и приятелям. Окружили его ребята.

— Дай поносить, Агапка.

Жалко Агапке. Шапка с султаном — такую ребятам!

Обозлились мальчишки:

— Француз. Бей, колоти француза!

Достаётся Агапке. Будь ты проклята, эта шапка!

ВАНЮШКА, МАРФУТКА, ФИЛЬКА И ТРОЕ ДРУГИХ РЕБЯТ

Собрались ребята, бродили по лесу. Было их шестеро: Ванюшка Валуев, Марфутка, Филька и трое ещё ребят. Осень. Ни ягод тебе, ни грибов, ни птичьих гнёзд на деревьях. Чем бы сейчас заняться? Вот бы поймать француза.

Размечтались ребята.

Француз здоровенный, конечно, с усами. Лошадиные скулы. Глазищи большие, размером с кулак. Ружьё при французе, походная сумка.

Представляют ребята, как ловят французов в плен.

— Заходи! — кричит Ванюшка Валуев. — Окружай! Вали его наземь! Бей дубиной... Руки и ноги ему вяжи...

Ванюшка в компании старший. Исполняют ребята его команды. Вместо француза у них бревно.

Наигрались ребята, идут домой. Смотрят — под ёлкой, под сивой лапой, лежит настоящий француз.

Бредит солдат, лопочет что-то на своём языке. Глаза у него закрыты. Ружья при французе не видно. Нет и походной сумки. И совсем он безусый. И вовсе не страшный. Мундир весь изодран — сквозь дыры голое тело светит.

— Налетай! — закричал Ванюшка. — Вяжи ему руки и ноги...

Однако ребята не двинулись с места. Да и сам-то Ванюшка крикнул не очень бойко.

В общем, пропала вдруг у ребят охота брать француза лежащего в плен.

Стоят, перешёптываются:

— Помирает, видать, француз.

— Раненый?

— Голод небось измучил.

Стали ребята думать, как же им быть.

— Может, в село, донести об этом?

— Правда, давай в село.

Только хотели бежать, да снова задумались.

— На вилы его мужики подымут.

— Топорами прикончат.

Жалко стало ребятам француза. Уж больно он стонет и мечется. Пусть помирает естественной смертью.

Вернулись в село, разошлись по домам.

Вошёл Ванюшка в избу, на душе как-то тягостно. Всё видит, как бредит в лесу француз. Он же с голоду там помирает. Покрутился Ванюшка с час — то на улице, то в огородах, даже к речке специально бе-

гал, — никак не может забыть солдата. Наконец вернулся домой, сунул под одежонку краюху хлеба, снова помчался в лес.

Растолкал он француза. Приоткрыл тот глаза. Хотел рвануться с испуга, да слаб — остался на месте. Тычет Ванюшка ему краюху. Увидел солдат, потянулся. Слеза из глаза непрошено капнула.

В это время Ванюшка услышал шорохи. Обернулся — мелькнула тряпица. Так это же бежит Марфутка.

Подбежала Марфутка, видит Ванюшку, страшно смутилась: хлеб у неё в руках.

Вслед за Марфуткой явился Филька. За ним и трое других ребят.

Словом, снова ребята вместе в лесу собрались, и каждый еду принёс.

С этого дня и стали они приходить к французу. Соорудили ему шалаш, рядно притащили, Марфутка — ниток: зашить мундир.

Завелась у ребят настоящая тайна. В селе — ни гугу.

Удивляются их родители. Где пропадают ребята?

— Да так мы... — уклончиво ответил Ванюшка.

— Я на хутор к подружке хожу, — заявит Марфутка.

— Да я тут, я всё время у дома, — отвертится Филька.

— Мы в горелки в лесу играем, — скажут трое других ребят.

Стал француз поправляться. Явились как-то ребята. Смотрят — солдат кораблик из дерева выстругал. Весло кормовое к нему отдельно.

— Нате, для вас, — суёт француз гостинец ребятам.

На следующий день вырезал им человечка. Человечек забавный — руками, ногами дрыгает. Веселит, как живой, ребят.

Стал француз подыматься. Даже ходить.

Явились ребята на третий день — нет в шалаше француза.

Ушёл из тех мест солдат. Лишь кораблик и весёлого человечка, как память свою, оставил.

Даже грустно стало ребятам. Вот так взял и ушёл, ничего не сказал. Привыкли ребята к французу.

Вернулись домой опять невесёлые.

— Да что тут с вами такое творится! — пристали снова родители.

Пожались, пожались ребята, а потом рассказали. Вначале Марфутка, затем Филька, затем трое других ребят. Даже Ванюшка и тот признался.

Рассказали про всё: и про первую встречу, и о том, как, не сговорившись, хлеб ему потащили, и про слёзы, что были тогда у француза в глазах, и как мундир зашивала Марфутка, и как шалаш ему строили. Потом отдельно про кораблик и забавного человечка.

Думали ребята, что будут в селе их ругать.

Однако крестьяне такую весть встретили как-то спокойно. Не журили ребят. А кто-то даже сказал:

— Ну что ж, дай ему господь дорогу добрую! Может, и он такой же, как мы, крестьянин.

Поражались ребята. Особенно на следующий день, когда те же самые мужики и в том же самом лесу трёх новых французов подняли на вилы.

ШАПКУ ОБ ЗЕМЛЮ

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев.

Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, — правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску. За чаем зашёл разговор. Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы народ геройский, — заявляют крестьяне.— Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмёшь Россию!

— Тут Невский ещё сказал,— вспомнил безглазый,— прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достаётся плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина,— отвечают крестьяне.— Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил, разговор перешёл на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчёт воли? Чай, после победы крестьянам её дадут?

— И как там с землёй? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный. задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли оно не предвидится.

— И земля, как была, — у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьёмся! Жизнью своей рискуем.

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

ЧТО-ТО ТОПОРЩИТСЯ

Забелело. Выпал недавно снег. Идёт по дороге отряд французский. Ремни у солдат подтянуты. Холод, конечно. Одежда летняя. Только холод ещё терпим. Голод французов мучает.

Вдруг навстречу сани крестьянские по первопутку. Мужик на санях. Мальчонка лошадкой правит. Бежит лошадёнка трусцой. Снег пока неглубокий. Хорош у полозьев накат.

Сани гружёные. Что-то рядном укрыто. Что-то такое топорщится. Размечтались солдаты:

— Может, хлеба мешки печёного.

— Может, мясо отвозят в город.

— Может, боров рядном укрыт.

— Вот была бы удача!

Смотрят на лошадёнку. Лошадёнка хоть роста среднего, не кавалерийский, конечно, конь, да неплохо, видать, откормлена. Так и просится прямо с санями в котёл. Разгораются страсти солдатские. Криком кричит аппетит.

— Эх, не свернул бы мужик с дороги!

Да нет. Не чует беды лошадёнка. Не чует беды мальчишка. Глупо сидит мужик. Скользят по ухабам сани. Всё ближе и ближе. Солдатский спирается дых. Ещё минута, и знай что хватай.

И вдруг... Развернулись, как в танце, сани. Хво-

стом повернулась к французам лошадь. Послушно застыла. Спрыгнул мужик на землю. Тянет с саней рядно.

— Берегись! — закричали французы. Схватили поспешно ружья.

Пушка на них глядит.

И вот — запал в руках у крестьянина. Мальчишки восторженный вид. Пламя. Грохот. Картечи свист. Ответно раненых стон протяжный. Дорога в телах побитых.

Дело сделано. Что есть силы летит лошадёнка. Небо. Поле. Полозьев скрип.

БАСНЯ КРЫЛОВА

Капитан Ивлев из Петербурга привёз газетку, в которой была напечатана басня «Волк на псарне» стихотворца Крылова.

Стали офицеры её читать:

Волк, ночью думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Далее речь шла о том, как поднялась тревога. И вот уже:

Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня! — кричат: — Огня!» пришли с огнём.

Взмолился волк, увидя свою погибель. Стал хитрить и ловчить. Уверяет, что пришёл он сюда вовсе не с целью разбоя. Клянётся, что отныне он овцам друг. Что больше никогда трогать мирных отар не станет.

Посмотрел на разбойника ловчий:

...«Послушай-ка, сосед...
Ты сер, а я, приятель, сед.

И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

— Ба, да это же про французов! — кричат офицеры. — Про нашего главнокомандующего, Михайла Илларионовича. Он — ловчий. Слышали: «сед». Так это же наш фельдмаршал.

Схватили офицеры газетку, помчались к Кутузову.

— Батюшка, Михайла Илларионович! Басенка тут, в газете, про вашу светлость.

Взял Кутузов газету, не торопясь прочитал.

— Дельная басенка, дельная. Ты смотри — мастак Крылов, стихотворец. Только в сей басне один изъян.

— Нет изъяна! — кричат офицеры. — Всё тут доподлинно верно.

— Вот и не всё, — ответил Кутузов. — Про главное тут забыто.

Смутились офицеры.

— Главное в том, — произнёс фельдмаршал, — что не ловчий выпустил гончих стаю. Мститель сам по себе поднялся.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА

РАМА

Солдат Жорж Мишле шёл в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Самим императором это обещано.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковёр из памирской шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы ещё, да тяжесть и так большая.

«Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мир. Готов я домой к отбытию».

А русские мир не просят. Что день, то французам всё хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатились французы. Дай бог унести из России ноги.

Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует. Ковёр из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А раму куда? Раму надел на шею. Торчит из неё мародёра лицо, словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьёт. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Рама тяжёлая — полпуда в ней серебра, голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат её казаки. Кутузов в боях добивает.

Всё больше и больше отставших среди французов. Плетётся, как тень, Мишле. Отстаёт от своих солдат. Силы его покидают.

Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут, когда наступали, Мишле раздобыл ковёр. Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковёр.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстаётся с вещами Мишле. Жалко до слёз добытого. Плачет Мишле. Ружьё незаметно бросил, ранец откинул. Однако раму упорно тащит.

— Да брось ты проклятую раму! — кричат упрямцу товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах Мишле расстаться. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шёл ради этой серебряной рамы.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбился и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из неё мародёра лицо, словно лицо святого.

РУЖЬЁ

Штабной офицер Хитаров, докладывая Кутузову о действиях русской армии, всегда преувеличивал наши успехи.

— Сегодня, ваша светлость, столько-то французских солдат побито. (А побито в два раза меньше.)

— При таком-то деле, ваша светлость, столько-то взято в плен. (А взято — дай бог половина.)

Заметил это Кутузов и как-то:

— Выходит, голубчик, мы с одной Бонапартовой армией справились. Почитай, взялись за другую?!

Смутился Хитаров, сбавил свой пыл. Однако прошло какое-то время, и опять за то же.

— Сегодня столько-то пушек у французов отбито. (А их вовсе в этот день не отбито.)

— А партизаны доносят, что три знамени взято в плен. (И тоже, шельмец, придумал.)

Разозлился Кутузов:

— Да как ты, голубчик, смеешь доносить мне, прости старика, столь беспардонную ложь!

И тут-то Хитаров признался:

— Не могу я, ваша светлость! Оно же хочется, чтобы скорее. Чувства во мне говорят патриотические.

Подивился Кутузов:

— Скорее?

Подумал. Позвал адъютанта:

— Подай-ка ружьё.

Опять повернулся к Хитарову:

— А знаешь ли что, голубчик? Чтобы было оно быстрее — на, получай ружьё и ступай-ка в маршевый полк немедля.

И тут же отдал приказ об этом.

Кутузов никогда не расставался с казацкой нагайкой. Висела она у него через плечо, без всякого дела. Коня не стегал, руку на солдат не поднимал. Зачем же тогда нагайка?

Спросит об этом кто-нибудь у Кутузова.

— Пусть повисит, голубчик, пусть, — ответит Кутузов. — Даст бог, дело и ей найдётся.

Наступили холода. По-разному одеты в частях солдаты. Там, где интенданты и офицеры заботливы, полки и роты в тепле. Там, где офицеры и интенданты с ленцой, мёрзнут, бедуют солдаты.

Как-то приехал Кутузов в полк, где офицеры как раз ленивые. Пошёл фельдмаршал по ротам. Явился в одну: одежонка солдатская — старь, башмаки ни разу не чинены, форма к зиме не завезена. Посетил Кутузов вторую роту. И в этой роте всё точь-в-точь как и в первой. То же самое в третьей роте.

Вернулся Кутузов в полковую избу, собрал офицеров:

— Как живёте, господа офицеры?

— Бог милует.

— Как службу несёте?

— Стараемся.

— Не холодно вам, господа офицеры?

— Согреты вашим присутствием, — льстиво отвечают ему офицеры.

Усмехнулся Кутузов. Видит — перед ним не только ленивцы, но и хитрецы к тому же отменные. Кряхтя, начинает снимать нагайку.

— Так, так... Ну, а солдаты чем же согреты?!

— Победами, ваша светлость! — гаркнули офицеры.

Кутузов остановился, глянул на офицеров. И вдруг передумал, снова надел нагайку. Находчивость офицеров поразила фельдмаршала. Решил он виновных простить.

— Виновны,— признались теперь офицеры, всё ещё с опаской поглядывая на нагайку.— Будет исполнено.

— Ладно, ступайте,— сказал Кутузов. А сам подумал: «А всё же хорошо, что нагайка висит. Гляжу, она и без дела инструмент небесполезный».

РУКАВИЧКИ

В русскую армию в виде пожертвований от населения стали поступать тёплые вещи. Раскрывали в гренадерском полку посылку: три пары валяных сапог, шапка-ушанка, шапка крестьянская — малахай, поддёвка, ещё раз поддёвка, портянок суконных, считай, десяток.

— А это что?

Смотрят солдаты — лежат рукавички. Маленькие-маленькие. Из козьего меха. Узором цветным расшиты. Детские.

Вот так тебе подарок!

Посылка пришла из-под Вологды.

Собирали крестьяне солдатский гостинец. Тащили своё добро.

— Солдату тепло как родная мамка.

— Солдату память вещей дороже.

— Не жалей, мужички, служивым!

— Как не помочь героям!

Крутилась девочка Маша Докукина. Не хочется ей отставать от других. И она горой за служивых. Взяла и сунула рукавички.

Достали солдаты гостинец. Не знают они про Машу. Решают: видать, по ошибке.

Однако нашёлся умный солдат:

— Нет здесь ошибки. Давай-ка сюда.

Отдали ему гостинец.

Принял солдат. И сразу про дом, про деревню вспомнил, жену и своих ребят.

Интересуются другие:

— Ну, как рукавички?

— Хороши, — отвечает солдат.

Хоть и в кармане лежат рукавички, да греют они солдата.

РОТНЫЙ

На полпути между Смоленском и Оршей, под селением Красным, разгорелась новая битва с французами. Продолжалась битва четыре дня.

Началось с того, что французская гвардия потеснила отряды русских. А какая-то рота и вовсе оказалась в кругу французов. Гвардия слева, гвардия справа, неприятель сзади и впереди. В роте три офицера. Старший из них — ротный — в перестрелке убит.

Расстроилась рота. Не слышат команд солдаты.

Нет бы оставшимся офицерам взять на себя начальство. Да, видимо, оба они растерялись.

Остались солдаты без старшего. Рассыпались в разные стороны. Ожидает погибель солдат. Как тисками, будут они раздавлены. А ещё хуже — позорный плен.

И вдруг вышел вперёд солдат Семён Перегудов:

— Братцы, стой! Братцы, не трусь! Братцы, слушай мою команду!

Кричал Перегудов громко. Роста был он приметного. Различили его солдаты. Тут же собрались в кучу.

— Братцы! — кричит Перегудов. — Бей в одно место. Все разом. Ломись, как в закрытую дверь! На гвардию сыщется гвардия. Братцы, вперёд! — и первым полез на французов.

Бросились вслед солдаты. И вправду пробились. Не то чтобы дверь — ворота чугунные вынесли б.

Вернулись солдаты к своим.

— Живы?!

— Да как вас господь помиловал?!

Смеются солдаты:

— Перегудова нам послал!

Узнал Кутузов про доблестный подвиг солдата:

— Командовал ротой?

— Так точно. Роту из плена спас.

Подумал Кутузов, назначил солдата и впредь командовать ротой.

Говорят фельдмаршалу адъютанты: мол, в роте и так офицеры есть. Им бы по праву вместо солдата пойти в повышение, раз так уж случилось, что ротный начальник в бою был убит.

— Ах, и офицеры в той роте были?!

— Так точно, ваша светлость. Были и есть...

— Нет, были, — прервал Кутузов. — Нынче нет таких офицеров. Остались они в окружении.

Как так?! Не могут понять адъютанты. Офицеры же вместе со всеми вернулись.

— Нет, — повторил Кутузов. — Вернулся лишь один офицер — Семён Перегудов. А те не вернулись, — и поправил повязку, что прикрывала правый, выбитый пулей глаз.

Четыре дня продолжались бои под Красным. На пятый день французы бежали.

КАЗАКИ ХОТЯТ ЖЕНИТЬСЯ

Когда казаки не схватили Наполеона под Малым Ярославцем, свою неудачу переживали не только они.

Сокрушался и сам донской атаман генерал Платов. Лестно ему, если бы вдруг такое случилось.

Решил атаман раззадорить своих казаков. Пообещал он за того из них, кто поймает Наполеона, выдать дочь свою и богатства большие в придачу.

Дочь у атамана красавица. Стройна и румяна. Соловьиным голосом песни поёт. Живёт в столице вой-

ска донского городе Новочеркасске. В Питере часто бывает. С самой царицей знакомство водит.

— Вот бы на ком жениться!

Взыграла казацкая лихость. Рыщут вокруг отступающих войск казаки, ищут свою удачу.

Только Наполеон не щегол, не белка. В силки не поймаешь. Орехом не подзовёшь. Отходит Наполеон под защитой гвардии. Пойди подступись.

Нет, не видать казакам невесты, остывает казацкий пыл.

Понимает Платов, что малоярославская удача не повторится. Подумал и сбавил.

— Ладно, приведите любого французского маршала.

Опять казаки за дело. Целыми днями в седле трясутся — где бы маршал какой попался.

Да ведь и маршалы тоже не перепёлки. По полю одни не ходят. Трудна, непосильна такая задача.

И вдруг под городом Красным казаки набрели на обоз Даву.

Налетели со всех сторон. Окружили, побили стражу. А где же хозяин? Смотрят: вот он в кибитке — маршал и маршальский жезл. Схватили, торопятся к Платову.

Сияет казак Самодвига. Он первым схватил Даву. То-то будет донцу награда.

Примчались удачники к Платову. Глянул Платов на жезл — настоящий маршальский жезл. Всё верно — его, Даву.

Жезл настоящий, а маршал поддельный. Не было Даву тогда при обозе. Приволокли казаки кого-то другого.

— Тьфу ты! — В досаде казацкие лица. Выходит — ничто старание.

Пуще всех огорчён Самодвига. Из-под носа ушла невеста. Чуть не плачет лихой казак.

— Атаман, Матвей Иванович! Поцеловать бы хотя красавицу...

Глянул Платов на казака. Жезл достать — дело тоже геройское.

— Ладно. Воротясь из похода.

Однако не пришлось молодцу целоваться с донской красавицей. Через день казака убило.

Казак погиб, а жезл сохранился. Он и ныне в музее храним, как память о днях геройских.

«СЧАСТЬЕ ИМЕЮ»

Начальником штаба при Кутузове был генерал Беннигсен. Намучился с ним Кутузов.

Кутузов скажет одно — Беннигсен, словно назло, другое. Кутузов ругает кого-нибудь из офицеров — Беннигсен берёт под защиту. Главнокомандующий награждает — начальник штаба чинит помехи.

Но главное было не в этом, а в том, что Беннигсен не столько помогал, сколько мешал успешным и правильным действиям русской армии.

То он настаивал, чтобы Кутузов сразу же после Бородина дал новую битву французам. Мол, нельзя оставлять Москвы. А дать битву — значило не видеть дальше своего носа, не думать о будущем. Таким и был Беннигсен.

Потом, когда только что отошли от Москвы, ещё до Тарутина, Беннигсен снова за битву. Мол, смотрите, какой он, Беннигсен, великий патриот — так и рвётся в бой с неприятелем. А о том, удачно ли место для боя и пора ли его давать, генерал и не думает. Честно говоря, генералом он был просто неважным.

Тут Кутузов впервые по-настоящему разозлился.

— Ладно, — говорит, — принимайте командование. А я уйду в рядовые. Берите весь штаб, ступайте, ищите место для боя.

Обрадовался Беннигсен, собрал генералов, помчался высматривать место для битвы.

Выбрал одно.

— Нет, — говорят генералы, — место плохое.

Выбрал новое место.

— Нет, — говорят генералы, — место совсем непригодное.

Выбрал третье, и это не лучше.

Ездил, ездил Беннигсен по разным местам, замучил штабных генералов. Нет ничего подходящего.

Вернулся понурый назад.

— Ну как? — спрашивает Кутузов.

Разводят генералы руками. Стоит Беннигсен сконфужен.

— В таком случае, я снова главный, — сказал Кутузов. — Будьте добры, выполняйте мои приказы.

Все знали, что Беннигсен просто завидует главнокомандующему. Отсюда во всём упрямство. Не любили в армии генерала. Зато Беннигсен был любимцем царя. Царь же ненавидел Кутузова. Он и назначил-то Кутузова на пост главнокомандующего лишь потому, что другого выхода не было, не имелось в русской армии второго, равного Кутузову генерала. Весь народ тогда стал за Кутузова.

Зная отношение Александра к фельдмаршалу, Беннигсен писал царю на Кутузова разные недобрые письма — короче, шпионил и наговаривал.

Под Красным терпение Кутузова лопнуло.

Вызвал он Беннигсена:

— Генерал, у вас бледность я замечаю в лице. Вы болезнью какой-то страдаете.

«Какая бледность, какая болезнь?» — удивляется Беннигсен. Он и румян, и здоров, и аппетит у него хороший.

— Здоров я, ваша светлость.

— Нет, нет. Это вам кажется, — отвечает Кутузов. — Вам лечиться, батенька, надобно. Непременно лечиться. Немедля, прямо сейчас. Сию же минуту. Поезжайте-ка, друг мой, в Калугу. Там воздух для вас полезный.

И отправил его в Калугу. Тут же позвал адъютан-

та, потребовал лист бумаги и сел писать письмо государю.

«По случаю болезненных припадков генерала Беннигсена и по разным другим обстоятельствам, — писал Кутузов, — предписал я ему отправиться в город Калугу... — Фельдмаршал задумался. Написал: — О чём счастье имею вашему величеству донести».

В то время, обращаясь к царю, обычно писали «счастье имею» (мол, обратиться к вам). Вот и использовал Кутузов такую форму. А сам, конечно, имел в виду другое. Фельдмаршал был счастлив, что выпроводил наконец Беннигсена. Пусть себе ломает царь Александр голову, о каком тут счастье ведётся речь.

ЧЕТЫРЕ ГУСАРА

Четыре гусара. Весёлых гусара. Четыре друга отправились в русский поход. Смеялись гусары, шутили гусары:

— Подумаешь, русский поход!

Прошли они Неман, в Витебске бились, блуждали в смоленском огне.

Смеются гусары:

— Война есть война!

На Багратионовы лазили флеши.

Шутят гусары:

— Флеши есть флеши!

Однако время не знало шуток. Грозный приблизился час. Побежали французы домой.

Не унывают гусары. Четыре гусара. Весёлых гусара. Старинных четыре друга.

— Домой так домой!

Голод пошёл по войску. Крошки съестного нет.

— Что нам голод! — смеются гусары. Принялись есть лошадей.

Съели первую.

Трое едут — четвёртый идёт пешком.

Съели вторую.

Двое едут — двое идут пешком.

Съели третью.

Один едет — трое идут пешком.

Съеден последний конь. Остались они безлошадными.

Идут, не унывают гусары. Четыре гусара. Весёлых гусара. Четыре надёжных друга.

Однако чем дальше, тем хуже и хуже. Голод есть голод. Истомились мои гусары — хоть кости свои глодай.

Переглянулись гусары. Прошла минута. Прошла вторая. Может быть, больше. Кто их тогда считал?

И вдруг исчезли, пропали, как сон, гусары. Словно и вовсе их свет не видал.

Что за чудо?! Где же гусары? Четыре гусара. Весёлых гусара. Верных четыре друга.

Съели друг друга гусары.

ИЗЫСКАННЫЕ МАНЕРЫ

Отступает французская армия. Снегом весенним тает. Редеют полки, исчезают роты. В батальонах — по двадцать душ.

После Красного без оглядки бежит неприятель.

Река на пути французов. Белорусских полей красавица — знаменитая Березина.

Берега низкие, ровные. Далёкий открытый вид. Снегом поля занесены. Правда, река ещё не замёрзла. Льдины, как стаи, плывут.

Подошли, остановились французы. Надо строить мосты.

К Березине вместе с другими прибыл и Поль Шайно. Вот как сложилась судьба француза.

В России в те годы среди богатых дворян было модным приглашать для воспитания своих детей иностранцев. Чаще всего французов. У них манеры

изысканны. Язык французский певучий. «Мсье и пардон, бонжур и плезир»[1] — вот какие слова приятные. Потянулся в Россию разный жадный на деньги люд. Брали всех без разбора — лишь бы француз. Явился и Поль Шайно. Был каретником он в Париже. В России стал гувернёром.

Неплохо Шайно устроился. Сыт, обут, деньги хорошие платят. Живёт под Смоленском в имении князя Нарышкина.

И вдруг война. Наступают французы. Победа идёт за победой. Подумал Шайно: «Э, в такую минуту лучше быть в армии. Так скорее богатым станешь».

Вступил он во французскую армию. А так как солдатскому делу Шайно был не очень обучен, определили его в обоз. «Это ничего, — рассуждает француз. — Тут даже оно спокойнее. Будет к тому же богатства на чём везти». В общем, стал он опять каретником.

Приехал Шайно в Москву. А что случилось дальше, вам уже хорошо известно. Покатились французы вспять.

«Э, — соображает обозник, — дело недобрым пахнет». Взял и сбежал он из армии. Снова вернулся к себе под Смоленск. «Ну что ж, опять гувернёром буду».

Да только ошибся Шайно. Встретили барские крестьяне его немило. Чуть не убили. Пришлось французу брать ноги в руки, иными словами — бежать. У Березины и догнал он ушедшую армию. Строят французы мосты. Сидит Шайно дожидается. Скорей бы на правый берег.

Сгрудились у Березины остатки французской армии: недобитая гвардия, уцелевшие при кое-каких корпусах обозы, тысячи раненых, тысячи пообмороженных. Столпились солдаты, ждут.

---

[1] Мсье, пардон, бонжур, плезир (*франц.*) — господин, простите, здравствуйте, удовольствие.

И вот началась переправа. Мосты построены наспех. На чём только держатся! Доски шатаются. Перил — тех и вовсе нет.

Все жмутся к мостам. Все хотели бы в первую очередь. Да нет, пропускают вначале гвардию. Затем отбирают наиболее годных для боя солдат. Остальные — пока дожидайтесь. Идут по мостам солдаты, торопятся. Срываются крайние в воду. Моржами средь льдин ныряют.

Лезет на мост Шайно. Отгоняют его солдаты:

— Куда!

В наряде Шайно гражданском.

— Куда!!

— Я же француз! — голосит Шайно. — Я же ваш подданный. Я же солдат.

Не признают, не пропускают его солдаты.

В это время французов настигла русская армия. Наполеон отдал приказ немедля же сжечь мосты. Бросить остатки армии. Полыхнули мосты пожарищем. Остался Шайно и другие ни с чем.

Заметался Шайно, подлетает к русским:

— Я же ваш! Я гражданский... Я гувернёр у князя Нарышкина.

Усмехнулись солдаты:

— Раз гувернёр, так зачем же ты здесь!

Подняли ружья. Рванулся Шайно — и в воду с разбегу прыг. Где он погиб, никому не известно. Ближе к тому, ближе ли к этому берегу. Только не выплыл к своим француз. Много французов тогда погибло. И здесь, на земле, и там, в реке. В знаменитой Березине, белорусских полей красавице.

...На следующий день ударили страшной силы морозы.

ДВА ГРЕНАДЕРА

Лютует, лютует, лютует мороз. Страхи кругом летают. Сугробы — белым-бело — небо с землёй ровняют. Ветер бьёт шомполами по полю. Нелёгкая выдалась доля: отбились от армии два гренадера. Сидят под сосной, замерзают.

Одеты солдаты во что попало. Давно обтрепались мундиры.

Продувает метель солдат. Мороз как штыком пыряет.

Замерзают, кончают свой век солдаты. Замерзая, вздыхают солдаты:

— Когда бы не эти метели...

— Когда бы не эти морозы...

И вдруг утихли метели. Пропали морозы. Зажурчали ручьи и реки. Солнце огнём взошло. Расправили плечи солдаты. Лица — под солнечный жар. Опалило солдатскую кожу. До боли в костях обожгло. Открыли глаза солдаты. Да это же ветер лютует и снег.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не лютый голод...

— Когда бы краюха хлеба...

И вдруг словно скатерть пришла самобранка. Под сосной у солдат еда. Хлеб, что в печке, румян набрался. Из котла вылезает каша. Сала огромный кус.

Рванулись к еде солдаты. Замёрзшие тянут пальцы. Ледяная крупа в руках.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не русская сила...

— Когда бы не этот поход...

— Будь проклят! — кричат императору.

И вдруг из бури, из ночи-тумана бесшумно является Наполеон. Шляпа горбом — треуголка. Серый знакомый сюртук. Он глазами сурово поводит. Брови плывут к облакам.

Вскочили солдаты. Застыли солдаты.

Приблизился к ним император. По лицам наотмашь бьёт.

Встрепенулись солдаты. Исчезла привычная шляпа. Не виден знакомый сюртук. То ветер гуляет по полю. Лица солдатские бьёт.

Упали на снег солдаты. Буря кругом лютует.

Всё реже и реже солдатские вздохи. Слова на губах замирают. Отбились от армии два гренадера. Лежат под сосной, замерзают.

СВАДЬБА

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изба-пятистенок. Столы и лавки в длиннющий ряд. Место для плясок. Вёдра с рассолом — для тех, кто начнёт хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубахе небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не

то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вкруг избы всё село собралось. Буйно идёт веселье. Пьют за невесту.

— За жениховье здоровье!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

Идут полноверхие чары:

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца невесты!

— За женихова родителя!

— За матерей! (И разом, и по отдельности.)

И вдруг:

— За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почётного места:

— Увольте, увольте! Я не жених, — и сам подымает чару. — За матушку нашу — Россию. За богатырский народ!

— За Россию! — кричат крестьяне.

Вернулся Кутузов в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье своё не беречь. — И в адрес крестьян с укоризной: — Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично, — ответил Кутузов. — К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть исконно в душе россиянина.

В ЛЕСУ НА ПОЛЯНЕ

В лесу на поляне, меж сосен и елей, присмотрели солдаты отличное место. К ночлегу готовятся русские.

Мороз. Без малого тридцать. Утоптали солдаты

сугробы, отбросали от центра снег. Навалили огромных брёвен. Пожаром дыхнул костёр. Пламя мороз съедает.

Греют солдаты спины, греют солдаты руки, шинели, развесив, сушат.

Сварили солдаты щи, приготовили кашу. Достали ложки, уселись есть.

А в это время в той же округе блуждали по лесу, сбившись с дороги, остатки какой-то французской промёрзшей голодной роты.

Огонь приманил французов. Вышли они к поляне. Застыли при виде костра и каши. Желудки готовы прыгнуть наружу.

Не удержался какой-то солдат. Бросился к русским. Миску схватил у крайнего и кинулся снова в лес. Однако увяз в сугробе. Схватили его солдаты, притащили к огню.

Француз тощий. Кожа да кости. Лишь глаза, как у зверя, огнём горят.

— Тьфу, басурман, лишь кашу мою испортил! — ругнулся тот, что лишился миски.

— Ладно, Куняев, в Париже отдаст, — шуткой ответил кто-то.

То ли больно жалкий вид у голодного, то ли от огня размякли сердца солдатские, то ли чуют — конец войне, — только не тронули наши француза.

Усадили его к костру, дали миску и ложку.

— На, наедайся.

— Откуда ты взялся?

— Как леший тебя не съел?

Уплетает солдатскую кашу француз, как удав, не жуя, глотает. А сам в сторону леса рукою тычет.

Смотрят туда солдаты. Не видно им ничего — от огня в темноту. А из леса французам видно. Видят они, что русские пленного не обижают. Смелый опять нашёлся. За ним третий, четвёртый, пятый... Потянулись французы к костру.

Разглядели их русские. Батюшки светы! Не люди

идут, а тени. А одежонка!.. Один, как священник, в поповской рясе. Другой по-бабьи в платок укутан. У третьего ноги, что куль, в рогожах. Четвёртый, как конь, — в попоне.

Поднялись солдаты. Что им с такими делать?

— Ладно, садись к огню!

— У, да вас тут человек пятнадцать!

— Может, и сам император из леса за вами выйдет?! — снова шутку роняет кто-то.

Накормили врагов солдаты. Что-то лопочут французы. Что — не поймёшь. Небось говорят спасибо.

Утром солдаты стали решать, что им с пришельцами делать. Как их считать? Казалось — за пленных. Да они же по собственной воле. Взять таких — какое же тут геройство.

Решали солдаты, решали.

— А ну их — пускай-ка себе идут!

Сообщают они французам.

Не уходят французы. Не верят.

— Да ступайте, ступайте!.. Лежачего русский не бьёт!

— Куа? Куа?[1] — лопочут французы. Не верят в такое чудо.

Поднялся тогда Куняев, тот, чью кашу француз похитил:

— Да катитесь, мусью проклятые! Не стойте. Не злите солдатскую кровь, — и ругнулся. Да так, что французы сразу всё поняли.

Подхватили они попоны свои и рясы.

— Мерси, гран мерси...[2] — И подальше от этого места.

Уходят остатки французской, чудом уцелевшей в России роты.

— Да, — переглянулись солдаты. — Выходит, и вправду близок конец войне.

---

[1] Куа? *(франц.)* — Что?

[2] Мерси, гран мерси *(франц.)* — спасибо, большое спасибо.

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что летом полгода тому назад.

Идут по мосту солдаты. Только не в эту — в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжатся дудки. Знамён не колышется строй. Горстка измученных, крупица оборванных — чудом ещё в живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

— Жива, — произнёс седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Ба, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я, — отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеются солдаты. — Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелёгок стал путь к победе. Будут ли помнить дела потомки... Немало пролито русской крови. Многих не счесть в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

— У-у-ура!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали, — признались солдаты. — Да ведь оно же конец похода.

— Нет, — говорит Кутузов. — Вам новый ещё поход.

Смутились солдаты. К чему тут фельдмаршал клонит? А сами:

— Рады стараться! — Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвёл он глазами войска. И голосом зычным (куда стариковская хрипь девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России! — Кутузов приподнялся в седле. — Живые, мёртвые — стройся! Героям новый поход — в века!

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРИШАТКИ СОКОЛОВА

Рисунки В. Вильнера

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

Рисунки В. Вильнера

ПТИЦА-СЛАВА

Рисунки П. Павлинова

Оформление Ю. Ракутина

Для младшего возраста

Алексеев Сергей Петрович

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ

Избранные произведения

Ответственный редактор
Т. П. НИКОЛАЕВА

Художественный редактор
М. Д. СУХОВЦЕВА

Технический редактор
Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректоры
Г. Ю. ГНЕТОВА и Э. Л. ЛОФЕНФЕЛЬД

Подписано к печати 14/XII 1972 г. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Печ. л. 37 (Уч.-изд. л. 26,27+1 вкл.=26,3). Тираж 200 000 (100 001–200 000) экз. ТП 1972 № 435. Цена 1 р. 07 к. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Отпечатано с матриц фабрики «Детская книга» № 1. Москва. Калининским полиграфкомбинатом детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Зак. 280

Алексеев С. П.

А47 Небывалое бывает. Избранные произведения. Оформление Ю. Ракутина. М., «Дет. лит.», 1972.

590 с. с ил. в пер.

В книгу «Небывалое бывает» вошли повести и рассказы из русской истории. О крестьянской войне под руководством Степана Разина читатели узнают из повести «Грозный всадник». С маленьким пугачёвцем Гришаткой Соколовым они познакомятся в повести «Жизнь и смерть Гришатки Соколова». Не оставит ребят равнодушными судьба Мити Мышкина из повести «История крепостного мальчика». О суворовских чудо-богатырях прочитают в «Рассказах о Суворове и русских солдатах»; картины Отечественной войны 1812 года пройдут перед читателем в повести «Птица-Слава».

С. П. Алексееву присуждена Государственная премия РСФСР имени Н. К. Крупской за книгу «Сто рассказов из русской истории».

Р 2

1р.07к.